947.08
К 54

КНЯЗЬ ОЛЕГЪ

ПЕТРОГРАДЪ
1915

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

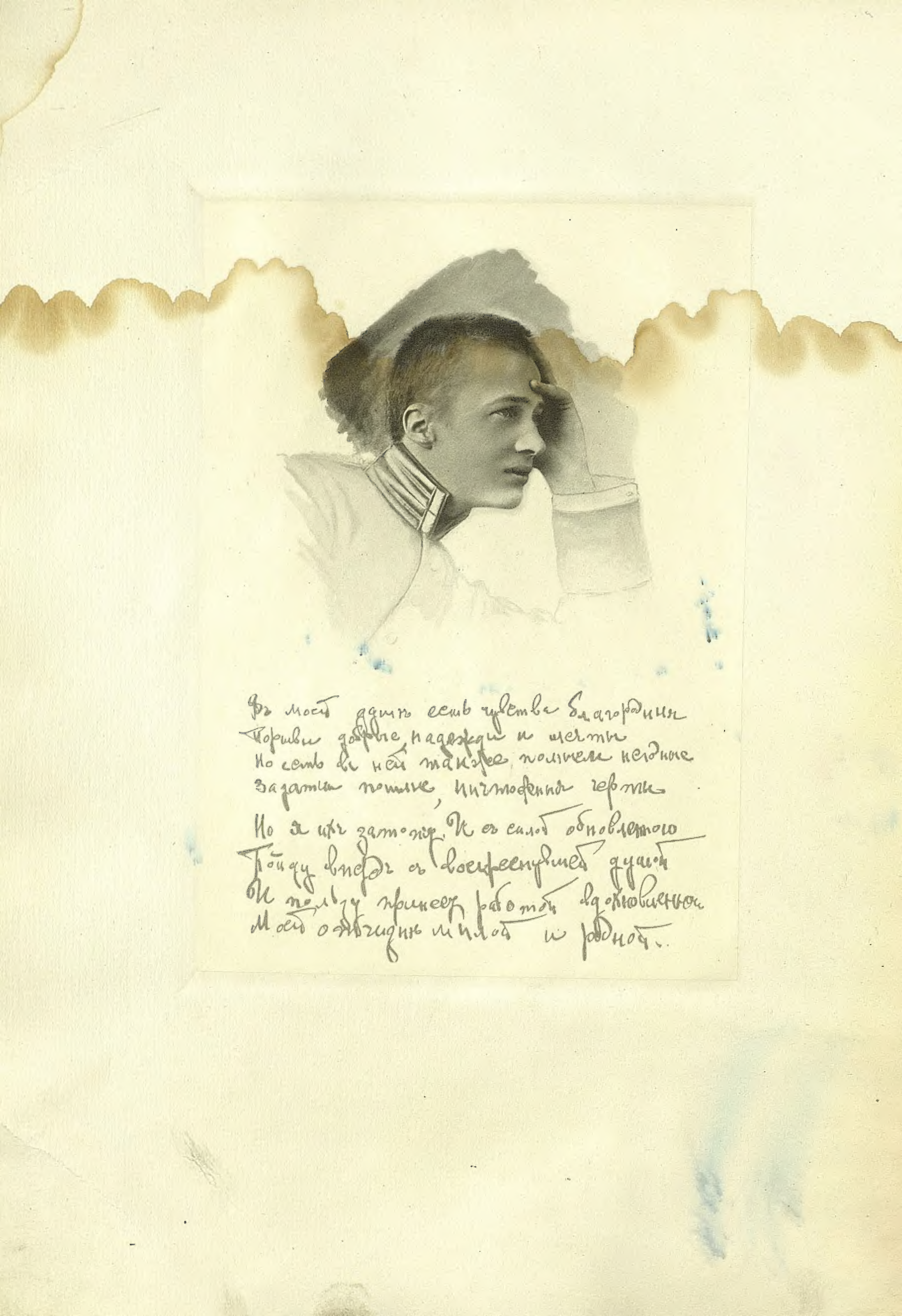
Колич. пред. выдач _____

25-90	13 III-90.

. 3—251. «Полиграфкнига».

R-I
~~4012~~/C
2

4012



Въ моей душѣ есть чувства благородныя
Порывы добрые, надежды и мечты
Но есть въ ней также помыслы негодные
Задатки пошлые, ничтожныя черты
Но я ихъ затопчу. И съ силой обновленною
Пойду впередъ съ воскресшей душой
И пользу принесу работой вдохновленной
Моей отчизнѣ милой и родной..

ВР МОЕЙ ДУШЕ ССТР УВЕСТВЯ ПЛЯТОРОДНЯЯ,
ГЛОБЯВЯ ДОБРЯЯ, НЯДЕЖДЯ И ЖЕЯТЯ:
НО ССТР ВР НЕЙ ТЯЖКЯ ПОЖРССЯ НЕГОДНЯЯ,
ЗЯДЕЯТЯ ПОПШЯЯ, НЯУТОЖНЯЯ УЕСТЯ.

НО Я ИХР ЗЕТОУЧ', И СР СЛЮОЙ ОРНОВЯЕННОЮ
ГЛОЙДУ ВИЕРЯЯ СР ВОСКРЕСНУВШЕЙ ДУШОЙ;
И ПОЙРЭУ ПЕЙНЕСУ ЬЯТОТОЙ ВДОХНОВЕННОЮ
МОЕЙ ОТЧИЗНЕ ЯНПОЙ И ВОДНОЙ.

Въ моей душѣ есть чувства благородныя,
Порывы добрые, надежды и мечты;
Но есть въ ней также помыслы негодные,
Задатки пошлые, ничтожныя черты.

Но я ихъ затопчу, и съ силой обновленною
Пойду впередъ съ воскреснувшей душой;
И пользу принесу работой вдохновленною
Моей отчизнѣ милой и родной.

[illegible]

КНЯЗЬ ОЛЕГЪ

60697 91.

Петроградъ
1915.

РЕДКАЯ

Свѣтлый Князь... Это слово неизмѣнно повторялось и во многихъ телеграммахъ, присланныхъ по поводу мученической кончины Князя Олега Константиновича, и въ стихотвореніяхъ и статьяхъ, посвященныхъ его памяти. Дѣйствительно, трудно подыскать другое выраженіе, которое болѣе мѣтко обрисовывало бы Князя Олега: его *свѣтлое* доброе лицо, *свѣтлые* сосредоточенные глаза, *свѣтлый* жизнерадостный смѣхъ, *свѣтлый* пытливый умъ, *свѣтлая* душа невольно приковывали къ себѣ вниманіе уже при первой встрѣчѣ съ нимъ. И въ связи съ этимъ общимъ впечатлѣніемъ чего-то свѣтлаго, при ближайшемъ знакомствѣ раскрывался необычайно сложный духовный обликъ Князя Олега, его неоцѣнимыя по своей привлекательности качества. Но много времени нужно было для того, чтобы хотя отчасти понять, какъ жила эта глубокая юная душа, чему она радовалась и чѣмъ страдала, что любила, къ чему стремилась. Врядъ ли даже онъ былъ понятъ кѣмъ-нибудь сполна, во всей многогранности своего внутренняго міра. Только теперь, когда смерть позволила прочесть страницы его дневника, который онъ велъ съ 8-лѣтняго возраста и въ которомъ наединѣ съ самимъ собою свободно изливалъ волновавшія его думы, только теперь начинаешь чувствовать, какъ много пережито было безвременно погибшимъ юношей-героемъ.

Говорятъ, что исторія всякой человѣческой души представляетъ извѣстный интересъ. Но исторія *свѣтлой* души, помимо этого, учитъ еще духовному наслажденію любви, заставляетъ испытать своеобразную борьбу чувствъ и мыслей, нравственно поднимаетъ и очищаетъ.

Какъ ни кратковременна была жизнь Князя Олега, въ ней все-таки успѣла обнаружиться та вѣчная красота, которая

является неизмѣннымъ спутникомъ всѣхъ поднявшихся надъ уровнемъ житейской прозы и рвущихся въ безпредѣльную высь правды и добра. Развѣ не удивительно то, что уже 12-лѣтнимъ мальчикомъ Князь Олегъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Въ моей жизни случилось счастье: намъ разрѣшили носить «медали Императора Александра III. Первая медаль въ жизни! Но «заслужилъ ли я ее?—Нисколько.—Отчего я ее получилъ?—За «то, что я—лицо Царской Фамиліи. Значитъ, я долженъ за всѣ «эти привилегіи поработать. Хватитъ ли у меня на это силъ? «Не знаю. Что надо для этого сдѣлать? Учиться. Итакъ, я при- «ложу къ этому всѣ мои старанія». [1])

Семью днями позже въ томъ же дневникѣ читаемъ:

«Намъ надо учиться, готовиться. Даже, можетъ быть, намъ «надо готовиться больше, чѣмъ всѣмъ другимъ. Приходятъ труд- «ныя времена. Къ труднымъ временамъ надо готовиться. Чѣмъ «мы дальше уходимъ отъ Рождества Христова, тѣмъ труднѣе «становится время. Чѣмъ труднѣе становится время, тѣмъ «больше надо готовиться».

Это раннее, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясное сознаніе долга лежало въ основѣ всей дальнѣйшей жизни Князя Олега. Принадлежность къ Царской Фамиліи заставляла его усиленно думать, какимъ путемъ можно «сдѣлать много добра родинѣ, не запятнать своего имени и быть во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть Русскій Князь». [2]) «Нѣтъ! прошло то время», писалъ онъ въ дневникѣ не задолго до выпуска изъ Лицея, «когда можно «было почивать на лаврахъ, ничего не знать, не дѣлать намъ, «Князьямъ. Мы должны высоко нести свой стягъ, должны «оправ- «дать въ глазахъ народа свое происхожденіе». [3]) Мнѣ вспоми- «нается крестъ, который мнѣ подарили на совершеннолѣтіе. Да, «моя жизнь—не удовольствіе, не развлеченіе, а крестъ»... [4]) «Боже! «какъ мнѣ хочется работать на благо Россіи», восклицаетъ онъ 30 марта 1914 года.

Любовь къ родинѣ и ко всему русскому выражалась у Князя Олега чрезвычайно разносторонне: она распространялась и на

[1]) Запись 17 сентября 1905 года.
[2]) Изъ письма къ Августѣйшему отцу 17 ноября 1912 года.
[3]) Слова Императора Николая I.
[4]) Запись 5 мая 1913 года.

его религіозное міросозерцаніе, и на родной языкъ и литературу, и на родное искусство, и на родную природу. Эта любовь нашла краснорѣчивое выраженіе въ предисловіи его къ неоконченной повѣсти, писанной въ 1912 г.:

«Я возвращался изъ-за границы... Многіе изъ насъ, русскихъ, «испытывали это чувство радости, томительнаго ожиданія и «непонятнаго волненія, которое охватило меня, когда я подъѣз- «жалъ къ русской границѣ. Я сидѣлъ въ вагонѣ Nord-Express'a. «Поѣздъ шелъ на всѣхъ парахъ, но, несмотря на это, мнѣ все «казалось, что онъ могъ бы идти еще скорѣе. Въ окнѣ тянулась «мимо меня однообразная нѣмецкая равнина... Она вся обрабо- «тана, вся засѣяна—нѣтъ живого мѣста, гдѣ глазъ могъ бы «отдохнуть и не видѣть всей этой, можетъ быть, перво- «классной, но скучной и назойливой культуры... Но вотъ скоро «Эйдткуненъ, эта скверная станція, которую и написать-то «грамотно не сумѣешь... Появятся чиновники съ сюртуками, за- «стегнутыми на всѣ пуговицы, съ узкими воротниками и длин- «ными шеями, появятся нѣмецкіе солдаты, съ длинными бѣлыми «брюками, деревянными движеніями и птичьимъ выраженіемъ «лица; а вдобавокъ, нѣмецъ - разносчикъ, чтобъ лишній разъ «доказать прославленное расположеніе Германіи къ Россіи, под- «катитъ къ путешественнику свою телѣжку и предложитъ ку- «пить книги вродѣ «Тайнъ Зимняго дворца» или... да не стоитъ и «говорить.

«А поѣздъ тѣмъ временемъ мчится все дальше и дальше... «Вотъ уже два мѣсяца», думаю я, «какъ я уѣхалъ съ родины и «странствую по чужимъ краямъ. Теперь я подъѣзжаю къ милой «Россіи. Позади меня осталась Франція съ вѣчно-ликующимъ «славнымъ и талантливымъ народомъ, съ Парижемъ, Версалемъ «и гробницею Наполеона. Теперь я проѣзжаю по скучной Германіи «и долженъ черезъ часъ быть въ Россіи... Да, черезъ часъ я буду «въ Россіи, въ томъ краю, гдѣ все хранится еще что-то такое, «чего въ другихъ странахъ нѣтъ... Тамъ, гдѣ по лицу земли раз- «сыпаны церкви и монастыри... Тамъ, гдѣ въ таинственномъ «полумракѣ старинныхъ соборовъ лежатъ въ серебряныхъ ракахъ «русскіе Угодники, гдѣ строго и печально смотрятъ на моляща- «гося темные лики Святыхъ. Въ томъ краю, гдѣ сохранились еще «и дремучіе лѣса, и необозримыя степи, и непроходимыя болота...

«Отчего-то мнѣ вдругъ припомнилось въ связи съ этими мыслями «стихотвореніе:

«Приди ты, немощный, приди ты, радостный,
Звонятъ ко всенощной, къ молитвѣ благостной»...

«Отъ этихъ стиховъ на меня такъ и пахнуло Русью, такъ «и потянуло къ ней...

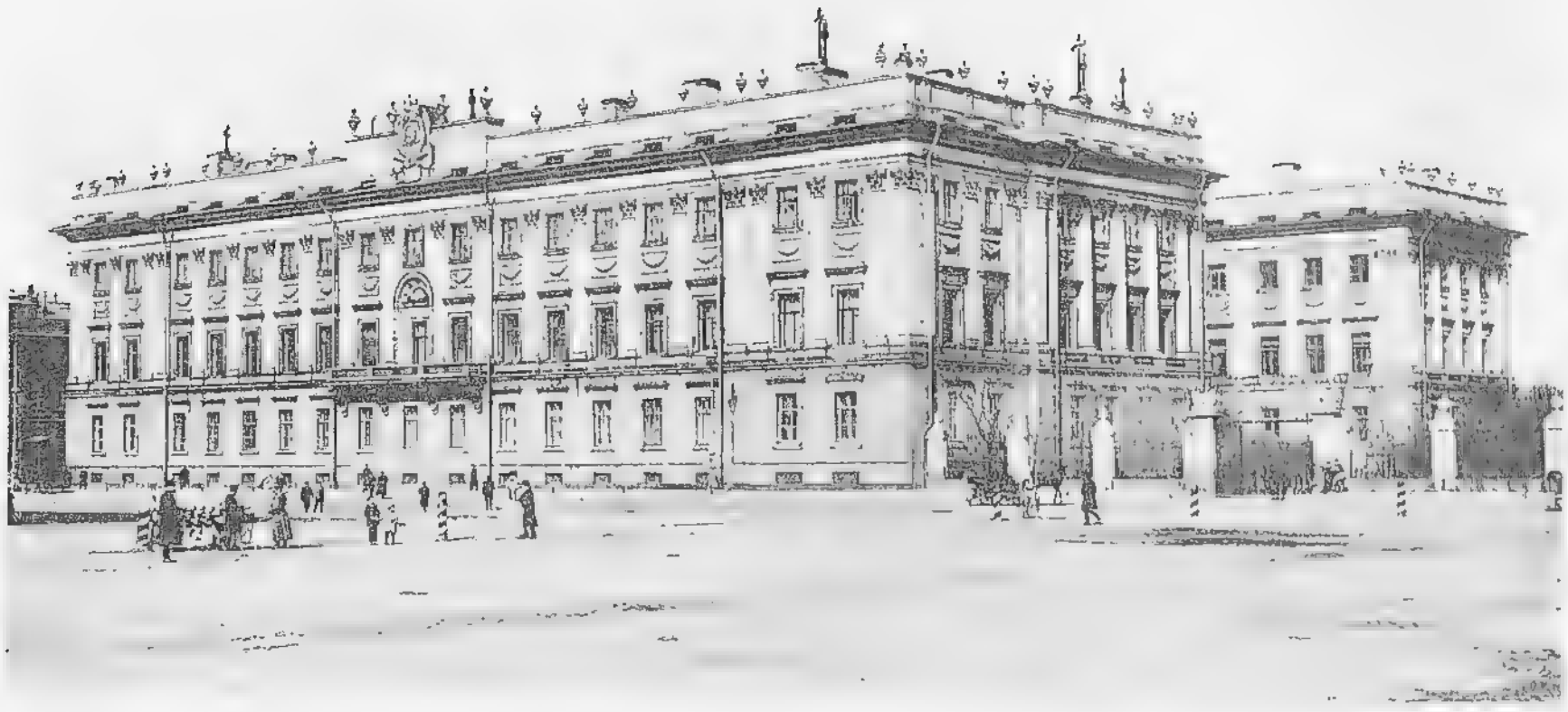
«Бываютъ минуты въ жизни, когда вдругъ, страстнымъ и «сильнымъ порывомъ, поймешь, какъ любишь родину, какъ ее «цѣнишь... Въ эти мгновенія такъ хочется работать, дѣлать «что-нибудь, помочь чѣмъ-нибудь своей родинѣ»...

Въ сознаніи священнаго долга передъ родиной, полный горячей любви къ ней, Князь Олегъ прошелъ весь свой жизненный путь, павши смертью героя на полѣ брани за свободу и счастье Россіи.

Въ одной изъ учебныхъ тетрадей его находится выписка изъ Victor Hugo, которую онъ часто повторялъ:

«Ceux qui vivent ce sont ceux qui luttent. Ce sont
Ceux dont un destin ferme emplit l'âme et le front.
Ceux qui d'un haut destin gravissent l'âpre cime,
Ceux qui marchent pensifs épris d'un but sublime
Ayant devant les yeux sans cesse nuit et jour
Ou quelque saint labeur, ou quelque grand amour».

Князь Олегъ зналъ и «святой трудъ» и «великую любовь». Вотъ почему любившіе его рѣшили познакомить русское общество съ исторіей его недолгой жизни.



Мраморный дворецъ.

1892—1903

Князь Олегъ Константиновичъ, четвертый сынъ Великаго Князя Константина Константиновича и Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны, родился 15 ноября 1892 года въ Мраморномъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ. 3 января 1893 г. надъ нимъ совершено было таинство крещенія, причемъ воспріемниками были Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ [1]).

Первые мѣсяцы за Княземъ Олегомъ ухаживала старушка-няня Варвара Петровна Михайлова, вынянчившая самого Великаго Князя Константина Константиновича и всѣхъ его дѣтей до Князя Олега. Въ августѣ 1894 года на службу во дворецъ поступила бонна Ангелика Клейнъ, а когда Князю Олегу исполнилось 3 года 5 мѣсяцевъ, въ помощницы ей пригласили няню, Екатерину Ѳедоровну Спиридонову (нынѣ Чернобурова). Воспоминанія послѣднихъ двухъ лицъ даютъ возможность, съ одной стороны, ознакомиться

[1]) Кромѣ того, воспріемниками записаны: Великая Княгиня Александра Іосифовна, Королева Марія Греческая, Принцесса Марія Прусская, Герцогиня Саксонская, Принцесса Марія Максимиліановна Баденская, Владѣтельный Князь Адольфъ Шаумбургъ-Липпе, Принцъ Морицъ Саксенъ-Альтенбургскій, Герцогъ Саксонскій, Наслѣдная Принцесса Марія-Анна Шаумбургъ-Липпе, Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, Принцъ Эрнстъ Саксенъ-Мейнингенскій, Герцогъ Саксонскій, и Принцъ Фридрихъ Саксенъ-Мейнингенскій, Герцогъ Саксонскій.

съ самымъ раннимъ періодомъ жизни Князя Олега, съ другой—живо представить его нравственный обликъ въ дѣтскіе годы. Любопытно, что уже въ это время въ Князѣ Олегѣ съ достаточной опредѣленностью проявились тѣ черты, которыя такъ привлекали къ нему впослѣдствіи всѣхъ его знавшихъ.

Миніатюрный, блѣдненькій, тихій ребенокъ, Князь Олегъ, по словамъ Е. Ѳ. Чернобуровой, съ каждымъ годомъ „становился все живѣе и живѣе. Особенно рѣзко выступала его впечатлительность и любознательность: все его интересовало, все оставляло на немъ слѣдъ“. То же подтверждаетъ и Ангелика Клейнъ, разсказывая, какъ этотъ „безконечно милый, жизнерадостный“ мальчикъ уже на седьмомъ году отличался рѣдкой чуткостью къ картинамъ природы и вообще ко всему окружающему.

Дѣти обыкновенно ярче всего обнаруживаютъ тѣ или другія свойства характера въ играхъ. Вотъ почему съ особымъ интересомъ читается красочный разсказъ Е. Ѳ. Чернобуровой о дѣтскихъ играхъ Князей. „Олегъ Константиновичъ“, пишетъ она, „былъ иниціаторомъ всѣхъ игръ, когда они играли вдвоемъ съ Игоремъ Константиновичемъ, который безпрекословно слушался старшаго брата... Игры ихъ были очень разнообразны, причемъ они всегда подражали тому, что видѣли: сгребали на дворѣ снѣгъ—и у насъ въ дѣтской шла уборка; выдвигались русскія сани, попоны изображали снѣгъ, и шла усердная работа. Замѣчали на крышѣ трубочиста—и на одной изъ скамеекъ тотчасъ появлялся бѣленькій трубочистъ, усердно наматывающій на руку вожжи... Одно время любимая игра ихъ была „въ Нансена“. Какъ разъ кому-то изъ Князей подарили игру „Путешествіе Нансена“—очень хорошо исполненныя металлическія фигуры людей, собакъ, сани, упряжку. Сначала играли въ эту игру на столѣ, а потомъ начали по-своему: Олегъ Константиновичъ былъ Нансенъ, Игорь Константиновичъ—Іогансонъ, а я—жена Нансена, пѣвица, и эта кличка „пѣвица“ долго за мной оставалась, такъ что разъ даже Великій Князь удивился и спросилъ, почему это Олегъ Константиновичъ зоветъ меня пѣвицей. И опять выдвигались сани, накладывался на нихъ багажъ, и два путешественника ѣхали открывать сѣверный полюсъ.

„Однажды изъ кладовой въ дѣтскую принесли корову, которою еще игралъ Великій Князь Вячеславъ Константиновичъ. [1]) Изъ-за этой коровы часто возникали споры, такъ какъ она была общею, и вотъ, чтобы положить конецъ спорамъ, Князьямъ сказали, что корова принадлежитъ Анпапа. [2]) Олегъ Константиновичъ подумалъ немного и рѣшилъ: „Когда я умру, то попрошу Анпапа подарить мнѣ корову“.

Изъ другихъ игръ Князь Олегъ увлекался еще игрой „въ охоту“. Вотъ что сообщаетъ объ этой забавѣ въ своихъ запискахъ одинъ изъ воспитателей старшихъ Князей, М. К. Мухинъ: „Охота устраивалась въ бѣломъ залѣ Мраморнаго дворца. Въ разныхъ мѣстахъ этого большого зала за-

[1]) Четвертый сынъ Великаго Князя Константина Николаевича, род. въ 1862 г., скончался въ 1879 г.

[2]) Такъ называли Князья своего покойнаго Дѣда, Великаго Князя Константина Николаевича.

благовременно припрятывались игрушки, изображавшія разныхъ звѣрей, и чучела. Залъ умышленно освѣщался только одною электрическою лампочкою съ матовымъ шаромъ, что изображало лунную ночь. На эти „охоты“ Олегъ Константиновичъ шелъ всегда съ большимъ волненіемъ. Надо было видѣть его, когда въ полутьмѣ вдругъ показывалась движущаяся при помощи нехитрыхъ приспособленій фигура какого-нибудь животнаго. Олегъ Константиновичъ весь словно загорался, глаза блестѣли, онъ крѣпко сжималъ свое игрушечное ружье, стрѣлялъ самъ и торопилъ другихъ участниковъ охоты, чтобы они не опоздали выстрѣлить: „Іоаннчикъ, [1]) стрѣляй скорѣе! Гаврилушка, [2]) стрѣляй, а то звѣрь убѣжитъ!“ — такъ и раздавался дрожащій отъ волненія голосокъ Олега Константиновича“.

Какъ видимъ, уже въ дѣтскихъ играхъ Князь Олегъ проявлялъ кипучую энергію, страстность, изобрѣтательность и иниціативу.

Наряду съ этими „вольными“ играми-забавами слѣдуетъ также отмѣтить и „организованныя“ игры, на урокахъ гимнастики, которыя требовали сосредоточеннаго вниманія, дисциплины и даже обнаруженія извѣстныхъ нравственныхъ качествъ. Такими играми, по словамъ учительницы П. П. Чечулиной, Князь Олегъ тоже увлекался и притомъ „не только какъ процессомъ вылить накопившуюся въ немъ энергію, но стремленіемъ достигнуть опредѣленной цѣли, и чѣмъ труднѣе была игра по содержанію и чѣмъ больше требовалось въ ней проявленія ловкости и находчивости, тѣмъ больше она доставляла ему удовольствія“. Тутъ Князь Олегъ уже сумѣлъ проявить чувства товарищества, справедливости и самоотверженности, которыя были такъ характерны для него и въ теченіе всей послѣдующей жизни: „Имѣя въ числѣ играющихъ“, разсказываетъ П. П. Чечулина, „болѣе слабыхъ по силамъ, онъ всегда старался поставить ихъ въ наиболѣе выгодныя условія, а самъ занималъ болѣе трудную позицію. Видя неблагопріятное положеніе играющихъ, онъ со словами „спасай! выручай!“ старался помочь имъ, часто жертвуя собою и испытывая при этомъ чувство удовлетворенія отъ сознанія исполненнаго долга“. И П. П. Чечулина замѣчаетъ по этому поводу: „Моментъ гибели Его Высочества геройскою смертью ярко возстановилъ въ моей памяти годы его дѣтства, его отношеніе къ окружающимъ его товарищамъ и отсутствіе страха и самосохраненія въ минуту опасности при исполненіи своего долга“.

Нѣсколько замкнутый кругъ впечатлѣній дворцовой обстановки, видимо, рано заставлялъ Князя Олега съ особеннымъ вниманіемъ прислушиваться къ тѣмъ разсказамъ, которые переносили его воображеніе далеко за предѣлы стѣнъ дворца, туда, гдѣ шла какая-то невѣдомая еще ему, но, несомнѣнно, иная, не похожая на ихъ, жизнь. Въ этомъ отношеніи няня Е. Ѳ. Чернобурова сыграла большую роль: она разсказывала своимъ маленькимъ питомцамъ про Демидовское, гдѣ она воспитывалась, про своихъ прежнихъ

[1]) Князь Іоаннъ Константиновичъ.
[2]) Князь Гавріилъ Константиновичъ.

учениковъ, Андрюшу Крона и Андрея Коха, и про многое другое. Но особеннымъ успѣхомъ пользовался ея разсказъ о миѳической дѣвочкѣ Вѣрочкѣ, въ который Е. Ѳ. Чернобурова искусно вплетала событія „на злобу дня“: если приближалась Пасха, Е. Ѳ. Чернобурова разсказывала Князьямъ о томъ, какъ Вѣрочка къ ней подготовлялась, какъ красила яйца; когда наступала весна, няня изображала сборы Вѣрочки на дачу, потомъ переѣздъ и т. д. Естественно, что занимательное повѣствованіе о таинственной Вѣрочкѣ стало любимымъ для Князя Олега.

Въ эту же пору самаго ранняго дѣтства окружающіе подмѣтили въ Князѣ Олегѣ первые проблески глубокой вдумчивости, вообще свойственной недюжиннымъ натурамъ: все, съ чѣмъ онъ ни сталкивался, привлекало его вниманіе и вызывало на размышленія. При этомъ его дѣтскій умъ наталкивался порою на такіе вопросы, которые невольно оставались безъ отвѣта, и это, видимо, заставляло его уходить въ себя и наединѣ съ самимъ собой пытаться проникнуть въ тайны жизни и разгадать ея загадки. Такъ, напримѣръ, когда у одного изъ преподавателей Князей умеръ братъ, Князь Олегъ, конечно, еще не представляя реально самаго факта потери близкаго существа, но чувствуя, что въ смерти есть что-то страшное, настойчиво спрашивалъ окружающихъ: „Какъ человѣкъ умираетъ? Что онъ тогда испытываетъ? Какъ можетъ остановиться сердце?“ и т. д.

Когда Князю Олегу исполнилось 6 лѣтъ, начались его систематическія учебныя занятія. Ранѣе были только ежедневныя чтенія по Закону Божію подъ руководствомъ А. П. Орловой, будущей преподавательницы Князя по русскому языку и ариѳметикѣ.

Въ это время должность управляющаго Дворомъ Великой Княгини Александры Іосифовны занималъ, теперь уже покойный, генералъ П. Е. Кеппенъ. Вспоминая объ этомъ замѣчательномъ въ разныхъ отношеніяхъ человѣкѣ, А. А. Ешевскій говоритъ: „Тотъ, кто зналъ эту исключительную по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ личность, никогда его не забудетъ“. Дѣйствительно, П. Е. Кеппенъ поражалъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, и своимъ широкимъ образованіемъ и удивительнымъ умомъ, яснымъ, точнымъ, чуждымъ какой бы то ни было предвзятости, свободнымъ и разностороннимъ. Тонкій наблюдатель жизни, П. Е. Кеппенъ въ просвѣщеніи всегда шелъ „съ вѣкомъ наравнѣ“ и совершенно былъ чуждъ того старовѣрства, которое нерѣдко охватываетъ людей въ извѣстномъ возрастѣ и дѣлаетъ ихъ тяжелыми. Почитая доброе старое, П. Е. Кеппенъ съ неизмѣннымъ сочувствіемъ относился и ко всему молодому. Въ душѣ П. Е. Кеппенъ былъ убѣжденнымъ педагогомъ. Рѣдко даже въ преподавательской средѣ можно встрѣтить человѣка, который бы такъ горячо вѣрилъ въ силу воспитанія и обученія, какъ П. Е. Кеппенъ. Вотъ почему онъ принималъ вплоть до своей смерти ближайшее участіе въ вопросахъ образованія Князей. Самъ необыкновенный труженикъ, П. Е. Кеппенъ настойчиво проповѣдывалъ необходимость воспитанія въ подрастающемъ поколѣніи дис-

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1894 г.

циплины труда: „Природа—не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ“, не разъ повторялъ онъ слова извѣстнаго Тургеневскаго героя.— Эта-то идея „работы“ и была положена въ основу воспитанія Князя Олега.

Первыми преподавателями Князя Олега были: по Закону Божію— о. Григорій Петровъ, по русскому языку и ариѳметикѣ—А. П. Орлова, по гимнастикѣ—П. П. Чечулина, по рисованію—А. Н. Юдинъ, по музыкѣ— Г. В. Кюндингеръ, по танцамъ—Н. П. Троицкій. Кромѣ того, маленькій Князь скоро сталъ посѣщать уроки старшихъ братьевъ по классу географіи—Е. И. Репьевой и по естествовѣдѣнію—проф. Д. Н. Кайгородова.

Трудно сказать, кто изъ преподавателей сумѣлъ въ это время болѣе всего увлечь Князя Олега своимъ предметомъ: пытливый отъ природы, умъ мальчика съ жадностью набрасывался на всякое знаніе и съ наслажденіемъ впитывалъ его въ себя. Тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что въ первую пору ученія Князь Олегъ обнаруживалъ особый интересъ къ естественнымъ наукамъ.

Зимой 1899 года Князь Олегъ перенесъ вмѣстѣ съ братьями сильнѣйшій коклюшъ и, по предписанію врачей, былъ отправленъ на лѣто за границу. Молодые Князья прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ Швейцаріи, Франціи, Германіи. Эта поѣздка оказала на Князя Олега благотворное вліяніе какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи: съ одной стороны, онъ окрѣпъ и поправился, съ другой—прогулки въ горахъ Швейцаріи, купанье на берегахъ Атлантическаго океана во Франціи, „изслѣдованія и развѣдки“ въ пещерахъ и гротахъ скалистаго побережья, наблюденіе приливовъ и отливовъ и многое другое живо интересовали Князя Олега и давали обильную пищу его впечатлительному уму [1]).

Между прочимъ, во время этого путешествія произошелъ одинъ случай, оставившій замѣтный слѣдъ въ душѣ Князя Олега и заставившій его впервые серьезно задуматься надъ своими поступками. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ сопровождавшій Князей М. К. Мухинъ: „На пути изъ Женевы во Францію, во время завтрака въ вагонѣ, Князь Олегъ Константиновичъ выбросилъ куриную косточку въ окно вагона. Ему указали, что такъ поступать не красиво, и, кромѣ того, предметъ, брошенный изъ окна вагона на ходу поѣзда, можетъ попасть въ кого-либо идущаго около желѣзнодорожнаго пути, напримѣръ, въ сторожа, стрѣлочника и т. п. Замѣчаніе это произвело большое впечатлѣніе на Князя Олега Константиновича. Онъ задумался, и его богатое воображеніе живо нарисовало ему картину, что онъ дѣйствительно попалъ куриною костью въ лицо желѣзнодорожному сторожу. Мысль объ этомъ стала такъ мучить его, что онъ неоднократно обращался съ вопросомъ, не попалъ ли онъ въ лицо сторожу, и успокоился только послѣ того, какъ двое изъ его спутниковъ порознь и вмѣстѣ ска-

---

[1]) По воспоминаніямъ М. К. Мухина объ этой поѣздкѣ.

зали ему, что они смотрѣли въ то время въ окна вагона и никого на желѣзнодорожномъ пути и около него не видѣли". — Впослѣдствіи мы не разъ будемъ имѣть случай убѣдиться, съ какимъ упорнымъ и мучительнымъ вниманіемъ Князь Олегъ слѣдилъ за собою въ нравственномъ отношеніи, постоянно подвергая строгому суду всѣ свои помыслы, настроенія и поступки.

Въ 1899—1900 учебномъ году занятія Князя Олега продолжались подъ руководствомъ тѣхъ же лицъ, что и въ предыдущемъ году, но общее наблюденіе за учебной частью всѣхъ дѣтей принялъ на себя академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій.

Къ этому времени дѣтская, въ которой раньше помѣщались Княжна Татіана Константиновна и Князья Константинъ, Олегъ и Игорь Константиновичи, нѣсколько измѣнилась въ составѣ своихъ обитателей: Князей Олега и Игоря Константиновичей перевели въ другой этажъ, а Князя Константина Константиновича присоединили къ старшимъ братьямъ.

Ученье очень увлекало Князя Олега. Возвращаясь изъ классной комнаты въ дѣтскую къ своей любимой нянѣ, Князь Олегъ всегда разсказывалъ ей обо всемъ, что узналъ на урокахъ новаго, декламировалъ ей выученныя стихотворенія и т. п. „Позднѣе", разсказываетъ Е. Ѳ. Чернобурова, „у насъ установилась такая игра: я говорила первую строчку какого-нибудь стихотворенія, а Олегъ Константиновичъ угадывалъ автора: „Папа? Пушкинъ? Майковъ?" спрашивалъ онъ быстро, стараясь угадать.... Помню его радость, когда онъ узналъ, что я пишу стихи. Еще издали, идя по комнатамъ, онъ въ ладъ съ Игоремъ Константиновичемъ распѣвалъ: „Няня пишетъ стихи!" А придя въ уборную, сказалъ мнѣ: „Знаете, лучше всѣхъ пишетъ стихи Папа, потомъ Вы, а потомъ Пушкинъ!" А Игорь Константиновичъ говоритъ: „А вы въ серединкѣ!" И потомъ оба на перебой стали увѣрять меня, что и мнѣ скоро поставятъ памятникъ въ Царскомъ, гдѣ въ этомъ году только что открыли памятникъ Пушкину".

Чѣмъ болѣе выросталъ Князь Олегъ, тѣмъ, конечно, менѣе было у него возможности имѣть общеніе съ няней, но онъ пользовался каждой свободной минутой, чтобы повѣдать ей всѣ свои новости. Повидимому, все чаще и чаще ему приходила въ голову мысль, что скоро придется разстаться со своей постоянной собесѣдницей; поэтому, раздѣваясь въ уборной по вечерамъ, Князь Олегъ мечталъ: „Когда я выросту большой, Катя, то я возьму васъ къ себѣ: у васъ будетъ большая комната, вся полная книгъ и незабудокъ." А когда Князь Игорь Константиновичъ, не желая отставать отъ брата, заявлялъ: „И я Васъ возьму къ себѣ", то Князь Олегъ живо замѣчалъ: „Нѣтъ! у тебя будетъ жить Ика!" И Князь Игорь Константиновичъ подъ вліяніемъ рѣшительнаго тона брата замолкалъ.

Лѣто 1900 года Князья проводили въ Стрѣльнѣ. Увлеченіе естествознаніемъ и, въ частности, ботаникой продолжалось. Дѣти предпринимали

---

[1]) По воспоминаніямъ Е. Ѳ. Чернобуровой.

ботаническія экскурсіи подъ наблюденіемъ рекомендованнаго проф. Д. Н. Кайгородовымъ г. Силантьева, ухаживали за огородомъ, который былъ отданъ въ полное ихъ распоряженіе, собирали коллекціи. Къ этому времени относятся первыя письма Князя Олега къ Августѣйшимъ родителямъ и сестрѣ: на всѣхъ ихъ лежитъ отпечатокъ того живого интереса, который питалъ онъ къ растительному и животному царству. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ:

3 Іюня. Стрѣльна.

Милая моя Мама!

Редиски на Татіаниной грядкѣ уже взошли. Мнѣ очень понравился горящій домъ, который ты прислала Игорю. Я поздравляю Тебя и Татіану съ Игоремъ. Христо [1]) играетъ съ Генрихомъ В. [2]), и я разъ игралъ изъ его нотъ. Я очень благодарю Софію Н. [3]) за письмо. Обнимаю Тебя крѣпко и Татіану.

Олегъ.

8 Іюня.

Милая Татіана!

Очень благодарю Тебя за длинное письмо. Я получилъ его сегодня, и я самъ прочиталъ... У насъ взошли бобы, свекла и огурцы. Цѣлую Тебя и Мама крѣпко.

Олегъ.

20 Іюня. Стрѣльна.

Милая Татіана!

Скажи Мама, что я ее благодарю за карточку. Вчера вечеромъ, когда мы ложились, была гроза. У насъ редиски поспѣли, и мы ихъ скоро будемъ кушать...

4 Іюля. Стрѣльна.

Милая Мама!

Мы были у Павки [4]) 29-го и играли въ войну всѣ вмѣстѣ, и Букса [5]) тоже. Мы нашли летучую мышку, а проф. [6]) привезъ землероекъ. Онѣ всѣ умерли, и наша зеленая лягушка тоже. Цѣлую крѣпко Тебя, Папа и Татіану.

Олегъ.

---

[1]) Королевичъ греческій Христофоръ.
[2]) Г. В. Кюндингеръ, учитель музыки.
[3]) Баронесса С. Н. Корфъ, фрейлина Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.
[4]) Такъ Князья звали П. Е. Кеппена.
[5]) Проф. Д. А. Соколовъ.
[6]) Проф. Д. Н. Кайгородовъ.

19 Іюля.

Дорогая Татіана!

Очень благодарю Тебя за письмо. Наша прелесть [1]) очень веселая. Она цѣлуется съ нами. Она живетъ у домика въ конюшенкѣ, тамъ лежитъ солома и сѣно и корзина, въ которой она пріѣхала. Цѣлую Тебя и Мама.

Олегъ.

Зиму 1900-1901 учебнаго года Князья проводили въ Петербургѣ. Занятія шли своимъ обычнымъ порядкомъ. Между тѣмъ, еще въ предшествующемъ году преподавателемъ русскаго языка старшихъ Князей Н. К. Кульманомъ были устроены еженедѣльныя вечернія литературныя чтенія, которыя продолжались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по четвергамъ, вплоть до переѣзда Князей на постоянное жительство въ Павловскъ. Въ 1900 г. на чтенія были допущены и младшіе Князья. На этихъ чтеніяхъ, кромѣ дѣтей и ихъ воспитателей, обычно присутствовали Августѣйшіе родители Князей, а изрѣдка и Великій Князь Дмитрій Константиновичъ. Такимъ образомъ были прочитаны многіе разсказы изъ „Записокъ охотника“ Тургенева, „Дѣтскіе годы Багрова-внука“ Аксакова, „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Кавказскій плѣнникъ“ Толстого, „Сигналъ“ и „Медвѣди“ Гаршина, многія произведенія Пушкина, нѣкоторыя повѣсти изъ „Вечеровъ на хуторѣ“ и „Миргорода“ Гоголя, „Дѣти подземелья“ и „Старый звонарь“ Короленки, „Князь Серебряный“, А. Толстого, и мн. др.

А. М. Максимовъ, бывшій съ 1 іюня 1903 по 1 іюня 1907 г. воспитателемъ младшихъ Князей и присутствовавшій впослѣдствіи на этихъ чтеніяхъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ по поводу нихъ слѣдующее: „Помню, большой симпатіей у дѣтей пользовались такъ называемые „четверги“. Они состояли въ чтеніи Ихъ Высочествамъ Н. К. Кульманомъ различныхъ произведеній русской литературы. Еженедѣльно по четвергамъ въ вечерніе часы дѣти собирались въ комнатахъ своей сестры Княжны Татіаны Константиновны и, занимаясь какой-либо механической работой, слушали чтеніе. „Четверговъ“ дѣти ожидали, какъ какого-либо любимаго лакомства, и послѣ обѣда вперегонку мчались въ комнату сестры. При встрѣчѣ съ Николаемъ Карловичемъ въ этомъ случаѣ не было обычныхъ разспросовъ и разговоровъ, а, быстро занимая свои мѣста вокругъ большого стола, дѣти заявляли: „Мы слушаемъ, мы слушаемъ!“ И вотъ при уютной обстановкѣ и пылающемъ каминѣ начиналось чтеніе. Статьи для чтенія выбирались исключительно изъ русской жизни... Съ затаеннымъ дыханіемъ слушали дѣти чтеніе Кульмана и слѣдили за его мимикой. То возгласы ужаса, то облегченные вздохи благополучія, то радостныя улыбки на лицахъ слушателей говорили о переживаемыхъ ими душевныхъ настроеніяхъ и о захватывающемъ интересѣ къ дѣйствующимъ лицамъ произведенія“...

---

[1]) Дикая козочка.

Князь Олегъ на „четвергахъ“ былъ всегда едва ли не самымъ внимательнымъ слушателемъ: онъ положительно впивался въ чтеца своими сосредоточенными, вдумчивыми глазами, видимо, глубоко переживая все то, о чемъ шла рѣчь. Насколько вообще впечатлительно относился Князь Олегъ къ литературному матеріалу, можно судить по одному факту, который передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Е. Ѳ. Чернобурова: „Читала я князьямъ“, разсказываетъ она, „исторію о мальчикѣ-горбунѣ, какъ его преслѣдовали на улицѣ злые мальчишки. Чтеніе еще не было закончено, какъ позвали Князей къ завтраку. Вдругъ Олегъ Константиновичъ расплакался и сталъ говорить, что у него болитъ голова. Его положили въ постель, но это еще болѣе его взволновало: онъ началъ увѣрять, что не хочетъ лежать, что у него только болитъ голова, что онъ здоровъ. Запутавшись въ противорѣчіяхъ, онъ не хотѣлъ сознаться, что плачетъ потому, что ему жалко горбатаго Мишу“.

А. М. Максимовъ не безъ основанія думаетъ, что эти „четверги“ зародили въ Князѣ Олегѣ первый интересъ къ родной литературѣ. Но они имѣли вліяніе и въ другомъ отношеніи: Князю Олегу захотѣлось постигнуть искусство декламаціи. „Помню“, разсказываетъ А. М. Максимовъ, „какъ послѣ чтенія Н. К. Кульманомъ „Пѣвцовъ“ Тургенева Князь, оставаясь потомъ одинъ въ комнатѣ, съ большимъ увлеченіемъ перечитывалъ вслухъ это произведеніе и особенно удачно выводилъ заключительныя его строки: „Антропка-а-а!“ — „Чего-о-о-о-о?“ —„Иди сюда, чортъ, лѣші-і-і-ій!“ — „Зачѣ-ѣ-ѣ-ѣмъ?“—„А за тѣмъ, что тебя тятя высѣчь хочи-и-и-итъ!“...

Литературныя впечатлѣнія были самымъ обильнымъ источникомъ, изъ котораго Князь Олегъ почерпалъ представленія о людяхъ и ихъ жизни. Злободневныя событія его не затрагивали, такъ какъ Князей въ нихъ, по возможности, не посвящали въ ранніе годы. Но иногда и въ дѣтскую проникали слухи о томъ, что творилось на бѣломъ свѣтѣ. Такъ, напримѣръ, Князья живо заинтересовались англо-бурской войной, и на почвѣ этого интереса и симпатіи къ бурамъ произошелъ даже одинъ комическій эпизодъ, свидѣтельствующій о горячности Князя Олега. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Е. Ѳ. Чернобурова: „Разъ какъ-то я пожаловалась, что не могу доставать газетъ и ничего не знаю о войнѣ,—тогда Князь Олегъ началъ за большимъ завтракомъ внимательно выслушивать все о войнѣ, чтобы разсказать мнѣ, иногда даже спеціально для этого разспрашивая кого-нибудь, чаще всего баронессу С. Н. Корфъ. Придя послѣ завтрака наверхъ, еще издали кричалъ мнѣ: „Катя! буры опять побѣдили!“ и, какъ умѣя, на своемъ дѣтскомъ языкѣ передавалъ мнѣ собранныя извѣстія. Это меня всегда очень трогало. И каждаго спрашивалъ Олегъ Константиновичъ: „Вы за буровъ или за англичанъ?“ Съ такимъ же вопросомъ обратился онъ и къ англичанину-портному, пришедшему примѣрять костюмы. Тотъ засмѣялся и отвѣтилъ: „За англичанъ!“—„А, за англичанъ!“ закричалъ Олегъ Константиновичъ: „давай, Игорь, мазать его мѣломъ!“ И, схвативъ мѣлокъ, они начиркали ему спину въ наказаніе. Англичанинъ очень смѣялся!“

Князья Олегъ и Игорь Константиновичи въ 1897 г.

Лѣтомъ 1901 года Князь Олегъ впервые увидѣлъ деревню. Этотъ періодъ его жизни имѣлъ огромное вліяніе и на его умственное развитіе, и на нравственное міросозерцаніе, и на эстетическое чувство.

Мечты о жизни въ настоящей русской деревнѣ начались еще зимой, когда любимой игрой маленькихъ Князей стала игра „въ деревню“. Эта игра возникла случайно. „Кадеты Симбирскаго корпуса“, разсказываетъ Е. Ѳ. Чернобурова, „поднесли Князьямъ отлично сдѣланную модель крестьянской усадьбы — домъ и дворъ съ крытыми службами: хлѣвомъ, конюшней и т. п. И вотъ мы отправлялись въ деревню, снимали крышу съ домика, и я разсказывала, какъ я проводила лѣто 1894 г. въ деревнѣ (мое первое знакомство съ деревней). Князья очень любили эти разсказы“. Въ связи съ этой игрой Князь Олегъ все чаще и чаще сталъ думать о томъ, какъ хорошо было бы пожить въ деревнѣ, а не въ Стрѣльнѣ и не въ Павловскѣ. Словно въ отвѣтъ на эти мечты, Князьямъ скоро сообщили, что они поѣдутъ на дачу въ Калужскую губернію, въ имѣніе „Нижніе Прыски“, Н. С. Кашкина. Восторгамъ Князя Олега не было конца: планы, одинъ другого блестящѣе, такъ и мѣнялись въ его богатой воображеніемъ головѣ; вопросы такъ и сыпались на собесѣдника, который случайно или намѣренно наводилъ разговоръ на предстоящую поѣздку.

Въ ожиданіи деревенскихъ впечатлѣній, Князь Олегъ съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ за пробуждающейся весенней природой въ Петербургѣ: цвѣты, деревья, насѣкомыя—все было предметомъ его неподдѣльной дѣтской радости. Живымъ свидѣтелемъ этого приподнятаго настроенія осталось одно его письмо къ Августѣйшей матери отъ 12 мая:

„Милая Мама!

Ты знаешь, что мы посадили огурцы въ классной. Они теперь цвѣтутъ, и показался огурчикъ. Въ четвергъ мы съ Мари и Дмитріемъ [1]) пили молоко въ Елагиномъ саду, собирали цвѣты и нашли много фіалокъ и видѣли бабочку аврору и траурницу“...

Наконецъ, давно желанный день наступилъ. „Веселое было это путешествіе!“ вспоминаетъ няня Е. Ѳ. Чернобурова: „въ вагонѣ оба маленькихъ Князя спали со мной. Утромъ, въ 4 часа, только что встало солнце, какъ Олегъ Константиновичъ проснулся и, слышу, зоветъ брата: „Игорь, вставай, смотри въ окно: солнце!“ Игорь Константиновичъ тоже вскочилъ и приникъ къ окну. Несмотря на мои уговоры, они не хотѣли больше спать и, надѣвши свои красные халатики, остались у окна“. Но въ деревнѣ ихъ ждало маленькое разочарованіе, правда, мимолетное: „Они думали, что будутъ жить въ настоящей крестьянской избѣ, а не въ привычной обстановкѣ барскаго дома. По этому поводу Игорь Константиновичъ разъ вы-

---

[1]) Великая Княжна Марія Павловна и Великій Князь Дмитрій Павловичъ.

разился такъ: „Знаете, Катя, когда Ика [1]) умретъ и Татіана Васильевна [2]) умретъ, и Вы умрете, тогда мы перейдемъ въ избу и будемъ тамъ жить".

Въ „Прыскахъ" Князья прожили со второй половины мая по 2 октября. Они проводили время въ обществѣ М. К. Мухина, А. А. Гюббенета, перваго воспитателя Князя Олега, Т. В. Олсуфьевой, воспитательницы Княжны Татіаны Константиновны, г. Тьеша, преподавателя французскаго языка, бонны Ангелики Клейнъ и няни Е. Ѳ. Спиридоновой (Чернобуровой). Августѣйшіе родители Князей прожили въ имѣніи только около мѣсяца. Лѣтомъ пріѣзжали на нѣкоторое время въ „Прыски" профессоръ Д. Н. Кайгородовъ, Н. К. Кульманъ и священникъ Г. С. Петровъ.

Богатый матеріалъ для опредѣленія степени вліянія деревни на Князя Олега, а также для характеристики образа жизни Князей, ихъ занятій, интересовъ, игръ и забавъ даютъ воспоминанія Т. В. Олсуфьевой, М. К. Мухина и А. А. Гюббенета, къ которымъ мы и обратимся.

Вотъ что пишетъ Т. В. Олсуфьева: „Воспитанный съ дѣтства въ любви къ родинѣ и ко всему русскому, Князь Олегъ съ раннихъ лѣтъ стремился изъ обстановки дворца, города и пригородныхъ мѣстностей, какъ Стрѣльна и Павловскъ, въ настоящую привольную русскую деревню, и онъ былъ безконечно счастливъ, когда его мечта осуществилась въ 1901 году... 4½ мѣсяца была на рѣдкость благодатная погода, и Князь Олегъ имѣлъ возможность воспринять всю красоту и поэзію вступающей во всѣ свои права радостной весны, съ роскошнымъ ковромъ благоухающихъ цвѣтовъ, съ массой до тѣхъ поръ ему незнакомыхъ птицъ; онъ видѣлъ лѣто съ сѣнокосомъ на лугахъ, жатву и посѣвъ озимей, видѣлъ и дивную золотую осень съ носящимися въ прозрачномъ воздухѣ паутинами, съ отлетающими „въ теплый край, за сине море" журавлями. Это первое лѣто, проведенное имъ въ русской деревнѣ, въ сердцѣ Россіи, въ Калужской губерніи, въ живописной мѣстности на берегу Жиздры, въ 3 верстахъ отъ Оптиной пустыни, полной живыхъ воспоминаній о только недавно скончавшемся старцѣ Амвросіи, и въ 6—8 верстахъ отъ созданнаго этимъ старцемъ женскаго Шамординскаго монастыря, въ которомъ онъ и скончался,—наложилъ, несомнѣнно, глубокій отпечатокъ на вкусы и характеръ Олега Константиновича и вложилъ въ его юную впечатлительную душу ту поэтическую любовь къ родинѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ, которою онъ съ годами все болѣе и болѣе проникался. Пріѣхавши въ „Прыски", онъ съ увлеченіемъ наслаждался всѣмъ привольемъ деревенской жизни, съ купаньемъ въ чистыхъ струяхъ рѣки съ мягкимъ песчанымъ дномъ, съ большими прогулками на заливныхъ съ заводями и тихими прудами лугахъ и въ вѣковомъ лѣсу, гдѣ такъ поэтично пріютилась пустынька Шамординскаго монастыря, посѣщеніе которой было дневной экскурсіей въ виду ея отдаленности отъ дома.—Въ недалекомъ разстояніи отъ Оптиной пустыни былъ скитъ этого

[1]) Бонна Ангелика Клейнъ.
[2]) Т. В. Олсуфьева.

монастыря, въ которомъ жилъ замѣнившій старца Амвросія другой старецъ—Іосифъ. Дорога туда шла вѣковымъ сосновымъ боромъ, и все это было полно особенной, чисто русской прелести и поэзіи.

„Тутъ же онъ съ братьями познакомился и сдружился съ двумя деревенскими мальчиками, Гришкой и Капитошкой, которые приходили сперва учить ихъ плести корзинки изъ ивовыхъ прутьевъ, а потомъ проводили съ ними всѣ ихъ досуги, принимая участіе во всѣхъ ихъ играхъ, развлеченіяхъ и прогулкахъ.

„Кромѣ веселыхъ, радостныхъ впечатлѣній, онъ имѣлъ случай познакомиться тутъ и съ горемъ, нуждой, и съ отрицательными сторонами нашей деревни. Онъ зналъ, напримѣръ, что въ селѣ въ самую страдную пору умерла женщина, оставивъ двухъ новорожденныхъ близнецовъ на рукахъ отца, не имѣвшаго никого, кто могъ бы ими заняться или ихъ пріютить. Къ сожалѣнію, мы узнали объ этомъ слишкомъ поздно, и, хотя пристроили ихъ, но малютки все-таки скоро умерли. Въ Оптиной пустыни ему приходилось видѣть безрукаго отъ рожденія мальчика, наконецъ, въ самихъ „Прыскахъ“ былъ въ должности сторожа у входа въ паркъ молодой безногій парень, которому машиной оторвало ногу. На сѣнокосѣ намъ пришлось видѣть мужика, косившаго свою полосу короткой косой, такъ какъ у него ноги были отняты по самыя колѣни: оказывается, онъ, въ пьяномъ видѣ возвращаясь домой въ лютый морозъ, заблудился, отморозилъ себѣ обѣ ноги, и ему пришлось ихъ ампутировать.—Всѣ эти тяжелыя или отрицательныя стороны деревенской жизни не могли не оказать вліянія на его впечатлительную, открытую всему хорошему натуру и, заставляя его задумываться надъ этими явленіями, сильнѣе развивали его любовь къ родинѣ.

„Посѣщеніе дѣтей въ деревнѣ профессоромъ Д. Н. Кайгородовымъ, Н. К. Кульманомъ и Г. С. Петровымъ, тогда еще священникомъ и ихъ законоучителемъ, оказали тоже хорошее вліяніе на нихъ. Сами горячо любя русскую деревню и природу и наслаждаясь ими, они научили и Олега Константиновича прислушиваться и присматриваться ко всему окружающему, умѣли подчеркнуть всю прелесть деревни и помогли ему своимъ живымъ примѣромъ вникнуть въ ея красоту“.

Воспоминанія остальныхъ лицъ дополняютъ разсказъ Т. В. Олсуфьевой, главнымъ образомъ, съ бытовой стороны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываютъ и на нѣкоторые другіе факты, оставившіе слѣдъ въ душѣ Князя Олега. „Князья съ удовольствіемъ носили ситцевые русскіе костюмы“, разсказываетъ М. К. Мухинъ, „часто ходили босикомъ. Младшіе Князья завели знакомство съ деревенскими ребятишками, и двое изъ нихъ сдѣлались завсегдатаями въ играхъ и забавахъ Князей. Очень нравились дѣтямъ прогулки въ окрестностяхъ, купанье въ Жиздрѣ, посѣщеніе Оптиной пустыни, Шамординской обители и т. п. Сильное впечатлѣніе на Августѣйшихъ дѣтей произвела слѣпая игуменья Шамординской обители Евфросинія, поставленная еще старцемъ Амвросіемъ. Въ то же время познакомились дѣти и съ сестрою Л. Н. Толстого, Маріей Николаевной, жившей въ Шамординской обители“.

По разсказу А. А. Гюббенета, Князья жили въ „Прыскахъ“ „въ полномъ смыслѣ слова на лонѣ природы, наслаждаясь всѣми прелестями деревенской жизни, совершая большія прогулки въ лѣсъ за ягодами и за грибами, знакомясь съ полевыми работами, изъ которыхъ сѣнокосъ и уборка сѣна съ обязательнымъ катаньемъ на возахъ казались, разумѣется, наиболѣе привлекательными“. „Тогда уже“, прибавляетъ А. А. Гюббенетъ, „Олегъ Константиновичъ поражалъ замѣчательной предпріимчивостью, смѣлостью, пылкимъ воображеніемъ, а также стремительностью, сосредоточенностью и устойчивостью во всѣхъ предпріятіяхъ, въ особенности же въ такихъ играхъ, гдѣ можно было проявить ловкость и отвагу, каковы, напримѣръ, извѣстныя игры въ „палочку-стукалочку“ и „казаки и разбойники“... Самымъ любимымъ однакоже развлеченіемъ была верховая ѣзда, и тутъ-то мы подчасъ могли блеснуть лихостью... На счастье мое, настоящихъ верховыхъ коней у насъ въ „Прыскахъ“ не было, такъ что нужно было довольствоваться рабочими лошадьми, отличавшимися болѣе или менѣе тихимъ и покорнымъ нравомъ“. Тѣмъ не менѣе, Князь Олегъ и здѣсь сумѣлъ обнаружить свой пылкій нравъ. „Ѣхали мы“, разсказываетъ А. А. Гюббенетъ, „мелкой рысью по проселочной дорогѣ, гуськомъ, Олегъ Константиновичъ—впереди. Вдругъ вижу: мой Олегъ Константиновичъ, хлеснувъ коня, съ крикомъ „ура!“ пустился вскачь, въ бѣшеную атаку на воображаемаго врага. Мы съ Константиномъ Константиновичемъ вслѣдъ за нимъ. „Олегъ Константиновичъ! не такъ шибко!“ кричу я изо всѣхъ силъ. Но Олегъ Константиновичъ ничего не слышитъ, скачетъ галопомъ во всю прыть, и разстояніе между нами дѣлается все больше и больше. Тогда я кликнулъ Константину Константиновичу не торопиться и ѣхать потише, а самъ пустился, не щадя своей клячонки, въ погоню. Но не успѣлъ я догнать отважнаго всадника, какъ тотъ уже лежалъ на пыльной дорогѣ, недалеко отъ своего изумленнаго неожиданнымъ происшествіемъ ретиваго коня. Маленькій смѣльчакъ былъ самъ не менѣе удивленъ: онъ при паденіи ушибся, протерши себѣ голень до крови, и не зналъ, что дѣлать—плакать или смѣяться? Я, скрывая свой немалый испугъ, нарочно разсмѣялся, назвалъ Олега Константиновича удальцомъ, поздравилъ съ боевымъ поранѣніемъ, разсмотрѣлъ ранку и обвязалъ ногу платкомъ. Эта пустяшная ранка у Олега Константиновича стала принимать размѣры большой, болѣзненной раны, такъ что, когда, на наше счастье, нѣсколько дней спустя случайно пріѣхалъ въ „Прыски“ докторъ Муриновъ, то пришлось подъ его руководствомъ и мнѣ, и приставленному къ Князьямъ камердинеру Крюкову немало потрудиться надъ исцѣленіемъ раненаго: въ теченіе многихъ недѣль надо было по нѣскольку разъ въ день дѣлать примочки и перевязывать, что, конечно, не могло обойтись безъ боли для пострадавшаго, и тутъ-то я не могъ нахвалиться храбрости и терпѣливости маленькаго паціента“.

Пребываніе въ „Прыскахъ“, гдѣ передъ глазами Князя Олега широкой картиной развернулась и русская природа и народная жизнь, дали, пови-

димому, толчокъ къ той внутренней работѣ, которая обыкновенно замѣчается въ болѣе позднемъ возрастѣ и которая служитъ отправной точкой при начинающемъ создаваться міросозерцаніи. Увидѣвъ въ деревнѣ такъ много неожиданно новаго, и свѣтлаго и темнаго, Князь Олегъ какъ-то невольно заглянулъ въ себя. По крайней мѣрѣ, во время учебнаго 190½ г. у него появляется небольшая записная книжка, на первой страницѣ которой его старательнымъ дѣтскимъ почеркомъ выведено:

Я большой и потому имѣю мужество.
Я тутъ отмѣчаю, сколько грѣховъ я сдѣлалъ во весь день...
Отмѣчаю тутъ неправду точками, а когда нѣтъ неправды, отмѣчаю крестиками.

Первая помѣтка въ этой книжкѣ сдѣлана 15 ноября 1901 года, дальнѣйшія слѣдуютъ ежедневно до 2 сентября 1903 года. Кромѣ указанныхъ символическихъ значковъ, никакихъ записей, однако, въ этой книжкѣ нѣтъ, но, судя по количеству точекъ, можно думать, что Князь Олегъ внимательно слѣдилъ за собой и, вѣроятно, сурово оцѣнивалъ свои маленькія дѣтскія провинности.

Къ учебнымъ занятіямъ послѣ „Прысковъ“ Князь Олегъ сталъ относиться съ еще большимъ рвеніемъ, причемъ, помимо непосредственнаго интереса, такое отношеніе обусловливалось и пробудившимся въ это время съ особой силою чувствомъ долга. А. А. Гюббенетъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ: „Въ учебныхъ занятіяхъ Олегъ Константиновичъ всегда былъ добросовѣстенъ. Помню его сидящимъ за учебнымъ столикомъ: взоры устремлены прямо въ глаза учителю, свидѣтельствуя о полной сосредоточенности мышленія. Время отъ времени появляются на лбу весьма замѣтныя складки: это Олегъ Константиновичъ особенно усердно трудится надъ какимъ-нибудь вопросомъ. И вотъ онъ начинаетъ волноваться, нервное движеніе пробѣгаетъ по всему маленькому тѣлу: ему хочется во что бы то ни стало дать хорошій, умный отвѣтъ, и какъ можно скорѣй, скорѣй!... а головка еще недостаточно привыкла повиноваться силѣ воли. Ребенокъ волнуется не долго—учитель приходитъ на помощь, на полдорогѣ ихъ мысли встрѣчаются, и, какъ бы само собой, получается пріятная развязка запутаннаго вопроса, глазенки смѣются отъ восторга, все личико сіяетъ: самъ выпутался! И черезъ минуту опять лицо серьезное-пресерьезное, опять складки на лбу, глаза горятъ... Самолюбивъ былъ Олегъ Константиновичъ, въ высшей степени самолюбивъ: все хотѣлъ сдѣлать хорошо и все самъ, безъ посторонней помощи; подсказыванья не терпѣлъ: „Подождите, сейчасъ!“... Наводить его на отвѣты надо было очень осторожно, а то онъ отъ избытка самолюбія страшно волновался и слишкомъ торопился.

„Помню еще Олега Константиновича за уроками гимнастики. Производятся такъ называемыя свободныя движенія. Олегъ Константиновичъ,

60697

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1901 г.

РЕДКАЯ

какъ всегда, съ полной сосредоточенностью слѣдитъ за указаніями и командами учительницы и изо всѣхъ силъ старается исполнять всѣ пріемы съ точностью. Но вотъ рядомъ веселенькій Игорь Константиновичъ увлекся какою-то шалостью, хохочетъ, руки и ноги принимаютъ живѣйшее участіе въ веселомъ настроеніи души. Это Олегу Константиновичу пришлось не по вкусу: учиться—такъ учиться, не время для шалостей: „Игорь!“ прикрикнетъ онъ укоризненно вполголоса на разошедшагося младшаго братца, и тотъ безпрекословно повинуется. Десятилѣтній Олегъ Константиновичъ былъ хоть и маленькій человѣкъ, но былъ уже личностью, съ вполнѣ опредѣлившимся вкусомъ и съ вполнѣ опредѣленными взглядами на то, какъ слѣдуетъ себя вести мальчику и какъ не слѣдуетъ; то были не внезапные импульсы, о которыхъ ребенокъ не въ состояніи отдать себѣ отчета и которые обыкновенно такъ похожи на капризы. Этимъ только и объясняется поразительная категоричность и авторитетность замѣчаній маленькаго Олега Константиновича по адресу братцевъ или сестры“...

Лѣтомъ 1902 года Князь Олегъ не увидѣлъ, къ его огорченію, деревни: все лѣто было проведено въ Павловскѣ. Но воспоминанія о жизни въ „Прыскахъ“, объ увлекательныхъ прогулкахъ по лѣсамъ, о свободномъ купаньѣ въ рѣкѣ—были сильны, и чинная жизнь въ Павловскѣ съ отсутствіемъ яркихъ впечатлѣній и нѣкоторымъ однообразіемъ путешествій по дорожкамъ парка—заставляла его пускаться въ шаловливыя предпріятія, доставлявшія порою безпокойство его воспитателю: „Для его пылкаго воображенія“, разсказываетъ А. А. Гюббенетъ, „нужны были какія-нибудь приключенія да открытія, имѣющія хотя бы самое отдаленное сходство съ приключеніями и открытіями Робинзона“. Поэтому во время катанья на лодкѣ онъ, садясь на руль, не безъ хитрости направлялъ лодку подъ густыя развѣсистыя деревья и въ такіе узкіе, каменистые и маловодные „заливы“ и „проливы“, что лодка зачастую застревала, и стоило большого труда выбраться съ нею изъ окружавшихъ „тропическихъ лѣсовъ“. „Вообще“, по словамъ воспитателя Князя Олега, „весь укладъ жизни у насъ былъ таковъ, что на каждую прогулку и на каждую поѣздку, какъ и на всякое другое занятіе, было положено точно опредѣленное время, и потому не препятствовать веселымъ, невиннымъ и самимъ по себѣ очень симпатичнымъ затѣямъ Олега Константиновича и впослѣдствіи не становиться виновнымъ въ опозданіи было для меня задачей непомѣрно трудной, подчасъ прямо-таки невыполнимой: Олегъ Константиновичъ почти всегда и всюду увлекался чѣмъ-нибудь „страшно интереснымъ“, а я былъ одержимъ вѣчнымъ страхомъ передъ опозданіемъ“...

Страхъ воспитателя передъ стремленіемъ Князя Олега ко всякаго рода приключеніямъ имѣлъ основаніе, потому что нѣкоторыя предпріятія оказывались нѣсколько рискованными. Однажды, разсказываетъ А. А. Гюббенетъ, „шли мы большой компаніей, предводимые Т. В. Олсуфьевой, по шоссейной дорогѣ въ Пязелево, а тамъ спустились къ руслу рѣчки Поповки, столь хорошо извѣстной всѣмъ петроградскимъ экскурсантамъ, благодаря своимъ геоло-

гическимъ особенностямъ, представляющимъ для учащейся молодежи исключительный интересъ. Шли мы бодро и быстро, какъ всегда. Авангардомъ командовала энергичная Т. В. Олсуфьева, а я, отлично зная склонность младшихъ Князей отставать и отдѣляться отъ компаніи ради всевозможныхъ невинныхъ шалостей и, въ частности, склонность Олега Константиновича къ проявленію самостоятельности, шествіе замыкалъ. И въ самомъ дѣлѣ, мой Олегъ Константиновичъ началъ отставать и развлекаться по-своему: то онъ находилъ что-то „страшно интересное“, то ему ужасно хотѣлось перепрыгивать по камнямъ съ одного берега на другой и обратно, то непремѣнно надо было карабкаться вверхъ и внизъ по крутизнѣ. Сколько я ни увѣщевалъ его бросить эти шалости, дабы не опоздать къ ужину, Олегъ Константиновичъ не унимался. Тогда я сказалъ ему: „Ну, хорошо! такъ оставайтесь тутъ одни!“ и сталъ догонять далеко ушедшую впередъ компанію, въ надеждѣ, что Олегъ Константиновичъ, немножко поупрямившись, опомнится и въ концѣ концовъ все-таки побѣжитъ за мною. Время отъ времени я оборачивался: Олегъ Константиновичъ и не думалъ итти за мною. Догнавъ остановившуюся-было ради насъ компанію, я еще разъ обернулся—Олегъ Константиновичъ исчезъ, т. е., очевидно, гдѣ-то спрятался. Такъ какъ уже было поздно, то я попросилъ Татіану Васильевну не ждать больше: я пустился въ поиски. Иду, ищу, зову, спрашиваю попавшихся навстрѣчу бабъ—Олегъ Константиновичъ не откликается, и никто его не видалъ. Тщетно промаявшись добрый часъ времени, я медленно поплелся обратно въ Павловскъ. Что Олегъ Константиновичъ раньше или позже вернется, я ни минуты не сомнѣвался: случилось это между двухъ деревень, и, хотя солнце успѣло уже закатиться, но все же еще было достаточно свѣтло. Тѣмъ не менѣе, я долженъ признаться, что это было пренепріятной для меня исторіей: во-первыхъ, и это главное, Олегъ Константиновичъ при наступающей сырости могъ простудиться, а во-вторыхъ, онъ явно, думалось мнѣ, доказалъ, что не желаетъ меня слушаться. Вернувшись во дворецъ, я узналъ, что прошло уже съ полчаса или болѣе, какъ Олегъ Константиновичъ благополучно пріѣхалъ на таратайкѣ. Оказалось, Олегъ Константиновичъ сначала прекрасно видѣлъ и слышалъ, какъ я его искалъ, и нарочно прятался и не откликался на мой зовъ, но затѣмъ, когда онъ потерялъ меня изъ виду, ему все-же стало жутко, тѣмъ болѣе, что поблизости онъ не видалъ ни души. Тогда онъ побрелъ, куда глаза глядѣли, и чуть было не заблудился, но, встрѣтивъ по пути крестьянина, догадался обратиться къ нему за помощью, и тотъ привелъ его въ деревню, гдѣ ему немедленно запрягли коня и, посадивъ въ таратайку, довезли до дворца... Въ тотъ же вечеръ Олегъ Константиновичъ очень мило передо мною извинился за причиненное мнѣ душевное безпокойство. Выросши большимъ, онъ, говорятъ, очень любилъ вспоминать и разсказывать объ этомъ происшествіи“.

Конечно, подобныя „приключенія“ не могли замѣнить тѣхъ глубокихъ впечатлѣній, которыя въ предшествовавшемъ году были получены въ

деревнѣ. Тѣмъ болѣе Князь Олегъ дорожилъ всѣмъ, что сближало его съ природой: этимъ объясняется его увлеченіе копчикомъ, котораго онъ приручилъ и за которымъ внимательно наблюдалъ въ теченіе многихъ недѣль. Насколько великъ былъ его интересъ къ маленькому хищнику, видно изъ писемъ его къ Августѣйшему отцу и сестрѣ. 9 іюня 1901 года онъ пишетъ:

„Милый Папа!

Какъ поживаетъ Твоя голова? Надѣюсь, что она больше не болитъ. Послушай про нашего копчика. Разъ утромъ онъ вспорхнулъ и взлетѣлъ на ель. Мы хотѣли его достать. Сергѣй полѣзъ и спихнулъ его: копчикъ полетѣлъ по аллеѣ и пропалъ совсѣмъ. Намъ было очень жаль копчика, и только къ вечеру мы объ немъ забыли. На слѣдующее утро мы молились на балконѣ. Вдругъ на перила балкона сѣлъ копчикъ. Онъ былъ несчастный и жалкій. Мы его накормили и напоили, и онъ заснулъ на моемъ столикѣ около меня. Черезъ 3 часа онъ улетѣлъ опять, и съ тѣхъ поръ онъ каждый день прилетаетъ раза два... Мы нѣсколько разъ видѣли, что его обижали вороны. Онѣ вчера его такъ загнали, что онъ прилетѣлъ къ намъ совсѣмъ больной и хромой. Мы его посадили въ клѣтку, чтобы онъ у насъ поправился. Онъ на насъ порядочно сердился за это.

12 іюня, Пятница. Только что копчикъ улетѣлъ. Я надѣюсь, что онъ вернется“...

19 іюня Князь Олегъ пишетъ сестрѣ:

„Очень благодарю Тебя, милая Тунька, за карточку, которую я ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Говорятъ, что нашъ копчикъ съѣлъ половину голубя, но онъ все-таки прилетаетъ къ намъ ежедневно поѣсть. Недавно онъ къ намъ прилетѣлъ, а мясо было закрыто бумагой и прилипло къ ней. Копчикъ хотѣлъ кусочекъ мяса взять, потащилъ съ нимъ всю бумагу и унесъ все съ собой. Онъ долго леталъ съ этой ношей въ когтяхъ и наконецъ выбралъ мѣсто на нашей крышѣ“...

Кончилось лѣто. Начались учебныя занятія. 15 ноября 1902 года Князю Олегу минуло 10 лѣтъ, и Августѣйшими родителями было рѣшено просить Государя Императора о зачисленіи его весною въ списки кадетъ Полоцкаго корпуса. Князь Олегъ съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда онъ станетъ воспитанникомъ учебнаго заведенія. Въ началѣ декабря Великій Князь, объѣзжая корпуса въ качествѣ Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній, заѣхалъ въ Полоцкъ и тамъ получилъ слѣдующее письмо отъ будущаго Полочанина:

„2 декабря 1902 года.

Дорогой Папа!

Привѣтствую Тебя съ пріѣздомъ въ Полоцкъ. Мнѣ очень хочется, чтобы Ты поскорѣе вернулся къ намъ и разсказалъ, что видѣлъ въ По-

лоцкѣ. Мнѣ очень жаль, что я не кадетъ и не могу присутствовать на корпусномъ праздникѣ. Нянѣ Мишѣ [1]) кланяется его будущій однокашникъ. Цѣлую тебя крѣпко и нѣжно и надѣюсь, что у Тебя не болитъ голова и тебѣ весело въ корпусѣ.

Твой *Олегъ*".

Въ день корпусного праздника этого года, 6 декабря, Великая Княгиня осчастливила директора корпуса слѣдующею телеграммою:

„Отъ души поздравляю Васъ и всѣхъ съ Вашимъ праздникомъ. Нашъ будущій маленькій Полочанинъ Олегъ очень жалѣетъ, что еще не кадетъ".

При прочтеніи этой телеграммы полочане впервые прокричали „ура" своему будущему товарищу.

Князь Олегъ дѣятельно работалъ, чтобы выдержать экзаменъ въ корпусъ, но въ весеннее полугодіе 1903 года тяжело заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Болѣзнь приковала его къ постели на все пасхальное время и дальше, почти до полнаго расцвѣта весны. По словамъ воспитателя, „никогда Олегъ Константиновичъ не былъ такъ ласковъ, отзывчивъ, кротокъ, терпѣливъ, благоразуменъ и милъ", какъ въ теченіе этой болѣзни. Между Княземъ Олегомъ и его воспитателемъ завязались тѣсныя, теплыя отношенія: А. А. Гюббенетъ разсказывалъ своему питомцу, что пережилъ въ своемъ дѣтствѣ, разсказывалъ про свои игры, про школьную жизнь, про родителей и про старушку-тетушку, которая долго проживала въ ихъ семьѣ и которой А. А. Гюббенетъ былъ многимъ обязанъ. Князь Олегъ чрезвычайно внимательно прислушивался къ этимъ разсказамъ и послѣ болѣзни связалъ для передачи старушкѣ шерстяной шарфикъ. Этотъ шарфикъ, по словамъ А. А. Гюббенета, хранится у его восьмидесятилѣтней тетушки, „какъ неоцѣнимое сокровище", напоминая ей „добраго, ласковаго Князя".

Хотя болѣзнь и оторвала Князя Олега отъ занятій, однако экзаменъ онъ все-таки выдержалъ, и съ 14 мая 1903 года былъ зачисленъ съ Высочайшаго соизволенія въ списки кадетъ 1 класса Полоцкаго корпуса. Великій Князь немедленно же извѣстилъ объ этомъ директора корпуса слѣдующей телеграммой:

„Сегодня Олегъ выдержалъ экзаменъ на поступленіе въ первый классъ Полоцкаго кадетскаго корпуса. Прошу Полочанъ считать мальчика своимъ.

Константинъ".

Восторженно былъ настроенъ въ эти дни Князь Олегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ; торжественно и радостно встрѣчалъ корпусъ своего новаго воспитанника: директоръ собралъ всѣхъ, принадлежащихъ къ корпусной семьѣ, прочиталъ телеграмму Великаго Князя, выяснилъ кадетамъ значеніе для корпуса поступленія Князя Олега и тотчасъ же отправилъ Августѣйшему Главному Начальнику телеграфный отвѣтъ: „Извѣстіе о выдержаніи экза-

---

[1]) Ген. М. Н. Драшковскій.

мена Его Высочества Князя Олега въ первый классъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и обращенныя къ полочанамъ высокомилостивыя слова Вашего Императорскаго Высочества — считать Князя Олега „своимъ“, переданныя мною сейчасъ кадетамъ въ присутствіи всѣхъ служащихъ, радостно отозвались въ сердцахъ полочанъ, которые почтительно приносятъ Вашему Императорскому Высочеству глубочайшую признательность за оказанную честь, возвышающую насъ внутренно и придающую особенный блескъ мундиру Полоцкаго корпуса. Сердечный привѣтъ отъ семьи полочанъ полочанину Князю Олегу“.

17 мая корпусъ черезъ посредство одного изъ старѣйшихъ полочанъ, генерала П. Е. Кеппена, такъ близко принимавшаго къ сердцу всѣ радости Князя Олега, отправилъ новому полочанину погоны, которые доставили ему большое удовлетвореніе. Великій Князь телеграфировалъ по этому поводу директору:

„Маленькій новичокъ Полочанинъ очень, очень радъ погонамъ, гордится ими и благодаритъ за доброе вниманіе своего директора; присоединяю и свою сердечную признательность.

Константинъ“.

Для Князя Олега начинался новый, болѣе сложный періодъ жизни. Мы дальше увидимъ, какъ онъ неудержимо росъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи за этотъ періодъ, какъ вырабатывалась его личность, подъ какими вліяніями создавалось его міросозерцаніе.

Мраморный дворецъ.

Стрѣльнинскій дворецъ.

1903—1908

Въ связи съ поступленіемъ Князя Олега въ корпусъ, у младшихъ Князей перемѣнились воспитатели: А. А. Гюббенетъ ушелъ, и его мѣсто занялъ А. М. Максимовъ. 29 мая 1903 года произошла первая встрѣча Князя Олега съ его новымъ воспитателемъ. „Помню“, разсказываетъ А. М. Максимовъ, „когда я уже откланивался, Олегъ Константиновичъ обратился ко мнѣ съ дѣтски-лукавой улыбкой: „Все хорошо, а вотъ что Вы Игоря обидѣли, это не хорошо!“ Признаюсь, я немного опѣшилъ и большими глазами обвелъ едва сдерживающихъ смѣхъ собесѣдниковъ. „Игорь сегодня новорожденный, а Вы его не поздравили“, вывелъ меня изъ недоумѣнія Олегъ Константиновичъ, и Князья разразились звонкимъ смѣхомъ. Извинившись за свою оплошность, я, разумѣется, принесъ Новорожденному поздравленія и пожеланія и сталъ выходить. „Вы не обижайтесь, я пошутилъ!“ крикнулъ мнѣ вслѣдъ Олегъ Константиновичъ, и его громкій, звонкій голосокъ долго-долго стоялъ у меня въ ушахъ“.

Въ этой милой шуткѣ есть одна сторона, которая особенно характерна для Князя Олега; здѣсь обнаружилась его постоянная привычка задумы-

ваться надъ своими поступками. Жизнерадостный нравъ толкнулъ его на невинную шалость, но ему немедленно же пришла въ голову мысль, что пришедшій къ нимъ новый воспитатель могъ обидѣться, и это, несомнѣнно, его взволновало. Такой самоанализъ постоянно встрѣчается въ дѣтскихъ записныхъ книжкахъ Князя Олега. Вотъ, напримѣръ, что онъ записываетъ подъ 3 августа 1903 года: „Копался, когда мылся. Былъ развязнымъ на нѣмецкомъ урокѣ, невнимательнымъ на русской диктовкѣ. Говорилъ глупости у тети Оли. Обижался на А. М., что онъ мнѣ говорилъ, что я былъ невнимательнымъ. Игралъ на роялѣ и думалъ, что очень, очень хорошо играю. Потомъ пошелъ завтракать. Былъ профитроль въ шоколадѣ, и я сдѣлалъ пятно. А. М. мнѣ не позволилъ его снять ножомъ, но я дѣлалъ видъ, что ужасно хочу его снять. А. М. мнѣ еще сказалъ, что хочетъ узнать мое вниманіе и терпѣнье. Вдругъ онъ мнѣ показываетъ на мою чистую рубашку и говоритъ мнѣ: „Видите, Вы нехорошо сидѣли за столомъ, облокачивались на него, и, конечно, это пятно размазалось на рубашкѣ“. Я очень разсердился, что онъ мнѣ это сказалъ при С. Н., и сказалъ ему, что это онъ виноватъ, потому что не позволилъ снять пятно ножомъ. Я ему это нѣсколько разъ сказалъ, но зналъ, что это нехорошо. Потомъ завтракъ кончился. Я пошелъ немножко попутаться на дворѣ. Потомъ пошелъ домой со всѣми. Вдругъ А. А. показываетъ мнѣ на рубашку и говоритъ, навѣрно, шутя, А. М.: „Мнѣ съ такимъ стыдно ѣхать“. Я чуть-чуть не заплакалъ. Меня совѣсть очень мучила. Я побѣжалъ домой и чуть не плакалъ. Потомъ я сталъ просить прощенья у А. М. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ подтвердилъ мои слова. Потомъ я хотѣлъ ему показать, что обиженъ, очень горюю, и попросилъ не итти на нѣмецкую прогулку. Но я все-таки пошелъ къ А. А. на прогулку. Они всѣ (мои братья) хотѣли ѣхать на велосипедѣ. Я дѣлалъ видъ, что былъ обиженъ и что не хочу ѣхать на велосипедѣ, и капризничалъ“.

Такихъ дѣтскихъ драмъ занесено въ дневникъ не мало. Незначительная невѣжливость, мимолетная праздничная радость, что не будетъ уроковъ, обнаруженіе нѣкотораго самомнѣнія, тщеславія, рѣдкіе капризы, невнимательное отношеніе къ молитвѣ, внутреннее недовольство какимъ-либо замѣчаніемъ и т. п.—все это тщательно отмѣчалось въ записныхъ книжкахъ. Князь Олегъ, видимо, работалъ надъ собой съ большимъ усердіемъ и на дѣлѣ осуществлялъ эпиграфъ, поставленный имъ на одной изъ этихъ книжекъ: „Каждодневно выметай свою избу, да хорошимъ вѣникомъ“ (О. Серафимъ). Приведемъ нѣсколько выдержекъ:

6 августа 1903 года. „Вчера, когда я проснулся, то подумалъ, что будній день и что мы будемъ учиться, а потомъ вспомнилъ что 6 августа—Преображеніе, и былъ очень радъ, что мы не будемъ учиться. Это было нехорошо, потому что нужно всегда любить учиться, а не лѣниться. Потомъ Куку [1]) пришелъ насъ будить. Костя [2]) спросилъ его, который часъ. Куку

[1]) Такъ звали Князья своего камердинера Крюкова. Другія его прозвища—Куся, Кукусина.

[2]) Князь Константинъ Константиновичъ.

сказалъ: „25 минутъ 7-го“. И я тоже это спросилъ. А Куся сказалъ: „Алексѣй Михайловичъ сказалъ будить 25 минутъ 7-го“. Я съ маленькимъ негодованіемъ всталъ. Но я все-таки напишу, что я, хотя и не опоздалъ, а все-таки немножко заставилъ M-r Voyelle'a подождать. Мнѣ нужно отвыкнуть копаться. Потомъ я говорилъ про M-r Voyelle'a, что онъ ходилъ вокругъ комнаты тогда, когда Костя и Игорь молились, но мнѣ попало. Очень спорилъ, и разъ нехорошо, съ А. М. Очень бывалъ невѣжливъ, и изъ-за этого бывали непріятности“.

28 октября 1903 года. „Ворчалъ, что И. ходилъ, когда я хочу спать. Былъ недоволенъ, что лежу, когда не могу заснуть. Не совсѣмъ внимательно молился. Завидовалъ. Былъ недоволенъ, что нужно ждать И. къ чаю. Сердился на Н. П. Подлизывался. Невѣжливъ. Сердился. Пугалъ И. Сердился на И. Сердился на сестру и былъ невѣжливымъ. Плакалъ. Былъ недоволенъ, что не даютъ кофе. Сердился и былъ невѣжливъ. Сердился на Куку. Ворчалъ на Павку. Сердился“.

31 октября 1903 года. „Привередничалъ. Подлизывался. Сердился. Невѣжливъ. Ворчалъ. Сердился и былъ невѣжливъ. Надоѣдалъ Т. Лѣнился. Ссорился съ И. Я началъ ссору и не выдержалъ обѣщанія“.

Съ годами это стремленіе къ самоанализу усиливалось и становилось все сложнѣе. Надо удивляться, что 12-лѣтнимъ мальчикомъ Князь Олегъ уже серьезно задумывался надъ собой, и подъ наивной оболочкой его дѣтскихъ записей въ дневникѣ скрываются порою далеко не дѣтскія чувства и мысли. Вотъ что, напримѣръ, набрасываетъ онъ въ самомъ началѣ 1905 г., во время своего заболѣванія корью: „У меня очень непріятная вещь: я не могу почти молиться. Мнѣ очень трудно. Я вдумываюсь и очень трудно вдуматься. Я повторяю одно слово или фразу нѣсколько разъ. Это у меня отнимаетъ много времени. Я раздражаюсь и устаю. Думаю поговорить съ А. М. [1]). Онъ мнѣ помогаетъ, даетъ совѣты. Онъ мнѣ сказалъ, если трудно молиться, то прочитать одну молитву. Передъ молитвой надо представить себѣ, какъ Господь говорилъ „Отче нашъ“, надо вообразить, какъ Іисусъ Христосъ сидѣлъ на горѣ и училъ. Но когда я выздоровѣю, какъ тогда? Тогда, можетъ быть, пройдетъ... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ такъ тяжело. Душа у меня въ грѣхахъ. Я обдумалъ нѣкоторыя вещи во время болѣзни. Иногда кажется, что не наслѣдуешь Царствія Божія. Я думаю объ этомъ. Молиться надо: хорошо, что спохватился, а то было бы поздно“... И Князь Олегъ пытается нарисовать свой нравственный обликъ, въ которомъ, по его убѣжденію, такъ много отрицательныхъ чертъ: „Я слишкомъ о себѣ высокаго мнѣнія. Гордымъ быть не хорошо. Я напишу тутъ, что я про себя думаю. Я умный, по душѣ хорошій мальчикъ, но слишкомъ о себѣ высокаго мнѣнія. У меня талантъ писать сочиненія, талантъ къ музыкѣ, талантъ къ рисованію. Иногда я самъ себя обманываю и даже часто. Я

---

[1]) Воспитатель А. М. Максимовъ.

иногда закрываю себѣ руками правду. Я нервный, вспыльчивый, самолюбивый, часто бываю дерзокъ отъ вспыльчивости. Я эгоистъ. Я сердитъ иногда изъ-за совсѣмъ маленькаго пустяка. Хочется быть хорошимъ. У меня есть совѣсть. Она меня спасаетъ. Я долженъ ее любить, слушаться, а, между тѣмъ, я часто ее заглушаю. Можно заглушить совѣсть навѣки. Это очень легко. Но безъ совѣсти человѣкъ пропалъ... Надо прислушиваться къ ней. Она иногда забываетъ человѣка, если онъ забываетъ ее. Но не надо забывать совѣсть. Она для человѣка вѣрная спутница. Я теперь читаю „Петербургскіе шарманщики“. Григоровичъ говоритъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже есть совѣсть. Вѣрно!!! У каждаго, даже дурного человѣка совѣсть заработаетъ, если онъ ее вспомнитъ. Каждому человѣку дана совѣсть, но не у каждаго она сохранилась... Когда не знаете, какъ поступить, спросите совѣсть. Кромѣ того, говорите всегда правду. Для чего неправда? Вы отвѣчаете: „Для того, чтобы не узнали“. Увѣряю васъ, если теперь не узнали, потомъ всегда узнается. Сколько разъ мнѣ ни приходилось врать, всегда узнавали. Если вы въ дѣтствѣ научились обманывать, то потомъ вы съ трудомъ отучитесь или совсѣмъ не отучитесь. Для человѣка двѣ главныхъ вещи: совѣсть и правда. Если человѣкъ никогда не будетъ обманывать, онъ счастливъ. Если человѣкъ всегда слушается совѣсти, онъ будетъ хорошимъ человѣкомъ“...

Черезъ нѣсколько дней онъ записываетъ: „Намъ, людямъ, не надо воображать, что мы очень умные. Я воображаю, что я геній. Я знаю только милліонную часть того, что знаетъ все человѣчество. Если я буду думать, что я геній, то я могу сказать, что мнѣ не надо учиться. Нѣтъ. Я долженъ себѣ вдолбить въ голову, что я въ сравненіи со всѣмъ міромъ ничего не знаю... Но не надо этимъ отчаиваться. Не надо забывать, что изъ песчинокъ выходятъ пустыни, что изъ капель выходятъ моря. Человѣкъ долженъ сдѣлать изъ себя песчинку, а сдѣлавъ песчинку, дѣлать двѣ и т. д. Скажемъ, что такихъ песчинокъ человѣкъ сдѣлаетъ въ свою жизнь пять. Если каждый человѣкъ будетъ дѣлать пять песчинокъ, то мы будемъ больше знать, чѣмъ теперь“.

Наивной дѣтской простотой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокой серьезностью дышитъ также слѣдующая запись, сдѣланная 22 мая 1905 года: „Я однажды лежалъ вечеромъ въ кровати и прочиталъ всѣ заповѣди Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Подумалъ о моей жизни: могу ли я наслѣдовать Царствіе Небесное? И когда я прочиталъ вторую заповѣдь Ветхаго Завѣта „Не сотвори себѣ кумира“..., то подумалъ, что верховая ѣзда—мой кумиръ. Я весь день думаю, будетъ ли верховая ѣзда, а душу забываю. Я долженъ заботиться о своей душѣ. Я долженъ о ней думать и готовить къ Страшному Суду. А я о ней такъ мало думаю. Можно думать и о верховой ѣздѣ, но не надо этимъ злоупотреблять и забывать душу“.

Такой самоанализъ, переходившій порою въ самобичеванье, особенно проявлялся во время исповѣди. Князь Олегъ мучился, боясь забыть какой-

нибудь грѣхъ, и эти мученья бросались въ глаза воспитателямъ, хотя онъ и не говорилъ о нихъ открыто. Слѣды подобной нравственной пытки находятся въ одной дневной записи, гдѣ онъ признается даже въ такихъ грѣхахъ, содержаніе которыхъ было ему еще неизвѣстно: „Я боялся вписать“, пишетъ Князь Олегъ въ томъ же 12-лѣтнемъ возрастѣ, „то, что меня безпокоило, но теперь надо сказать. Я не говорилъ на исповѣди одного грѣха. Это для меня теперь мученье. Я это скажу на исповѣди и грѣхъ скажу. Сейчасъ идемъ въ церковь, но мы не теперь исповѣдуемся, а вечеромъ... Грѣхи мои: Обманывалъ. Дразнилъ. Былъ невѣжливъ со старшими. Дѣлалъ дурныя вещи, когда зналъ это. Дерзилъ. Передразнивалъ. Со служащими былъ невѣжливъ. Я непремѣнно все скажу. Вспоминаю молитву Ефрема Сирина. Если бы люди исполняли эту молитву! Мы молимся, чтобы Господь избавилъ насъ отъ лѣности, а я что дѣлаю? Лѣнь итти на уроки и приготовлять ихъ; лѣнь скоро мыться; лѣнь итти на отдыхъ.

„*Уныніе.* Сразу, какъ получу наказаніе,—всегда уныніе.

„*Любоначаліе.* Всегда пріятно покричать. Никогда Игоря не пускаю командовать.

„*Цѣломудріе и смиреномудріе.* Развѣ я цѣломудренъ? Развѣ я смиренъ? Развѣ я всегда добрый? Развѣ я всегда хорошій? Развѣ я не бываю невѣжливъ? Развѣ я не люблю поважничать?“

Весь школьный періодъ жизни Князя Олега занятъ этимъ стремленіемъ къ нравственному и умственному самоусовершенствованію. Немудрено поэтому, что онъ уже съ первыхъ шаговъ ученической-кадетской жизни поражалъ всѣхъ окружающихъ и своимъ высокимъ умственнымъ развитіемъ, и необычайной любознательностью, и вдумчивостью. Если прибавить къ этому еще крайне живой и общительный характеръ, доброе сердце и участливое отношеніе къ людямъ, то нетрудно представить себѣ то обаятельное впечатлѣніе, которое Князь Олегъ производилъ на всякаго, кому доводилось съ нимъ встрѣтиться.

Свой кадетскій мундиръ Князь Олегъ носилъ съ гордостью и всячески стремился оберечь его отъ какихъ бы то ни было, хотя бы малѣйшихъ нареканій. Зная, что его новый воспитатель былъ офицеромъ-воспитателемъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ, онъ съ первыхъ же дней знакомства просилъ его обращаться съ нимъ „построже, какъ съ настоящимъ кадетомъ“. Внутренней жизни корпуса Князь Олегъ на первыхъ порахъ, конечно, не представлялъ, и это его очень озабочивало. Поэтому онъ постоянно спрашивалъ своего воспитателя „о кадетскихъ порядкахъ“.

Одно обстоятельство заставило его особенно заинтересоваться бытомъ кадетъ. Въ началѣ іюня 1903 года, слѣдовательно, недѣли черезъ три послѣ того, какъ былъ выдержанъ вступительный экзаменъ въ корпусъ, вышла брошюра полковника Полторацкаго о его поѣздкѣ съ кадетами-полочанами по Западной Двинѣ въ собственноручно изготовленной ими лодкѣ. Полная захватывающаго интереса, брошюра увлекла Князя Олега настолько, что онъ

могъ описать экскурсію такъ живо, какъ будто бы самъ былъ ея участникомъ. Естественно, что ему поскорѣе хотѣлось попасть въ кадетскую среду; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ осени, когда, по желанію своего Августѣйшаго отца, онъ долженъ былъ начать посѣщеніе Александровскаго кадетскаго корпуса.

Незамѣтно подошло 15 августа, и вечеромъ этого дня Князья переѣхали въ Петербургъ. Ночь съ 15 на 16 августа Князь Олегъ спалъ безпокойно, съ перерывами, но утромъ всталъ бодро и заявилъ, что „чувствуетъ себя прекрасно“. Однако порывистыя движенія, односложный нервный разговоръ свидѣтельствовали о большомъ внутреннемъ волненіи. Это волненіе достигло крайняго напряженія, когда онъ очутился у подъѣзда корпуса. Схвативши своего воспитателя за локоть, онъ воскликнулъ: „Вы знаете, я забылъ Ваше имя и отчество!“ Тѣмъ не менѣе, Князь Олегъ справился съ собой и въ вестибюлѣ громко и отчетливо отрапортовалъ директору корпуса, ген. З. А. Макшееву. Въ 8 ч. 10 м. у. онъ уже сидѣлъ на школьной скамьѣ въ I отд. I класса.

На первой же перемѣнѣ Князь Олегъ рѣзвился со своими новыми товарищами, какъ будто со старыми знакомыми. Видимо, онъ сразу завладѣлъ вниманіемъ и симпатіями маленькихъ кадетиковъ, и, если бы не красные погоны полочанина, то его трудно было бы отличить отъ другихъ кадетъ-александровцевъ, такъ онъ слился съ ними всѣмъ своимъ существомъ. А на второй перемѣнѣ, пробѣгая мимо своего воспитателя, онъ шепнулъ ему: „Я страшно доволенъ!“ Объ этомъ, впрочемъ, можно было судить и по его восторженному, жизнерадостному, раскраснѣвшемуся лицу.

Вернувшись домой, Князь Олегъ въ приподнятомъ настроеніи всѣмъ разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ корпуса. Одноклассники очаровали его: „Ахъ, какіе это все милые мальчики!“ восклицалъ онъ: „Хоть бы скорѣе прошелъ сегодняшній день, а завтра—опять въ корпусъ!“ Классная работа тоже захватила его. Уже на пути во дворецъ онъ торопилъ своего воспитателя, ссылаясь на необходимость скорѣе приняться за уроки: „Михаилъ Викторовичъ“, [1]) говорилъ онъ, „задалъ намъ такую интересную задачу, что я готовъ сѣсть на первой тумбѣ, чтобы скорѣе рѣшить ее“. Нечего, конечно, упоминать о томъ, что уроки приготовлялись въ высшей степени добросовѣстно: это было въ характерѣ Князя Олега. Замѣтимъ только, что онъ никогда не довольствовался „схватываніемъ верхушекъ“ или „принятіемъ на вѣру“, причемъ особенно дорожилъ самостоятельностью работы и не любилъ посторонней помощи, къ которой прибѣгалъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Если встрѣчались какія-нибудь затрудненія, если что-либо было непонятно или если суть вопроса была не совсѣмъ ясна, Князь Олегъ утрачивалъ свое обычное веселое расположеніе, забывалъ любимыя игры и забавы, садился за книгу или за тетрадь и упорно

[1]) М. В. Соболевъ, преподаватель математики Александровскаго корпуса.

разбирался въ непонятномъ, пока не одолѣвалъ всѣхъ препятствій. Тогда снова возвращались къ нему веселье и жизнерадостность.

Одинъ изъ преподавателей Александровскаго корпуса, именно тотъ, который въ первый же день пребыванія Князя Олега въ классѣ „задалъ такую интересную задачу“, въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности объ его школьной работѣ: „При бѣгломъ взглядѣ на классъ“, пишетъ онъ, „преподаватель ни по какому внѣшнему признаку не могъ бы узнать, что въ немъ присутствуетъ одинъ изъ членовъ Царствующаго Дома: Олегъ Константиновичъ при входѣ преподавателя поднимался со своего мѣста на первомъ столѣ, смирно стоялъ во время обычнаго рапорта и съ благоговѣніемъ относился къ читаемой молитвѣ, если урокъ былъ первымъ. Но стоило всмотрѣться въ его милое лицо, чтобы невольно подумать: „Вотъ кадетъ, пришедшій въ классъ съ тѣмъ, чтобы чему-нибудь научиться“. Начинается урокъ. Олегъ Константиновичъ съ полнымъ вниманіемъ относится къ объясненіямъ учителя, стараясь понять сущность объясненій, а не запомнить отдѣльныя фразы. Наравнѣ съ прочими кадетами онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ классной работѣ, поднятіемъ руки заявляя о своемъ желаніи отвѣчать и, видимо, переживая пріятныя минуты, когда отвѣты его удачны... Уроки и урочныя занятія на домъ всегда исполнялись въ точности, а письменныя работы съ большой тщательностью... Отношенія къ преподавателю обусловливались благовоспитанностью и природной деликатностью Олега Константиновича. Сверхъ того, онъ видѣлъ въ преподавателѣ человѣка, пришедшаго въ классъ съ единственной цѣлью — научить чему-нибудь своихъ учениковъ, а потому всѣми своими духовными силами шелъ навстрѣчу учителю. Его легко было заинтересовать и притомъ безъ помощи какихъ-либо внѣшнихъ пріемовъ: внутренній интересъ, интересъ новизны знаній былъ руководителемъ Олега Константиновича, какъ ученика“.

15 сентября въ Петроградъ прибыла депутація Полоцкаго кадетскаго корпуса [1]) для поднесенія Князю Олегу альбома отъ корпуса.

Депутація остановилась въ Александровскомъ корпусѣ, и въ день ея пріѣзда Князь Олегъ, въ сопровожденіи братьевъ, Князей Константина и Игоря Константиновичей, одѣтый въ форму Полоцкаго кадетскаго корпуса, явился представиться своему директору. На другой день депутація была приглашена къ завтраку въ Мраморномъ дворцѣ, и Князь Олегъ сидѣлъ за столомъ между двумя своими товарищами-полочанами. Послѣ завтрака Высочайшія Особы съ депутаціей вышли въ пріемный залъ для осмотра поднесеннаго альбома, а вслѣдъ за этимъ кадеты съ Князьями отправились въ Зимній дворецъ. Князь Олегъ, взявши своихъ товарищей за руки, водилъ ихъ по дворцовымъ комнатамъ и все показывалъ. Вечеромъ онъ былъ съ полочанами въ циркѣ Чинизелли. 17 сентября депутація уѣхала.

---

[1]) Въ составѣ директора ген. Гутора, ротнаго командира полк. Кн. Мышецкаго, фельдфебеля Заболотскаго, старшаго кадета VII кл. Брояковскаго и двухъ кадетъ I кл. Сапунова и Семковскаго.

Это кратковременное знакомство съ представителями того корпуса, въ который Князь Олегъ былъ зачисленъ, произвело на него сильное впечатлѣніе: онъ отчетливѣе почувствовалъ духовную близость къ учебному заведенію и яснѣе созналъ свои обязанности по отношенію къ нему. Но, къ сожалѣнію, школьная жизнь Князя Олега черезъ нѣсколько дней послѣ этого неожиданно прервалась: 25 сентября онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ.

Болѣзнь Князя Олега носила тяжелый характеръ: температура доходила до 40,5, временами появлялась сильная боль въ головѣ и правомъ ухѣ, глаза почти не переносили свѣта, а кашель не давалъ покоя. Страданія его за эту болѣзнь были велики, но не они его угнетали: онъ готовъ былъ принимать какія угодно лѣкарства, переносить страшныя боли промыванія и продуванія больного уха, только бы все это осталось позади его, только бы скорѣе приняться за работу. Его не такъ подавляла мысль о подорванномъ здоровьѣ, какъ сознаніе необходимости въ теченіе долгаго времени пропускать занятія: „Боже мой!“ не разъ восклицалъ онъ: „когда же я успѣю догнать теперь своихъ товарищей“.

Незадолго до этой болѣзни, 20 сентября, въ день своего тезоименитства, Князь Олегъ получилъ въ подарокъ отъ Великаго Князя большую тетрадь въ бѣломъ кожаномъ переплетѣ для дневника, выдержки изъ котораго уже отчасти приводились, и въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ въ ней первую запись. Этотъ дневникъ, какъ мы увидимъ, является драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для воспроизведенія переживаній Князя Олега за весь періодъ дѣтства и отрочества вплоть до поступленія въ Лицей: сюда онъ заносилъ всѣ свои волненія, думы, настроенія и вдохновенія. До полученія этой большой тетради ему приходилось пользоваться для записей только маленькими карманными книжками.

Къ концу октября Князь Олегъ началъ уже поправляться и 26 октября возобновилъ дневныя записи, причемъ почти съ первыхъ же словъ приступилъ къ самообличенію: „Лѣнь слушать разсказы Насти...[1]). Павка[2]) пришелъ и говоритъ, что голова болитъ отъ того, что много ѣмъ. Потомъ сталъ жаловаться на Папа. Сердился на сестру. Не совсѣмъ доволенъ ѣдою. Ворчалъ, что маленькій гренокъ...“[3]).

Лѣнь, на которую онъ жалуется постоянно въ эти дни, была, въ сущности, естественнымъ противодѣйствіемъ ослабленнаго болѣзнью организма противъ возобновившихся домашнихъ занятій, но Князь Олегъ не искалъ для нея оправданій и съ безпристрастіемъ лѣтописца отмѣчалъ ея проявленія въ томъ или другомъ случаѣ.

18 ноября въ дневникѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующую запись: „Началъ читать осаду Севастополя. Мнѣ очень нравится адмиралъ Корниловъ и адмиралъ Истоминъ. Адмиралъ Нахимовъ кажется немножко смѣш-

---

[1]) А. П. Орловой.
[2]) П. Е. Кеппенъ.
[3]) Такія же записи и дальше въ теченіе нѣсколькихъ дней.

нымъ: у него фуражка надѣта на затылокъ. Это все ничего, а мнѣ нравится, что онъ самъ направлялъ пушку".

Въ это время въ Народномъ домѣ ставилась драма Оленина „Севастополь". Князь Олегъ объ этомъ зналъ, но мечтать о поѣздкѣ въ театръ не приходилось, потому что доктора на прогулки еще не выпускали. Однако обстоятельства сложились такъ, что къ великой радости Князя Олега ему было разрѣшено въ первый разъ выѣхать именно въ Народный домъ. 20 ноября онъ записываетъ: „Вчера я всталъ съ большимъ негодованьемъ и ворчалъ. А. М. сказалъ Кукусинѣ, чтобы онъ будилъ насъ въ 7 часовъ. Я очень негодовалъ за это... Здоровались съ Мама, поссорился съ Татьяной. Потомъ приготовлялъ уроки. Игралъ на роялѣ и немного негодовалъ. Потомъ опять приготовлялъ уроки. Передъ завтракомъ я услыхалъ, что говорятъ про Севастополь. Потомъ Папа насъ спрашиваетъ, прочитали ли мы все про Севастопольскую войну. Тогда я догадался, что насъ хотятъ взять на „Севастополь" въ театръ. Меня Папа еще спросилъ: „Выпускаютъ тебя на воздухъ?" Я сказалъ, что нѣтъ. Тогда, конечно, я все понялъ, но всетаки обидѣлся: а вдругъ меня не пустятъ? Это меня заставило призадуматься. Потомъ за завтракомъ намъ Папа сказалъ: „Вы поѣдете завтра на „Севастополь". Мы ужасно обрадовались. Послѣ завтрака я рисовалъ подарокъ на Рождество Государю. Потомъ сердился на Игоря, что онъ плохо слушаетъ урокъ, и очень много съ нимъ распоряжался. Невѣжливъ съ Н. П.[1]) и съ Тата[2]). Послѣ обѣда всенощная. Сердился на Игоря".

Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что обиліе невинныхъ прегрѣшеній, отмѣченное Княземъ Олегомъ во вторую половину дня, въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ волненіемъ, которое было вызвано разрѣшеніемъ ѣхать въ театръ и которое неизбѣжно должно было нарушить душевное равновѣсіе въ отношеніи нѣкоторыхъ сторонъ дисциплины. Въ этотъ вечеръ, ложась спать, Князь Олегъ думалъ о театрѣ; на другое утро за обѣдней онъ, по собственному его признанію, „не все время внимательно стоялъ" и тоже думалъ о театрѣ.

Спектакль произвелъ на Князя Олега сильнѣйшее впечатлѣніе. Вернувшись домой, онъ тщательнымъ образомъ заноситъ въ свой дневникъ подробности представленія, стараясь припомнить цѣликомъ отдѣльныя картины и ихъ инсценировку. Въ слѣдующемъ году, при началѣ японской кампаніи, онъ опять вспомнилъ объ этомъ представленіи.

Съ 22 по 31 декабря 1903 года въ Петербургѣ съ Высочайшаго соизволенія былъ устроенъ съѣздъ преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Августѣйшій Главный Начальникъ живо интересовался трудами этого съѣзда, оказавшаго такое большое вліяніе на русскую педагогическую мысль, часто посѣщалъ его засѣданія, а 30 декабря пригласилъ на раутъ въ Мраморный дворецъ всѣхъ его участниковъ. Здѣсь Князю

[1]) А. П. Орлова.
[2]) Княжна Татіана Константиновна.

Олегу были представлены преподаватели Полоцкаго корпуса, съ которыми онъ много бесѣдовалъ, показывалъ имъ свои тетради и разсказывалъ о своихъ временно прерванныхъ занятіяхъ въ Александровскомъ корпусѣ.

Къ праздникамъ Рождества Христова Князь Олегъ уже успѣлъ достаточно оправиться и мало-по-малу возобновилъ свои занятія, чтобы наверстать пропущенное во время болѣзни. Это ему удалось сдѣлать очень быстро, и 9 января корпусъ опять увидѣлъ его въ своихъ стѣнахъ. Правда, худощавость и блѣдность еще напоминали о недавней болѣзни, но въ этомъ слабенькомъ на видъ мальчикѣ попрежнему жилъ бодрый духъ. Все обѣщало спокойную, здоровую работу, однако скоро наступили событія, которыя нарушили душевное равновѣсіе Князя Олега. 19 января онъ записываетъ: „Сегодня интересный день. За обѣдомъ Папа говорилъ про войну. Дяденька сказалъ: „Ходятъ слухи, будто война будетъ, и что завтра, 20-го, Государь объявитъ войну“.

Началась японская война. Князь Олегъ, несмотря на свои 11 лѣтъ, былъ очень ею возбужденъ и съ жадностью набрасывался на каждое извѣстіе съ театра военныхъ дѣйствій. Его дѣтская головка, казалось, была полна мыслей о томъ, что происходило на Дальнемъ Востокѣ, и фантазія рисовала самыя несбыточныя картины. Въ одномъ мѣстѣ дневника читаемъ по этому поводу такія строки: „Страшно хочется на войну. Если будетъ сраженіе при Кронштадтѣ, я думаю, что я пойду. Недавно читалъ, какъ одинъ мальчикъ, по имени „Маркушка“, стрѣлялъ изъ мортиры. Если будетъ время такое, какъ при Севастополѣ, всѣхъ возьмутъ. И я буду стрѣлять изъ мортирки. Будемъ послѣ войны пѣть „Было дѣло при Кронштадтѣ, и Олегъ тамъ воевалъ“:

„Много, братцы, гибло тамъ,
Но сражались мы прехрабро!
Нашъ казакъ Максимовъ [1]) храбрый
Отличился тамъ въ бою.
Братцы! Грудью послужите!
Гряньте бодро на врага!
И вселенной докажите,
Сколько Русь намъ дорога!
Посмотрите, подступаетъ
Къ вамъ соломенный народъ,
Сколько ядеръ выпускаетъ!
Все напрасно въ насъ стрѣляетъ:
Мы идемъ, идемъ впередъ“.

Воинственный пылъ, сказавшійся въ этомъ дѣтски-наивномъ, несладномъ стихотвореніи, заставлялъ Князя Олега и дальше мечтать въ томъ же родѣ: „Я буду казакомъ на войнѣ“, развиваетъ онъ свои мысли. „Будетъ лошадь, казачье сѣдло, и уздечка, и бичевка, все, что нужно на войну. Крюковъ будетъ настоящій Кутузовъ. Отецъ А. М. — Скобелевъ. А. М. —

[1]) Воспитатель Князя Олега А. М. Максимовъ былъ родомъ казакъ.

Барклай де Толли или Нахимовъ (только онъ будетъ казакъ). Игорь, сынъ А. М., будетъ Корниловъ, а я буду Кошка".

Скоро, однако, начались наши неудачи на Дальнемъ Востокѣ. Какъ сильно онѣ повліяли на Князя Олега, можно судить прежде всего по воспоминаніямъ его воспитателя, который говоритъ, что военныя неудачи „съ самаго начала наполняли сердце Олега Константиновича такой искренней тревогой и болью, что онъ временами терялъ свое послѣднее спокойствіе: не спалъ по ночамъ и бывалъ апатиченъ на занятіяхъ. Лишь умѣнье владѣть собой скрывало его душевное безпокойство отъ посторонняго глаза, но тотъ, кто близко стоялъ къ этому десятилѣтнему горячему патріоту, видѣлъ, какъ тяжко онъ переживалъ неудачи своей дорогой родины. „Бѣдный Государь, бѣдная Россія", покачивая головой, говорилъ Его Высочество, когда дальневосточныя телеграммы приносили намъ извѣстіе одно печальнѣе другого". Нѣсколько строчекъ изъ дневника позволятъ еще ярче почувствовать переживанія Князя Олега. Неизвѣстнаго числа, но, очевидно, въ то время, когда въ русскомъ обществѣ стали уже распространяться опасенія за участь Портъ-Артура, онъ записываетъ: „Я сегодня получилъ письмо отъ Ивана Михайловича[1]). Оно было такъ трогательно, что я хотѣлъ заплакать, но удержался. О, какъ я былъ глупъ, когда былъ радъ войнѣ! Сколько осталось осиротѣлыхъ семействъ! Я хотѣлъ итти, вѣрнѣе сказать, убѣжать на войну. Если Господь Богъ меня пошлетъ, во время нашего путешествія въ Крымъ, на войну, я буду такъ радъ!... Сегодня за завтракомъ говорили, что въ Портъ-Артурѣ осталось только 10000 войскъ, что Портъ-Артуръ не выдержитъ. Въ 6 часовъ вечера я заперся въ комнатѣ и сталъ просить Всевышняго о помощи Портъ-Артуру. Потомъ я взялъ молитвенникъ, хотѣлъ по нему прочитать молитвы и подумалъ: „Я открою, не ища, молитвы. Какія попадутся, тѣ и прочту. Можетъ быть, будутъ какъ разъ тѣ, которыя на войну — это воля Бога. Разворачиваю молитвенникъ — попадаются молитвы на войну". И Князь Олегъ пишетъ тутъ же стихотвореніе:

„Господи! воздвигни силу Твою и пріиди во еже спасти ны",
Такъ молится русскій народъ.
И дай Ты намъ помощь,
Одушевленіе подай Ты войскамъ!"

Сколько въ этой дневной записи тяжелыхъ дѣтскихъ думъ и нравственныхъ страданій! Гнетущая мысль объ осиротѣлыхъ семействахъ, страстное желаніе принять участіе въ борьбѣ за родину, молитвенное обращеніе къ Богу—все это переплелось въ безыскусственныхъ строкахъ дневника.

Единственнымъ утѣшеніемъ въ этой войнѣ служила для Князя Олега отправка въ армію собственноручно изготовленныхъ имъ различныхъ посылокъ съ предметами первой необходимости. И какъ былъ онъ радъ,

---

[1]) И. М. Максимовъ, братъ А. М. Максимова.

когда получалъ благодарные отвѣты за свои подарки. Особенно плѣнило его письмо одного рядового, Артамона Берникова, который скромно подѣлился съ маленькимъ Княземъ своими боевыми подвигами. „Какой молодчина этотъ Берниковъ“, разсуждалъ Князь Олегъ: „и вѣдь тамъ все такіе, а мы почему-то идемъ все назадъ и назадъ... Но я убѣжденъ, что мы рано или поздно еще имъ покажемъ“...

Лѣто 1904 года Князья проводили въ Московской губерніи, въ имѣніи „Осташево“, за годъ до этого пріобрѣтенномъ Великимъ Княземъ. Но Князь Олегъ попалъ въ деревенскую обстановку, о которой много мечталъ въ послѣднюю зиму, позже другихъ, такъ какъ 19 мая, только что получивши изъ корпуса отличный отзывъ о своихъ занятіяхъ, заболѣлъ свинкой. Только 20 іюня его мечты осуществились.

Осташево, какъ мы увидимъ, оставило въ разныхъ отношеніяхъ замѣтные слѣды въ духовной жизни Князя Олега. Здѣсь родилось и питалось его творческое вдохновеніе, здѣсь онъ изучалъ внѣшній бытъ народа и его внутренній міръ, здѣсь онъ находилъ любимый отдыхъ въ минуты досуга, здѣсь теперь покоится его прахъ. Этотъ уголокъ такъ описанъ въ одномъ изъ стихотвореній К. Р.:

„Старинный домъ надъ тихою рѣкой
И бѣлорозовый, въ ней отраженный
Напротивъ сельскій храмъ надъ крутизной.
Садъ незатѣйливый, но благовонный;
Надъ цвѣтомъ липы пчелъ гудящій рой;
И передъ домомъ лугъ съ двумя прудами,
И островки съ густыми тополями.“

За церковью — лѣсъ:

„Тамъ послѣ солнцемъ залитаго сада,
Засушнымъ лѣтомъ, въ яркій знойный день
И тишина, и сумракъ, и прохлада...
Подъ ельника мохнатыми вѣтвями
Таинственный, суровый полумракъ.
Коверъ опавшей хвои подъ ногами;
Она мягка и заглушаетъ шагъ.
А дальше манитъ бѣлыми стволами
Къ себѣ веселый, свѣтлый березнякъ
Съ кудрявою, сквозистою листвою
И сочною, росистою травою.“

Въ лѣсу — оврагъ:

„Оттуда вверхъ ведетъ
Ступенями тропа на холмъ лѣсистый;
Надъ нею старыхъ елей мрачный сводъ
Нависъ, непроницаемый, вѣтвистый,
И потайной пробился въ чащѣ ходъ.
Тамъ ароматъ обдастъ меня смолистый.

Въ густой тѣни алѣетъ мухоморъ,
И бѣлый грибъ украдкой дразнитъ взоръ."

Въ ясные лѣтніе вечера

„...Малиновымъ огнемъ
Рѣка горитъ подъ алымъ небосклономъ,"

а на берегу ея залитый свѣтомъ умирающаго дня — домъ

„Съ колоннами, классическимъ фронтономъ,
Широкой лѣстницей передъ крыльцомъ,
Двумя рядами оконъ и балкономъ."

Здѣсь всюду „миръ царитъ невозмутимый", здѣсь—„тишина и отдыхъ, и уютъ".

Вотъ въ этомъ-то благодатномъ уголкѣ поселился впервые Князь Олегъ въ 1904 году. Богатое красками сочетаніе лѣса, воды, небесной шири и необъятной дали поразили своею прелестью Князя. Особенно онъ полюбилъ высокій холмъ въ паркѣ, на самомъ берегу Рузы, откуда почти во всѣ стороны открывались дивныя картины. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы побывать на этомъ холмѣ. Здѣсь онъ зачитывался своимъ любимымъ Пушкинымъ, рисовалъ, а то и просто отдавался мечтамъ, лежа на спинѣ и глядя въ голубую небесную даль. По разсказу А. М. Максимова, Князь Олегъ, уходя какъ-то съ этого холма, глубоко вздохнулъ и произнесъ: „Каждый разъ, когда я побываю здѣсь, мнѣ непремѣнно приходитъ на умъ извѣстное изреченіе: „Какъ прекрасно созданъ Божій міръ!"... И это вѣрно".

Въ мирной деревенской обстановкѣ Князь Олегъ проводилъ каникулы 1904 года. Занятіями здѣсь его не обременяли, такъ какъ вся учебная работа сводилась, главнымъ образомъ, къ чтенію и бесѣдамъ по русскому и иностраннымъ языкамъ. Въ $6^1/_4$ час. утра Князь Олегъ былъ уже на воздухѣ и только въ $8^1/_2$ час. возвращался въ свою комнату, чтобы лечь спать. Въ теченіе утра и дня онъ принималъ живѣйшее участіе въ крестьянскихъ полевыхъ работахъ. По этому поводу онъ пишетъ 6 іюля Великой Княгинѣ: „...Время проводимъ очень весело: гребемъ, косимъ и возимъ сѣно. Познакомились со многими крестьянами и крестьянками. Одна баба мнѣ сказала: „Дай Богъ намъ съ Вами лучше знаться, чѣмъ все время ругаться!.."

Крестьяне съ первыхъ же дней горячо полюбили Князя Олега и всегда безпокоились, когда ихъ „помощникъ" почему-либо не выходилъ на работу. Идя въ поле и возвращаясь оттуда, Князь Олегъ нерѣдко заходилъ въ избы своихъ „осташевцевъ" и съ вниманіемъ выслушивалъ ихъ разсказы о крестьянской жизни, крестьянскихъ нуждахъ и радостяхъ. Всѣ обитатели деревни ему были хорошо знакомы: въ его бесѣдахъ съ окружающими постоянно упоминались и „пастушокъ Павлуша", и „добрый дядя Егоръ", и „смѣшная тетка Анисья", и мн. др.

Втянувшись въ такую жизнь, Князь Олегъ далекъ былъ отъ мысли, что ему скоро придется вернуться въ городъ. Но обстоятельства сложились иначе.

30 іюля во время обѣда (въ 5 ч. д.) была получена изъ Стрѣльны телеграмма Великаго Князя о рожденіи Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича. Отъ радости Князья не могли продолжать обѣда. Давно жданное извѣстіе быстро разнеслось по усадьбѣ и деревнѣ. То тамъ, то здѣсь послышались крики „ура". На площадкѣ передъ парадным подъѣздомъ осташевскаго дома скоро собралась толпа служащихъ и мѣстныхъ жителей, обсуждавшихъ важность событія и ожидавшихъ, видимо, подтвержденія его. Тогда Князья вышли на крыльцо, и Князь Константинъ Константиновичъ громко прочиталъ телеграмму. Едва смолкъ его голосъ, какъ раздалось общее ликующее „ура". Низшіе служащіе при Князьяхъ, какъ бы желая подчеркнуть важность переживаемой минуты, содѣйствовали подъему чувствъ, кто чѣмъ могъ: двое изъ нихъ открыли стрѣльбу изъ охотничьихъ ружей, другіе двое заиграли на охотничьихъ рожкахъ.

Быстро промелькнули нѣсколько дней, проведенныхъ въ повышенномъ настроеніи, и утромъ 9 августа Князь Олегъ вмѣстѣ со своими братьями выѣхалъ въ Стрѣльну, чтобы присутствовать на крестинахъ Наслѣдника Цесаревича. Вотъ какъ описываетъ это событіе самъ Князь Олегъ въ дневникѣ 13 августа 1904 года: „Насъ всѣхъ вызвали изъ Осташева на крестины Алексѣя. Крестины должны были быть 11 августа. Мы пріѣхали 10-го, на рожденіе Папа. Переночевавъ въ Стрѣльнѣ и надѣвъ сшитые въ одну ночь мундиры, мы отправились въ Петергофъ. Іоаннъ, Ганя и Таня [1]) участвовали въ шествіи. А. М. [2]), Костя, Игорь [3]) и я пошли по комнатамъ дворца въ церковь. Приходилось итти большими залами, наполненными народомъ. Тамъ было много графовъ, графинь и т. д. Прошли мимо караула, отдавшаго намъ честь, и, наконецъ, вошли въ церковь. Тутъ я увидалъ впервые ген. Сахарова [4]). Вдругъ все смолкло. Входитъ шествіе. Впереди Государь съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Мы выстроились: Костя, я, Игорь; А. М.—позади. Государь улыбнулся и поздоровался. Все было очень интересно. Наконецъ,—Княгиня Голицына съ подвязанной къ шеѣ подушкой, а на подушкѣ—Алексѣй. Началось богослуженіе. Служили: митрополитъ Антоній, от. Янышевъ и от. Іоаннъ Кронштадтскій; были еще 2 архимандрита, 2 діакона и 2 псаломщика,—всѣ въ золотыхъ ризахъ. Государь былъ въ формѣ атаманцевъ. Другіе были въ парадныхъ мундирахъ. Всѣ дамы въ русскихъ платьяхъ. Татіана также въ русскомъ платьѣ изъ розовой парчи, съ розовыми сапожками. У Татіаны, В. К. Маріи Павловны, В. К. Елисаветы Ѳеодоровны и у меня закружилась голова, и я стоялъ за рѣшеткой.

---

[1]) Князья Іоаннъ и Гавріилъ Константиновичи и Княжна Татіана Константиновна.
[2]) А. М. Максимовъ, воспитатель младшихъ Князей.
[3]) Князья Константинъ и Игорь Константиновичи.
[4]) Тогдашній военный министръ.

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1905 г.

Потомъ вышелъ. Когда я былъ за рѣшеткой, то сидѣлъ у Наслѣдника Алексія Николаевича. Онъ очень миленькій: все время игралъ пальцами. Послѣ крестинъ шествіе пошло въ покой Государя. Намъ, т. е. Іоаннчику, Гаврилушкѣ, Костѣ, Игорю и мнѣ, пришлось проходить по большой галлереѣ, наполненной генералами. Итти было очень трудно изъ-за множества народа... Второй разъ мы увидали, какъ везли Наслѣдника. Черезъ нѣсколько времени поѣхали домой. Все было очень весело и интересно".

Возвратиться въ Осташево въ это лѣто уже не пришлось: врачи нашли необходимымъ отправить Князя Олега на предстоящую зиму на югъ, въ Крымъ, чтобы окончательно поправить его легкія. Князь Олегъ только объ одномъ жалѣлъ, что „не попрощался съ милымъ Осташевымъ какъ слѣдуетъ". За нѣсколько дней до отъѣзда онъ выѣхалъ изъ Стрѣльны въ Петербургъ попрощаться съ Августѣйшею бабушкой, Великой Княгиней Александрой Іосифовной, и съ товарищами по Александровскому корпусу, а кромѣ того, помолиться въ Петропавловскомъ соборѣ и въ часовнѣ Спасителя. 24 августа въ дворцовой Стрѣльнинской церкви былъ отслуженъ напутственный молебенъ, и на слѣдующій день Князь Олегъ выѣхалъ въ Ливадію. Черезъ нѣсколько дней, уже въ Крыму, онъ записалъ въ свой дневникъ: „Это былъ вечеръ 24 августа. Папа, Костя, Татіана—въ Осташевѣ. Завтра мы уѣзжаемъ въ Крымъ. Гаврилушка завтра будетъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Іоаннчикъ и Ганя—въ Москвѣ. Мы съ Игоремъ сидимъ у Мама. Это послѣдній вечеръ съ нею. Помолившись съ Мама, идемъ спать. На другое утро идемъ къ Мама и Георгію. У Георгія я прослезился, у Мама заплакалъ. Это первый разъ, что я провожу зиму не въ Петербургѣ. Дяденька провожалъ до Стрѣльнинскаго вокзала... Черезъ три дня мы будемъ въ Ливадіи.—Въ Москвѣ мы попрощались съ Папа, и всѣ тронулись въ путь. Когда мы проѣзжали Харьковскую и Орловскую губерніи, было очень интересно смотрѣть. Степь мнѣ очень понравилась. Прелесть! Интересно было, когда подъѣзжали къ Севастополю! Мы видали разныя пещеры. Когда показался Харьковъ, мнѣ вдругъ захотѣлось поѣхать на Донъ, къ отцу А. М. [1]). Это моя мечта! Увы, это нескоро.

Степь—моя душевная мечта,
Степь—это мысль моя!"

Порядокъ дня въ Ливадіи для Князя Олега былъ установленъ слѣдующій: онъ вставалъ въ 6 часовъ и, послѣ обливанія морской водой, молитвы и чая, около 7 час. утра былъ уже на воздухѣ и до 8 либо ѣздилъ вер-

---

[1]) Отецъ воспитателя очень занималъ Князя Олега. Въ одномъ изъ дневниковъ онъ записываетъ: „Моя мечта—поѣхать къ отцу А. М.... Отецъ его, Мих. Ник., 84 лѣтъ, въ отставкѣ. Имѣетъ Георгія 4-й степени, пошелъ на войну вольноопредѣляющимся. Былъ въ войнахъ: усмиренія Польши, Кавказской (тамъ получилъ Георгія), Севастопольской и Турецкой. Георгія онъ получилъ за дѣло. Разъ ему надо было отвезти въ крѣпость 1.000 рублей. Горцы узнали это. Сдѣлали засаду. Онъ этого не зналъ. Вдругъ вылетаетъ на него 10 горцевъ. Онъ не потерялся. Зарубилъ одного, другого, привязалъ къ стремени третьяго, четвертаго зарубилъ, другіе убѣжали. Вообще у меня мечта поѣхать въ станицу А. М."...

хомъ, либо совершалъ пѣшія прогулки съ однимъ изъ преподавателей новыхъ языковъ. Отъ 8 часовъ слѣдовали 40-минутные уроки, прерывавшіеся 20-минутными перемѣнами на воздухѣ. Такихъ уроковъ было ежедневно четыре. Въ 1 часъ дня былъ завтракъ, въ 6½—обѣдъ, въ 8½—Князь Олегъ ложился спать. Въ промежутки между этими часами онъ готовилъ заданные уроки, писалъ письма и выходилъ на воздухъ для игръ, прогулокъ и верховой ѣзды. Крымская природа произвела на Князя Олега чарующее впечатлѣніе и имѣла несомнѣнное вліяніе на его эстетическое развитіе. Живымъ свидѣтелемъ этого является одна запись въ дневникѣ, сдѣланная 21 апрѣля 1905 года: „Когда мы ѣхали по Севастопольскому шоссе, было чудно. Въ одномъ мѣстѣ была свѣжая зелень. Чудно хорошо! Потомъ, когда мы выѣхали на открытое мѣсто, гдѣ бываетъ почти всегда вѣтеръ, то убѣдились, что на этотъ разъ тамъ вѣтра нѣтъ. Кругомъ очень красиво: надъ нами голубое небо, передъ нами рядъ горъ, налѣво море. Оно сегодня спокойно, спокойно. Наконецъ, мы поворачиваемъ направо. Что же мы видимъ? Передъ нами Ай-Петри. Онъ какъ бы упирается въ небо; его верхушка какъ бы шапка на немъ. Весь онъ покрытъ лѣсомъ, а въ промежуткахъ между лѣсами видна голая скала. Мы поѣхали рысью. Лошади идутъ хорошо, спокойно. Мы всѣ ѣдемъ въ рядъ... Вотъ по дорогѣ корова, испугавшись насъ, взбѣжала на пригорокъ... До скалы, которая поднимается на Ай-Петри, есть отъ шоссе пространство, усѣянное камнемъ. Между ними растетъ „молочай“... Замѣчательно подходитъ молочай подъ скалу!“

Здоровье Князя Олега скоро совершенно поправилось, онъ окрѣпъ и былъ полонъ жажды работать физически и умственно. Пріѣзжавшіе для занятій съ нимъ преподаватели Ялтинской мужской гимназіи въ одинъ голосъ заявляли, что съ учебнымъ матеріаломъ онъ справляется шутя и требуетъ отъ нихъ прохожденія курса въ значительно большемъ объемѣ. Всѣ, конечно, охотно шли навстрѣчу желаніямъ и способностямъ Князя Олега, и по однимъ предметамъ учебная программа была увеличена, по другимъ—были введены внѣклассныя занятія. Особенно заинтересовала его естественная исторія [1]): „Я очень люблю этотъ предметъ“, писалъ онъ Великому Князю 4 декабря 1904 года. Кромѣ того, онъ увлекался духовно-нравственными бесѣдами ореандскаго священника о. Л. Колчина.

Рѣдкая вдумчивость, умственное развитіе не по лѣтамъ, неудержимое стремленіе къ новымъ познаніямъ—часто выбивали преподавателей изъ намѣченной колеи и заставляли ихъ расширять предѣлы урока. „Помню“, разсказываетъ А. М. Максимовъ, „какъ на одномъ изъ уроковъ этотъ маленькій любознательный ученикъ обратился къ своему учителю съ вопросомъ: „Вотъ теперь идетъ война. Мы часто молимся о побѣдѣ. Но, вѣдь, побѣда достигается пораженіемъ противника, причемъ въ непріятельскихъ рядахъ всегда есть убитые. Значитъ, мы молимся о томъ, чтобы побольше убить народу. А наша запо-

[1]) Преподавателемъ ея былъ П. А. Беневскій.

вѣдь говоритъ: „Не убій!“ Какъ же совмѣстить здѣсь одно съ другимъ“.—Бесѣда на эту тему заняла нѣсколько часовъ. Преподаватель естественной исторіи какъ-то разъ сослался на „извѣстнаго Ньютона, математика и естествоиспытателя“, и сейчасъ же былъ засыпанъ рядомъ вопросовъ: „почему и чѣмъ Ньютонъ извѣстенъ? когда жилъ? кто изъ русскихъ можетъ быть сравненъ съ Ньютономъ?“ и т. п.

Въ обыденное внѣурочное время Князь Олегъ, по словамъ воспитателя, былъ предметомъ общаго вниманія. Его находчивость, смѣлость, веселый нравъ, умѣнье говорить и выходить изъ затруднительныхъ положеній—всегда дѣлали его до нѣкоторой степени руководителемъ: „Къ загрустившему братцу онъ подойдетъ“, разсказываетъ воспитатель, „поговоритъ, обниметъ, похлопаетъ по плечу, пощекочетъ, и смотришь—оба уже возятся, веселые и довольные. Нерасположеннаго къ движеньямъ онъ расшевелитъ словомъ, вспомнитъ или разскажетъ что-нибудь смѣшное, привлечетъ кого повеселѣе—третьяго, и опять цѣль достигнута... Князья всегда цѣнили эту способность брата расшевелить и объединить ихъ и живо чувствовали его отсутствіе. Когда онъ какъ-то заболѣлъ и былъ на нѣкоторое время отдѣленъ отъ братьевъ, то они послали ему краткую, но выразительную совмѣстную записку: „Олежка, скорѣе выздоравливай, безъ тебя скучно“.

Какъ тепло и любовно относился самъ Князь Олегъ къ своимъ близкимъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго письма его изъ Ливадіи къ Княжнѣ Татіанѣ Константиновнѣ отъ 31 декабря 1904 года: „Дорогая Тусь! Поздравляю Тебя съ Новымъ годомъ! Желаю Тебѣ, не скучай въ новомъ году по Твоимъ братьямъ, покуда ихъ нѣтъ. Очень благодарю Тебя, моя единственная сестренка, за Твое Рождественское письмо. Я не разъ вспоминалъ Тебя въ этотъ день, когда оно пріѣхало.

„На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко на голой вершинѣ сосна.
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ одѣта, какъ ризой, она;
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой, въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна, на утесѣ горючемъ прекрасная пальма растетъ“.

„Ты скучаешь по мнѣ, какъ елка, я по Тебѣ, какъ пальма. Не скучай, Тусь, скоро пріѣдемъ и опять заживемъ дружно. Часто начну писать. Цѣлую крѣпко, крѣпко. Олегъ“.

Время пребыванія въ Крыму имѣло для духовнаго роста Князя Олега большое значеніе. Цѣлая вереница событій, большею частью грустныхъ, произошла зимой 1904—1905 года. Слухи объ этихъ событіяхъ доходили до маленькаго Князя и глубоко западали въ его дѣтскую душу, производя въ ней каждый разъ глубокіе перевороты. Прежде всего онъ, какъ и раньше, задумывался надъ русско-японской войной, причемъ многое въ ней было для него странно, непонятно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасно. 21 декабря была получена въ Ливадіи телеграмма о паденіи Портъ-Артура. Князь Олегъ мирно занимался въ своей классной комнатѣ, когда до него дошла эта

горестная вѣсть. Сначала онъ нахмурилъ брови, не то соображая, въ чемъ дѣло, не то борясь съ нахлынувшими чувствами. Но справиться съ ними онъ, во всякомъ случаѣ, не могъ: изъ его глазъ потокомъ брызнули слезы, и, положивъ голову на обѣ руки, онъ горько зарыдалъ. Воспитатель тщетно пытался успокоить Князя Олега: сидя за своимъ столикомъ и глядя заплаканными глазами на карту Дальняго Востока, онъ задумчиво повторялъ: „Бѣдный, бѣдный Портъ-Артуръ!“ Приблизительно черезъ мѣсяцъ онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „До чего мы дожили!.. Стессель сдалъ Портъ-Артуръ. Не было возможности держаться. Кондратенко убитъ. Онъ былъ нашего корпуса. Да, много героевъ пало подъ Портъ-Артуромъ. Кто во всемъ виноватъ?—Русская халатность. Мы, русскіе, живемъ „на авось“. Это „авось“ насъ дѣлаетъ виноватыми. Когда же, наконецъ, пройдетъ эта ужасная халатность? У насъ управляютъ не русскіе, а нѣмцы. А нѣмцамъ до насъ нѣтъ дѣла. И понятно, оттого-то русскіе вездѣ и проигрываютъ. Они съ малолѣтства не стараются воспитать себя. И выходятъ ненужные люди для отечества. Съ малолѣтства себя воспитывать надо“...

Полна душевной смуты и запись отъ неизвѣстнаго числа: „Теперь снаряжаютъ 3-ью эскадру. Навѣрно, наши суда будутъ громить японцевъ около Зондскихъ острововъ. Я думаю, что наша эскадра около Индіи. Интересно, догналъ ли „Олегъ“ и другіе миноносцы 2-ую эскадру. Я помню, что еще до болѣзни [1]) „Олегъ“ и миноносцы вошли въ Портъ-Саидъ, а Портъ-Саидъ совсѣмъ близко отъ Суэца. Значитъ, я такъ предполагаю, что они догнали эскадру. Странно! Объ войнѣ пріутихли говорить! Куропаткинъ началъ наступленіе. На нашемъ правомъ флангѣ были стычки и перестрѣлки, но бой рѣшительный еще не начинался. Навѣрно, что-нибудь да будетъ. Въ послѣднемъ письмѣ И. М. писалъ, что ждутъ боя, что всѣ начеку. Одержимъ ли мы блестящій бой? Сердца русскихъ растерзаны. И въ Питерѣ безпорядки были. Что-то будетъ? Не надо унывать!“

„Безпорядки“, о которыхъ упоминаетъ Князь Олегъ въ этой записи, тоже вносили въ его дѣтскій умъ тревогу, тѣмъ болѣе, что они распространились по всей Россіи, и одной изъ жертвъ ихъ палъ членъ Царской Семьи, Великій Князь Сергій Александровичъ: „У насъ что-то творится“, записываетъ Князь Олегъ 16 февраля: „Говорили, что 19 будетъ во всей Россіи бунтъ. Недавно М. И. написалъ секретную телеграмму въ Симферополь. Пришелъ взводъ Крымскаго дивизіона. Говорятъ, что на Ай-Николѣ поймали революціонера. Говорятъ, что хотятъ взорвать Ливадію. Въ Петербургѣ былъ бунтъ. Въ Москвѣ на окраинахъ города были безпорядки. 4-го убили дядю Сергѣя. Бѣдный! Мама пишетъ ужасныя подробности и что мы въ немъ потеряли истиннаго друга. Это дѣйствовало на насъ всѣхъ. Дай Богъ, чтобы все прошло благополучно. Почти въ каждомъ городѣ безпорядки. Какъ это, навѣрно, дѣйствуетъ на Мама. Писемъ довольно давно не получалъ“.

---

[1]) Въ январѣ 1905 г. князь Олегъ былъ боленъ корью.

Подъ тѣмъ же тяжелымъ впечатлѣніемъ онъ пишетъ Августѣйшему отцу 13 февраля: „Эти дни мы всѣ были опечалены. Навѣрно, Ты получилъ мою открытку и благодарственное письмо Государю. Прости, что я тогда написалъ Тебѣ такую короткую открытку, но мы за часъ до этого узнали, что дядя Сергѣй убитъ, и я былъ разстроенъ. Бѣдный дядя! Когда же, наконецъ, люди не будутъ убивать другъ друга, а жить дружно, мирно? Только тогда, когда любить станутъ отчизну и другъ друга. О, если бы это было!“

Скоро, однако, горе и тревога уступили мѣсто радости: 10 марта у Князей родилась сестра, Княжна Наталія Константиновна. Это событіе было для нихъ полной неожиданностью и тѣмъ сильнѣе, конечно, подѣйствовало. А. М. Максимовъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ: „Въ семьѣ Великаго Князя существуетъ добрый христіанскій обычай: и въ радости и въ горѣ прибѣгать къ молитвѣ. И вотъ черезъ нѣсколько мгновеній послѣ радостной телеграммы я видѣлъ Олега Константиновича стоящимъ на колѣняхъ передъ иконой и проникновенно осѣняющимъ себя крестнымъ знаменіемъ. Нѣсколько дней среди дѣтей царило приподнятое настроеніе. „Какова собой? Какъ уменьшительное имя? Что говорятъ Папа и Мама?“—эти вопросы и предположительные отвѣты на нихъ только и служили темами для разговоровъ. Каждаго преподавателя дѣти встрѣчали одной фразой: „А Вы знаете, что у насъ сестра родилась?“... Ложась спать, гуляя и вообще пользуясь свободной минутой, переносились мысленно въ родныя стѣны Мраморнаго дворца и горячо высказывали свои соображенія о переживаемомъ ими семейномъ событіи“.

Бодро и жизнерадостно встрѣчалъ Князь Олегъ Пасху 1905 года: „Вотъ мы дожили и до Пасхи“, писалъ онъ Августѣйшему отцу. „Какія чудныя 2 слова: „Христосъ воскресе!“ Сколько тысячъ людей произнесетъ это слово 17 апрѣля. Сколько бумаги будетъ исписано этими словами! Въ каждомъ углу Россіи существуютъ эти два слова. Какое вдохновеніе они для человѣка! Ты, навѣрно, знаешь это чувство, когда первый разъ запоютъ „Христосъ воскресе“. И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко... Бѣдная Тетя Оля! Она не слышитъ эти чудныя молитвы, то есть молитвы пасхальныя и великопостныя. Ты мнѣ самъ разсказывалъ, что Тебѣ бывало очень грустно, когда проводилъ Великій постъ за границей. И даже, кажется, Ты написалъ на эту тему стихотвореніе?“ [1])

Тѣмъ же спокойнымъ настроеніемъ дышитъ и письмо къ Княжнѣ Татіанѣ Константиновнѣ: „Очень поздравляю Тебя съ праздникомъ. Обойди

[1]) Князь Олегъ, очевидно, имѣетъ въ виду стихотвореніе „Колокола“:

Несется благовѣстъ... Какъ грустно и уныло
На сторонѣ чужой звучатъ колокола!
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.
Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
И словно слышится мнѣ съ нашего села
Далекій благовѣстъ. И ласково, и нѣжно
Съ далекой родины гудятъ колокола...

Тебя горе, приласкай тебя счастье!—Надо Тебѣ разсказать про наше хозяйство. Моя курица снесла мнѣ 14 маленькихъ цыплятъ. 11-го индѣйка снесла 8 штукъ индюшатъ. 11-го же апрѣля мужичокъ, по имени Михайла, поймалъ ежа. Ежикъ очень большой. А помнишь ли Ты, какъ въ Прыскахъ у насъ было цѣлое семейство ежиковъ: отецъ, да мать, да еще 4 маленькихъ? Въ концѣ концовъ, они всѣ убѣжали.—Вскрылась ли Нева? Дмитрій Никифоровичъ [1]) прислалъ мнѣ „Календарь Петербургской весны“, и тамъ написано, что Нева можетъ вскрыться 9 апрѣля.—Напиши, пожалуйста, какъ было на крестинахъ Натуси. Я сочиняю теперь стихи подъ названіемъ „Молитва“.

Между тѣмъ, приближался конецъ учебнаго года и пребыванія Князей въ Ливадіи. „Мы считаемъ уже дни и часы до нашего отъѣзда“, писалъ Князь Олегъ одному лицу. Хотѣлось „повидать Папа, Мама и крошечную сестрицу“. Однако радостное ожиданіе скоро смѣнилось смутнымъ предчувствіемъ чего-то недобраго. Въ Ливадію пришло неутѣшительное извѣстіе о здоровьѣ новорожденной. Князья послали телеграфный запросъ о состояніи здоровья, но отвѣтъ получился еще менѣе утѣшительный, а за этимъ отвѣтомъ стали приходить свѣдѣнія, въ которыхъ уже чувствовались признаки безнадежности. Утромъ 10 мая получилась телеграмма о смерти малютки-Княжны.

Отчаянію Князя Олега, казалось, не было предѣловъ, но скоро мысль о личномъ горѣ уступила мѣсто мысли о горѣ родителей. Живое воображеніе Князя Олега перенесло его въ стѣны Мраморнаго дворца, и ему захотѣлось какъ-нибудь выразить свою сыновнюю ласку и участіе: „Дорогой мой Пусь!“ писалъ онъ своему Августѣйшему отцу: „На этихъ дняхъ, а именно 10-го мая, для нашей семьи случилось большое несчастіе. Смерть дочери для Тебя и смерть сестры для насъ—одно изъ самыхъ большихъ несчастій. Но не надо намъ отчаиваться, надо помнить, что наша дорогая Натуся у Господа.—10-го мы поѣхали въ Ореандскую церковь. Послѣ литіи батюшка подошелъ къ намъ и сказалъ, что Натуся теперь, конечно, тамъ, куда каждый хорошій человѣкъ старается попасть, и, если бы мы могли спросить у Натуси, гдѣ бы она хотѣла остаться, на небѣ или опять вернуться къ намъ, она, конечно бы, сказала, что хочетъ остаться у Господа. Въ этомъ, что Натуся въ Царствіи Небесномъ, мы находимъ большое утѣшеніе. Натуся теперь у Господа: „таковыхъ бо есть Царствіе Божіе“.—Очень жаль и тяжело, что мы не видали Натуси. Зато очень васъ благодарю, что вы сняли фотографію съ нея. Я пишу это письмо уже 2-ой день: у меня мало времени. Я пишу около половины одиннадцатаго и думаю, что, навѣрно, у васъ началось отпѣваніе. У васъ теперь 10 минутъ 11-го. Сегодня намъ осталось тутъ жить 2 недѣли. Очень пріятно, что наши порядочные опросы [2]) утѣшаютъ Васъ. Цѣлую нѣжно и молюсь за Васъ. Олегъ“.

[1]) Проф. Д. Н. Кайгородовъ.

[2]) Въ это время происходили обычные весенніе опросы по пройденному за годъ.

Сколько въ этомъ письмѣ 12-лѣтняго мальчика скрывается душевной тонкости и чуткаго пониманія горя близкихъ ему людей! За внѣшнимъ спокойствіемъ ясно чувствуется и тревога за родителей, и желаніе ихъ утѣшить, и стремленіе скрыть свои тяжелыя переживанія, обнаруженіе которыхъ могло бы еще болѣе увеличить, какъ ему думалось, печаль родителей.

Черезъ 11 дней Князь Олегъ записываетъ въ дневникѣ: „Такъ мы и не видали Натуси. Она скончалась 10 мая. У нея было воспаленіе брюшины и мозговыхъ оболочекъ. У нея были судороги очень часто, почти каждую минуту. Она скончалась на рукахъ Мама. Натуся ужасно страдала и кричала. Мама первая замѣтила, что скончалась наша дорогая сестричка. Но намъ большое утѣшеніе въ томъ, что Натуся у Господа. Она родилась 10 марта, ее крестили 10 апрѣля, и она скончалась 10 мая. Все десять".

Значительно позднѣе, 9 іюня, Князь Олегъ дѣлаетъ новую запись, въ которой трогательно и просто выразилось его чувство къ „дорогой сестричкѣ": „Мнѣ Настя, [1]) по моей просьбѣ, прислала засушенные цвѣты съ могилки Натуси. Я ихъ буду до времени держать въ этомъ дневникѣ, и до времени они будутъ лежать на этой страницѣ. Я думаю даже вклеить эти цвѣточки сюда".

Время пребыванія въ Крыму имѣло значеніе и еще въ одномъ направленіи: здѣсь Князь Олегъ получилъ возможность ближе ознакомиться съ отношеніями людей другъ къ другу въ области будничныхъ заботъ и мелкихъ стремленій, порою чисто личнаго свойства, узналъ, какими побужденіями иногда руководствуются лица, казалось бы, чуждыя по своему положенію всего низменнаго, и мн. др. Все это, взятое вмѣстѣ, т. е. и смерть сестры, и событія русско-японской войны, и смута внутри Россіи, и неожиданныя открытія въ области людскихъ взаимоотношеній,—давали пищу впечатлительному уму Князя Олега. Новые вопросы зарождались въ его головѣ. Онъ искалъ отвѣтовъ на нихъ у окружающихъ, но не всѣ объясненія были ему понятны, несмотря на искреннее желаніе постичь ихъ внутренній смыслъ. Какая цѣль человѣческаго существованія? зачѣмъ зло на свѣтѣ? почему Богъ не уничтожитъ зла?—вотъ вопросы, волновавшіе въ это время Князя Олега: „Мнѣ батюшка о. Григорій говорилъ", пишетъ онъ въ дневникѣ, „что въ Вѣнѣ или Венеціи—хорошо не помню—онъ видѣлъ такую картину: въ залѣ послѣ бала сидитъ человѣкъ, задумавшись, у рояля. Посрединѣ залы большой убранный столъ. На немъ вино, конфеты въ вазахъ и т. д. За столомъ сидятъ гости и ужинаютъ, веселясь. Очевидно, это послѣ бала. Гости не думаютъ о томъ, кто ихъ все время веселилъ игрой на фортепіано. Они веселятся и даже не подумали пригласить піаниста. Хорошая картина! Много смысла въ ней!—Наша жизнь можетъ итти по двумъ путямъ: по хорошему и по дурному. Многіе идутъ по дурному.—

[1]) А. П. Орлова.

Иногда задаешь себѣ вопросъ: къ чему живетъ человѣкъ? Я думалъ объ этомъ еще въ Стрѣльнѣ въ 1903 году. Спросилъ А. М. Онъ мнѣ сказалъ: „Жизнь человѣка для того, чтобы умѣлъ онъ наслѣдовать Царствіе Небесное!“ Вѣрно! Задаю себѣ другой вопросъ: можетъ ли быть, что зла не будетъ на свѣтѣ? или отчего Богъ не сдѣлалъ, чтобы мы, люди, были совсѣмъ безгрѣшны? Отчего онъ не истребитъ зло? Батюшка Ореандскій мнѣ объяснялъ на бесѣдѣ: „Возьмемъ вѣсы. У нихъ два блюдечка, на которыя мы можемъ положить то, что вѣшаемъ. Правое блюдечко—добра, лѣвое—зла. Можетъ ли Богъ сдѣлать зло?—Нѣтъ.—Отчего?—Потому что онъ, выражаясь на человѣческомъ языкѣ, абсолютенъ. Можетъ ли быть человѣкъ абсолютенъ?—Нѣтъ“.

Повидимому, и самъ Князь Олегъ начиналъ замѣчать, что въ немъ произошла какая-то перемѣна. Перечитавши какъ-то свои старые дневники, онъ написалъ: „Какія глупыя вещи я писалъ въ дневникахъ. Надо не такія вещи писать въ дневникѣ. Надо писать такія вещи, чтобъ можно было понять, что онѣ выходятъ изъ глубины души человѣка. У меня тутъ есть душевныя вещи. Когда я былъ десяти лѣтъ, то писалъ глупую галиматью. Теперь я сталъ умнѣе и пишу уже не галиматью“.

17 мая Князь Олегъ съ младшимъ братомъ покинулъ Ливадію, которая ему такъ много дала, и поѣхалъ въ Осташево, куда послѣ похоронъ Княжны Наталіи Константиновны прибыли и Августѣйшіе родители Князей съ Княжной Татіаной Константиновной и Княземъ Георгіемъ Константиновичемъ.

Первые дни пребыванія въ Осташевѣ Князья были свободны отъ какихъ бы то ни было обязательныхъ занятій и могли безотлучно находиться при родителяхъ. Прогулки пѣшкомъ, верхомъ, катанье на лодкѣ, въ экипажахъ—все это совершалось всей семьей. Душевное равновѣсіе и покой при такой обстановкѣ быстро вернулись къ Князю Олегу.

Вскорѣ въ Осташево прибыли старшіе Князья, а 7 іюня Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна. Ея Величество всегда принимала близко къ сердцу все, что касалось Ея племянниковъ, и постоянно удѣляла имъ свои досуги. Вотъ почему Ея пріѣздъ вызвалъ особенную радость. По разсказу воспитателя, наканунѣ прибытія Ея Величества, Князья составили даже планъ постепеннаго ознакомленія „Тети Оли съ нашимъ Осташевымъ“.

Пріѣздъ Королевы совпалъ съ наступленіемъ прекрасной погоды, продержавшейся почти до самаго отъѣзда изъ Осташева, а потому прогулки всевозможнаго характера совершались ежедневно. Князь Олегъ былъ въ восторгѣ: „Какъ жалко, что ты не съ нами въ Осташевѣ“, писалъ онъ 10 іюня Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, которая въ это время была больна: „Если бы Ты была тутъ, было бы гораздо веселѣе. Тутъ такъ хорошо, такъ весело! Вчера вечеромъ, вмѣсто ужина дома, мы сдѣлали пикникъ на опушкѣ лѣса. Мы туда пріѣхали на лодкахъ. Папа и Мама были

такъ добры, что пригласили нашихъ друзей-мальчиковъ (сыновья псаломщика). Мы трое этому были очень рады. Когда мы приплыли къ назначенному мѣсту, то сейчасъ стали собирать сухія вѣтви для костра. Іоаннчикъ [1]) зажегъ костеръ, и чрезъ нѣсколько минутъ поднялось большое пламя къ небу. Сейчасъ стали варить яичницу. Яичницу варила Тетя Оля. Яичница вышла очень удачно, и намъ она понравилась. Мы съ мальчиками стали собирать грибы. Оказалось, что они умѣютъ ихъ варить. Грибы вышли тоже очень удачно. Когда пикникъ кончился, надо было собрать всѣ вещи и нести ихъ въ лодки. На лодкахъ мы пришли къ пристанькѣ у нашего дома. Вотъ какъ весело мы проводимъ время въ Осташевѣ!“

Такія путешествія за грибами устраивались довольно часто, причемъ скоро неизмѣннымъ участникомъ ихъ сталъ и приглашенный въ деревню на лѣто врачъ С. А. Острогорскій. „Обычная картина выхода на прогулку въ лѣсъ за грибами до сихъ поръ стоитъ у меня передъ глазами“, вспоминаетъ А. М. Максимовъ: „Часа въ 4 дня длинной вереницей растянулись участники экскурсіи по склону отъ дома къ рѣкѣ. У кого въ рукахъ узелокъ съ провизіей, у кого—щепки, самоварная труба, различная посуда... На рѣкѣ идетъ посадка въ лодки, и звонкіе дѣтскіе голоса говорятъ о переживаемомъ удовольствіи. За споромъ и крикомъ кто-нибудь угодилъ уже по колѣно въ воду, другой уронилъ весло, третій не можетъ найти себѣ мѣста... Наконецъ, все приходитъ въ порядокъ, и три-четыре лодки гуськомъ вытягиваются вверхъ по Рузѣ. Около версты пріятной тихой ѣзды, и лодки причаливаютъ къ низкому лѣсистому берегу. Мѣсто остановки обозначается небольшой группой деревенскихъ мальчиковъ, узнавшихъ о прогулкѣ Ихъ Высочествъ и заранѣе явившихся сюда для оказанія тѣхъ или иныхъ мелкихъ услугъ.

„Берегъ быстро оживаетъ: то здѣсь, то тамъ появляются фигуры въ одиночку и группами. Часть экскурсантовъ уходитъ въ лѣсъ искать грибы, другіе суетятся около самовара, а маленькій и живой Князь Олегъ набираетъ охотниковъ по разводкѣ костра. Онъ очень любилъ наблюдать картину пылающаго костра, и устройство послѣдняго всегда просилъ поручать ему. Въ какія-нибудь 10-15 минутъ появлялся ворохъ сухихъ вѣтокъ и сучьевъ, и Олегъ Константиновичъ уже начиналъ сгорать отъ нетерпѣнія поскорѣе, какъ онъ выражался, „открыть огонь“. Подымающійся вскорѣ дымъ отъ двухъ-трехъ костровъ доказывалъ, что интересная часть прогулки началась... Въ то же время раскрывались корзины, разстилались скатерти, звенѣла посуда. Когда всѣ подготовительныя работы кончались, экскурсанты отдѣльными группами разсаживались на зеленый коверъ вокругъ бѣлоснѣжныхъ скатертей. Предшествовавшій физическій трудъ, заманчивый видъ и вкусный запахъ приготовленныхъ блюдъ сильно возбуждали аппетитъ юныхъ экскурсантовъ, и они съ жаромъ принимались за вкусный ужинъ на лонѣ

[1]) Князь Іоаннъ Константиновичъ.

природы. При этомъ всегда и неизмѣнно пользовались общими симпатіями „докторскіе грибы“ [1]). Олегъ Константиновичъ никогда не заявлялъ себя любителемъ покушать: въ этомъ отношеніи онъ былъ чрезвычайно умѣренъ и въ подобныхъ случаяхъ больше наблюдалъ за другими, чѣмъ угощалъ себя. Его ежеминутно можно было видѣть перебѣгающимъ отъ одной группы къ другой и горячо уговаривающимъ отвѣдать то или иное кушанье. „А послѣ будутъ еще докторскіе грибы“, предупреждалъ онъ всякаго, готоваго преждевременно увлечься какой-либо закуской.—Съ послѣдними вспышками потухающихъ костровъ кончалось и пребываніе въ лѣсу. Все укладывалось обратно въ лодки, участники прогулки занимали свои мѣста и подъ мѣрные удары веселъ тихо отплывали домой“.

Докторъ С. А. Острогорскій оказался, къ великой радости Князей, любителемъ и знатокомъ пѣнія. Подъ вліяніемъ его скоро созрѣлъ планъ составить хоръ, устроить нѣсколько спѣвокъ и начать пѣть въ мѣстной церкви обѣдню. Ноты оказались налицо у священника, и работа закипѣла. Дѣти очень ретиво посѣщали спѣвки, безпрекословно слѣдовали указаніямъ „регента“, и черезъ нѣсколько дней хоръ готовъ былъ выступить въ церкви. Князь Олегъ и здѣсь остался вѣренъ себѣ. Опасаясь принять участіе въ хорѣ безъ достаточно твердаго усвоенія нотъ, онъ нерѣдко подводилъ старшаго брата къ роялю и говорилъ ему: „Ну-ка, Іоаннчикъ, проаккомпанируй мнѣ и послушай, вѣрно ли я пою „Съ нами Богъ“. Эта молитва, исполнявшаяся на богослуженіи по случаю войны съ Японіей, вызывала въ Князѣ Олегѣ особенный подъемъ чувствъ, и онъ больше всего боялся ошибиться именно при пѣніи ея. Наконецъ, въ воскресенье 12 іюня хоръ выступилъ и съ большимъ успѣхомъ пропѣлъ обѣдню.

Къ этому лѣту относятся первыя увлеченія Князя Олега Пушкинымъ. Читать онъ вообще любилъ и вполнѣ самостоятельно къ 12-лѣтнему возрасту успѣлъ ознакомиться съ нѣкоторыми сочиненіями Григоровича, Тургенева и другихъ писателей. Время отъ времени въ дневникахъ его попадаются замѣтки о прочитанныхъ книгахъ. Такъ, напримѣръ, 19 января 1905 г. онъ записываетъ: „Мнѣ очень нравится, какъ пишетъ Григоровичъ. Какъ хороши „Петербургскіе шарманщики“! Правда, что плохое житье шарманщикамъ. Имъ или лѣнь найти другое ремесло или не отыскать другого мѣста. Намъ не надо думать, что Григоровичъ хотѣлъ показать въ „Шарманщикахъ“ идеалъ, что всѣ шарманщики хорошіе. Нѣтъ! Онъ хотѣлъ намъ показать, что среди нихъ есть хорошіе люди. Шарманщики бываютъ очень дурные: воры, грабители, преступники,—но это не всегда. Вѣдь шарманщики—это, по-моему, улучшенное состояніе бродягъ. Въ Петербургѣ они попадаются рѣдко, ихъ много въ провинціи. Они, такъ сказать, вымираютъ, такъ же, какъ цыганы. Цыганъ теперь стало мало. Они тоже въ провинціи. Въ „Шарманщикахъ“ Григоровича описывается ихъ жизнь, и мнѣ кажется, что Григо-

[1]) Докторъ С. А. Острогорскій обнаружилъ большое искусство въ приготовленіи грибовъ на лонѣ природы, и это блюдо получило названіе „докторскихъ грибовъ“.

ровичъ хотѣлъ показать типъ русскаго человѣка. У Григоровича та ошибка, что онъ пишетъ длинными фразами. И у Тургенева есть тоже эта ошибка".

Конечно, кое-что изъ Пушкина Князь Олегъ зналъ. Во всякомъ случаѣ, на урокахъ приходилось слышать отрывки изъ прозаическихъ произведеній Пушкина, а нѣкоторыя его стихотворенія были заучены наизусть. Но сознательнаго отношенія къ Пушкину, горячаго влеченія къ нему до лѣта 1905 года у Князя Олега не было. Впервые интересъ къ великому поэту обнаружился подъ вліяніемъ извѣстной книги Авенаріуса „Юношескіе годы Пушкина". 8 іюня Князь Олегъ записываетъ: „Я такъ люблю книгу „Юношескіе годы Пушкина", что мнѣ представляется, что я также въ Лицеѣ. Я не понимаю, какъ можно перестать читать эту книгу. Въ этой книгѣ моя душа. Мнѣ нравится очень другъ Пушкина—Пущинъ".

Черезъ нѣсколько дней онъ снова возвращается къ этой темѣ: „Я кончаю книжку „Юношескіе годы Пушкина", которая мнѣ очень понравилась. Я чувствовалъ, когда ее читалъ, какъ будто я самъ лицеистъ, какъ будто я самъ въ кругу товарищей. Изъ лицеистовъ больше всѣхъ понравился Пущинъ: онъ сдерживалъ Пушкина, и, не будь его, я думаю, что Пушкину пришлось бы трудно. Потомъ Пушкина выручалъ директоръ Энгельгардтъ, котораго Пушкинъ не любилъ. Энгельгардтъ былъ чудный человѣкъ, хорошій директоръ, порядочный, открытый, прямой, умный. Въ этой книгѣ разсказано, отчего Пушкинъ невзлюбилъ Энгельгардта. Онъ сперва поступилъ несдержанно съ родственницей Энгельгардта, молодой вдовой, которая недавно потеряла мужа. Онъ ей написалъ стихи въ альбомъ. Госпожа Смидтъ (такъ звали вдову), прочитавъ стихи, обидѣлась. Они были написаны невѣжливо. Вотъ они:

„О безцѣнная подруга!
Вѣчно ль слезы проливать?
Вѣчно ль мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?"

„А. П. Смидтъ показала стихи директору, который вызвалъ къ себѣ Пушкина. Вотъ часть ихъ разговора:

Директоръ. Что это значитъ, Пушкинъ? Сколько я знаю, Вы—хорошаго семейства: въ Лицей принимаютъ воспитанниковъ со строгимъ разборомъ. У Васъ самихъ есть, кажется, старшая сестра?

—„Есть", отвѣчалъ Пушкинъ, не смѣя поднять глазъ на директора.

—Какъ же Вы позволили себѣ такую выходку съ Мэри?

—Что же я сдѣлалъ, Е. А.? Я написалъ ей только стихи...

—„Стихи, да, но какіе? Вы не знаете еще никакого различія между людьми", продолжалъ директоръ, и въ голосѣ его невольно прорывалось его душевное настроеніе. „Я буду съ Вами, Пушкинъ, откровененъ. Я прочту Вамъ то, чего никому не читалъ и никому не прочту".

„Вынувъ изъ стола толстую тетрадь, Энгельгардтъ сталъ ее перелистывать и продолжалъ:

—Я пишу для себя по-нѣмецки. Вы, хотя и слабы въ этомъ языкѣ, но надѣюсь, сколько нужно, поймете. Если что не поймете, я Вамъ переведу. Вотъ что здѣсь есть про Васъ: „Его высшая и конечная цѣль—блестѣть и именно поэзіей. Но едва ли найдетъ она у него прочное основаніе, потому что онъ боится серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни проницательности ни глубины, совершенно поверхностный, французскій умъ“. Вѣрно это или нѣтъ?

—„Можетъ быть, и вѣрно“, съ глухимъ ожесточеніемъ отвѣтилъ Пушкинъ: „но если природа отказала мнѣ въ настоящемъ умѣ, такъ развѣ въ томъ моя вина?“

—„Это у меня было написано до сегодняшняго дня“, продолжалъ Энгельгардтъ, „но сегодня я приписалъ слѣдующее: „Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви ни религіи. Можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не было юношеское сердце. Нѣжныя, юношескія чувства унижены въ немъ воображеніемъ“.

„Я дальше не нахожу нужнымъ писать“, прибавляетъ Князь Олегъ, „но скажу своими словами, что послѣдняя строка возбудила Пушкина противъ Энгельгардта, и у нихъ начался споръ. Пушкинъ боролся съ нимъ съ юношескимъ ожесточеніемъ и былъ вспыльчивъ. Хотя директоръ описывалъ и другихъ воспитанниковъ, но описывалъ мѣтко, въ Пушкинѣ же ошибался. Его пылкая натура не подходила подъ общій масштабъ. Во время спора директоръ, говорятъ, назвалъ Пушкина „молокососомъ“. Пушкинъ съ этимъ не могъ примириться и только при выпускѣ изъ Лицея обнялъ директора со слезами на глазахъ. Пушкинъ, будучи воспитанникомъ, нарисовалъ на него злую каррикатуру, на которую Энгельгардтъ очень обидѣлся.—Мнѣ страшно нравится одно стихотвореніе Пушкина, котораго тема поразительно красива. У меня иногда приходятъ на умъ такія же мысли, какъ и у него. Самыя лучшія это первыя двѣ строфы. Все это стихотвореніе я когда-нибудь выпишу. Въ немъ чувствуется угнетенное состояніе Пушкина. Можно даже подумать, что Пушкинъ предвидѣлъ свою смерть. Можетъ быть, онъ чувствовалъ, что хотя его смерть далека отъ настоящаго времени, но что жизнь его кончится въ молодости не такъ, какъ у Горчакова. Я думаю, что тѣ двѣ недѣли, въ которыя всѣ воспитанники Лицея замѣтили перемѣну въ Пушкинѣ, онъ вдумывался въ себя и старался себя понять. Онъ понялъ, но не все. Онъ какъ будто видѣлъ черезъ кисею, что въ немъ оживаетъ новый, усовершенствованный геній, и страшился его. И вотъ вылилось въ стихахъ все то, что было у Пушкина на душѣ:

„Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной“...

Съ этого времени Князь Олегъ уже не разставался съ Пушкинымъ: онъ сталъ его кумиромъ, и чтеніе Пушкина сдѣлалось его любимымъ занятіемъ въ минуты досуга.

24 іюня Князья должны были уѣхать изъ Осташева въ Павловскъ. Жаль было Князю Олегу разставаться съ деревней, которая ему такъ много давала и гдѣ у него завязались уже отношенія съ мѣстными мальчиками; за два дня до отъѣзда онъ съ грустью записываетъ въ свою „самую родную“, какъ онъ выражается, тетрадку слѣдующія строки: „Послѣ завтра мы уѣзжаемъ изъ Осташева. Жалко! Грустно разставаться съ нашими друзьями. Я съ ними такъ свыкся! Каждый день почти мы ходимъ на рыбную ловлю; тамъ всегда бываютъ они. „Они“—это сыновья здѣшняго псаломщика. Милый Вася! Жаль съ нимъ разстаться! Если бы дать Васѣ образованіе, я думаю, онъ былъ бы хорошимъ человѣкомъ. Не знаю, что выйдетъ изъ маленькаго Сережи, которому десять лѣтъ. Боголѣповъ, которому 14 лѣтъ,—мальчикъ не такой образованный, какъ Рождественскіе. Онъ лѣнивый. Говорятъ, что у него хорошая память. Онъ этимъ, кажется, пользуется.—Мальчики Вася и Сережа, котораго друзья прозвали „очкасомъ“ за его большіе глаза, говорятъ, что Боголѣповъ убѣгалъ изъ церковнаго училища въ лѣсъ къ знакомому лѣснику, съ сыномъ котораго Боголѣповъ бѣгаетъ по лѣсу. Рождественскіе за поведеніе имѣютъ пять, а Боголѣповъ четыре. Съ тройкой выгоняютъ изъ училища. Всѣ три мальчика—наши друзья“.

Но и въ Павловскѣ было много дорогого для Князя Олега: здѣсь ему живо вспомнились годы его ранняго дѣтства. 27 іюня онъ записываетъ: „Третьяго дня мы пріѣхали сюда въ Павловскъ. Тутъ я нашелъ много вещей, напоминающихъ мнѣ дѣтство. Тутъ я нашелъ елочку, о которой заботился, когда ей мѣшалъ расти какой-то сукъ, торчавшій изъ земли:

„Тутъ каждый шагъ рождаетъ воспоминанья прежнихъ лѣтъ“ [1]).

„А. С. Пушкинъ это писалъ про Павловскъ въ своемъ стихотвореніи „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“. Я какъ разъ вспомнилъ эту фразу, когда мы были около „Розоваго павильона“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Павловскъ Князья подверглись медицинскому осмотру, и врачи единогласно признали желательнымъ пребываніе нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ будущемъ учебномъ году гдѣ-нибудь на югѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Князь Олегъ. Постановленіе врачей очень его огорчило: „Вотъ мы опять разстанемся съ Мама и Папа, вотъ мы опять покинемъ Петербургъ“, пишетъ онъ въ дневникѣ.

Но этого не случилось. Наступала уже осень, а между тѣмъ, никто не возбуждалъ вопроса о поѣздкѣ на югъ. Это и понятно: 1905-ый годъ былъ годомъ неурядицъ внутри Россіи, годомъ безпорядковъ, забастовокъ и погромовъ. Жизнь въ такое время вдали отъ родителей была бы для всѣхъ дѣтей сплошнымъ мученіемъ, а для Князя Олега въ особенности. Едва пріѣхалъ онъ въ Павловскъ, какъ до него стали доходить смутные слухи о

---

[1]) У Пушкина:

„Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ“.

цѣломъ рядѣ событій, смыслъ которыхъ, можетъ быть, не былъ сполна ему понятенъ, но которыя, какъ мы видѣли, волновали его дѣтскую душу и въ минувшую зиму, во время пребыванія въ Крыму. „Дядя Алексѣй [1]) отказался отъ Генералъ-Адмирала“, записываетъ онъ въ свою театрадь: „Въ Москвѣ убили градоначальника Шувалова. Въ Гельсингфорсѣ стрѣляли или бросили бомбу въ кого-то. Ужасныя времена! Исторія съ броненосцемъ Севастопольскаго флота „Княземъ Потемкинымъ“ безобразна. Экипажъ броненосца былъ недоволенъ пищей. Одинъ матросъ былъ депутатомъ отъ экипажа. Онъ подошелъ къ офицеру и сказалъ, что они недовольны пищей, а офицеръ его застрѣлилъ. Экипажъ взбунтовался. Офицеровъ выбросили за бортъ. Убили командира, друга Папа. Броненосецъ возмущалъ послѣ того приморскіе города, громилъ Одессу и подъ конецъ сдался румынамъ. Выходила на него севастопольская эскадра, но отчего-то не рѣшалась бомбардировать броненосецъ. Папа это объясняетъ тѣмъ, что нельзя бомбардировать свой броненосецъ. Къ „Потемкину“ примкнули-было другіе суда, но одумались и возвратились“. Нѣсколько позднѣе онъ запишетъ: „Безпокойное время! Все забастовки. Желѣзныя дороги забастовали. На Николаевской ж. д. не ходятъ поѣзда. Кажется, смута хочетъ перейти въ Павловскъ, то есть, кажется, и тутъ не будутъ ходить поѣзда. 16 сентября былъ заключенъ миръ, чему я не особенно обрадовался. У насъ нѣтъ войны наружной, но есть война внутренняя. Съ Японіей войны нѣтъ, но война идетъ между русскими: проливается кровь, стонутъ люди... Россія не въ порядкѣ“.

Достаточно приведенныхъ отрывковъ, чтобы понять, какъ важно было для Князя Олега пребываніе вблизи родителей. Онъ успокоился, когда узналъ, что Павловскъ покидать не придется и что, кромѣ того, его учебная работа пойдетъ подъ руководствомъ тѣхъ преподавателей, которые были ему давно извѣстны и съ которыми его связывали чувства привязанности и расположенія.

1 сентября начался учебный годъ. Князь Олегъ встрѣтилъ этотъ день слѣдующими знаменательными размышленіями, занесенными въ дневникъ наканунѣ, 30 августа: „Намъ надо учиться, готовиться. Даже, можетъ быть, намъ надо готовиться больше, чѣмъ нынѣшнимъ Князьямъ. Приходятъ трудныя времена. Къ труднымъ временамъ надо готовиться. Чѣмъ дальше уходимъ мы отъ Рождества Христова, тѣмъ труднѣе становится время. Чѣмъ труднѣе становится время, тѣмъ больше надо готовиться“.

Ежедневно Князь Олегъ, какъ и его братья, вставалъ въ 6½ час. и послѣ утренняго туалета, молитвы и чая выходилъ гулять по парку. Въ 8 час. онъ уже сидѣлъ за уроками. Продолжительность урока была 40 минутъ; за урокомъ слѣдовала перемѣна въ 20 минутъ, которую Князь Олегъ проводилъ непремѣнно на воздухѣ. Ежедневно было 4—5 уроковъ. Большинство преподавателей пріѣзжали изъ Петербурга, немногіе—изъ Царскаго

---

[1]) Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

Села и Павловска. Въ 1 ч. дня завтракали, а отъ 2—4 часовъ Князья обычно ѣздили верхомъ вмѣстѣ съ Августѣйшимъ дядей, Великимъ Княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ. Время отъ 4 до 7 час. назначалось для приготовленія уроковъ, причемъ два раза въ недѣлю одинъ изъ этихъ часовъ удѣлялся на гимнастику. Въ 7 часовъ вечера обѣдали, съ 8 час. до 8 час. 40 мин. Князь Олегъ занимался чтеніемъ съ однимъ изъ преподавателей иностранныхъ языковъ, а одинъ разъ въ недѣлю эти 40 минутъ отводились на танцы, въ которыхъ принимали участіе всѣ Августѣйшія дѣти. Въ праздничные дни приглашался для занятій рисованіемъ и ручнымъ трудомъ А. Н. Юдинъ. Таково было расписаніе ежедневныхъ занятій Князя Олега.

Это былъ уже третій годъ пребыванія Князя Олега въ званіи кадета. Въ главныхъ чертахъ программа учебныхъ занятій соотвѣтствовала третьему классу кадетскаго корпуса. Но это соотвѣтствіе ограничивалось лишь общими требованіями, а на самомъ дѣлѣ объемъ сообщавшихся Князю Олегу свѣдѣній былъ по многимъ предметамъ неизмѣримо больше.—Съ этого же года Князь Олегъ приступилъ къ изученію англійскаго языка, попрежнему продолжая усердно заниматься музыкой.

Въ воспоминаніяхъ воспитателя Князя Олега есть цѣлый рядъ любопытныхъ данныхъ, рисующихъ, съ одной стороны, учебную работу Князя, а съ другой—знакомящихъ съ той бытовой обстановкой, которая окружала его въ это время.

„Упорство въ занятіяхъ“, сообщаетъ А. М. Максимовъ, „пріобрѣтало у Олега Константиновича все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Всѣ уроки Князь готовилъ одинаково добросовѣстно, и это было въ духѣ его натуры: верхоглядства Князь не терпѣлъ и не допускалъ даже и мысли явиться на урокъ не подготовленнымъ къ отличному отвѣту. Но съ этого времени у Олега Константиновича начинаютъ появляться уже нѣкоторыя индивидуальныя особенности. Такъ, наравнѣ съ крайне добросовѣстнымъ отношеніемъ ко всѣмъ наукамъ, у Князя въ этомъ году вспыхнула искорка любви къ родному языку, родной литературѣ. Счастье зажечь эту искорку выпало на долю его перваго и единственнаго (кромѣ А. П. Орловой) учителя русскаго языка Николая Карловича Кульмана. Если къ изученію всѣхъ другихъ предметовъ Князь относился съ крайней серьезностью, то изученіе родного языка вызывало въ немъ искреннее удовольствіе. Помню, первые проблески восторга передъ русской литературой появились у Князя при прохожденіи имъ отдѣла о народныхъ пѣсняхъ и былинахъ. Съ этого времени всѣ симпатіи Олега Константиновича уже явно переходятъ на родную литературу, и чтеніе становится его любимымъ времяпрепровожденіемъ, а Пушкинъ любимымъ писателемъ. Самый-же предметъ русскаго языка онъ отождествлялъ съ личностью преподавателя и всегда выражался такъ: „Мнѣ назавтра предстоитъ интересная работа по Николаю Карловичу“. Или: „Мнѣ сегодня придется основательно посидѣть надъ Николаемъ Карловичемъ“. И въ этомъ родѣ. Въ случаѣ недомоганія Олегъ Константиновичъ согла-

шался пропустить какой-угодно предметъ, но только не русскій языкъ. „Нѣтъ, Николая Карловича я пропустить не могу“, говаривалъ онъ. И бывали случаи, когда лекціи по этому предмету давались Князю даже въ постели“.

Это отожествленіе интереса къ предмету съ личностью преподавателя было настолько замѣтно, что братья Князя Олега рѣшили даже надъ нимъ подшутить: „Помню“, разсказываетъ А. М. Максимовъ, „какъ-то за утреннимъ чаемъ одинъ изъ старшихъ братьевъ пресерьезно заявилъ: „Я самъ очень люблю Н. К., но мнѣ не нравится его нѣмецкая фамилія“. Князь Олегъ вспыхнулъ, какъ піонъ, и, грозно уставившись на брата, съ запальчивостью возразилъ: „Прежде всего Н. К. по-нѣмецки даже не говоритъ, а во-вторыхъ, родной братъ его состоитъ православнымъ священникомъ, такъ что твои подозрѣнія о его нѣметчинѣ никуда не годятся“. За такой горячей репликой послѣдовалъ дружный взрывъ смѣха братьевъ, и Олегъ Константиновичъ почувствовалъ себя удовлетвореннымъ“.

„Обладая живымъ характеромъ и отличной памятью“, читаемъ дальше въ воспоминаніяхъ А. М. Максимова, „Олегъ Константиновичъ скоро постигъ искусство декламаціи, и чтеніе имъ стиховъ и даже прозы наизусть доставляло слушателямъ всегда искреннее удовольствіе. Князь особенно любилъ декламировать „Полтаву“ Пушкина и „Мертвыя души“ Гоголя: „Эхъ, тройка, птица тройка! Кто тебя выдумалъ?... Не такъ-ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься!“

„Всѣ занятія въ томъ учебномъ году шли по урочной системѣ, и каждый пройденный отдѣлъ завершался опросомъ. Такого порядка придерживались всѣ учителя Князя. На опросѣ почти всегда присутствовали Августѣйшіе Родители Князя, и обыкновенно два преподавателя производили основательный опросъ Его Высочества изъ пройденнаго отдѣла. Князь любилъ этотъ родъ „экзаменовъ“ и тѣмъ больше бывалъ доволенъ, чѣмъ опросы длились дольше и носили болѣе серьезный характеръ. На этихъ опросахъ Его Высочество держался всегда увѣренно, его отвѣты были бойкіе, содержательные, давались громкимъ и отчетливымъ голосомъ. Не довольствуясь иногда объемомъ спрошеннаго, Олегъ Константиновичъ самъ наталкивалъ учителей на тѣ или иные вопросы, говоря: „А вы не спросили меня еще о томъ-то“. По окончаніи опроса Князь выходилъ изъ классной комнаты, и его Родители выслушивали мнѣнія преподавателей о степени усвоенія Княземъ пройденнаго отдѣла, давали тѣ или иныя указанія и принимали участіе въ оцѣнкѣ познаній Князя постановкой ему балла. Олегъ Константиновичъ всегда самъ отлично чувствовалъ промахи въ отвѣтахъ и боялся только одного: чтобы выставленный ему баллъ отнюдь не былъ выше степени его познаній. Къ опросамъ Князь всегда готовился съ чрезвычайной добросовѣстностью. Тѣмъ не менѣе, канунъ ихъ всегда стоилъ ему извѣстныхъ волненій. Дабы избѣжать послѣдняго нежелательнаго явленія, преподаватели иногда устраивали опросы Князя безъ предупрежденія и подготовки. Какъ старательный и внимательный ученикъ, Олегъ Констан-

тиновичъ всегда съ успѣхомъ выходилъ изъ подобныхъ испытаній и давалъ на нихъ вполнѣ исчерпывающіе отвѣты.

„Надо утвердительно сказать, что на такой высотѣ могъ оказаться только богато одаренный ученикъ. И вотъ почему. Времени для приготовленія уроковъ у Князя было очень ограниченное количество: обычно два часа и очень рѣдко три. Съ такимъ успѣхомъ и въ такое короткое время справляться съ учебной программой мальчикъ даже со средними способностями, конечно, не могъ. Нельзя забывать, что, помимо классныхъ работъ, на плечахъ Олега Константиновича лежала еще музыка, внѣклассное чтеніе по иностраннымъ языкамъ и другія занятія внѣшкольнаго характера. И это все въ тѣ же два-три часа...

„Таковы же были успѣхи Князя и по физическимъ отраслямъ образованія. Съ этого года въ Павловскѣ поселяется и Августѣйшій Дядя Князей, Великій Князь Дмитрій Константиновичъ, извѣстный кавалеристъ, знатокъ и любитель верхового спорта. Замѣтивъ въ дѣтяхъ интересъ къ этому спорту, Великій Князь сталъ приглашать племянниковъ съ собой на верховую ѣзду по парку... Строго послѣдовательно и систематично проходя подъ руководствомъ Дяди школу верховой ѣзды, Олегъ Константиновичъ отдался этому спорту всей душой и уже черезъ годъ сталъ однимъ изъ лучшихъ „Дяденькиныхъ“ учениковъ. Такія качества, какъ безстрашіе, отвага, лихость, были свойственны Князю еще съ дѣтскаго возраста. Взять ли какое-либо серьезное препятствіе на гимнастикѣ, скатиться ли съ крутой горы на лыжахъ, пойти ли первымъ въ неравную борьбу съ участниками игръ — было въ духѣ Олега Константиновича. И вотъ, всѣ эти качества какъ нельзя болѣе кстати пригодились ему теперь: верхомъ на конѣ онъ почувствовалъ себя такъ же увѣренно, какъ до сихъ поръ привыкъ чувствовать себя при всякой обстановкѣ.

„Ѣзда всегда занимала время отъ 2 до 4 час. дня и происходила въ Павловскомъ и Царскосельскомъ паркахъ при всякой погодѣ. Въ ней принимало участіе восемь-девять человѣкъ, и эту группу всадниковъ въ строю рядами жители Павловска и Царскаго ежедневно встрѣчали на дорогахъ парка. Мѣняя аллюры и маршруты ѣзды и вводя каждый разъ какое-либо новое указаніе въ управленіи лошадью, Великій Князь придавалъ поѣздкамъ крайне разнообразный характеръ, и интересъ дѣтей къ нимъ не только никогда не ослабѣвалъ, а наоборотъ повышался. Эта ежедневная ѣзда соединяла въ себѣ именно полезное съ пріятнымъ, о чемъ всегда ясно свидѣтельствовали раскраснѣвшіяся лица Князей и ихъ приподнятое настроеніе.

„Полюбивъ ѣзду и лошадь, Олегъ Константиновичъ уже съ той поры опредѣленно сталъ мечтать о службѣ въ кавалеріи. Ѣзда не производилась лишь въ праздничные дни. Въ такомъ случаѣ время, отведенное на ѣзду, уходило на пѣшія прогулки въ окрестностяхъ Павловска и Царскаго Села. Въ зимнее время эти прогулки совершались на лыжахъ и соединялись съ катаніемъ съ горъ около дворца. И въ ходьбѣ на лыжахъ, и въ катаньѣ

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1907 г.

съ горъ почти всегда побивалъ рекордъ Олегъ Константиновичъ: онъ способенъ былъ и на болѣе дальнія прогулки, онъ-же первый прокладывалъ и путь на салазкахъ на самыхъ рискованныхъ спускахъ съ горъ. Совершенствуясь въ этомъ отношеніи, Князь упражнялся (во время быстраго спуска съ горы на лыжахъ) въ метаніи копій, въ прыжкахъ черезъ канавы, въ поднятіи съ земли разныхъ вещей и даже былъ иниціаторомъ устройства семейной зимней карусели. Послѣдняя должна была явиться для родителей полной неожиданностью, и всѣ братья Его Высочества стали къ ней готовиться. Мысль объ этой карусели, однако, была вскорѣ оставлена, такъ какъ ясно было, что Олегу Константиновичу не могло найтись достойныхъ соперниковъ.

„Для полноты жизнеописанія Князя за 1905—1906 годъ необходимо сказать нѣсколько словъ о канунахъ праздниковъ и о самыхъ праздникахъ въ Великокняжеской семьѣ. Въ силу своей глубокой набожности Олегъ Константиновичъ очень любилъ посѣщать Божій храмъ, а у себя дома даже принимать и нѣкоторое участіе въ церковномъ богослуженіи, совершаемомъ по праздникамъ и наканунѣ ихъ. Это участіе выражалось въ выносѣ свѣчи, аналоя и чтеніи шестопсалмія и Апостола... Его звонкій, отчетливый голосъ, выразительное и ясное произношеніе словъ шестопсалмія невольно заставляли молящихся вслушиваться въ эту прекрасную молитву и благоговѣйно вдумываться въ ея глубокій смыслъ. Помню, какъ убѣленный сѣдиной генералъ Кирѣевъ [1]), при чтеніи Княземъ шестопсалмія, опускался на одно колѣно и, склонивши голову на руку, внимательно слѣдилъ за Княземъ. По набожному крестному знаменію и покачиванію головы можно было судить, что въ эти минуты душа генерала была далека отъ земной суеты. И правда, однажды, послѣ прочтенія Олегомъ Константиновичемъ шестопсалмія, генералъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Я ужъ старый человѣкъ. Много на своемъ вѣку я видѣлъ церковныхъ службъ, много слышалъ и церковныхъ чтецовъ, но я никогда не слышалъ такого вдохновеннаго и проникновеннаго чтенія, какое можно слышать здѣсь, изъ устъ Олега Константиновича. И когда онъ начинаетъ читать, я не могу не молиться“.

„Послѣ церковной службы въ Великокняжеской Семьѣ бывалъ наканунѣ праздниковъ обѣдъ, а въ день самыхъ праздниковъ—завтракъ, къ которому нерѣдко приглашались и лица, бывшія во дворцѣ на богослуженіи. Обычно же обѣды и время послѣ нихъ всегда проходили въ тѣсномъ семейномъ кругу...

„Родственныя связи и пребываніе въ дружномъ родственномъ кругу отнюдь не мѣшали Князю поддерживать добрыя отношенія и съ товарищами-кадетами. Время отъ времени послѣдніе небольшими группами приглашались въ Павловскъ изъ Петрограда на весь день. Тогда Олегъ Константиновичъ уже не принадлежалъ себѣ ни одной минуты. Всячески опасаясь чѣмъ-нибудь дать понять товарищамъ преимущества своего положенія, онъ во всякой мелочи ставилъ себя на одну съ ними доску. При одѣваніи и

---

[1]) Ген. А. А. Кирѣевъ, извѣстный славянофилъ, постоянно жившій въ Павловскомъ дворцѣ.

раздѣваніи товарища Князь непремѣнно окажетъ помощь, при первомъ удобномъ случаѣ напомнитъ, что звать его „Олегъ Константиновичъ, а не Ваше Высочество“, а въ бесѣдѣ о ходѣ учебныхъ занятій непремѣнно упрекнетъ себя въ лѣни. Такая искренность маленькаго хозяина устраняла вполнѣ понятную натянутость отношеній со стороны пріѣзжихъ гостей, и къ вящшему удовольствію обѣихъ сторонъ между ними сразу устанавливались простота и радушіе въ обращеніи. День проходилъ въ осмотрѣ дворца, гуляньѣ и катаньѣ по парку, играхъ въ комнатахъ и, наконецъ, просто товарищескихъ разговорахъ. Характерно, что освѣдомляясь о своихъ товарищахъ, Князь особенно подробно интересовался положеніемъ дѣлъ у наиболѣе шаловливыхъ и неуспѣвающихъ изъ нихъ. Стараясь найти причины ихъ неуспѣховъ или дурного поведенія, Олегъ Константиновичъ никогда не допускалъ мысли, чтобы тотъ или другой изъ нихъ могъ быть безнадежнымъ въ смыслѣ исправленія. „Ну, конечно, онъ исправится“, говаривалъ Князь: „не захочетъ-же онъ быть исключеннымъ изъ корпуса: и ему будетъ стыдно, и родителямъ обидно“. Зато, какъ Олегъ Константиновичъ глубоко огорчался, когда узнавалъ о фактическомъ исключеніи изъ корпуса кого либо изъ его товарищей. „Можетъ быть, этотъ кадетъ и исправился бы еще“, разсуждалъ Князь: „Жалко, жалко мальчика“.

„Вообще помочь ближнему, помочь не только словомъ, а и дѣломъ—было въ натурѣ Олега Константиновича. Года три тому назадъ Ихъ Высочества проводили лѣто въ Прыскахъ (Калужской губ.), гдѣ близко ознакомились съ бытомъ крестьянъ и многихъ изъ нихъ хорошо знали въ лицо... Въ томъ селѣ самой бѣдной семьей была семья Чуркиныхъ, но до сихъ поръ она еще кое-какъ влачила свое существованіе. Наконецъ, обстоятельства складываются такъ, что въ домѣ съѣденъ послѣдній кусокъ хлѣба, купить не на что, взять въ долгъ не у кого. И вспомнила эта бѣдная семья Олега Константиновича, его доступность, ласку и доброту. Сѣлъ за перо единственный грамотей семьи, десятилѣтній мальчуганъ Капитонъ Чуркинъ, и написалъ Князю откровенное письмо, прося оказать помощь въ ихъ безысходной нищетѣ. Для Олега Константиновича день полученія этого письма былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ въ жизни. Онъ былъ внѣ себя отъ сознанія, что на его долю выпало счастье выручить изъ тяжелаго положенія бѣдную крестьянскую семью и того самаго „Капитошку“, съ которымъ онъ игралъ въ Прыскахъ. Князь собираетъ всѣ свои деньги, отъ конторы Двора отпускается еще особая сумма, и въ тотъ же день „помощь“ посылается въ Прыски.

„Я сказалъ, что Олегъ Константиновичъ, „собралъ всѣ свои деньги“... Для характеристики личности почившаго Князя интересно нѣсколько остановиться на его денежныхъ расходахъ. Въ этомъ отношеніи дѣти Великаго Князя воспитывались крайне скромно. Такъ, напримѣръ, Князь Олегъ получалъ на свои личныя денежныя дѣла всего на всего три рубля въ мѣсяцъ. Эта сумма расходовалась на марки, письма, подарки для близкихъ и т. п. Согласно волѣ Великаго Князя изъ этихъ-же денегъ пополнялось и

все изъ вещей и книгъ, такъ или иначе утерянныхъ или попорченныхъ по винѣ Князя. Помню, какъ Олегъ Константиновичъ, утерявъ въ Осташевѣ пару носковъ, по пріѣздѣ въ Петроградъ первымъ дѣломъ отправился въ магазинъ и съ особеннымъ удовольствіемъ „на свои деньги“ купилъ эти вещи...

„Но большого труда стоило Князю извернуться на эти деньги съ праздничными подарками. Въ семьѣ Великаго Князя былъ обычай дѣлать другъ другу подарки на елкѣ и въ дни рожденія и тезоименитства. Большой поклонникъ разъ заведеннаго порядка и строгій исполнитель всѣхъ указаній своихъ родителей, Князь Олегъ всегда принималъ участіе въ подношеніи подарковъ членамъ своей семьи и непремѣнно дѣлалъ это на „свои деньги“, отнюдь не выходя изъ предѣловъ бюджета. Единичные подарки затрудненій почти не представляли. Но пріобрѣтеніе ихъ массой, къ семейной елкѣ, требовало большой предусмотрительности и строгихъ математическихъ расчетовъ. Надо было одарить Папа, Мама, сестру, братьевъ, можетъ быть, кого-нибудь еще изъ служащихъ, а это обстоятельство требовало единовременнаго заготовленія семи-восьми подарковъ. Обыкновенно уже съ сентября мѣсяца Князь Олегъ составлялъ смѣту на ближайшую елку, начиналъ, какъ онъ выражался, „экономить деньги“ и намѣчать подарки. Послѣднее обстоятельство во всю эту операцію входило большимъ коэффиціентомъ: надо было каждому поднести что-нибудь по его вкусу, надо, чтобы эта вещь была пригодной къ какому-нибудь употребленію, и надо, чтобы ея стоимость была невысокой. Тутъ нерѣдко практиковались такъ называвшіеся „Братскіе съѣзды“, когда, собираясь на совѣщаніе по поводу елки, Князья выясняли вопросъ о пріобрѣтеніи подарковъ родителямъ. Каждое предложеніе подвергалось общему обсужденію, выяснялись вкусы Папа и Мама, припоминалось даже мимолетное изъявленіе ими когда-либо удовольствія или неудовольствія по поводу той либо иной вещи. И благо было, если „съѣздъ“ приходилъ къ опредѣленному рѣшенію; въ противномъ случаѣ приходилось прибѣгать къ помощи дипломатіи и за семейнымъ обѣдомъ или послѣ него осторожно выяснять взгляды Папа и Мама. Надо было, чтобы этотъ дипломатическій шагъ отнюдь не выдалъ намѣченнаго замысла, и чтобы елочный подарокъ былъ „сюрпризомъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, планъ составленъ, теперь надо найти магазины. Обыкновенно для этого составлялся списокъ рождественскихъ подарковъ, и кто-либо изъ служащихъ отправлялся „на предварительную развѣдку“: отыскать магазины и узнать настоящія цѣны вещамъ. И уже послѣ этого Князь Олегъ лично заходилъ въ магазины и останавливалъ свой выборъ на тѣхъ или иныхъ подаркахъ.

„Любя своимъ подаркомъ доставлять удовольствіе другимъ, Князь, въ свою очередь, умѣлъ оцѣнить такое же вниманіе и къ нему, и самая, казалось бы, пустячная вещица находила у Олега Константиновича свое мѣсто и вызывала въ немъ чувства благодарности и умиленія.

„Въ жизни почившаго Князя огромное значеніе имѣло одно обстоятельство: Его Высочество былъ крестнымъ сыномъ Государя Императора.

Безконечно любя своего Крестнаго Отца, Олегъ Константиновичъ почиталъ нравственнымъ долгомъ ежегодно собственноручно приготовлять Его Величеству подарокъ ко дню елки въ Царской Семьѣ—24 декабря. Въ эту работу Князь вкладывалъ всю свою душу, свои силы и способности. Еще задолго до праздниковъ Рождества Христова Олегъ Константиновичъ составлялъ проектъ подарка, неоднократно набрасывалъ его въ видѣ эскиза на бумагѣ, постепенно дополнялъ и видоизмѣнялъ его. Въ этотъ періодъ работы Князь охотно выслушивалъ всѣ замѣчанія и указанія и наиболѣе дѣльныя изъ нихъ принималъ къ свѣдѣнію. Такимъ образомъ постепенно Князь приходилъ къ опредѣленному рѣшенію. Руководство всѣми работами принадлежало А. Н. Юдину. Съ момента выработки плана подарка, можно смѣло сказать, что у Князя буквально не было ни одной свободной минуты: весь свой досугъ, даже нерѣдко перемѣны между уроками онъ посвящалъ работѣ надъ подаркомъ. Работа происходила въ особой „комнатѣ ручного труда“, гдѣ все и всегда было къ услугамъ Его Высочества. А потому и неудивительно, что даже 10-минутное занятіе всегда имѣло продуктивный характеръ. Но больше всего времени работѣ надъ подаркомъ удѣлялось въ праздничные дни, когда на это уходили часы отъ завтрака и до обѣда. Желая всю техническую часть работы сдѣлать самъ, Олегъ Константиновичъ никогда и никому не разрѣшалъ оказывать ему помощь. „Если кто-нибудь помогъ бы мнѣ“, разсуждалъ Князь, „онъ тѣмъ самымъ огорчилъ бы меня: эта работа уже была бы не моей, и я лишенъ былъ бы счастья сдѣлать рождественскій подарокъ моему Крестному Отцу“. Всѣ окружающіе отлично знали натуру Его Высочества и его твердый характеръ, а потому и далеки были отъ мысли своей непрошенной помощью тормозить уже начатую работу. И безъ того сильно волновался Князь, когда работа не спорилась, или не получался требуемый оттѣнокъ краски. Причины-же волненія Князя были понятны. Подобная работа требовала дневного свѣта, а петроградскій климатъ въ зимнее время на дневной свѣтъ очень скупъ. Случись въ праздникъ туманъ, вотъ вамъ новая непредвидѣнная утечка времени, и работа можетъ быть не окончена. Послѣ этого станетъ понятной и тревога Князя за наступающій праздникъ; „А вдругъ завтра дождь или туманъ?“ волновался Олегъ Константиновичъ, укладываясь спать. И неудивительно, что при такомъ тревожномъ снѣ онъ просыпался раньше времени и, сгорая нетерпѣніемъ къ работѣ, одѣвался и еще до чая принимался за подарокъ... Подарокъ отсылался Государю Императору при письмѣ Олега Константиновича съ однимъ изъ курьеровъ Двора къ 7 часамъ вечера 24 декабря. Тотъ-же курьеръ черезъ часъ всегда привозилъ отъ Его Величества письмо и какой-либо елочный подарокъ. Это милостивое вниманіе Государя служило Олегу Константиновичу высшей и лучшей наградой за его долгую и кропотливую работу“.

Такова была, по воспоминаніямъ воспитателя, общая картина жизни Князя Олега въ Павловскѣ за 1905—1906 учебный годъ. Весною этого года

случилось событіе, которое произвело на Князя Олега очень сильное впечатлѣніе: 27 апрѣля состоялось открытіе 1-ой Государственной Думы. Хотя Князю Олегу только недавно минуло 13 лѣтъ, его воспріимчивая душа сумѣла схватить всѣ тѣ мельчайшія подробности этого историческаго дня, свидѣтелемъ которыхъ ему удалось быть. Вотъ что онъ записываетъ въ дневникъ 27 же апрѣля: „Сегодня знаменитый день для Россіи. Не знаю, кому по моей смерти достанется моя лѣтопись, но пусть то, что я пишу, читаютъ всѣ мои сыновья, внуки и правнуки, если таковые будутъ.—Сегодня Государь въ первый разъ послѣ безпорядковъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Теперь наша столица, дѣтище Петра I, можетъ опять гордо поднять голову и просіять улыбкой радости: опять послѣ многихъ безпокойныхъ мѣсяцевъ нашъ Монархъ въ столицѣ. Что онъ дѣлаетъ?—Онъ даетъ Россіи Думу. Со всѣхъ концовъ Россіи, отъ сѣвера до юга и отъ востока до запада, собрались русскіе выборные отъ всего народа.—Съ 10-часовымъ поѣздомъ Папа, Дяденька и мы шестеро, то есть, пять братьевъ и сестра Татіана, отправились въ Петербургъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали часа открытія Думы. Я думалъ, что увижу на улицахъ столицы толпы народа, услышу шумъ и крики. Но, напротивъ, Петербургъ не волновался, и улицы были совсѣмъ пусты. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Мраморный мы отправились къ Павкѣ, нашему управляющему Дворомъ [1]). Посидѣвъ тамъ полчасика, мы пошли приготовляться къ завтраку: вымыть лицо, почистить платье и т. п. Къ завтраку пріѣхали двѣ молодыя принцессы. Какъ онѣ приходятся намъ, я не знаю. За завтракомъ мы почти ничего не ѣли отъ волненія и съ нетерпѣніемъ ждали его конца. Наконецъ, завтракъ кончился. Всѣ пулей бросились переодѣваться. Я удивлялся, какъ у меня спорилось дѣло. Черезъ одну минуту на мнѣ былъ надѣтъ мундиръ, медаль, ремень. Но не такъ-то скоро пришлось ѣхать. Надо было ожидать дамъ съ ихъ сложными туалетами. Вотъ всѣ садятся въ экипажъ. Тронулись. Проѣхали нѣсколько шаговъ—опять остановка. Наконецъ, поѣхали по Милліонной. На Дворцовой площади мы увидѣли спѣшившихся съ коней кирасиръ. Латы ихъ красиво блестѣли на солнцѣ. Лошади ржали. Люди и кони чувствовали, что дѣлается что-то необыкновенное.

„Мы прошли по какой-то лѣсенкѣ, какими-то комнатами, и вступили въ Романовскую галлерею. По стѣнамъ висѣли великолѣпныя картины и портреты. Тутъ намъ пришлось ждать полчаса. Эти полчаса казались цѣлою вѣчностью. Вдругъ все смолкло. Всѣ насторожились. Изъ глубины залъ стали раздаваться звуки народнаго гимна. Звуки все приближались. Процессія вошла въ Георгіевскую залу, и скоро мы услышали первый возгласъ дьякона и стройное пѣніе капеллы. Намъ двоимъ, Игорю и мнѣ, надо было стоять съ Великими Княгинями: мы не могли стоять въ строю, такъ какъ нашимъ классамъ еще не даютъ ружей.

---

[1]) Генералъ П. Е. Кеппенъ.

„Вотъ мы входимъ въ Георгіевскую залу на заранѣе уготованное мѣсто около самаго трона. Надъ тономъ балдахинъ изъ краснаго бархата. Какъ орелъ, распростерши свои длинныя крылья, охраняетъ гнѣздо, такъ и этотъ балдахинъ, осѣнявшій своею сѣнью не одного Монарха, готовится принять подъ свой покровъ теперешняго Царя Россіи. Направо отъ трона на особомъ мѣстѣ сіяетъ миріадами звѣздъ корона, дальше величественно колышется царева хоругвь, дальше царедворецъ держитъ Государственный мечъ, а предъ нимъ лежитъ держава.

„Молебенъ кончился. Къ трону по ступенькамъ направляется Царь. Его взоръ серьезенъ и величественъ. Онъ садится на тронъ. Черезъ спинку Его кресла перекинута мантія. Государь даетъ знакъ рукою, и Ему подносятъ бумагу съ рѣчью. Государь встаетъ. Гробовое молчаніе... Всѣ взоры устремлены на Него, всѣ съ напряженіемъ чего-то ждутъ, всѣ знаютъ, что наступилъ самый торжественный моментъ.

„Я забылъ все, что дѣлалось кругомъ, и смотрѣлъ на Государя. И вотъ Онъ началъ читать... Государь говорилъ серьезно, повелительно и строго. Каждое слово запечатлѣвалось у меня въ сердцѣ. Онъ говорилъ, что надѣется, что всѣ выборные явятся вѣрными Ему помощниками для блага Отечества и что Онъ хочетъ передать Наслѣднику царство благоустроенное, могущественное и сильное. Государь окончилъ рѣчь словами: „Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ!“

„Царь всходилъ къ трону съ лицомъ величественнымъ и серьезнымъ, а сошелъ съ него съ лицомъ просіявшимъ и милостивымъ. Громовое „ура“ Его сопутствовало. На многихъ лицахъ я увидѣлъ слезы. Мнѣ хотѣлось плакать, но я не плакалъ. Этотъ день останется навсегда въ моей памяти“.

Какъ видимъ, маленькій авторъ этихъ словъ глубоко пережилъ то, что являлось знаменательнымъ въ исторіи Россіи, и вложилъ въ свою безхитростную дѣтскую запись и неподдѣльное чувство любви къ Царю и родинѣ, и недюжинную наблюдательность, и отчетливое сознаніе важности событія.

Скоро Князю Олегу снова пришлось видѣть Государя уже на своемъ корпусномъ торжествѣ: 13 мая корпусу было пожаловано въ Петергофѣ въ Высочайшемъ присутствіи знамя, и Князь Олегъ съ братьями, по предложенію директора корпуса, принялъ участіе въ этомъ праздникѣ. Рано утромъ 13 мая онъ въ составѣ всего корпуса выѣхалъ на пароходѣ изъ Петербурга. Торжество закончилось парадомъ, который для Князя Олега былъ первымъ Царскимъ парадомъ. „Когда я услыхалъ голосъ Государя „Спасибо, кадеты!“, съ жаромъ разсказывалъ потомъ Князь, „то въ эту минуту готовъ былъ рѣшиться на какую угодно опасность: такъ властно и величественно поблагодарилъ насъ Государь“.

Вскорѣ послѣ этого закончился учебный годъ. Предстоялъ переѣздъ на лѣто въ Стрѣльну. Обычно до этого года подобные переѣзды всегда совершались по желѣзной дорогѣ. На этотъ разъ порядокъ передвиженія былъ избранъ другой: рѣшили сдѣлать переходъ въ Стрѣльну верхомъ.

День отъѣзда былъ назначенъ на 24 мая. Ни сильный прохладный вѣтеръ, ни пасмурное небо не смущали маленькихъ кавалеристовъ. Князь Олегъ съ утра горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе очутиться въ сѣдлѣ и съ восторгомъ говорилъ воспитателю: „А все Дяденька! Это онъ насъ пріучилъ къ такой ѣздѣ, и вы увидите, что эти 30 верстъ на насъ и не подѣйствуютъ“. Послѣ завтрака, въ 1½ ч. дня, Князья выѣхали изъ Павловска вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ и въ 7¼ ч. вечера веселые, довольные и бодрые были уже у Стрѣльнинскаго дворца.

Жизнь въ Стрѣльнѣ не была такъ богата разнообразіемъ впечатлѣній, какъ жизнь въ Осташевѣ, и проходила въ мирной обстановкѣ семьи, среди умственныхъ занятій, не требовавшихъ особеннаго напряженія. Вотъ какъ описываетъ эту жизнь самъ Князь Олегъ въ дневникѣ отъ 31 мая 1906 года: „Теперь у насъ по утрамъ бываютъ англійскія, французскія занятія и музыкальныя упражненія. Днемъ бываемъ большею частью свободны. Послѣ завтрака отъ четверти третьяго до 4-хъ верховая ѣзда, въ 4 ч.—чай, потомъ англійская или французская прогулка. Отъ пяти дѣлаемъ, что хотимъ: читаемъ, ѣздимъ на велосипедахъ, на лодкѣ, играемъ въ саду... Отъ семи—обѣдъ съ Папа, Мама и Дяденькой. Послѣ обѣда Дяденька идетъ къ себѣ. Папа съ кѣмъ-нибудь изъ насъ ѣдетъ къ Вавѣ [1]) на велосипедѣ, а я чаще всего остаюсь въ это время у Татьяны, рисуя цвѣты. Черезъ полчаса Папа возвращается и приходитъ къ Татьянѣ читать. Мама слушаетъ, мы четверо рисуемъ, старшіе слушаютъ. Теперь мы читали записки Великой Княгини Ольги Николаевны. Вчера ихъ кончили. Половина десятаго идемъ спать. Утромъ, половина девятаго, чай съ Папа. Въ 10 здороваемся съ Мама и Дяденькой“.

Съ первыхъ же дней переѣзда въ Стрѣльну Князьямъ стало извѣстно о возможности ихъ поѣздки на нѣкоторое время въ село Ильинское къ Великой Княгинѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ, гдѣ проживали тогда Великій Князь Дмитрій Павловичъ и Великая Княжна Марія Павловна. Объ этой поѣздкѣ шли разговоры еще въ теченіе зимы, но теперь было уже получено письменное приглашеніе, и вопросъ о посѣщеніи Ильинскаго былъ лишь вопросомъ времени. Задерживала поѣздку только болѣзнь Августѣйшей бабушки Князей, Великой Княгини Александры Іосифовны. „Пока Анмама не поправится, мы въ Ильинское не поѣдемъ“, говорили Князья, сердечно любившіе свою Бабушку.

19 іюня съ Великой Княгиней случился ударъ, но черезъ недѣлю ея здоровье вполнѣ возстановилось, и 26 іюня Князья выѣзжали въ Петербургъ лично поздравить Бабушку съ днемъ ея рожденія. Въ Ильинское, впрочемъ, они отправились только 18 іюля.

Село Ильинское находится къ западу отъ Москвы, верстахъ въ 20, и лежитъ на красивыхъ лѣсистыхъ берегахъ рѣки Москвы. Рядомъ съ селомъ, на самомъ берегу, расположенъ роскошный дворецъ съ множествомъ слу-

[1]) В. П. Михайлова, няня Великаго Князя.

жебныхъ построекъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга группами древесныхъ насажденій. По различнымъ направленіямъ во множествѣ идутъ вымощенныя дорожки.

Князь Олегъ былъ очень доволенъ поѣздкой въ Ильинское. „Я какъ будто въ Осташевѣ“, заявилъ онъ къ вечеру перваго же дня пребыванія въ гостяхъ. Помимо развлеченій, Князь Олегъ нашелъ въ Ильинскомъ также возможность приложенія своихъ силъ въ работѣ, которая дала ему, съ одной стороны, много новыхъ впечатлѣній, а съ другой—и извѣстное нравственное удовлетвореніе. Дѣло въ томъ, что въ Ильинскомъ Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной былъ открытъ лазаретъ для раненыхъ нижнихъ чиновъ. По нѣсколько разъ въ день Великая Княгиня навѣщала раненыхъ и принимала самое дѣятельное и непосредственное участіе въ облегченіи ихъ страданій. Съ Великою Княгинею посѣщали лазаретъ и Князья. Князь Олегъ очень скоро сталъ уже оказывать помощь врачу при измѣреніи температуры, при подачѣ лѣкарствъ и при наложеніи повязокъ. Послѣднее далось ему нелегко, но онъ съ присущей ему силой воли добился своего, къ удивленію сопровождавшаго его воспитателя, который по этому поводу сообщаетъ: Удивительное явленіе. Олегъ Константиновичъ въ раннемъ дѣтствѣ не только никогда не могъ видѣть крови, но даже и слышать самое слово „кровь“. Достаточно было ему увидѣть царапину у себя на пальцѣ, чтобы поблѣднѣть и иногда лишиться сознанія. Однажды, на опросѣ по естественной исторіи, преподаватель предложилъ ему разобрать вопросъ о кровообращеніи у человѣка. Князь произнесъ только слова: „Въ тѣлѣ человѣка безпрерывно движется кровь“, и упалъ въ обморокъ. И вотъ теперь здѣсь, въ Ильинскомъ лазаретѣ, Олегу Константиновичу на каждомъ шагу приходилось видѣть кровь. Сперва онъ избѣгалъ смотрѣть на кровяныя повязки и, блѣднѣя, отводилъ глаза въ сторону, либо выходилъ изъ палаты. Обморока съ нимъ ни разу здѣсь не было. Обладая упорнымъ настойчивымъ характеромъ, Князь рѣшилъ работать надъ собой. Все смѣлѣе и смѣлѣе смотрѣлъ онъ и на повязку, и на раны солдатъ, все рѣже и рѣже отворачивался отъ крови... Иногда блѣдный, съ потнымъ лбомъ, Олегъ Константиновичъ заставлялъ себя стоять у постели раненаго до окончанія врачомъ перевязки и только тогда выходилъ на воздухъ. На просьбу врача не дѣлать надъ собой такихъ опытовъ, Князь отвѣтилъ: „Да вѣдь я военный. И ужъ чего-чего, а крови-то я не долженъ бояться“. И дѣйствительно, Князь добился своего: видъ крови пересталъ дѣйствовать на его нервы, и онъ могъ оставаться у раненыхъ цѣлыми часами. Однако, это пребываніе отнюдь не носило характера празднаго препровожденія времени. Князь бралъ книгу и охотно читалъ раненымъ. Припомнились ему „Четверги“ въ Мраморномъ Дворцѣ и, подражая своему учителю Н. К. Кульману, Князь съ большимъ успѣхомъ читалъ статьи изъ его репертуара, причемъ „Вій“ и „Пѣвцы“ пользовались у слушателей особенной популярностью, такъ что искусный чтецъ повторялъ ихъ во всѣхъ палатахъ“.

Эти чтенія сопровождались необходимыми разъясненіями и часто заканчивались бесѣдами и даже спорами, причемъ не обходилось безъ курьезовъ. Такъ, прочитавъ однажды раненымъ „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“, Князь Олегъ спросилъ одного изъ своихъ слушателей, внимательно и, видимо, съ чувствомъ слѣдившаго за чтеніемъ: „Ну, а какъ по твоему, кто же былъ этотъ вѣщій Олегъ?“ Тотъ не разъ въ предшествовавшихъ бесѣдахъ обнаруживалъ и бойкость, и сообразительность, но тутъ далъ такой отвѣтъ, который совершенно озадачилъ Князя Олега: „Кто? Разумѣется, колдунъ, котораго ежели повѣсить, такъ и то мало“. Этотъ отвѣтъ нисколько не удивилъ остальныхъ раненыхъ, которые только ждали дальнѣйшихъ объясненій относительно этого загадочнаго колдуна. Но Князь Олегъ, совсѣмъ не ожидавшій такихъ результатовъ своего „объяснительнаго чтенія“, которое онъ велъ по всѣмъ правиламъ методики, смущенно замѣтилъ: „Это ты, братецъ, немножко спуталъ. Завтра мы объ этомъ съ тобой поговоримъ“. И, выйдя изъ палаты, Князь Олегъ предался грустнымъ размышленіямъ о томъ, какъ много еще придется учиться нашимъ крестьянамъ, чтобы свободно понимать Пушкина.

„Совсѣмъ иначе“, разсказываетъ воспитатель Князя Олега, „заканчивались бесѣды Олега Константиновича по поводу минувшей войны. Каждый изъ раненыхъ описывалъ ему исторію полученія своей раны и особенно подробно останавливался на громѣ пушекъ, свистѣ пуль и боѣ барабана... Глаза загорались у Князя какимъ-то особеннымъ блескомъ, румянецъ покрывалъ все его лицо, и онъ, вскочивъ со стула, говорилъ разсказчику: „И ты не испугался? Молодчина, братъ! Вотъ я буду офицеромъ, мы опять съ тобой пойдемъ на япошекъ“. Въ этихъ случаяхъ необходимо было уже постороннее вмѣшательство, чтобы положить конецъ воинственнымъ разсказамъ и увести пылкаго слушателя изъ палаты раненыхъ“.

Для полноты воспоминаній о пребываніи Его Высочества въ Ильинскомъ лазаретѣ надо упомянуть еще объ интересныхъ занятіяхъ раненыхъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ А. М. Максимовъ: „Въ своихъ заботахъ о заполненіи у больныхъ массы свободнаго времени какимъ-либо плодотворнымъ способомъ, Великая Княгиня устроила обученіе раненыхъ доступнымъ имъ ремесламъ. Тутъ были сапожники, портные, вязальщики. За каждую вещь Дворомъ Ея Высочества была установлена цѣна для продажи. Стоимость матеріала возвращалась Двору, пріобрѣтавшему матеріалъ, вся-же заработная плата цѣликомъ шла въ пользу работника. Вещи широко раскупались не только въ Москвѣ, но даже шли на лондонскія выставки, гдѣ возбудили огромный интересъ среди нашихъ нынѣшнихъ союзниковъ. И работы стоили этого вниманія: благодаря опытнымъ и хорошимъ учителямъ, всѣ отрасли обученія раненыхъ были поставлены прекрасно, работы получались чрезвычайно изящныя и притомъ по крайне низкой цѣнѣ. Ея Высочество разсказывала, что нѣкоторые изъ раненыхъ, уходя по выздоровленіи изъ Ильинскаго, уносили съ собой до 400 руб. кровно ими заработанныхъ

денегъ, выстраивали себѣ на эти деньги хату и писали изъ деревни Великой Княгинѣ письма, полныя глубокой благодарности.

„Обходя работы раненыхъ и вникая въ ихъ технику, Князь Олегъ Константиновичъ остановилъ свое вниманіе на вязкѣ ковровъ. Эта работа при всей ея, такъ сказать, механичности, помимо точности и аккуратности, требовала извѣстнаго творчества. Вотъ это послѣднее обстоятельство и пришлось по душѣ Его Высочеству, и онъ сталъ учиться этому ремеслу. Сидя передъ большой вязальной рамой, рядомъ съ раненымъ въ ногу солдатикомъ, Олегъ Константиновичъ терпѣливо вглядывался въ его работу, помогалъ ему при вставаньѣ и подавалъ ему костыль. Отъ наблюденій и разспросовъ Князь скоро перешелъ къ дѣлу и уже собственноручно сдѣлалъ нѣсколько рядовъ. Тутъ же онъ заказалъ себѣ особую раму и приступилъ къ изготовленію собственнаго ковра. Эту работу Его Высочество продолжалъ затѣмъ съ интересомъ въ Стрѣльнинскомъ дворцѣ“.

Пребываніе въ Ильинскомъ имѣло для Князя Олега значеніе и въ томъ отношеніи, что онъ здѣсь продолжалъ знакомиться съ народной жизнью. Этому способствовали бесѣды съ ранеными, а кромѣ того, и нѣкоторыя картины народнаго быта, которыхъ онъ раньше не видѣлъ. Такъ, 20 іюля, въ престольный праздникъ Ильинскаго храма, въ Ильинскомъ, въ самомъ центрѣ села, была устроена ярмарка. Маленькія парусиновыя лавченки двумя рядами тянулись вдоль берега Москвы. Тутъ были и карусель, и балаганъ съ доморощенными клоунами, фокусники и визгливыя пѣвицы, хрипѣвшія шарманки и турецкіе барабаны. А. М. Максимовъ передаетъ объ этой ярмаркѣ нѣкоторыя любопытныя подробности: „Народъ большой толпой запрудилъ улицу между каруселью и балаганомъ и съ любопытствомъ и смѣхомъ то слушалъ кривлявшихся на крышѣ балагана клоуновъ, то безмолвно наблюдалъ кружившуюся карусель. У лавченокъ народу было мало, и лишь небольшія группы покупателей стояли то здѣсь, то тамъ. У самаго начала улицы, что непосредственно прилегаетъ къ владѣніямъ дворца, бросались въ глаза двѣ фигуры въ бѣлыхъ длинныхъ фартукахъ мороженщика и квасника. У перваго на головѣ стояла кадка съ мороженымъ, у второго—огромный кувшинъ съ какой-то желтой жидкостью. Первый, остановившись посреди улицы, откашлялся и съ чисто московской удалью запѣлъ: „Сахарный морожъ“... Второй, выждавъ своего соперника и убѣдившись въ безполезности его возванія, съ задоромъ закричалъ: „А вотъ у насъ заморскій квасъ. Старикъ молодѣетъ, больной здоровѣетъ. Пятачокъ отдавай, здоровья наживай“...

„Такова была общая картина ярмарки, когда Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна съ Ихъ Высочествами въ 3 часа дня выходила на ярмарочную площадь. Народъ почтительно привѣтствовалъ свою Августѣйшую хозяйку, обнажая головы и дѣлая низкіе поклоны. Было предположено въ теченіе часа времени обойти ярмарку и вернуться во дворецъ. Однако, дѣйствительность сложилась иначе. Ярмарочная обстановка чрезвычайно заняла дѣтей. Въ частности, у Олега Константиновича глаза разбѣжались,

въ полномъ смыслѣ этого слова. Ему одновременно хотѣлось и посмотрѣть клоуновъ, и послушать слѣпыхъ пѣвцовъ, и познакомиться съ содержимымъ деревенскихъ „магазиновъ“... Ихъ Высочества разбились на отдѣльныя группы и стали осматривать ярмарку. Что касается Князя Олега, то онъ сперва быстро обошелъ всю ярмарочную территорію и, такъ сказать, ознакомился съ общей ея физіономіей. А затѣмъ онъ перешелъ къ частностямъ. Карусель и балаганъ его не заняли: „Не стоитъ на нихъ время тратить“, добродушно заключилъ Князь и подошелъ къ слѣпому пѣвцу. Рябой, съ рыжей бородой дѣтина сидѣлъ въ пыли на землѣ и, аккомпанируя себѣ на самодѣльной лирѣ, громкимъ гнусавымъ голосомъ выводилъ: „Запишу я письмо отцу кровному, какъ продали меня братья родные“... Маленькій худенькій поводырь съ большой грязной сумой черезъ плечо и деревянной чашкой въ рукѣ стоялъ около пѣвца... Внимательные, серьезные, почти строгіе глаза Олега Константиновича устремлялись то на старца, то на несчастнаго поводыря. „А что если онъ не слѣпой, и только притворяется? а что если у этого мальчика есть отецъ и мать, и этотъ нищій укралъ его у нихъ?“ — такіе и подобные имъ вопросы все время приходили Князю въ голову. Замѣтно было, что грустный видъ поводыря вызвалъ у него чувство жалости и состраданія. Дослушавъ пѣніе до конца и рѣшивъ, что слѣпой пѣлъ объ Іосифѣ Прекрасномъ, Олегъ Константиновичъ вынулъ двѣ монеты и одну изъ нихъ положилъ въ чашку къ пѣвцу, а другую далъ въ руку этому грустному ребенку, сказавъ: „Это—тебѣ“. Тотъ испуганно посмотрѣлъ на Князя и робко положилъ монету къ себѣ въ карманъ.

„Затѣмъ послѣдовалъ обходъ „магазиновъ“. Августѣйшая хозяйка Ильинскаго всегда закупала различнаго товара на ярмаркѣ на солидную сумму. Лично обходя всѣ лавки, Ея Высочество каждую изъ нихъ удостаивала своимъ вниманіемъ и всегда находила что-либо купить въ ней. Этотъ обычай Великой Княгини былъ отлично извѣстенъ всѣмъ торговцамъ ярмарки, и всякій изъ нихъ, желая продать Ея Высочеству на бо̀льшую сумму, старался привезти и выставить, что получше. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется наличіе на такой глухой провинціальной ярмаркѣ товаровъ весьма разнообразнаго характера и вполнѣ приличнаго качества. Олегъ Константиновичъ съ большимъ интересомъ, даже съ удивленіемъ, обходилъ всѣ лавки и знакомился съ ихъ содержимымъ. Тутъ были: миткаль, ситецъ, игрушки. Матушка-Москва посылала сюда даже прекрасную парчу. Видимо, и юркій ярославецъ хотѣлъ заработать лишнюю копейку и имѣлъ здѣсь не одну лавочку со своимъ чуднымъ полотномъ. Вездѣ Князю Олегу съ большою охотой давались объясненія на интересующіе его вопросы, и онъ только слушалъ и удивлялся: такъ много для него новаго и неслыханнаго раскрыла эта деревенская ярмарка съ ея простымъ русскимъ мужичкомъ. „Теперь кое-что изъ географіи Россіи я уже усвоилъ твердо и ясно“, съ удовольствіемъ отмѣтилъ потомъ Его Высочество“.

Хотя пребываніе въ Ильинскомъ было непродолжительнымъ, однако оно успѣло оставить слѣдъ на впечатлительной душѣ Князя Олега: передъ

нимъ раскрылись нѣкоторые уголки народной жизни, которыхъ онъ раньше не видѣлъ, а ежедневное посѣщеніе раненыхъ и бесѣды съ ними невольно заставляли соприкасаться съ міросозерцаніемъ людей, вышедшихъ изъ народа и лично испытавшихъ всѣ треволненія боевой обстановки.

29 іюня Князья вернулись въ Стрѣльну. До Князя Олега все чаще стали доходить слухи о покушеніяхъ, убійствахъ, казняхъ и прочихъ ужасахъ революціоннаго времени. 6 августа 1906 г. онъ записываетъ: „Съ каждымъ новымъ номеромъ газетъ мы узнаемъ, что кто-нибудь убитъ или кто-нибудь раненъ. Вездѣ забастовки, безпорядки. Россія сама себя губитъ, русскіе сами начинаютъ истязать свою мать—отечество“...

24 августа Князья переѣхали въ Павловскъ тѣмъ же „походнымъ порядкомъ“, на коняхъ, подъ руководствомъ своего Августѣйшаго дяди. Первые дни ушли на устройство помѣщеній, причемъ Князь Олегъ, какъ и всегда, самъ устраивалъ свою комнату, разставляя вещи по личному вкусу. Учебный 1906—1907 годъ прошелъ подобно предыдущему: то же расписаніе занятій, тѣ же преподаватели и та же напряженная работа.

Къ концу 1906 года у Князя Олега начинаетъ все больше и больше проявляться желаніе писать. Послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшается наконецъ сказать объ этомъ своему Августѣйшему отцу. Подъ 12 ноября 1906 г. въ его дневникѣ записано слѣдующее: „Вчера я въ первый разъ сказалъ за обѣдомъ Папа, что пишу стихи. На вопросъ, почему я этого не сказалъ ему раньше, я отвѣтилъ, что стѣсняюсь. Папа сказалъ, что стѣсняться не надо и что поэты всегда до печатанія стиховъ совѣтовались съ кѣмъ-нибудь. Фетъ въ послѣдніе годы своей жизни совѣтовался съ Папа. Теперь я буду показывать Папа мои стихи. Я хочу показать ему: „О даруй мнѣ талантъ, поэтъ!“ Надо только эти стихи передѣлать“.

Съ этого времени литературные опыты Князя Олега начинаютъ носить болѣе постоянный характеръ, но стихи, видимо, ему не даются. Онъ подвергаетъ ихъ тщательной переработкѣ, и, тѣмъ не менѣе, удовлетворительныхъ результатовъ не получается. Затрудняетъ его и выборъ темъ. По крайней мѣрѣ, подъ 7 апрѣля 1907 г. читаемъ: „Мнѣ иногда хочется писать стихи, но я не знаю, что писать. Теперь весна. Хочется написать про весну—не выходитъ! Лучше бы, пожалуй, мнѣ заняться прозой, заговорами, сказками, пѣснями, разсказами о деревенской жизни. А, можетъ быть, что-нибудь въ родѣ Гоголя???“

Кое-кто изъ окружающихъ говорилъ Князю Олегу, что стихи выходятъ у него хуже, чѣмъ что-либо другое, а когда онъ прочиталъ нѣсколько своихъ стихотворныхъ опытовъ преподавателю русскаго языка, Н. К. Кульману, то тотъ рѣшительно замѣтилъ, что у юнаго поэта еще совершенно нѣтъ чувства ритма и что неудачная погоня Князя за техникой убиваетъ вконецъ непосредственное творчество и лишаетъ стихи живыхъ образовъ. Услышавъ такой суровый приговоръ, Князь Олегъ съ горечью сказалъ: „Ну, хорошо! Слѣдующій разъ я Вамъ буду тогда читать свои стихи, когда найду

ихъ болѣе или менѣе совершенными“. Надо замѣтить, что такого чтенія больше не повторилось, слѣдовательно, Князь Олегъ своими стихотворными произведеніями не былъ вполнѣ доволенъ. Но тотъ же преподаватель, когда Князь Олегъ прочелъ ему нѣсколько прозаическихъ отрывковъ, ободрилъ его на дальнѣйшую работу въ этомъ направленіи, такъ какъ въ прозѣ Князя, несмотря на его 14 лѣтъ, чувствовались и наблюдательность, и живое воображеніе, и даже извѣстное изящество стиля. Вотъ почему 9 апрѣля 1907 г. онъ пишетъ въ дневникѣ: „Я задумалъ заняться русской литературой—сказками, былинами, заговорами, пѣснями и т. п. Мнѣ хочется, въ родѣ Григоровича, описывать деревенскій бытъ, подчеркивая его недостатки и хорошія стороны. Такъ какъ я въ общемъ провелъ въ деревнѣ три лѣта, то могу кое-что записать въ дневникъ, а когда матеріала прибавится, то соединю все вмѣстѣ въ цѣлую повѣсть!“

Подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ онъ пишетъ 24 мая Августѣйшей матери: „Я лѣтомъ собираюсь поработать основательно надъ однимъ литературнымъ трудомъ, о которомъ разскажу въ Стрѣльнѣ. Покамѣстъ скажу, что это не стихотвореніе, а проза. Стихотворенія я бросилъ, а занимаюсь прозой. Обо всемъ этомъ знаетъ Н. К. Кульманъ“.

Въ тетрадяхъ Князя Олега находится небольшой набросокъ, написанный, очевидно, въ это же время и носящій заголовокъ: „Начало предпринимаемой мною повѣсти“. Нѣсколько отрывковъ изъ этого наброска могутъ дать нѣкоторое представленіе о прозѣ Князя Олега въ ранніе годы.

„Осташево,—имѣніе моего отца, въ которомъ мы провели уже два лѣта, расположено въ Московской губерніи, въ Волоколамскомъ уѣздѣ“,—такъ начинается „повѣсть“. „Нашъ домъ стоитъ недалеко отъ села. Отъ главнаго подъѣзда идетъ липовая аллея къ большой площади деревни, на которой по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ бываетъ ярмарка. Сюда пріѣзжаютъ крестьяне, болѣе или менѣе богатые, и торгуютъ разнымъ мелкимъ товаромъ: тутъ стоитъ возъ съ глиняными горшками, тамъ продаютъ пряники и разныя принадлежности сельскаго быта. Площадь окаймляютъ три лавки. Налѣво—лавка Шумова, въ которой можно найти селедку, матерію, чай, сахаръ и табакъ—рѣшительно все. Рядомъ съ нею находится еще маленькая лавченка, а направо отъ площади трактиръ подъ названіемъ „Трудолюбивая пчела“. Подъ названіемъ нарисованъ улей съ пчелами, а подъ нимъ написано: „Безъ крѣпкихъ напитковъ“, что, однако, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Посреди площади, въ каменномъ кіотѣ, покрашенномъ бѣлой краской, находится подъ стекломъ икона Николая Чудотворца.

„Наша спальня расположена въ правомъ углу дома. Когда вы войдете въ нее, то увидите передъ собою столикъ съ иконами. Направо отъ него окно и шкафъ съ бѣльемъ. У второй стѣны три кровати, между которыми лежитъ по коврику. Около кровати стоитъ по стулу съ кожаными сидѣньями и рѣзными спинками, изображающими голову тигра съ открытою

пастью и двумя клыками, между которыми я иногда кладу указательный палецъ. По краямъ этой стѣны двѣ двери. Надъ Костиной кроватью полка съ иконами, а надъ моею—картина, на которой изображено, какъ мальчикъ на бѣленькой лошадкѣ въ присутствіи родителей перепрыгиваетъ канаву. Подъ картиной написано: „Le premier obstacle“.

„У третьей стѣны стоятъ три умывальника. Съ лѣваго боку—печка, съ праваго—дверь въ нашу классную. Надъ умывальниками виситъ картина, изображающая скачки. На площади много народу, и тутъ же вы видите какой-то высокій брэкъ, на которомъ стоятъ расфуфыренныя дамы и мужчины: они смотрятъ на скачки. При взглядѣ на эту картину вы непремѣнно подумаете, что если лошади дернутъ, то вся компанія должна упасть, кто куда. Подъ картиной тоже какая-то французская надпись, смыслъ которой я никогда не могъ понять.

„На четвертой стѣнѣ три окна. Между первымъ и вторымъ окномъ стоитъ столъ, обитый зеленымъ сукномъ, которое на зиму усердно посыпается нафталиномъ. Между вторымъ и третьимъ—комодъ съ зеркаломъ. Наши окна выходятъ въ садъ. Передъ ними клумбы и дорожки, за ними большой лугъ съ двумя маленькими озерами, въ которыхъ цѣлый день разводятъ концертъ лягушки. На одномъ изъ нихъ два лѣсистыхъ острова. За лугомъ рѣка Руза, притокъ Москвы. За рѣкой стоитъ большая церковь, окрашенная въ розовую краску, а налѣво отъ нея домикъ батюшки.

„Направо отъ церкви большой лугъ, а за нимъ виднѣется деревня Жулино, куда мы разъ ходили подъ сильнымъ ливнемъ и гдѣ укрылись отъ дождя у одной замѣчательно гостепріимной крестьянки Дуни.

„Налѣво отъ церкви водяная мельница, а за нею въ лѣсу Бражниковская церковь. На нашемъ берегу Рузы налѣво отъ оконъ—терасса, а направо, далеко въ лѣсу, виденъ надъ рѣкою большой обрывъ подъ прозваніемъ «Красный Яръ»“.

Какъ видимъ, Князь Олегъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Л. Толстого, но это вліяніе сказалось только на общемъ планѣ и на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ, все же остальное носитъ на себѣ печать самостоятельности. Помимо Толстого, судя по разбросаннымъ въ разныхъ тетрадяхъ отрывкамъ, на Князя Олега оказали также вліяніе Тургеневъ и Гончаровъ, однако и тутъ вліяніе ограничивалось только стилемъ, а не приводило къ слѣпому подражанію.

Между прочимъ, въ 1906—1907 учебномъ году Князь Олегъ много работалъ по математикѣ, которая вообще ему давалась не легко. Какъ ни любилъ онъ словесные предметы и, въ частности, русскій языкъ и литературу, однако сознаніе долга заставляло его удѣлять не мало вниманія и математикѣ. Этимъ предметомъ занимался съ Княземъ Олегомъ въ послѣдніе годы его учебной жизни извѣстный военный педагогъ, генералъ З. А. Макшеевъ. „Олегъ Константиновичъ“, вспоминаетъ А. М. Максимовъ, „дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы его успѣхи по математикѣ были не ниже

другихъ. И въ концѣ концовъ онъ добился своего. Зато, какъ иногда Князь мучился, когда задача не выходила или теорема не усваивалась. „А вдругъ Захарій Андреевичъ подумаетъ, что я нарочно не приготовился по геометріи, такъ какъ у меня вообще нѣтъ математическихъ способностей“, безпокойно разсуждалъ онъ... Однако „терпѣніе и трудъ“ помогали Его Высочеству преодолѣвать всякія геометрическія и алгебраическія трудности, и уроки Захарія Андреевича проходили съ такимъ же интересомъ и успѣхомъ, какъ и по наукамъ словеснымъ“.

Въ 1907 году предстояло производство въ офицеры двухъ старшихъ братьевъ Князя Олега, Князей Іоанна и Гавріила Константиновичей. Вполнѣ понятно, что будущая служба братьевъ занимала Князя Олега и была предметомъ постоянныхъ бесѣдъ. И вотъ какъ-то во время этихъ разговоровъ одинъ изъ братьевъ обратился къ Князю Олегу съ вопросомъ: „Ну, а ты, Олегъ, кѣмъ думаешь быть?“—„Князь“, разсказываетъ воспитатель, „откинулся на спинку стула, немного помолчалъ и сказалъ: „На этотъ вопросъ я отвѣчу тебѣ словами генерала В. А. Шильдера“. И тутъ же припомнилъ слѣдующій случай. Три года тому назадъ Его Высочество въ вагонѣ желѣзной дороги встрѣтился съ директоромъ Псковскаго кадетскаго корпуса, ген. В. А. Шильдеромъ. Зная, что у генерала есть сынъ, мальчикъ лѣтъ 9—10, Олегъ Константиновичъ въ разговорѣ задалъ ему такой вопросъ: „А Вы Вашего сына куда готовите? въ корпусъ?“ На это ген. Шильдеръ отвѣтилъ: „Я его готовлю въ хорошіе люди“. Это воспоминаніе Князь закончилъ словами: „Такъ и я. Прежде всего я хочу быть хорошимъ человѣкомъ. А что будетъ дальше, я не знаю...“ Какъ видимъ, мысль сдѣлаться „хорошимъ человѣкомъ“ была постоянной спутницей Князя Олега, и слова ген. Шильдера крѣпко запали ему въ голову.

Весною 1907 г. воспитатель младшихъ Князей А. М. Максимовъ получилъ новое назначеніе и общее руководство по воспитанію и образованію Князей временно принялъ на себя завѣдывающій Дворомъ Великаго Князя Константина Константиновича штабсъ-ротмистръ А. В. Короченцовъ. 24 мая Князь Олегъ сообщаетъ о происшедшей перемѣнѣ Августѣйшей матери: „Теперь вмѣсто Алексѣя Михайловича у насъ „Саса“. Послѣдній присутствуетъ почти каждый разъ у насъ на одѣваньѣ и раздѣваньѣ, дѣлаетъ съ нами прогулки на велосипедахъ, играетъ въ теннисъ. Онъ взялся насъ отучить отъ трехъ главныхъ привычекъ — кричать за столомъ, трогать и обнимать всѣхъ и дѣлать все время другъ другу замѣчанія. У насъ теперь процвѣтаетъ игра въ теннисъ“.

Въ это лѣто Князь Олегъ опять не увидѣлъ Осташева, но зато ему удалось побывать въ своемъ родномъ корпусѣ, въ Полоцкѣ. 26 августа Великій Князь отбылъ изъ Петербурга для осмотра военно-учебныхъ заведеній и, предполагая навѣстить Полоцкъ, рѣшилъ взять съ собой и полочанина-сына. Вотъ какъ описываетъ пережитыя здѣсь впечатлѣнія самъ Князь Олегъ: „Я хочу Тебѣ написать все съ начала до конца“, пишетъ

онъ Августѣйшей матери 31 іюля—2 августа: „Я сталъ волноваться, когда увидѣлъ изъ окна вагона бѣлую колокольню собора. Вотъ поѣздъ остановился. Мы съ Папа выходимъ на платформу, гдѣ насъ встрѣчаетъ самъ директоръ. Я вытянулся передъ нимъ и сказалъ: „Ваше Превосходительство! честь имѣю явиться по случаю прибытія въ корпусъ“. Потомъ мы съ Папа и директоромъ сѣли въ экипажъ и поѣхали въ корпусъ. Я мысленно повторялъ рапортъ. Вотъ мы вылѣзаемъ, и меня вводятъ прямо въ 5-ый классъ, 2-ое отдѣленіе (это не нашъ классъ). Папа меня беретъ за шиворотъ и говоритъ кадетамъ: „Вы видали эту фигуру?“ Потомъ меня повели въ нашъ классъ и посадили на скамейку рядомъ съ очень милымъ мальчикомъ по фамиліи Руссетъ. Оказалось, что у насъ идетъ урокъ геометріи... Меня нѣсколько разъ спрашивали. Я за урокомъ все понималъ. Потомъ пошли другіе уроки. Отмѣтокъ въ 1-ый день не было. Когда Папа ушелъ, у меня началось ужасно противное чувство, мнѣ хотѣлось плакать. Это чувство продолжалось два дня. Папа появлялся довольно часто. Вдругъ приходитъ „няня Миша“ [1]) и говоритъ, что полочане хотятъ, чтобъ я говорилъ имъ „ты“. Я сразу отвѣтилъ, что этого не хочу, такъ какъ Папа и всѣ наши дома этого не хотятъ. — Завтракъ былъ очень вкусный. Меня много предупреждали, что пища у насъ невкусная — я съ этимъ не согласенъ... Кадеты никогда не бываютъ сыты: очень часто видишь кадета въ кровати съ яблокомъ въ рукѣ. — Самое веселое время — сидѣть въ курилкѣ. Въ ней находится гимнастика. Мое любимое мѣсто это придвинутые къ стѣнѣ параллельные брусья. Въ курилку собирается вся рота, и почти всѣ курятъ. Начальство смотритъ на это сквозь пальцы. — Послѣ завтрака у насъ всегда бываютъ разныя прогулки въ монастыри и тому подобныя мѣста. Мы уже были въ подземномъ ходу и видѣли отдѣльную комнату, заваленную костями. Сегодня я былъ въ католической церкви съ цѣлью посмотрѣть ихъ святого, „Бобо́лю“. Хранится преданіе, что это — іезуитъ, убитый нашими казаками во время войны съ Польшей. Его нашли въ торфяныхъ болотахъ. — Послѣ прогулокъ обѣдъ, приготовленіе уроковъ, чай и спанье. Первую ночь я спалъ скверно и заснулъ только подъ утро. Это все произошло съ непривычки спать вмѣстѣ съ пятьюдесятью кадетами въ одной комнатѣ. — Я чувствую, что если буду продолжать письмо, то никогда его не кончу. Цѣлую Тебя и всѣхъ. Мнѣ такъ мало времени для писемъ“.

Въ теченіе недѣли Князь Олегъ былъ въ корпусѣ совершенно одинъ, такъ какъ Великій Князь уѣхалъ на югъ. Къ возвращенію Великаго Князя Князь Олегъ вполнѣ свыкся съ жизнью корпуса и чувствовалъ себя какъ дома: на перемѣнахъ весело игралъ съ товарищами, на урокахъ отвѣчалъ хорошо и бойко. Между прочимъ, въ корпусѣ ему удалось блеснуть своею способностью къ декламаціи: на одномъ изъ уроковъ онъ такъ выразительно прочелъ „Пророка“ Пушкина, что вызвалъ общее изумленіе.

---

[1]) Ген. Драшковскій.

7 сентября Великій Князь отбылъ изъ Полоцка. Полочане, среди которыхъ находился и Князь Олегъ, съ оркестромъ музыки отправились строемъ на вокзалъ, куда скоро прибылъ въ экипажѣ съ директоромъ корпуса и Великій Князь. Обойдя строй и милостиво разговаривая, Великій Князь взялъ своего сына, простился съ корпусомъ и подъ звуки преображенскаго марша покинулъ Полоцкъ.

Поѣздка въ Полоцкъ имѣла для Князя Олега значеніе и въ томъ отношеніи, что во время ея онъ ближе познакомился съ будущимъ своимъ воспитателемъ, адъютантомъ Великаго Князя, Н. Н. Ермолинскимъ, который оказалъ на Князя большое вліяніе и съ которымъ, какъ увидимъ дальше, его связало впослѣдствіи чувство глубокаго уваженія, любви и дружбы. 27 марта 1908 г. онъ пишетъ сестрѣ: „Я уже раньше думалъ, хорошо ли было бы, если бы Е. былъ у насъ воспитателемъ, и рѣшилъ, что это было бы хорошо“. Въ этомъ же письмѣ сказалось и то волненіе, которое обычно испытывалъ Князь при перемѣнахъ въ воспитательскомъ составѣ. „У меня всегда бывало такое непріятное чувство, что если я люблю новаго воспитателя, то я этимъ обижаю бывшаго. Это очень трудно объяснить“...

Дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1908 года общее руководство по воспитанію и образованію Князей Константина, Олега и Игоря Константиновичей перешло къ Н. Н. Ермолинскому. Для Князя Олега начинался новый періодъ жизни.

Спальня Князя Олега Константиновича
въ Осташевѣ.

Павловскій дворецъ.

1908—1913

Весною 1908 года въ Мраморномъ дворцѣ состоялось совѣщаніе лицъ воспитательскаго и преподавательскаго состава. Совѣщанію предстояло намѣтить планъ занятій на слѣдующій 1908—1909 учебный годъ въ связи съ выясняющимися все болѣе и болѣе личными наклонностями каждаго изъ Августѣйшихъ воспитанниковъ. Относительно Князя Олега члены совѣщанія единодушно указали, что онъ крайне чуткій, воспріимчивый, любознательный и работоспособный ученикъ. Излюбленными предметами для него являются русская литература, исторія, отечествовѣдѣніе, рисованіе и музыка. Въ этихъ областяхъ онъ страстно жаждетъ новыхъ знаній и готовъ работать до изнеможенія.

Когда совѣщаніе перешло къ выработкѣ самаго плана занятій, то было высказано пожеланіе оставлять въ расписаніи нѣсколько часовъ совершенно свободными, такъ какъ Августѣйшіе ученики при настоящемъ положеніи дѣлъ лишены какой бы то ни было самодѣятельности: все время имъ стремятся оказать помощь въ томъ или другомъ направленіи, весь день

распредѣленъ по получасамъ, такъ что отдаваться самостоятельно любимымъ занятіямъ некогда.

Новая воспитательная система поставила себѣ вполнѣ опредѣленныя задачи: „Съ сотню лѣтъ тому назадъ“, читаемъ въ одной запискѣ, поданной Великому Князю, „жизнь текла спокойно и медленно. Баринъ-вотчинникъ, выѣзжая, напримѣръ, по дѣламъ въ столицу, уже за мѣсяцъ до отъѣзда начиналъ собираться: вытаскивались съ антресолей сундуки; красились форейторскія сѣдла; неторопливо обдумывались порученія, покупки и тутъ же записывались ровнымъ, спокойнымъ почеркомъ... Потомъ шла длинная, безконечная дорога, подолгу останавливались на почтовыхъ станціяхъ и терпѣливо ожидали перемѣны лошадей или починки экипажа... Во всемъ, что дѣлалось, не было замѣтно ни тѣни торопливости: художники просиживали надъ картиной по 30 лѣтъ; писатели писали 6-томные романы; переписчики сами себѣ точили перья, прежде чѣмъ покрывать чистый листъ мелкимъ и вычурнымъ почеркомъ; сѣнныя дѣвушки пряли и ткали въ ручную подъ аккомпанементъ пѣсенъ. Повсюду шла работа прочная, но медлительная... Въ наши дни, чтобы собраться въ путешествіе на край свѣта, достаточно часа. Изъ окна летящаго съ головокружительною скоростью поѣзда или мотора вы не успѣваете различить окрестности. Остановки на станціяхъ уже рѣдкость. Усадебной жизни почти нѣтъ. Помѣстья смѣнены дачами и курортами. Художники на полотнѣ успѣваютъ давать только настроенія или впечатлѣнія отъ природы. Литература съ 6-томнаго романа перешла на коротенькую повѣсть. Гусиное перо смѣнилось пишущею машинкой, письмо — телефономъ, ручная работа — фабричнымъ производствомъ, и все человѣчество торопится, летитъ, какъ будто продолжительность его жизни сократилась на три четверти“.

Этотъ быстро несущійся потокъ жизни въ связи съ усложнившимися общественными и экономическими условіями, въ связи съ борьбой различныхъ классовъ между собою, несомнѣнно, долженъ былъ ставить воспитанію Князей новыя задачи. „Прежде всего“, читаемъ въ той же запискѣ, „нельзя забывать, что Ихъ Высочества переступаютъ порогъ юности съ особыми правами и при наличности особо благопріятныхъ условій существованія. Со дня совершеннолѣтія имѣя почти всѣ русскіе знаки отличія и съ этихъ же поръ вполнѣ обезпеченные матеріально, они не только могутъ, но, по словамъ Императора Николая I, обязаны оправдать въ глазахъ Монарха и народа свои исключительныя права и привилегіи. Вѣдь, они стоятъ такъ высоко, такъ на виду, что вся Россія знаетъ ихъ жизнь, повторяетъ ихъ слова, даже часто слѣдуетъ ихъ примѣру... Кто, какъ не они, при наличности матеріальной обезпеченности и всѣхъ знаковъ отличія, полученныхъ еще въ юности, можетъ явиться для Государя „безъ лести преданнымъ“? Кто, какъ не они, такъ высоко стоящіе надъ толпою, обязаны явить собою примѣръ людей, окупившихъ громадныя

дарованныя имъ права еще большими великими дѣлами? Общество ждетъ отъ нихъ этого и надѣется".

Новому завѣдующему дѣломъ воспитанія казалось, что Князьямъ вслѣдствіе особыхъ условій ихъ уклада жизни не хватаетъ знанія Россіи въ ея цѣломъ, не хватаетъ ясныхъ и твердыхъ отвѣтовъ на многіе запросы времени, не хватаетъ, наконецъ, можетъ быть, воли. Въ самомъ дѣлѣ, лишеній они не знаютъ, толпы близко не видятъ, а съ окружающими людьми столкновеній обычно не испытываютъ, горячихъ споровъ не ведутъ. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства рѣшено было, по возможности, устранить или смягчить.

Что касается классной, будничной работы, то на совѣщаніи преподавателей было рѣшено прежде всего оживить ее устройствомъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, спектаклей и лѣтнихъ экскурсій. Всѣ эти пожеланія нашли немедленное осуществленіе. Уже 21 мая 1908 года въ Павловскомъ дворцѣ состоялся первый дѣтскій спектакль, въ которомъ приняли участіе Князья Константинъ, Олегъ и Игорь Константиновичи, Княжна Татіана Константиновна и И. П. Пѣшкова. Представлена была старинная пьеса въ стихахъ Хмѣльницкаго „Свѣтскій случай". Готовились къ спектаклю очень старательно. Князь Олегъ игралъ роль гусара Рамірскаго, былъ необыкновенно счастливъ носить красивый мундиръ и лихорадочно изучалъ роль. Спектакль сошелъ настолько успѣшно, что полторы недѣли спустя, 30 мая, былъ повторенъ въ Высочайшемъ присутствіи.

Вскорѣ послѣ этого Королева Эллиновъ Ольга Константиновна и вся Великокняжеская семья, за исключеніемъ Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны и двухъ ея младшихъ дѣтей, отправились въ путешествіе по Волгѣ. Во время этой поѣздки посѣщены были: Тверь, Угличъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ, Ярославль, Ростовъ Великій, Кострома, Нижній Новгородъ, Владиміръ, Суздаль и Москва, причемъ путь былъ совершенъ отъ Твери до Нижняго на пароходѣ по Волгѣ, затѣмъ отъ Нижняго до Москвы по желѣзной дорогѣ, а отъ Владиміра до Боголюбова и Суздаля на лошадяхъ.

Путешествіе произвело на Князя Олега глубокое впечатлѣніе. Вся старая дореформенная Русь глянула ему въ глаза, плѣнивъ его воображеніе религіозностью, забытыми формами и оригинальными сочетаніями красокъ. В. Т. Георгіевскій, сопровождавшій Высокихъ путешественниковъ и впервые здѣсь встрѣтившійся съ Княземъ Олегомъ, разсказываетъ, что его поразила неистощимая любознательность и хорошая подготовка Князя, какъ историческая, такъ и художественная. Все останавливало вниманіе юнаго путешественника: мѣстныя святыни, стѣнопись, рѣзьба старинныхъ иконостасовъ, царскихъ дверей, сѣней и царскихъ мѣстъ, церковная утварь, цвѣтные изразцы и т. д. Особенно тщательно былъ осмотрѣнъ Ростовскій кремль съ его башнями и длинными переходами, съ его обширнымъ музеемъ, и Романовскія палаты въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Полюбовавшись красотой Нижняго Новгорода и помолившись у гробницъ Минина и Пожарскаго, путешественники отправились въ столицу Великаго княжества Владимірскаго, древнестольный Владиміръ, куда прибыли рано утромъ. Всѣ еще спали, и вагонъ былъ отцѣпленъ и поставленъ на запасный путь. По словамъ В. Т. Георгіевскаго, съ мѣста стоянки были видны и высокій холмъ, на которомъ раскинулся Владиміръ, и древніе владимірскіе соборы съ золочеными главами, и высокіе валы, широкой лентой опоясывающіе городъ. Когда В. Т. Георгіевскій вышелъ на площадку вагона, онъ неожиданно встрѣтилъ Князя Олега. На вопросъ, почему онъ не спитъ, Князь Олегъ воскликнулъ: „Да какъ же можно спать при видѣ такой красоты!“ И онъ сталъ засыпать своего собесѣдника вопросами: съ какой стороны подошли къ Владиміру татары въ 1237 году? можно ли видѣть то мѣсто, гдѣ они прорвались въ городъ? какъ было устроено въ древности укрѣпленіе города? и т. п.

Рано утромъ всѣ путешественники уже были въ Успенскомъ соборѣ и любовались его архитектурой. Послѣ молитвы у раки великаго князя Георгія, они поднялись на хоры, гдѣ въ 1237 году искала спасенія вся великокняжеская семья. Здѣсь, какъ извѣстно, всѣ члены семьи Великаго Князя вмѣстѣ съ женами и дѣтьми владимірскихъ гражданъ были задушены дымомъ и зноемъ костровъ, разведенныхъ въ храмѣ татарами. Князь Олегъ внимательно прочелъ надписи по стѣнамъ — отрывки изъ Ипатьевской лѣтописи 1237 года, подробно описывающіе это событіе,— и какъ-то, по словамъ очевидца, особенно затихъ: яркій румянецъ говорилъ о сильномъ волненіи, а глаза были полны слезъ. Когда всѣ ушли въ ризницу, онъ спросилъ В. Т. Георгіевскаго, гдѣ похоронены всѣ погибшія княгини, и затѣмъ скрылся. Черезъ нѣсколько времени В. Т. Георгіевскій его нашелъ стоящимъ на колѣняхъ у гробницы погибшаго великокняжескаго семейства: онъ тихо молился передъ образомъ, вставленнымъ въ верху аркосолія. „Мерцающій свѣтъ цвѣтной лампады“, разсказываетъ В. Т. Георгіевскій, „среди полумрака древняго собора одинокая колѣнопреклоненная фигура Князя надолго врѣзались мнѣ въ память... Я не хотѣлъ мѣшать его молитвѣ... Отступивъ въ глубь храма, я видѣлъ затѣмъ, какъ Олегъ Константиновичъ подошелъ къ гробницѣ великаго князя Юрія Всеволодовича и еще разъ склонился предъ его мощами и надолго припалъ своей головой къ рукамъ святого страдальца за землю русскую, какъ бы прося его благословенія“...

Въ этотъ же день были подробно осмотрѣны историческія Золотыя ворота, гдѣ происходила битва владимірскихъ князей съ татарами. Князь Олегъ, попрежнему взволнованный, взбирался по древней лѣстницѣ внутрь стѣны Золотыхъ воротъ, на остатки помоста вверху воротъ, съ котораго въ древности лили кипятокъ, сыпали камни и пускали стрѣлы въ осаждавшихъ враговъ, внимательно разсматривалъ уцѣлѣвшія гнѣзда для балокъ этого помоста и, видимо, желалъ возможно яснѣе представить себѣ картину боя съ татарами.

Къ сожалѣнію, въ дневникахъ Князя Олега нѣтъ свѣдѣній объ этомъ путешествіи, а писемъ его за время поѣздки въ нашемъ распоряженіи только два, оба къ Августѣйшей матери. Одно изъ нихъ написано 1 іюня: „Сейчасъ отходимъ изъ Борисоглѣбска. Тутъ очень красивый соборъ. Твое порученіе Е. передали. Больше писать нѣтъ времени. Цѣлую". Другое, болѣе обстоятельное, послано изъ Нижняго Новгорода 4 іюня. Въ немъ находятся нѣкоторыя довольно любопытныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ пребыванія въ Костромѣ. Вотъ что пишетъ Князь Олегъ: „Надѣюсь, что Ты получила мою почтовую карточку, которую я написалъ изъ Борисоглѣбска. Мы вчера были въ Костромѣ... Когда мы вышли изъ собора, толпа стала насъ страшно жать и толкать. Мы еле-еле пробрались. Меня вытащили изъ толпы полицейскіе и какой-то священникъ. При всемъ этомъ лошади горячились и не хотѣли итти. Потомъ мы уже стали ходить за руку, чтобы насъ другъ отъ друга не оторвали.— Теперь вокругъ парохода летаютъ чайки, и мы ихъ кормимъ хлѣбомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ ловятъ хлѣбъ на лету. Наша каюта находится между Татьяниной и M-lle Бальтадзи. Когда мы утромъ просыпаемся, то стучимъ другъ другу и разговариваемъ. Съ нами изъ Твери ѣдетъ археологъ Ивановъ, котораго, кажется, весь пароходъ очень полюбилъ... Въ Ярославлѣ былъ обѣдъ у губернатора, за которымъ я себя ужасно чувствовалъ. Мнѣ очень хотѣлось спать, меня тошнило и болѣла голова. Но удивительно, что, когда встали изъ-за стола, у меня сразу все стало проходить. На другой день только иногда у меня было чувство, что меня тошнитъ. — Какъ поживаютъ маленькіе? Мы послѣдній день на пароходѣ, такъ какъ сегодня будемъ въ Нижнемъ. До свиданія, милая Мась! Тутъ очень весело! Цѣлую тебя".

Вскорѣ послѣ возвращенія Великокняжеской семьи въ Осташево Князь Олегъ, находясь подъ впечатлѣніемъ поѣздки и видѣнной имъ въ Москвѣ извѣстной Рѣпинской картины „Убіеніе Іоанномъ Грознымъ сына", задумываетъ свое первое драматическое произведеніе, въ которомъ старается выяснить себѣ душевныя переживанія Грознаго, предшествовавшія кровавой драмѣ. Подготовляется онъ къ этой большой работѣ чрезвычайно обстоятельно, не прибѣгая, по своему обыкновенію, ни къ чьей посторонней помощи: роется въ библіотекахъ, книгахъ, дѣлаетъ выписки и т. п. Работа тѣмъ не менѣе не дается и выходитъ очень слабой. Это его раздражаетъ, но онъ долго не разстается со своимъ замысломъ, дѣлая одинъ набросокъ за другимъ.

Къ тому же приблизительно времени относятся и первыя мечты Князя Олега о романѣ, который онъ начинаетъ фактически писать только спустя три года подъ заглавіемъ „Вліянія". Осенью 1908 года онъ намѣчаетъ общій планъ произведенія, но на этомъ дѣло и останавливается: вскорѣ приходится переѣзжать въ Павловскъ, начинается учебная работа, и жажда литературнаго творчества у Князя Олега находитъ себѣ удовлетвореніе лишь въ писаніи мелкихъ стихотвореній. Большинство ихъ не отдѣлано и имѣетъ далеко не совершенную форму.

Стихотворныя произведенія, какъ мы уже говорили, Князю Олегу вообще не давались, хотя онъ и написалъ ихъ въ теченіе своей короткой жизни около 70. На поляхъ тетрадей, являющихся живымъ доказательствомъ его упорства въ обработкѣ стиховъ, порою попадаются замѣтки, въ которыхъ чувствуются „муки слова“. Въ одной изъ этихъ замѣтокъ читаемъ:

„Мнѣ говорятъ, что нѣтъ порыва
Въ моихъ безсмысленныхъ стихахъ;
Меня бранятъ, что некрасива
Моя разнузданность въ слогахъ“.

Въ другомъ мѣстѣ наталкиваемся на такія строки:

„И хочется писать, да нѣтъ умѣнья;
И хочется умѣть, да нѣтъ терпѣнья;
Сидишь, корпишь—анъ, нѣтъ и вдохновенья“.

Однако окончательно Князь Олегъ опытовъ своихъ не бросалъ.

Въ началѣ октября 1908 года въ Павловскѣ были устроены первые историческіе вечера, имѣвшіе цѣлью ознакомить молодыхъ Князей съ русскимъ творчествомъ до-петровской эпохи въ различныхъ областяхъ: въ архитектурѣ, живописи и иконописи, въ музыкѣ и литературѣ. Вечера эти проходили при любезномъ участіи Я. Л. Барскова, П. Г. Васенки, В. Т. Георгіевскаго, С. Н. Гладкой, Н. А. Ершова, М. Д. Каменской, Н. Н. Кедрова, Н. К. Кульмана, А. М. Миклашевскаго, Ю. Э. Озаровскаго, Н. Н. Привалова, В. И. Петрова, Е. П. Петровой, С. Ѳ. Платонова, М. А. Поліевктова, А. П. Сабуровой, Л. А. Саккетти, А. Ѳ. Штейна, хора г. Смолина, хора старообрядцевъ-поморовъ и хора пѣвчихъ Л. Гв. 1-го Стрѣлковаго полка. Въ одномъ изъ вечеровъ принялъ личное участіе Августѣйшій хозяинъ Павловска, Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

Историческіе вечера живо заинтересовали Князя Олега. Съ одной стороны было нарушено нѣсколько однообразное теченіе жизни дворца, съ другой—передъ его глазами въ связной картинѣ стала воскресать многообразная жизнь древней Руси, все болѣе и болѣе его увлекавшая.

Всѣхъ вечеровъ состоялось пять: первый, 18 октября, былъ посвященъ эпохѣ до 1237 года; второй, 29 ноября,—эпохѣ до 1480 года; третій 20 декабря,—до 1489 года; четвертый, 10 января,—до 1584 года, и пятый, 24 января,—до 1689 года. Программы и ноты этихъ вечеровъ, а также отчеты о нихъ хранятся до сихъ поръ въ библіотекѣ Павловскаго дворца.

11 января 1909 года въ тронномъ залѣ дворца состоялся въ Высочайшемъ присутствіи спектакль, во время котораго были исполнены: „Сцена въ кельѣ Чудова монастыря“ и пьеса Б. М. Маркевича „Дважды весны не бываетъ“. Участниками первой сцены были Князья Олегъ и Игорь Константиновичи, причемъ первый игралъ Пимена. Трудно было болѣе войти въ роль лѣтописца, чѣмъ это сдѣлалъ 16-лѣтній юноша, почти мальчикъ.

Онъ забылъ все окружающее, перевоплотился въ глубокаго старца и, зная роль на зубокъ, игралъ, какъ говорятъ актеры, „нутромъ“, поражая публику вѣрностью жестовъ и интонацій. Только свѣжій, молодой голосокъ напоминалъ, что подъ строгимъ аскетическимъ видомъ „душой въ минувшемъ погруженнаго“ монаха, скрывается артистъ юноша.

Князья были очень обрадованы, когда узнали, что вслѣдъ за этимъ, такъ удачно сошедшимъ, спектаклемъ предполагается новый: въ апрѣлѣ должно было состояться празднованіе серебряной свадьбы Великаго Князя и Великой Княгини, и потому рѣшено было дать Князьямъ случай еще разъ выступить на сценѣ. Репетиціи къ этому спектаклю начались еще въ мартѣ и внесли въ жизнь Князей не мало оживленія. Въ пьесѣ П. С. Соловьевой „Свадьба солнца и весны“, предположенной къ постановкѣ, принимало участіе до 50 дѣтей. Почти каждый вечеръ собирались они во дворцѣ, принося съ собой жизнерадостность, веселье, шумъ и возню. Чинныя стѣны дворца рѣдко видѣли у себя такой цвѣтникъ молодости, какой появился въ эти дни.

Князь Олегъ въ связи съ спектаклемъ пережилъ рядъ настроеній, о которыхъ онъ подробно говоритъ въ своемъ дневникѣ 19 апрѣля:

„Вчера состоялся спектакль. Главныя роли Солнца и Весны исполняли Татьяна и Костя, роль зимняго вѣтра взялъ на себя Игорь, а я вышелъ въ роли весенняго дождя. Кромѣ этихъ представителей весны и зимы было множество ролей, какъ яблони, сирень, жаворонки, головастики, ласточки, снѣжинки и разные цвѣты. Всѣ были одѣты въ очень красивые костюмы. Еще 12 апрѣля, въ воскресенье, была сдѣлана генеральная репетиція. Она сошла очень слабо, такъ что между днемъ самаго спектакля и генеральной репетиціей пришлось опять повторить пьесу, которая на этотъ разъ сошла лучше. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали 17-аго числа, когда должно было состояться представленіе. Вотъ наступилъ, наконецъ, этотъ день, и съ двѣнадцатичасовымъ поѣздомъ стали собираться всѣ актеры. Папа и Мама пригласили къ спектаклю Государя, Государыню, Наслѣдника и Великихъ Княженъ. Всѣ поочередно подходили къ намъ, спрашивая, будутъ ли Ихъ Величества, и я всѣмъ отвѣчалъ: „Будутъ“, такъ какъ зналъ, что Государь любитъ разныя представленія. Мало по малу всѣ актеры надѣли свои костюмы и, когда все было готово, вышло приказаніе стать за кулисы. Выходъ зимняго вѣтра и танецъ снѣжинокъ долженъ былъ совершиться подъ музыку, а мнѣ, весеннему дождю, надо было мелодекламировать. Но вдругъ я узналъ, что нашего музыканта, А. М. Миклашевскаго, еще нѣтъ, и, можетъ быть, придется начать безъ него. Всякій пойметъ волненіе, охватившее меня при этомъ извѣстіи. Начались томительныя минуты ожиданья... Я нѣсколько разъ выбѣгалъ изъ-за кулисъ, чтобы узнать, пріѣхалъ ли Миклашевскій, но всегда получалъ отрицательный отвѣтъ. Откуда-то пришло извѣстіе о прибытіи Государя во дворецъ, которое шопотомъ передавалось отъ актера къ актеру. До поднятія занавѣса оставалось пять минутъ. Я почти съ отчаяніемъ

выбѣжалъ послѣдній разъ изъ-за кулисъ, чтобы узнать о прибытіи Миклашевскаго, и вдругъ съ радостнымъ лицомъ входитъ М. Н. Бухаринъ и объявляетъ: „Миклашевскій пріѣхалъ!“ У меня какъ камень съ сердца свалился. Въ эту минуту я былъ бы въ состояніи отъ радости заплакать, броситься на шею къ Михаилу Николаевичу [1]) или сдѣлать что-нибудь другое, невозможное... Возвратившись на сцену, я, конечно, не замедлилъ объявить радостную вѣсть. Съ минуты на минуту долженъ былъ войти въ залу Государь. Все на сценѣ было тихо. Изрѣдка слышался шопотъ нѣкоторыхъ актеровъ и шушуканье другихъ. Въ это время мы услыхали шаги приближающагося Царскаго семейства, и загремѣла „Слава“. У всѣхъ насъ отъ высокаго наслажденія слышать эту русскую пѣснь, отъ чувства преданности Государю, который находился тутъ же рядомъ и слушалъ ту же „Славу“, и отъ волненія передъ игрой забѣгали мурашки по кожѣ. Сдѣлалось холодно... Забренчали балалайки и полились звуки нашихъ родныхъ русскихъ пѣсенъ. Куда я ни смотрѣлъ въ это время въ кулисы, гдѣ толпились играющіе, вездѣ видѣлъ актеровъ, отбивающихъ тактъ. Это дѣлалось какъ-то машинально. Послышались послѣдніе аккорды балалайки. Вотъ сейчасъ поднимется занавѣсъ. Всѣ начали креститься. Сестра и я внутренно молились. Раздался шумъ, и занавѣсъ поднялся. Первая снѣжинка заговорила:

„Отчего намъ стало скучно?“

„Вторая ей отвѣтила:

„Что-то неблагополучно“.

„И вотъ пьеса пошла. Раздались аккорды, подъ которые долженъ былъ выбѣжать вѣтеръ, и вотъ вылетаетъ съ шумомъ Игорь, и я слышу, какъ онъ увѣренно и громко говоритъ:

„Пути мои далеки
Я надуваю щеки,
Лечу, лечу, лечу“...

„Въ это время особой машиной изображается шумъ вѣтра. Игорь взбѣгаетъ на холмъ и кричитъ:

„Пляшите же, сестренки,
Кружитесь предо мной!
Я научу васъ шмыгать,
Взлетать, кружиться, прыгать.
Я—братъ вашъ ледяной!“

„Послѣ этихъ словъ снѣжинки начали одна за другой бѣгать по сценѣ подъ очень красивую музыку. Я слышу, что раздаются послѣдніе аккорды;

---

[1]) М. Н. Бухаринъ.

сейчасъ мнѣ надо будетъ выходить. На меня вдругъ налетаетъ какое-то торжественное настроеніе весенняго дождя... Я расправляю руки, съ которыхъ падаютъ зеленовато-серебряныя ленты на подобіе воды, и выхожу тихо и медленно на сцену. Все залито зеленоватымъ свѣтомъ. Сначала я останавливаюсь у дерева... и смотрю въ ряды. Вотъ сидитъ Государь въ стрѣлковомъ мундирѣ, Государыня и на ея колѣняхъ—маленькій Наслѣдникъ. Мама нагнулась къ Государынѣ и что-то шепчетъ. Она меня не видитъ. Вотъ она откинулась, замѣтила меня и какъ будто вздрогнула. Все это, конечно, произошло въ одно мгновеніе. Я иду впередъ и говорю подъ музыку:

„Я къ вамъ иду, иду я къ вамъ!“

„Я краснѣю, чувствуя близость Государя, котораго немного вижу.

„Вотъ дошла очередь до моего любимаго мѣста, которое я стараюсь сказать повышеннымъ голосомъ:

„Мои струи сольются съ вами,
И надъ полями и лугами
Мы вознесемся къ небесамъ“...

„Въ это время я всегда чувствовалъ, будто бы я дѣйствительно возносился высоко въ голубое небо. Тотъ, кто бывалъ въ деревнѣ, пойметъ меня, если я скажу, что у меня было чувство „деревенское“, которое бываетъ въ деревнѣ въ хорошую лѣтнюю пору.

„Кромѣ этихъ стиховъ, я очень любилъ мои послѣднія слова, послѣ которыхъ долженъ былъ выйти Костя [1]) (Солнце). Обращаясь къ вѣтру, я говорю:

„Но погляди: за мною
Лазурною тропою
Идетъ великій вождь!“

„Въ это время вышло Солнце въ золотомъ костюмѣ, и въ рядахъ пошелъ шопотъ. Послѣ длинной рѣчи, которую оно говоритъ, я ухожу за кулисы...

„На представленіи за кулисами было очень тѣсно. Кромѣ актеровъ, тамъ стояли еще рабочіе, которые поднимали на блокахъ заднюю движущуюся декорацію. Татіана, Игорь, Старицкій, Мухановъ и я были сценаріусами. Итакъ, мнѣ надо было толкаться между рабочими и актерами, чтобы всѣхъ во-время посылать на сцену. Въ эти минуты я бывалъ всегда ужасно злымъ, такъ какъ приходилось толкать всѣхъ, торопить всѣхъ, отвѣчать на глупые вопросы всѣмъ и т. д. Я даже поругался съ „сиренью“, съ которой, конечно,

[1]) Князь Константинъ Константиновичъ.

мы помирились послѣ представленія. Она мнѣ говоритъ: „Олегъ Константиновичъ, ради Бога, уйдите отсюда, вы мнѣ ужасно мѣшаете!“ Черезъ нѣсколько мгновеній она мнѣ еще что-то сказала, а я ей отвѣтилъ: „Да бросьте ко мнѣ приставать!“ Но, въ сущности, она была права, такъ какъ я имъ ужасно мѣшалъ.

„У насъ, какъ я уже писалъ, въ роли яблонь играли двѣ дѣвочки — Шидловская и Зернина. Мы ихъ всегда очень изводили и спрашивали, кто изъ нихъ древо познанія добра и кто—древо познанія зла. Обѣ отвѣчали, что онѣ древо познанія зла. Я очень любилъ ихъ выходъ. Шидловская начинаетъ:

„Бѣлорозовый цвѣтъ
Мы тебѣ принесли“...

„Зернина продолжаетъ:

„Ты прими нашъ привѣтъ,
Солнце, радость земли!“

„Первую мы всегда дразнили, называя ее „бѣлорозовой“. Вотъ и она вышла. Вышла также прелестная ласточка, которую изображалъ Мухановъ. Вскорѣ послѣ того появились и двѣ маленькія бабочки. Послѣ словъ ласточки:

„Меня послала къ вамъ весна
Сказать, что здѣсь всѣхъ ждетъ она“,

„Солнце говоритъ:

„Скорѣй сплетайтесь въ хороводъ:
Она пришла! Она идетъ!“

„Въ это время вышла Татіана подъ звуки великолѣпной музыки, протягивая обѣ руки къ Солнцу. Въ своемъ нарядѣ она была очень красива. Всѣ дѣйствующія лица подходятъ къ ней поодиночкѣ и говорятъ привѣтствія. Пьеса кончается словами Солнца:

„Все, что сказкой называется,
Все свершится, все свершается
Въ царствѣ Вѣчнаго Отца“.

„Занавѣсъ падаетъ. Всѣ въ одно мгновенье становятся въ живую картину, и онъ поднимается во второй разъ.

„Въ общемъ, представленіе сошло хорошо, и публика была очень довольна. Послѣ этого играли французскіе актеры Andrieu и Paul Robert очень смѣшную пьесу, читала стихи Стрѣльская, и было еще нѣсколько номеровъ. Мнѣ приходилось еще участвовать въ двухъ живыхъ картинахъ въ роли альтен-

бургской невѣсты и Великой Княжны Екатерины Павловны. Первая картина представляла сватовство русскихъ витязей съ альтенбургскими крестьянами, а вторая — семью Императора Павла Петровича.

„По окончаніи спектакля Папа, Мама и всѣ приглашенные собрались въ картинной галлереѣ и ждали шествія цвѣтовъ, жуковъ, птицъ и другихъ участвовавшихъ въ первой пьесѣ. Всѣ они съ цвѣтами въ рукахъ проходили мимо Папа и Мама, причемъ клали цвѣты у ихъ ногъ. Самые маленькіе продѣлывали это настолько смѣшно, что всѣ улыбались. Въ ногахъ Папа и Мама лежала цѣлая куча чудныхъ цвѣтовъ. По окончаніи шествія всѣхъ позвали обѣдать. Въ шести залахъ стояли круглые столы, за которыми сидѣли дѣти, ихъ матери и много другихъ приглашенныхъ. Намъ, т. е. Татіанѣ, Костѣ и мнѣ, хотѣлось устроить такой столъ, чтобы никого изъ большихъ за нимъ не сидѣло, а сидѣли бы только мы и самыя симпатичныя дѣти...

„Въ концѣ обѣда мы устроили депутацію отъ каждаго стола, которая должна была подходить по очереди къ Папа и Мама съ бокалами шампанскаго и поздравлять ихъ отъ имени сидящихъ. Въ особенности было мило, когда маленькій Лейхтенбергскій въ костюмѣ подснѣжника подошелъ къ Папа и съ самымъ серьезнымъ видомъ сказалъ ему: „Ваше Высочество! нашъ столъ поздравляетъ Васъ съ серебряной свадьбой!“

„Вскорѣ всѣ задвигали стульями, и надо было прощаться. Это всегда такъ грустно! за эти репетиціи и представленіе всѣ такъ сошлись, всѣмъ было такъ весело! И вотъ теперь все это кончилось и кончилось навсегда! Всѣ побѣжали переодѣваться, чтобы поспѣть на экстренный восьмичасовой поѣздъ. Я бѣгу на квартиру къ Н. Н. Ермолинскому, чтобы тоже переодѣться, и встрѣчаю тамъ Макса. Мы съ нимъ очень подружились за послѣднее время. Я его схватилъ, поцѣловалъ и сказалъ: „Спасибо тебѣ, Максъ, что ты такъ помогалъ намъ и что такъ хорошо исполнилъ свою роль!..“

„Я побѣжалъ на большой подъѣздъ, откуда всѣ отъѣзжали. Гости говорили, что имъ тоже жалко, что все кончилось. Меня одна дѣвочка даже остановила и сказала: „Кланяйтесь Татіанѣ Константиновнѣ, Константину Константиновичу и Игорю Константиновичу, скажите имъ, что было очень весело и поблагодарите ихъ!“

„Всѣ уѣхали. Я пошелъ въ залу, гдѣ стоитъ наша сцена, и показалось мнѣ, что тутъ сдѣлалось такъ грустно. Я взошелъ на подмостки. Вездѣ безпорядокъ. Лежатъ декораціи, стружки, стулья. Между мусоромъ я нашелъ вѣтку какого-то цвѣтка, кажется, вѣтку одной изъ яблонь. Я улыбнулся, поднялъ ее и ушелъ“.

Какъ видимъ, спектакль доставилъ Князю Олегу много очень яркихъ впечатлѣній.

Между тѣмъ подходили лѣтнія каникулы, и снова пришлось думать объ экскурсіяхъ. Прошлогодняя поѣздка по Волгѣ при всей своей поэтичности

имѣла одинъ крупный недостатокъ: на ней былъ отпечатокъ чего-то официальнаго. Во время этой парадной поѣздки, среди шумныхъ встрѣчъ, привѣтственныхъ рѣчей и торжественныхъ обѣдовъ, Князья не могли ознакомиться съ будничной жизнью народа. Вотъ почему рѣшено было этотъ недостатокъ исправить и совершить путешествіе съ Князьями въ такой обстановкѣ, которая нисколько не ставила бы ихъ въ исключительное положеніе. Для этого, по окончаніи весеннихъ повѣрочныхъ испытаній, въ первыхъ числахъ мая Князья Олегъ и Игорь Константиновичи въ сопровожденіи полковника Н. Н. Ермолинскаго выѣхали безъ всякаго предупрежденія мѣстныхъ властей по Николаевской дорогѣ до станціи Волховъ. Тамъ, оставивши вещи на станціи, путешественники отправились пѣшкомъ правымъ берегомъ Волхова въ бывшее имѣніе гр. Аракчеева „Грузино“, отстоящее отъ станціи въ 14 верстахъ. Прошли они туда, съ остановками, въ 4 часа времени. Въ Грузинѣ осмотрѣли домъ и всѣ историческія достопримѣчательности, позавтракали и послѣ небольшого отдыха вернулись на пароходѣ обратно. Почти одновременно съ возвращеніемъ Князей къ станціи „Волховъ“ со стороны Петербурга подошелъ поѣздъ, на которомъ прибыла Княжна Татіана Константиновна въ сопровожденіи фрейлины Т. В. Олсуфьевой и В. Т. Георгіевскаго. Обѣ партіи экскурсантовъ соединились и на зафрахтованномъ пароходѣ предприняли поѣздку въ Новгородъ, Званку, Нередицу, Хутынь и Юрьевъ монастырь. Погода за все время поѣздки стояла великолѣпная, и, такъ какъ мѣстами удавалось соблюдать строжайшее инкогнито, то все путешествіе оставило по себѣ наилучшія воспоминанія. Въ письмѣ, посланномъ послѣ возвращенія изъ поѣздки къ одному изъ любимыхъ преподавателей, П. Г. Васенкѣ, Князь Олегъ пишетъ:

„Новгородъ и всѣ его окрестности мнѣ очень понравились. Почти вездѣ мы были инкогнито. По правдѣ сказать, монахи, за исключеніемъ одного, произвели на насъ всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Игорь и я завѣдывали поочередно расходами. Мнѣ, какъ простому путешественнику, приходилось давать на чай священникамъ-монахамъ, которые очень радовались всякому лишнему рублю. Конечно, они—люди бѣдные, но моя сестра Татіана сказала мнѣ, что если бы она была монахомъ, то не взяла бы деньги. Думаю, что и я поступилъ бы такъ же. Да и на видъ монахи не были похожи на монаховъ. Въ прошлогоднемъ путешествіи мы видѣли лицевую сторону медали, теперь же обратную. Я дѣлалъ замѣтки на счетъ каждаго монастыря, записывая его древности. Такъ, въ монастырѣ Антонія Римлянина В. Т. Георгіевскій нашелъ икону съ 4-мя святыми: Годунова, Царицы, Ѳеодора и Ксеніи. Юрьевскій монастырь поразилъ насъ какъ своими богатствами, такъ и своимъ архимандритомъ. Это былъ тотъ самый Анатолій, котораго мы видѣли въ прошломъ году въ Ростовѣ... Теперь его перевели въ Юрьевскій монастырь.

„Въ музеѣ намъ показывали драгоцѣнности. Мы видѣли жемчужину дѣйствительно колоссальныхъ размѣровъ, такіе же сапфиры, митры, украшенныя каменьями, митру всю изъ жемчуга (она, впрочемъ, не красива и

никогда не надѣвается). Потомъ тамъ были панагіи, но такія панагіи, о которыхъ можно было бы исписать еще 20 страницъ, о которыхъ мнѣ никогда и не снилось и какихъ, вѣроятно, никогда больше не увижу. Сергіевскій соборъ мнѣ тоже очень понравился. Мы очень подробно осмотрѣли ризницу. Были еще у Чуднаго креста, у памятника тысячелѣтія Россіи, на ярмаркѣ, даже у старьевщика. Ѣздили мы тоже въ скитъ Юрьевскаго монастыря, который называется Перынь. Это чудный сосновый островъ. Въ серединѣ за оградой и находится самый скитъ. Мы пили рано утромъ 29-го тамъ чай. В. Т. Георгіевскій, Игорь и я ходили за ограду въ церковь, гдѣ служилъ обѣдню схимникъ. Общество у насъ было самое милое"...

Первая половина іюня этого года была проведена въ Павловскѣ, а 16-го состоялся выѣздъ Великаго Князя Константина Константиновича съ Княземъ Игоремъ Константиновичемъ, тогда кадетомъ Петровско-Полтавскаго корпуса, на торжества 200-лѣтія Полтавской битвы въ Полтаву. Князь Олегъ, почти никогда не разлучавшійся съ младшимъ братомъ, тоже былъ взятъ въ эту поѣздку. Во время самыхъ торжествъ Князь Игорь Константиновичъ находился въ строю своего корпуса, Князь же Олегъ осматривалъ Полтаву, побывалъ въ Диканькѣ, а одну ночь провелъ въ лагерѣ Л.-Гв. Семеновскаго полка, гдѣ ему была приготовлена особая палатка. Эта поѣздка на торжества тоже оставила извѣстный слѣдъ въ душѣ Князя Олега: въ Полтавѣ онъ перечитывалъ поэму Пушкина и вспоминалъ боевое прошлое Россіи, которая „въ искушеньяхъ долгой кары" „мужала съ геніемъ Петра"; Диканька заставила его живѣе перечувствовать эстетическія впечатлѣнія, навѣянныя безсмертными „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки", которые онъ такъ любилъ.

Послѣ окончанія торжествъ Князья, украшенные юбилейными медалями, вернулись въ свое любимое Осташево. Началась снова мирная деревенская жизнь: вставали и ложились рано, цѣлые дни проводили на воздухѣ, устраивали пикники, ловили рыбу, ѣздили верхомъ, принимали дѣятельное участіе въ полевыхъ работахъ.

24 іюля оба Князя, въ сопровожденіи полковника Ермолинскаго, предприняли экскурсію въ Новый Іерусалимъ, Троицкую Лавру и обратно. Прошлая поѣздка въ Новгородъ показала, какъ важно соблюдать инкогнито для полученія впечатлѣній, соотвѣтствующихъ дѣйствительности, хотя, можетъ быть, и не всегда приглядной, но, во всякомъ случаѣ, искусственно не прикрашенной. Съ этой цѣлью было рѣшено не доѣзжать до Новаго Іерусалима, а, выйдя изъ вагона на предыдущей станціи, идти пѣшкомъ 12 верстъ до монастыря. Въ письмѣ къ Августѣйшей сестрѣ Князь Олегъ такъ описалъ это путешествіе:

„Только что мы пришли пѣшкомъ на станцію изъ монастыря, въ которомъ провели сутки. Вчера, 24 іюля, мы выѣхали изъ Волоколамска на Холщевики. Оттуда прошли двѣ версты по шпаламъ, потомъ свернули налѣво въ лѣсъ, потомъ прошли деревню Микитино и, наконецъ, по красивой кустистой мѣстности добрались до монастыря. У воротъ насъ поразила

своими криками полупьяная компанія, сидѣвшая на скамейкѣ. Оказалось, что тамъ были и монахи. Пошли искать гостиницу. Намъ указали на каменную, лучшую. Вошли по лѣстницѣ въ контору. Тамъ какой-то типъ, напоминающій швейцара дяди Миши[1]), въ одной рубахѣ съ открытымъ воротомъ и папиросой во рту (изъ простыхъ) сказалъ намъ: „Садитесь, молодые люди!“... Намъ отвели двѣ комнаты. Мы поужинали и легли спать. Утромъ пошли осматривать монастырь. Большой соборъ — копія съ настоящаго. Внутри него, подъ золоченой сѣнью, находится Гробъ Господень, куда ведутъ низенькія двери, такъ что приходится вбираться въ нихъ почти ползкомъ. Ходили по хорамъ, гдѣ много притворовъ. Были въ скиту, гдѣ течетъ Іорданъ. Были въ музеѣ. Теперь я сижу на станціи, на открытомъ воздухѣ, и меня ждетъ свѣжая икра, очень соблазнительная на видъ“.

Съ 5 по 9 августа Князья Олегъ и Игорь Константиновичи провели въ имѣніи „Домниха“, принадлежащемъ Н. Н. Ермолинскому. Князь Олегъ впослѣдствіи не разъ сюда пріѣзжалъ, а въ послѣдній годъ передъ кончиной провелъ здѣсь безвыѣздно три мѣсяца. Онъ всегда говорилъ, что „Домниха“ дѣйствуетъ на него успокоительно и вдохновляетъ на литературную работу. Дѣйствительно, въ „Домнихѣ“ были написаны наиболѣе крупныя изъ произведеній Князя Олега, какъ, напримѣръ, „Сцены изъ моей жизни“ и „Ковылинъ“. Тутъ же были написаны нѣсколько стихотвореній, и положено начало задуманной Княземъ Олегомъ біографіи его Августѣйшаго дѣда, Великаго Князя Константина Николаевича.

Уже въ первый свой пріѣздъ въ „Домниху“ Князь Олегъ, видимо, былъ охваченъ мыслями о писательствѣ. По крайней мѣрѣ, 8 августа онъ пишетъ сестрѣ:

„Пишу тебѣ изъ милой Домнихи, гдѣ мы уже живемъ 3-й день. Завтра уѣзжаемъ, чтобы поспѣть ко дню рожденія Папа. Домниха — прелестный, мирный, заброшенный отъ всего свѣта уголокъ, гдѣ ходитъ извѣстная тебѣ „Мамочка“[2]) и всѣмъ распоряжается. Время отъ времени она разговариваетъ съ разными Ѳеньками и Васьками. Около дома старый садъ. Сейчасъ я сижу и пишу въ кабинетѣ Н. Н., куда онъ только что самъ заходилъ и прослушалъ отрывокъ письма, касающійся его помѣстья. Онъ сказалъ: „Совершенно вѣрное опредѣленіе“. А Мамочка, находящаяся въ сосѣдней комнатѣ, такъ называемой „дѣвичьей“, и слышавшая нашъ разговоръ, говоритъ шутливо-сердито: „Что онъ тамъ про меня пишетъ?“ Черезъ нѣсколько комнатъ доносится французское чтеніе: это читаетъ Параня съ Mademoiselle. Вокругъ меня старые столы, комоды, диваны, горки, а въ окно смотритъ все то же „не измѣняющееся, вѣчное небо“, какъ пишетъ Л. Н. Толстой. И все такъ мирно, обыденно, просто, спокойно. Подумать страшно, что послѣ всего этого должна наступить болѣзненная зима, съ работой, со звонками на

[1]) Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.
[2]) Е. М. Ермолинская.

урокъ, съ десятиминутными перемѣнами... Потомъ позднія приготовленія уроковъ и раннія повторенія ихъ же. Потомъ суровыя, несносныя, старыя лица, и самъ дѣлаешься старымъ, несноснымъ, глупымъ и озлобленнымъ.

„А пока все та же тихая Домниховская общая семейная жизнь. И зачѣмъ трудиться, волноваться, болѣть и плакать? Суета суетъ и всяческая суета.

. . . . . .

„Я, какъ ты, можетъ быть, замѣтила, вдохновленъ сегодня литературно. Пользуюсь этимъ вдохновеніемъ, чтобы писать тебѣ, милая Татьяна! Вдохновеніемъ надо пользоваться, надо писать и писать. Вообще я вывелъ такое правило: если тебѣ приходитъ въ голову какая-нибудь тема, хотя бы самая незначительная, передавай ее тотчасъ на бумагу, не лѣнись, пиши! Можетъ быть, у тебя ничего не выйдетъ, ты не сердись, не рви бумагу, а успокаивайся тѣмъ, что всетаки записалъ свою мысль. Этимъ способомъ ты съ теченіемъ времени научишься писать, творить, и, кто знаетъ? можетъ быть, станешь даже писателемъ.

. . . . . .

„Если ты въ глубинѣ души чувствуешь желаніе писать, то начинай. Вслѣдъ за желаніемъ писать стоитъ въ твоей душѣ—талантъ, который тебѣ это желаніе подсказываетъ. Надо, конечно, различать желанія. Желаніе желанію рознь. Бываетъ желаніе писать, чтобы удовлетворить духовную потребность, и бываетъ желаніе писать для прославленія. Это трудно различать. Оба эти чувства почти всегда сплетаются. Надо разбираться, является ли писаніе духовной потребностью. Если это даже только отчасти, то опять говорю: пиши и пиши! Ну, довольно. Боюсь, что моралью наскучилъ“.

Въ началѣ сентября Великокняжеская семья вернулась въ Павловскъ, и Князю Олегу снова пришлось засѣсть за уроки. 1909—1910 учебный годъ былъ послѣднимъ годомъ пребыванія его въ спискахъ корпуса. Онъ проходилъ курсъ VII класса, и скоро предстояло рѣшать вопросъ, приниматься ли этому высокоодаренному юношѣ за высшее образованіе или же непосредственно поступать въ училище, чтобы черезъ два года сдѣлаться офицеромъ. Самого Князя Олега манилъ Лицей. Вспомнимъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, читая книгу Авенаріуса о Пушкинѣ, онъ мечталъ стать лицеистомъ. Теперь эти дѣтскія мечты уступили мѣсто сознанію важности высшаго общаго образованія. Вотъ почему уже съ осени Князь Олегъ постоянно возвращался къ этой темѣ въ бесѣдахъ съ окружающими, но эти разговоры пока еще не выходили за предѣлы предположеній.

Къ этому времени способности Князя Олега начинаютъ развертываться все шире. Вотъ что сообщаютъ о его занятіяхъ нѣкоторые изъ преподавателей:

„Каждое слово“, пишетъ А. А. Ешевскій, „покойный Олегъ Константиновичъ ловилъ и запоминалъ, ибо послѣ я видѣлъ отмѣтки въ книгѣ или тетради, если я говорилъ что-нибудь, чего не было въ учебникѣ. Къ

слѣдующему уроку онъ всегда составлялъ конспекты того, о чемъ мы говорили, наносилъ всѣ данныя на репетиціонную карту и превосходно оріентировался на стѣнной. Мнѣ пришлось заниматься съ нимъ лишь одинъ годъ, когда онъ проходилъ курсъ VII кл. кадетскаго корпуса. По программѣ кадетскихъ корпусовъ курсъ географіи Россіи проходился въ теченіе двухъ лѣтъ: въ первый годъ (въ VI кл.) физическое обозрѣніе Россіи вообще, а во второй (VII кл.) обозрѣніе этнографическое и экономическое изученіе Россіи по частямъ и ея окраинныя области.

„Мнѣ пришлось къ тому времени лично посѣтить какъ многія мѣста центральной Россіи, такъ и ея окраины: я былъ въ разныхъ углахъ Сибири, Туркестана, Кавказа, Сѣвера (Печора и Мурманъ), Крыма и Финляндіи; кромѣ того, восемь разъ былъ за-границей, посѣтивъ всѣ страны западной Европы, Японію и сѣверныя области Китая, такъ что у меня матеріала для сравненій и разсказовъ было много. Часто я иллюстрировалъ уроки фотографіями, вывезенными съ мѣстъ, и, такъ какъ контролировать уроковъ не приходилось—Олегъ Константиновичъ зналъ всегда больше, чѣмъ было въ учебникѣ,—то уроки наши состояли преимущественно въ моихъ разсказахъ, причемъ *факты и мысли*, его особенно интересовавшіе, онъ бѣгло отмѣчалъ въ тетрадь, прося разъясненія, если что-нибудь ему сразу было неясно. Такимъ образомъ, курсъ географіи Россіи намъ удалось расширить до болѣе широкаго курса отечествовѣдѣнія. Самыми интересными отдѣлами были этнографическій и экономическій: при изученіи перваго отдѣла мы обсуждали, между прочимъ, вопросъ, почему пестрота населенія Россіи не угрожаетъ такъ ея политическому и культурному единству, какъ Австро-Венгріи (настоящая война подтвердила бы правильность нашихъ разсужденій), а при изученіи экономики Россіи я подробно разсказывалъ ему о разныхъ видахъ промышленности добывающей и обрабатывающей въ Россіи и за границей. Имѣя въ виду, что Олегъ Константиновичъ долженъ быть на военной службѣ, я старался обратить его вниманіе на значеніе нашихъ границъ и на непремѣнную связь экономическаго благосостоянія съ военнымъ могуществомъ страны, какъ въ тѣсномъ смыслѣ снабженія арміи, такъ и въ томъ смыслѣ, что высоко развитая производительность страны обезпечиваетъ тѣ громадныя финансовыя средства, которыя требуются современными войнами.

Съ величайшимъ интересомъ относился Олегъ Константиновичъ къ описанію нашихъ окраинъ, особенно Сибири и Туркестана, и къ колонизаціи. Я самъ давно интересовался переселенческимъ вопросомъ и много имъ занимался, такъ что мнѣ представлялся случай указать ему на то, что въ колонизаціи нашихъ окраинъ, кромѣ непосредственнаго пріобщенія къ производительной культурѣ мертвыхъ до сихъ поръ естественныхъ богатствъ, лежитъ еще громадной важности рѣшеніе аграрнаго вопроса, совершенно неправильно при нашихъ земельныхъ запасахъ обострившагося [1]).

[1]) Вопросы благосостоянія русской деревни Олега Константиновича особенно живо интересовали.

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1909 г.

Мой внимательный и талантливый слушатель очень радовался, когда мнѣ приходилось развивать передъ нимъ оптимистическія перспективы будущаго экономическаго и культурнаго развитія Россіи, перспективы, въ которыя я самъ, разумѣется, глубоко вѣрилъ и вѣрю. Я ему подробно разсказывалъ о возможности осушенія громадныхъ болотъ Россіи, орошеніи значительной части нашихъ азіатскихъ степей, использованіи Сибирской тайги, водъ Ледовитаго и Тихаго океановъ, нашихъ еще не изслѣдованныхъ ископаемыхъ богатствъ, съ другой стороны—о благоустройствѣ западно-европейскихъ путей сообщеній, каналовъ, торговыхъ гаваней Англіи и Германіи и объ условіяхъ міровой торговли. Олегъ Константиновичъ постоянно и искренно заявлялъ, что все это его очень интересуетъ, и послѣ разговоровъ съ нимъ я убѣждался, что при его счастливой памяти, рѣдкомъ сочетаніи анализа и синтеза его ума и исключительной жажды знанія, онъ, дѣйствительно, все понималъ и отчетливо излагалъ".

Другой преподаватель, П. Г. Васенко, отмѣчая въ Князѣ Олегѣ тѣ же черты, указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наклонность его къ работѣ надъ первоисточниками:

„Я былъ приглашенъ преподавателемъ къ Князю весной 1908 г.", пишетъ П. Г. Васенко. „Изъ бесѣдъ съ Н. Н. Ермолинскимъ и покойнымъ П. Е. Кеппеномъ я выяснилъ себѣ (въ общихъ чертахъ) характеръ и наклонности моего будущаго ученика, и съ нѣкоторыми надеждами приступалъ осенью того же года къ занятіямъ съ нимъ. Надежды мои не были обмануты. Съ первыхъ же дней наладились у насъ какъ занятія, такъ и отношенія. Князь занимался съ большой охотой, съ интересомъ разсматривая снимки и рисунки съ предметовъ старины, архитектурныхъ памятниковъ, рукописей и пр. Съ большимъ рвеніемъ составлялъ онъ конспекты, очень часто необычайныхъ размѣровъ, что вызывало возраженія и замѣчанія съ моей стороны. Это дѣло предпринято было по его собственной иниціативѣ, и онъ имъ увлекался.—Классныя занятія, а также особенные „историческіе вечера", устраивавшіеся въ Павловскѣ зимой 1908—1909 г., бесѣды о томъ, что нѣкоторыя мои ученицы помимо классныхъ занятій дѣлаютъ иногда мнѣ посильныя сообщенія по поводу прочитаннаго, привели насъ (Н. Н. Ермолинскаго и меня) мало по малу къ мысли предложить Князю попробовать свои силы въ этомъ направленіи. Князь съ удовольствіемъ выслушалъ о нашей затѣѣ—она кажется, насколько помню, и ему приходила на мысль—и остановилъ свой выборъ на темѣ о патріархѣ Ермогенѣ. Зная стремленія и способности Князя, я предложилъ ему, хотя элементарную, работу по первоисточнику. Князь поработалъ надъ этой темой и слѣдующей весной сдѣлалъ намъ сообщеніе. Юношески наивное и еще неумѣлое сообщеніе это содержало въ себѣ все же недурныя наблюденія и обнаруживало въ его авторѣ интересъ къ родному прошлому и вкусъ къ чтенію первоисточниковъ. Въ ту же зиму у Князя окончательно опредѣлился глубокій интересъ къ гуманитарнымъ наукамъ, благодаря которому созрѣло желаніе поступить въ высшее учебное заведеніе".

Ю. Ю. Бальи-Контъ, преподававшій Князю Олегу французскій языкъ и литературу, далъ блестящую характеристику Князя. Правда, она рисуетъ Князя Олега нѣсколько шире, выходя за предѣлы пребыванія его въ корпусѣ, но черты, отмѣченныя Ю. Ю. Бальи-Контомъ въ Князѣ Олегѣ, какъ лицеистѣ, уже обнаружились передъ поступленіемъ его въ Лицей. Вотъ почему слова г. Бальи-Конта умѣстно привести здѣсь въ видѣ дополненія къ воспоминаніямъ г.г. Ешевскаго и Васенки.

„Il était la conscience même," пишетъ Ю. Ю. Бальи-Контъ. „Enfant, il fut le plus exact, le plus discipliné, le plus diligent des écoliers: toujours attentif, aimant l'effort, il accomplissait sa tâche avec une sorte de joie fièvreuse, qui lui faisait oublier tout le reste. Jamais il n'a négligé de préparer la leçon, qui lui était donnée, jamais il n'a cherché à recourir à un de ces expédients dont usent les enfants pour avoir le droit de négliger leurs devoirs. Si par hasard le temps manquait, si l'heure du sommeil avait sonné, le livre était emporté à la chambre à coucher, et là le travail continuait.

„Jeune homme, il fut le plus scrupuleux des étudiants. C'est quand il préparait ses répétitions ou ses examens du Lycée qu'il fallait le voir: toujours en mouvement, se levant, se rasseyant, s'asseyant, répétant, notant, répétant encore, il n'abandonnait une question qu'à regret, incertain toujours de la connaître assez.

„Ces scrupules il les portait dans la vie de l'âme et ils provoquaient en lui cette inquiètude morale propre aux grands consciencieux, pour qui le devoir consiste à faire plus que leur devoir.

„Il était de ceux-là, qui pensent n'avoir rien fait, tant qu'il leur reste à faire et qui, hélas, parce qu'il nous reste toujours à faire, sont destinés à être toujours troublés par le désir du mieux, par le besoin de se surpasser sans cesse. Il leur faut pour vivre pleinement, la lutte, l'énergie hardiment déployée, la grande tâche acceptée, désirée, cherchée, inventée, si elle n'est pas, embrassée avec ivresse, si elle s'offre.

„Mais en même temps, il avait su rester enfant, enfant très jeune, très tendre, très simple, et sachant rire encore, comme les enfants, d'un bon rire franc et sonore qui partait en fusée à la moindre occasion. Ce mélange de haute conscience et de vraie jeunesse étonnait d'abord, puis charmait.

„Ainsi doué, il ne pouvait pas ne pas éprouver cette noble curiosité de l'ésprit qui fait qu'un homme veut tout apprendre, pour savoir un peu. Quel bonheur pour lui le jour où il lui fut permis de faire au Lycée des études supérieures, universitaires et de devenir un étudiant. Avec quel courage il se plongea dans l'étude des matières les plus abstraites! Il voulait savoir; mais son ésprit rapide, mobile, ondoyant, chatoyant, tout de finesse, trouvait plus de jouissances dans la littérature et dans l'art. Son sens littéraire était très sûr, très éclectique aussi, et le rendait capable de goûter à la fois nos grands classiques et nos plus modernes poètes, un Gauthier ou un Sully-Prudhomme; et quand il lisait, appuyé sur le coude, le front barré d'une ride que creusait à

ce moment la concentration de sa pensée, si sa voix haute et claire cessait de résonner, c'était pour intervenir par des réflexions ou des questions toujours opportunes, toujours fines et toujours délicates".

Наступилъ 1910 годъ. Въ февралѣ и мартѣ должны были состояться въ Павловскомъ дворцѣ четыре интересныхъ спектакля, находившіеся въ связи съ тѣми пожеланіями, которыя были высказаны на педагогическомъ собраніи 1908 года. Эти спектакли явились по общему своему характеру продолженіемъ предшествовавшихъ историческихъ вечеровъ. Каждому спектаклю предпосылалась лекція по исторіи русскаго театра и музыки, а представленіе было какъ бы иллюстраціей къ лекціи.

Первый спектакль, 20 февраля, обнималъ исторію театра за время царствованій Петра Великаго, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Поставлены были сцены изъ трагедокомедіи Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ", опера „Serva Padrone" Перголезе и 5-ое дѣйствіе „Хорева" Сумарокова. Второй спектакль, 25 февраля, долженъ былъ напомнить о русской комедіи и комической оперѣ эпохи императрицы Екатерины II, для чего была поставлена комедія самой Императрицы „О время!" и опера Аблесимова и Ѳомина „Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ". Третій спектакль, 14 марта, касался исторіи царствованій Императоровъ Павла I и Александра Благословеннаго: были поставлены 3-е дѣйствіе комедіи Капниста „Ябеда" и опера Кавоса „Иванъ Сусанинъ". Наконецъ, четвертый спектакль, 20 марта, обнимавшій собою царствованіе Императора Николая I, былъ посвященъ водевилямъ. „Много шуму изъ пустяковъ" Яблочкина и „Зало для стрижки волосъ" Григорьева I, а также оперѣ Верстовскаго „Аскольдова могила". Докладчиками на этихъ спектакляхъ были: профессоръ Петроградской Консерваторіи Л. А. Саккетти по исторіи музыки и Н. Н. Ермолинскій по исторіи театра. Благодаря любезному участію лучшихъ силъ Императорскихъ и Малаго театровъ, а также талантливому режиссерству Н. Н. Арбатова, Павловскіе историческіе спектакли имѣли выдающійся успѣхъ и всѣ безъ исключенія были осчастливлены Высочайшимъ присутствіемъ.

Такъ какъ непосредственно участвовать въ представленіяхъ Князь Олегъ не могъ, то онъ вмѣстѣ съ Княземъ Игоремъ Константиновичемъ старался оказать хотя бы какую-нибудь помощь: Князья замѣняли сценаріуса, суфлера, помогали въ установкѣ декорацій, составляли для программъ конспектированное содержаніе дававшихся пьесъ. О дѣятельности Князя Олега во время спектаклей мы имѣемъ любопытную страницу въ воспоминаніяхъ Б. С. Захарова, который по очереди съ профессоромъ А. М. Миклашевскимъ акомпанировалъ пѣвцамъ. Вотъ что онъ пишетъ: „Живо помню, какъ передъ однимъ изъ Историческихъ спектаклей въ Павловскѣ Князь Олегъ обѣщалъ мнѣ и другимъ артистамъ помочь во время представленія— сидѣть рядомъ со мной за роялемъ, показывать артистамъ вступленія и перелистывать ноты. Неожиданно за недѣлю до спектакля Князь просту-

жается и ложится въ постель. Болѣзнь его страшно угнетаетъ, но онъ безпрестанно твердитъ, что во что бы то ни стало исполнитъ свое обѣщаніе. И дѣйствительно, чуть ли не за часъ до спектакля Князь встаетъ съ постели и, несмотря на повышенную температуру, со вниманіемъ слѣдитъ за исполненіемъ, отчетливо показываетъ всѣ вступленія и чувствуетъ себя счастливымъ отъ сознанія исполненнаго обѣщанія".

Послѣдній Историческій спектакль ознаменовался для Князя Олега особо важнымъ событіемъ. На этомъ спектаклѣ было получено Высочайшее соизволеніе на поступленіе Августѣйшаго кадета-полочанина въ Лицей. Ликованіе Князя Олега въ послѣдующіе дни не поддается описанію: онъ весь сіялъ и торопился подѣлиться своей радостью съ каждымъ знакомымъ.

Въ маѣ должно было состояться перенесеніе мощей св. Евфросиніи, Княжны Полоцкой, изъ Кіева въ Полоцкъ, въ основанный св. Евфросиніей Спасскій монастырь. Представителемъ Государя Императора на священныхъ торжествахъ былъ назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Великій Князь рѣшилъ отправить въ Полоцкъ и Августѣйшаго полочанина съ тѣмъ, чтобы онъ занялъ мѣсто въ строю кадетъ въ качествѣ знаменщика. 16 мая Князь Олегъ съ Княземъ Игоремъ Константиновичемъ въ сопровожденіи полковника Ермолинскаго прибыли въ Полоцкъ и остановились въ квартирѣ директора корпуса. Князь Олегъ къ этому времени блестяще сдалъ уже всѣ выпускные экзамены, кромѣ двухъ— по исторіи и по законовѣдѣнію. Эти экзамены, съ соизволенія Августѣйшаго отца, онъ долженъ былъ сдать въ стѣнахъ родного корпуса. На другой день послѣ пріѣзда Князей прибылъ и Великій Князь.

19 мая Князю Олегу предстоялъ экзаменъ по законовѣдѣнію и, хотя онъ къ этому экзамену былъ основательно подготовленъ во время учебнаго года, тѣмъ не менѣе онъ сейчасъ же по пріѣздѣ принялся за книги, а передъ самымъ экзаменомъ занимался почти всю ночь напролетъ. Экзаменъ, какъ никто, впрочемъ, и не сомнѣвался, былъ выдержанъ прекрасно. Несмотря на уговоры хорошенько отдохнуть отъ утомительной подготовки и напряженія нервовъ на экзаменѣ, Князь Олегъ вечеромъ того же дня принялъ участіе въ публичномъ состязаніи на рапирахъ на гимнастическомъ праздникѣ въ корпусѣ и даже получилъ призъ. Эту ночь Князь Олегъ провелъ въ корпусѣ, въ общей кадетской спальнѣ.

20 мая въ корпусѣ происходило открытіе бюста портъ-артурскаго героя, полочанина Кондратенки. На торжествѣ присутствовала, вмѣстѣ съ Августѣйшимъ Главнымъ Начальникомъ, Ея Величество Королева Эллиновъ, только что прибывшая въ Полоцкъ на встрѣчу мощей св. Евфросиніи. Знаменщикомъ баталіона кадетъ во время парада былъ Князь Олегъ.

Послѣ парада и завтрака, корпусъ со знаменемъ выступилъ за городъ по дорогѣ въ лагерь на встрѣчу мощамъ. Въ то же время изъ Николаевскаго собора вышелъ крестный ходъ, въ которомъ принимали участіе Высочайшія Особы: Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константи-

новна, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна и Его Высочество Князь Игорь Константиновичъ. Въ 4 часа дня мощи были встрѣчены, внесены въ Николаевскій соборъ и поставлены на приготовленное мѣсто.

21 мая, въ день тезоименитства Великаго Князя, послѣ торжественной литургіи и молебствія въ соборѣ, на корпусномъ плацу происходилъ парадъ баталіону кадетъ и прибывшимъ въ Полоцкъ на время торжествъ войскамъ. Князь Олегъ опять несъ знамя корпуса.

На другой день состоялось перенесеніе мощей преподобной Евфросиніи въ основанный ею Спасскій монастырь. 23 мая по городу пронеслась вѣсть объ исцѣленіи тяжко больной монахини, обратившейся съ молитвою къ св. Евфросиніи. Привезъ эту вѣсть докторъ кадетскаго корпуса, лѣчившій монахиню. Религіозно настроенный Князь Олегъ, услышавши объ этомъ исцѣленіи, испыталъ приливъ острыхъ мистическихъ переживаній: онъ какъ-то сосредоточился въ себѣ, ходилъ задумчивый и вечеромъ молился продолжительнѣе и горячѣе обыкновеннаго. А на слѣдующій день, послѣ блестяще сданнаго экзамена по исторіи, онъ захотѣлъ лично убѣдиться въ справедливости слуховъ о чудѣ, отправился въ Спасо-Евфросиньевскій монастырь, искалъ больную и, узнавши, что она въ этотъ день отпросилась куда-то изъ монастыря, долго ждалъ ее, но она возвратилась поздно, и Князю Олегу такъ и не удалось ее повидать.

Перенесеніемъ мощей закончились полоцкія торжества. Утромъ 25 мая Князь Олегъ отбылъ въ Петербургъ. Это было послѣднее посѣщеніе имъ Полоцка, съ которымъ онъ породнился въ свои ученическіе годы.

По возвращеніи въ Петербургъ Князь Олегъ узналъ, что по докладу статсъ-секретаря А. С. Ермолова официальное зачисленіе его въ Лицей состоялось 18 мая и что Государь Императоръ соизволилъ разрѣшить ему ношеніе лицейскаго мундира. Послѣднее было очень важно, потому что, если бы Князь Олегъ началъ посѣщать Лицей въ формѣ какого-либо военнаго училища, онъ не имѣлъ бы возможности такъ тѣсно слиться съ лицейской семьей, какъ это на самомъ дѣлѣ случилось: и лицеисты, и самъ онъ чувствовали бы себя по отношенію другъ къ другу всетаки чужими.

Такимъ образомъ, и мечты Князя Олега, и намѣренія вѣдавшихъ его воспитаніемъ и образованіемъ осуществились. Князь Олегъ оказался первымъ изъ членовъ Императорскаго Дома, поступившимъ до военной службы въ высшее гражданское учебное заведеніе. Вѣкъ тому назадъ Императоръ Александръ I предполагалъ помѣстить въ Царскосельскій Лицей своихъ младшихъ братьевъ, но это въ силу разныхъ причинъ не случилось. Наканунѣ столѣтія своего существованія Лицей былъ осчастливленъ Высочайшимъ разрѣшеніемъ имѣть въ своихъ аудиторіяхъ въ качествѣ воспитанника члена Императорскаго Дома.

Послѣ возвращенія изъ Полтавы Князья Олегъ и Игорь Константиновичи оставались въ Петербургѣ недолго: 31 мая вечеромъ они выѣхали въ сопровожденіи полковника Н. Н. Ермолинскаго безъ всякой прислуги въ заграничное путешествіе по заранѣе обдуманному маршруту. Послѣ трехъ экскурсій по Россіи казалось естественнымъ ознакомить русскихъ Князей прежде всего со славянскими странами. Поэтому маршрутъ былъ избранъ такой: Одесса, Константинополь, Софія, Старая Загора, Казанлыкъ, Шипка, гора св. Николая, Плевна, Софія, Бѣлградъ, Тріестъ, Далматинское побережье, Каттаро и Цетинье. Обратный путь предполагался черезъ Мюнхенъ и Берлинъ. Кромѣ того, рѣшено было посѣтить Обераммергау, гдѣ въ этомъ году должны были итти представленія.

Избранный маршрутъ, помимо своего образовательнаго значенія, казался цѣннымъ еще и въ другомъ отношеніи: изъ 342 часовъ, которые нужно было провести въ пути, 174 часа падали на путешествіе моремъ, что не могло не оказать благопріятнаго вліянія на здоровье Князей.

Само собою разумѣется, что во все время поѣздки предполагалось сохраненіе строжайшаго инкогнито. Однако вслѣдствіе излишней болтливости одного лица еще въ Константинополѣ Князья были узнаны, а пріемъ у султана, ставшій неизбѣжнымъ послѣ раскрытія инкогнито, и газетныя статьи довершили дѣло: повсюду устраивались торжественныя встрѣчи, давались офиціальные обѣды и назначались пріемы.

Осмотру Константинополя было посвящено 4 дня, въ теченіе которыхъ Князья пользовались гостепріимствомъ въ Терапіи у русскаго военнаго агента, полковника И. А. Хольмсена. Въ дневникѣ Князя Олега находимъ слѣдующія подробности пребыванія его въ Константинополѣ:

„Переходъ изъ Одессы былъ самый спокойный. Съ нами ѣхалъ Шаляпинъ. Я не хочу преувеличивать описаніе красоты Константинополя, и долженъ сказать, что какъ ни красивъ городъ, я думалъ, что все будетъ гораздо пестрѣе, чѣмъ оно есть. Я ожидалъ увидѣть золотые купола минаретовъ и т. д. Ничего подобнаго. Городъ напомнилъ мнѣ Ласточкино гнѣздо, такъ какъ тамъ все другъ на друга налѣплено. Константинополь съ предмѣстьями, дворцами и посольствами раскинулся вдоль береговъ Босфора, и красота города заключается въ самой многочисленности его построекъ.

„Были у нашего посла Чарыкова; онъ разсказывалъ про свое участіе въ войнѣ 1877—1878 г. Лазали на башню Галаты, откуда открывается чудеснѣйшій видъ на городъ. Лѣзть туда очень тяжело. Городъ грязный; собакъ меньше, чѣмъ объ нихъ разсказываютъ, онѣ грязны, въ ранахъ. Интересна сама жизнь черныхъ, немытыхъ турокъ. Многіе сидятъ и курятъ трубки прямо на улицѣ. По крутѣйшимъ подъемамъ гоняютъ крупный и мелкій скотъ; встрѣчаются нагруженные буйволы.

„Ѣздили по красивому Золотому Рогу, и тутъ-то мнѣ и напомнила турецкая столица Ласточкино гнѣздо. Трогательно-сильное впечатлѣніе производятъ остатки развалинъ стѣнъ древней Византіи, на которыхъ происходило

сраженіе грековъ съ турками. Онѣ покрыты кустами и корявыми деревьями. Вокругъ летаютъ вороны.—По Золотому Рогу движеніе очень сильное: то и дѣло шныряютъ лодки и биткомъ набитые пароходы.

„Все время, проведенное въ Константинополѣ, насъ безбожно таскали по разнымъ мѣстамъ, такъ что, возвращаясь домой, абсолютно не было времени записывать впечатлѣнія дня, такъ хотѣлось спать.

„5 іюня мы встали, кажется, около 8 часовъ, выпили чай, сѣли въ мушку [1]) и поѣхали въ городъ, въ храмъ св. Софіи. У входа насъ встрѣтилъ директоръ русскаго Археологическаго Института, Успенскій. Онъ сталъ сперва объяснять постройку снаружи...

„Мы вступили на порогъ св. Софіи. Сердце мое рвалось внутрь храма: хотѣлось, наконецъ, увидѣть эту знаменитую святыню. Намъ принесли кожаныя туфли, предложили надѣть ихъ на сапоги и ввели насъ на паперть, въ переднюю, не знаю, какъ назвать это первое узкое преддверье храма, напоминающее собой коридоръ.

„Наконецъ, мы вошли въ самый храмъ. Поражаетъ сразу его просторъ и свѣтъ. Я посмотрѣлъ на куполъ. Въ моемъ воображеніи, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ, я рисовалъ себѣ, что куполъ будетъ еще шире и положе, но все равно—куполъ поразителенъ: подъ нимъ дышится свободно и легко. Невольно переносишься въ тѣ времена величественной Византіи, когда тутъ шло торжественное богослуженіе и пѣлъ громадный великолѣпный хоръ. Я сразу же представилъ себѣ этотъ храмъ при стройномъ, величественномъ пѣніи.

. . . . . .

„Полъ храма покрытъ желтыми цыновками, которыя его, по-моему, значительно украшаютъ. Стѣны варварски замазаны. Наверху, по четыремъ угламъ, висятъ большіе зеленые щиты съ золотыми надписями изъ Корана. Оставлены въ цѣлости, но аляповато подкрашены большія крылья архангеловъ подъ куполомъ. Лики покрыты выпуклыми золотыми звѣздами. Направо и налѣво есть еще ходъ съ остатками фресокъ. Я снялъ съ храма двѣ фотографіи. Онъ производитъ сильное впечатлѣніе. Когда мы тронулись въ экипажѣ отъ св. Софіи, Успенскій объяснилъ намъ, что мы ѣдемъ по тому мѣсту, гдѣ стоялъ старый дворецъ Императоровъ. Немного далѣе находится площадь, гдѣ происходили конскія ристалища. Императоръ изъ своего дворца могъ свободно выходить на эту площадь.

. . . . . .

„Оттуда мы поѣхали въ мечеть Ахмеда. Она вся голубая внутри, а по формѣ напоминаетъ св. Софію. Выложена она фаянсовыми плитками, голубыми, бѣлыми и блѣдно-зелеными. Мнѣ она очень понравилась: красивое сочетаніе цвѣтовъ.

„Послѣ мечети намъ показали старый водопроводъ-цистерну, который въ прежнія времена удовлетворялъ водою весь городъ. Мы спустились въ

---

[1]) Bateau-mouche.

него по крутой лѣстницѣ и очутились въ какомъ-то погребѣ. Турокъ освѣщалъ ступени свѣчкой. Еще нѣсколько ступеней внизъ, и передъ нами появилась площадка. Турокъ зажегъ клокъ сѣна, вздѣтый на желѣзную палку, и освѣтилъ подземную комнату съ рядами колоннъ, въ полу которой—бассейнъ съ водою изъ источниковъ.

. . . . . .

„Послѣ осмотра водопровода мы отправились въ музей. Въ немъ удивительные саркофаги. Одинъ изъ нихъ называется саркофагомъ „des Pleureuses“, такъ какъ на немъ изваяны плачущія женщины. Ихъ всего 18. Замѣчательно то, что художникъ придалъ каждой изъ нихъ разную позу. Это поразительно: какъ онѣ стоятъ, какъ плачутъ! Великолѣпіе! Другой саркофагъ изображаетъ усмиреніе лошадей. Тоже красиво. Но что самое замѣчательное — это саркофагъ Александра Македонскаго. На немъ изображенъ полководецъ въ разныхъ случаяхъ на войнѣ и на охотѣ. Онъ называется саркофагомъ Александра вовсе не оттого, что украшалъ историческую могилу, а оттого, что на немъ — изображеніе Александра. Замѣчательно, что покрашенные когда-то рельефы сохранили свою окраску. Лѣпка поразительная: цѣлая картина войны со всѣми ея случайностями. Видно, что прежде изваянные воины держали что-то въ рукахъ. Говорятъ, это были серебряныя пики, стрѣлы, копья и т. п. Они или потеряны, или найдены разбитыми на мелкіе кусочки. Должно быть, они придавали саркофагу еще больше красоты. Въ музеѣ еще много вещей, но мы торопились и осмотрѣли ихъ наспѣхъ. Оттуда мы отправились на Константинопольскій базаръ. Базаръ—узкое крытое мѣсто; подъ ногами—мокрый, грязный каменный полъ, направо и налѣво множество лавокъ. Мы всѣ сошлись у одного старьевщика, долго выбирали себѣ вещи, торговались, но онъ запрашивалъ за все колоссальныя цѣны. Столица [1]) насъ выручилъ и сторговался. Онъ торгуется удивительно ловко, хорошо зная турецкій языкъ. Игорь, получившій на рожденіе, вмѣсто подарка, деньги, рѣшилъ ихъ здѣсь использовать. Мы купили съ нимъ по турецкой лампадкѣ, на подобіе кадила. Тутъ, на базарѣ, совсѣмъ пахло турками.

„Мы поѣхали къ послу. У него насъ ждалъ завтракъ съ дипломатами. Позавтракавши, мы переодѣлись въ военное платье и отправились къ султану. Дворецъ его довольно красивъ. Мы въѣхали въ европейскій облизанный садикъ; зеленый стриженый газонъ, прудъ, южныя деревья, цвѣты. Подъѣхали къ мраморной лѣстницѣ. Внизу насъ встрѣтилъ какой-то придворный въ сюртукѣ и фескѣ, и повелъ по красному ковру. Налѣво и направо на 8 шаговъ другъ отъ друга стояли дворцовые офицеры въ бѣлыхъ мундирахъ съ красными вышивками и высокими бараньими шапочками съ зелеными султанами. Мы пошли по лѣстницѣ. Наверху насъ встрѣтилъ какой-то паша съ бородкой. Онъ одинъ изъ всѣхъ придворныхъ

[1]) Драгоманъ посольства.

присутствовалъ на нашемъ пріемѣ. До этого, слѣдуя его приглашенію, мы прошли въ угловую комнату съ большими окнами, сѣли на диванъ и завязали разговоръ по-французски. Комната съ аляповатой позолотой и преглупымъ плафономъ, изображающимъ какой-то вѣеръ. Вдругъ вошли два турка-лакея. У одного въ рукахъ былъ подносъ съ чашками для турецкаго кофе, покрытый вышитымъ золотомъ краснымъ покрываломъ. Другой держалъ въ рукѣ какую-то штуку на подобіе кадила. Она блестѣла золотомъ, эмалью и оказалась кофейникомъ. Оба турка представляли собой довольно красивое зрѣлище. Одинъ изъ нихъ снялъ съ чашекъ покрывало и положилъ себѣ на лѣвое плечо. Сдѣлавъ это, онъ сталъ намъ по очереди подносить кофе, налитый въ маленькія чашечки, которыя были осыпаны брилліантами. Кофе былъ отлично сваренъ, но, къ удивленію моему, почти безъ гущи.

„Вскорѣ послѣ того насъ пригласили къ султану... По окончаніи аудіенціи мы возвратились въ знакомую уже комнату; намъ предложили курить, причемъ поднесли длинныя, очень вкусныя папиросы падишаха. Это продолжалось недолго. Мы вернулись въ посольство, переодѣлись и поѣхали цѣлой компаніей осматривать драгоцѣнности Порты, своего рода придворный музей...

„Послѣ того слѣдовали осмотры военнаго музея и старой греческой церкви, обращенной въ мечеть. Видѣли также старинныя цѣпи, которыми генуезцы запирали Босфоръ.

„Вечеромъ состоялся ужинъ у Хольмсена. Весь его чудный садикъ былъ освѣщенъ фонариками. Въ общемъ было очень весело.

„6-го іюня мы встали въ 6 часовъ утра. Наскоро выпили чай и поспѣшили на мушку... Путешествіе наше въ Константинополь было очень пріятнымъ. Направо и налѣво пробѣгали мимо красивые дворцы и гаремы. Пріѣхавъ на вокзалъ, мы убѣдились, что опоздали къ поѣзду въ С. Стефано. Пришлось ожидать слѣдующаго...

„Раньше всего состоялось посѣщеніе семибашеннаго замка. Вылѣзши изъ вагона, мы прошли по очень узкой улицѣ, которая подвела насъ къ воротамъ замка. Идти было трудно, такъ какъ панелей у турокъ нѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вся дорога запружена экипажами, погонщикамиословъ и верховыми.

„Встрѣтившій насъ турокъ взялъ фонарь и повелъ въ узенькій темный проходъ. Фонарь освѣщалъ путь впереди. Въ помѣщеніи чувствовалась сырость, но можно было идти, не нагибаясь. Черезъ нѣсколько минутъ мы попали въ довольно обширную комнату, въ полу которой, какъ разъ по серединѣ, зіяло отверстіе. Турокъ бросилъ въ него зажженную бумагу. Она, долго вертясь, летѣла внизъ и подъ конецъ упала на кучу съ мусоромъ. Проводникъ объяснилъ намъ словами и жестами, что въ прежнее время сюда бросали тѣла казненныхъ, которыя водою смывались затѣмъ въ Босфоръ. Мы пошли дальше. Въ видѣ особой достопримѣчатель-

ности намъ показали темную комнату, служившую во время войнъ мѣстомъ заточенія пословъ. По большей части сидѣли тутъ русскіе послы. Оттуда проводникъ вывелъ насъ на наружную стѣну съ великолѣпнымъ видомъ на Мраморное море. Красота! Широта! Воздухъ!

„Осмотрѣвъ замокъ, мы направились на вокзалъ... Съ первымъ подошедшимъ поѣздомъ поѣхали въ С. Стефано, куда и прибыли къ богослуженію. Отстоявъ порядочное время въ церкви, вся наша компанія сошла въ склепъ, гдѣ въ большомъ порядкѣ содержатся могилы павшихъ въ прошлую войну русскихъ воиновъ. По нашей просьбѣ была отслужена панихида.

„Несмотря на плохое служеніе мѣстныхъ монаховъ, настроеніе у всѣхъ было повышенное. Нельзя было не молиться искренно за нашихъ сѣрыхъ героевъ. Какъ разъ рядомъ со мною оказалась плита могилы нижнихъ чиновъ стрѣлковаго Императорской фамиліи батальона.

„Потомъ прошли опять въ верхнюю церковь. Расписана она очень хорошо, въ зеленомъ тонѣ. Возлѣ храма къ нашему отбытію была выстроена мѣстная греческая школа, просившая разрѣшенія спѣть русскій народный гимнъ. По многимъ соображеніямъ мы это предложеніе отклонили.

„Въ это время пріѣхалъ за нами посолъ Чарыковъ. Онъ, я и Столица сѣли въ первый экипажъ..., послѣ чего направились къ берегу. Дорога идетъ мимо С. Стефанскаго поля, гдѣ въ 1878 г. былъ знаменитый парадъ русскимъ войскамъ въ виду Константинополя“.

8 іюня Князья выѣхали въ Софію, гдѣ прожили два дня въ Королевскомъ дворцѣ, а 10 іюня въ сопровожденіи наслѣднаго Княжича Бориса и болгарскаго военнаго министра, генералъ-адъютанта Иванова, отправились черезъ Старую Загору и Казанлыкъ на Шипку. Переѣздъ черезъ гору св. Николая былъ совершенъ верхами. Послѣ посѣщенія Пордима и Плевны Князья возвратились въ Софію.

Проѣзжая эти историческія мѣста, которыя обильно политы русской кровью во время войны за освобожденіе Болгаріи, Князь Олегъ разспрашивалъ всѣхъ окружающихъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ турецкой кампаніи. Въ его пылкомъ воображеніи рисовались картины Шипкинскаго боя, сраженіе на Зеленыхъ Горахъ, паденіе Плевны.

Отношеніе болгаръ къ погибшимъ русскимъ героямъ 1877—78 г.г. далеко не всегда удовлетворяло Князя Олега. Такъ, напримѣръ, когда ему въ Пордимѣ показали памятникъ русскимъ войскамъ и пирамиду изъ череповъ русскихъ воиновъ, носившихъ на себѣ явные слѣды турецкихъ пуль и сабельныхъ ударовъ, онъ поблѣднѣлъ и съ гнѣвомъ сказалъ, не смущаясь присутствіемъ болгаръ: „Это безобразіе! Похоронить слѣдуетъ этихъ героевъ, а не выставлять ихъ кости. У насъ бы такъ не поступили“.

13 и 14 іюня Князья провели въ Бѣлградѣ. Въ обществѣ членовъ Королевской семьи они совершили здѣсь нѣсколько прелестныхъ автомобильныхъ прогулокъ по окрестностямъ. При отъѣздѣ имъ были вручены

ордена Карагеоргія. Этотъ знакъ вниманія Короля чрезвычайно тронулъ и обрадовалъ Князей.

Адріатическое море и Далматинское побережье съ его сказочными красотами произвели на Князя Олега сильнѣйшее впечатлѣніе; когда же добрались до Каттаро и начали на присланномъ королемъ автомобилѣ подниматься въ гору, то восторгамъ и восклицаніямъ не было границъ. Въ Цетинье Князья тотчасъ же были приняты Королемъ, который пожаловалъ имъ черногорскіе ордена.

Князья поселились въ русской миссіи и начали-было создавать различные планы, какъ вдругъ къ вечеру перваго дня пребыванія ихъ въ столицѣ Черногоріи случилось событіе, окончательно разрушившее всѣ дальнѣйшія путевыя предположенія: Князь Олегъ, простудившійся еще въ Константинополѣ и кашлявшій потомъ всю дорогу, почувствовалъ себя крайне плохо и долженъ былъ слечь въ постель: скоро обнаружились всѣ признаки воспаленія легкихъ. Обстановка для лѣченія была самая неподходящая: помѣщеніе протекало, мѣстный докторъ-австріецъ былъ настолько плохъ, что не могъ даже поставить удовлетворительно компрессъ. Поэтому, какъ только температура Князя Олега нѣсколько спала, путешественники выѣхали изъ Цетинье и поселились въ Рагузѣ (Дубровникѣ). Благодѣтельный климатъ этого чуднаго уголка Адріатики быстро возстановилъ здоровье Князя. Черезъ нѣкоторое время явилась возможность поѣхать полюбоваться знаменитыми тысячелѣтними платанами и посѣтить не менѣе знаменитый паркъ Гоцца, гдѣ путешественники были приняты самимъ хозяиномъ.

Далѣе поѣздка продолжалась уже такъ, какъ было первоначально намѣчено. При этомъ въ Мюнхенѣ Князья встрѣтились со старой своей бонной, Ангеликой Клейнъ, съ которой провели цѣлый день. Вотъ какъ описываетъ это свиданіе Князь Олегъ въ письмѣ къ Августѣйшей матери:

„...Постараюсь хорошенько разсказать, какъ мы видѣлись съ Икой. Пріѣхали мы сюда очень рано. Оставалось слишкомъ много времени, чтобы что-либо предпринять. Думали взять автомобиль и ѣхать въ Обераммергау для его осмотра. Дѣло въ томъ, что мы такъ рвемся къ Вамъ, что долго думали, не выпустить ли представленіе изъ намѣченной программы. Выпустить — какъ будто бы жалко. На всякій случай, мы рѣшили взять сегодня моторъ, поѣхать туда, осмотрѣть театръ, окрестности и тогда уже рѣшить, стоитъ ли оставаться на представленіе. Мы выпили кофе и пошли вдвоемъ съ Игоремъ въ городской гаражъ, а Н. Н. [1]) отправился за деньгами въ банкъ. Мы стали плутать по разнымъ улицамъ и долго искали Motorwagenstation. Тутъ очень хорошіе магазины. Глаза у насъ разбѣгались. Мы останавливались передъ витринами и любовались то почтовыми карточками, то другими вещами. Разъ пять мы спрашивали, какъ намъ идти, и, наконецъ, добрались... Теперь дѣло сдѣлано, бѣжимъ прямо къ Икѣ. До нея 3 кило-

[1]) Н. Н. Ермолинскій.

метра. Это слишкомъ далеко. Узнавъ первоначально цѣну таксомотора, мы взяли его и покатили. Вотъ № 15, домъ, гдѣ живетъ Ика. Мы вылѣзли, волнуемся, звонимъ. Сперва дверь не отворяютъ, наконецъ, говорятъ, что Herr Klein живетъ направо. Мы влетаемъ въ какую-то комнату, видимъ господина съ сѣренькой бородкой. „Sind Sie Herr Klein, der Bruder der Ika?“— „Ja, Ich bin es“.— „Ура!“ Мы такъ обрадовались, что кричали ура и прыгали до потолка. Насъ повели къ Икѣ. Черезъ мгновеніе что-то сѣренькое шмыгнуло въ дверь и бросилось намъ на шею... Я даже прослезился...

„Тутъ начались ахи, охи и вздохи. Все это прерывалось объятіями и поцѣлуями. Тутъ же присутствовала жена брата Ики, маленькая, очень простая и толстенькая. Мы сѣли пить кофе съ булочками и медомъ. Прелесть! Ика для насъ только пріѣхала въ Мюнхенъ къ своему брату. Мы ей сказали, что беремъ ее съ собой въ Обераммергау. Обѣ женщины буквально присѣли на полъ отъ радости и захлопали въ ладоши. Посидѣли, поболтали, прошло часа полтора. Ика повела насъ показывать очень большую, красивую готическую церковь. Погода съ утра стояла холодная и пасмурная. Вдругъ разразился сильный ударъ грома, и захлесталъ дождь. Мы вернулись къ Икѣ, переждали бурю и отправились къ себѣ въ отель. Икѣ захотѣлось насъ проводить. Накрапывалъ дождичекъ. Вблизи отеля мы рѣшили, что отправимъИку домой на моторѣ. Такъ и сдѣлали. Она была очень довольна“.

Въ Обераммергау Князь Олегъ видѣлъ представленіе мистеріи, но, несмотря на несомнѣнную его религіозность, это представленіе не произвело на него впечатлѣнія: съ одной стороны, мистерія была слаба въ литературномъ отношеніи, съ другой — на ней былъ слишкомъ яркій отпечатокъ нѣмецкаго духа. А между тѣмъ, Князь Олегъ уже началъ испытывать тоску по родинѣ.

Желаніе вернуться въ Россію особенно сказалось у Князя Олега въ Мюнхенѣ. Оно здѣсь такъ обострилось, что пришлось даже оставить мысль объ осмотрѣ этого интереснаго въ разныхъ отношеніяхъ города. 4 іюля Князья уже отправились черезъ Берлинъ въ Россію.

Вторую половину іюля и августъ Князь Олегъ провелъ частью въ Осташевѣ, частью въ имѣніи Ермолинскихъ „Домнихѣ“ и отдыхалъ здѣсь какъ отъ обилія полученныхъ впечатлѣній, такъ и отъ болѣзни, послѣдствія которой всетаки настолько давали себя знать, что естественно напрашивался вопросъ, окажется ли Князь Олегъ способнымъ посѣщать ежедневно Лицей. Въ іюлѣ былъ устроенъ консиліумъ врачей, которые вполнѣ единодушно заявили, что пребываніе въ Петербургѣ можетъ оказаться для здоровья Князя роковымъ, и что лучше поэтому пригласить профессоровъ для чтенія лекцій въ Павловскъ. Врачи соглашались только на одно — предоставить Князю Олегу возможность держать экзамены въ стѣнахъ Лицея вмѣстѣ съ товарищами.

И горю, и гнѣву Князя Олега не было границъ. Въ письмѣ отъ 19 іюля къ Н. Н. Ермолинскому онъ жалуется на постановленіе врачей и спрашиваетъ совѣта:

„Сейчасъ только вышли изъ моей комнаты Муриновъ и Соколовъ послѣ длиннаго и не очень пріятнаго разговора. Непріятнымъ этотъ разговоръ былъ только для меня, такъ какъ мнѣ хотѣли доказать, что жить въ Петербургѣ нельзя и что слѣдуетъ навѣщать Лицей черезъ день, черезъ два, не чаще.

„Дѣло въ томъ, что въ правой части легкаго Соколовъ еще иногда встрѣчаетъ у меня хрипцы. Кашляю рѣдко. Хриповъ несравненно меньше, чѣмъ въ день нашего пріѣзда. Они до того слабые, что Муриновъ сегодня утромъ не могъ ихъ разслышать. Послѣ движеній, сильныхъ вдыханій и гимнастическихъ упражненій они иногда совсѣмъ пропадаютъ.

. . . . . .

„Говорятъ, что я пополнѣлъ. По-моему, я здорово поздоровѣлъ. Однако, хрипы пугаютъ меня изъ-за Лицея.

. . . . . .

„Доктора собрались у меня въ назначенный часъ, и М. объявилъ мнѣ, что мнѣ съ моей слабой грудью нехорошо жить въ Петербургѣ. „Это не значитъ, что Вамъ надо будетъ сидѣть въ Павловскѣ“, сказалъ онъ, „а Вы будете изъ Павловска навѣщать Лицей. Когда я уѣзжалъ изъ Петербурга, Павелъ Егоровичъ [1]) сказалъ мнѣ: „Осмотрите хорошенько Олега: онъ еще передъ отъѣздомъ плохо себя чувствовалъ“. Соколовъ тоже сталъ доказывать, что, по его мнѣнію, мнѣ съ моимъ теперешнимъ положеніемъ опасно постоянное пребываніе въ Петербургѣ. „Навѣщать его черезъ день, черезъ два—можно“. Я началъ было доказывать, что въ этихъ условіяхъ правильное ученіе невозможно, но получилъ отвѣтъ, что университетскій курсъ совсѣмъ другое дѣло и что отлично можно слушать его дома, выдерживая только ежемѣсячные экзамены. „Во всякомъ случаѣ, теперь рано объ этомъ говорить“, замѣтилъ я: „къ сентябрю, можетъ быть, никакихъ хриповъ не будетъ, къ тому же здѣсь нѣтъ Н. Н. [2]), отъ котораго многое зависитъ“. Я начиналъ сердиться, а подъ конецъ рѣшилъ молчать, чего, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ сначала.

„Простите меня, что я все такъ размазываю, но мнѣ хочется, чтобы Вы знали всѣ подробности. Вамъ надо ихъ *знать*.

„Теперь же хочу узнать, что Вы объ этомъ думаете. Возможно ли такъ заниматься и идти прилично въ Лицеѣ? Соколовъ увѣряетъ, что у него есть паціенты—лицеисты, которые въ этомъ отношеніи пользуются льготами и даже уѣзжаютъ на два мѣсяца въ деревню, а потомъ возвращаются держать экзамены. Онъ говоритъ, что я при моемъ слабомъ здоровьѣ сразу устану и слягу.

„Въ Павловскѣ я бы отдыхалъ—это правда. Но не переутомитъ ли меня путешествіе, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю изъ Павловска въ

---

[1]) П. Е. Кеппенъ.
[2]) Н. Н. Ермолинскій.

Петербургъ. Не лучше ли выбрать одно изъ двухъ: Лицей и Петербургъ, или юнкерское и Павловскъ. Послѣднее мнѣ не хочется.

„Я думаю, что въ Павловскѣ ученіе возможно наряду съ Петербургомъ. Мнѣ очень хочется знать Ваше мнѣніе. Сегодня Соколовъ уже говорилъ, что хрипы пропадаютъ, и, можетъ быть, все устроится къ лучшему".

Какъ бы то ни было, передъ волей врачей пришлось смириться, и къ началу учебнаго года занятія были устроены въ Павловскѣ. Чтеніе лекцій приняли на себя слѣдующія лица: по богословію—протоіерей Дмитріевъ; по статистикѣ—сенаторъ В. Т. Судейкинъ; по римскому праву и энциклопедіи права—проф. Б. В. Никольскій; по философіи—Э. Л. Радловъ; по русской исторіи—проф. П. Г. Васенко; по гигіенѣ—докторъ А. И. Вержбицкій; по русской литературѣ—проф. Н. К. Кульманъ; по французской литературѣ и латинскому языку—Ю. Ю. Бальи-Контъ; по нѣмецкой литературѣ—Г. Теттенборнъ, по англійской литературѣ—Г. Брей. При этомъ преподаватели по всѣмъ литературамъ были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и преподавателями Лицея, остальные же въ Лицеѣ лекцій не читали.

Кромѣ научныхъ предметовъ, для Августѣйшаго лицеиста предполагались уроки по гимнастикѣ, фехтованію и верховой ѣздѣ, какъ необходимые для укрѣпленія его слабаго здоровья.

Вскорѣ послѣ начала занятій къ Князю Олегу присоединился для слушанія лекцій и Князь Гавріилъ Константиновичъ, числившійся въ это время въ отпуску изъ полка по болѣзни. Такимъ образомъ, слушателей оказалось двое.

Трудно представить себѣ радость, охватившую Князя Олега, когда онъ надѣлъ лицейскій мундиръ и впервые посѣтилъ Лицей. Онъ въ буквальномъ смыслѣ сіялъ. Въ черновыхъ его наброскахъ есть нѣсколько стиховъ, являющихся живыми свидѣтелями пережитыхъ имъ настроеній:

„Лицейская невѣдомая сѣнь
Давно ужъ начала къ себѣ меня манить",

говоритъ онъ въ одномъ изъ начатыхъ, но не оконченныхъ стихотвореній. Въ другомъ читаемъ:

„Забылъ я жизнь и въ храмъ науки
Съ порывомъ искреннимъ вошелъ".

Порывъ этотъ былъ, несомнѣнно, искренній: Князь Олегъ какъ-то сразу ушелъ въ работу и отдался ей съ такою горячностью, что иногда приходилось насильно отрывать его отъ книги. Научная мысль, методы научной работы, цѣлая вереница вопросовъ права—все это увлекало Князя Олега и заставляло его забывать о необходимомъ отдыхѣ.

„Между среднею и высшею школою", говоритъ по этому поводу В. Т. Судейкинъ, „какъ у насъ, такъ и за границею, нѣтъ преемственной

связи, и поэтому поступающіе въ высшія учебныя заведенія должны преодолѣть не мало затрудненій, пока не освоятся основательно съ научными понятіями и методами. Въ такомъ положеніи оказался и Князь Олегъ Константиновичъ; въ теченіе перваго года ему трудно давалось усвоеніе юридическихъ и экономическихъ наукъ, въ особенности послѣднихъ. Мнѣ не разъ приходилось отъ него слышать слѣдующее: „Изученіе философіи, литературы меня не затрудняетъ, но экономическія науки для меня трудны: мнѣ объ нихъ ничего не приходилось слышать раньше“. При его дарованіяхъ и настойчивомъ, упорномъ трудѣ, затрудненія исчезли, и къ концу перваго учебнаго года для насъ, преподающихъ, были замѣтны сдѣланные имъ быстрые успѣхи въ усвоеніи преподаваемыхъ наукъ“.

Въ ноябрѣ 1910 года въ Павловскомъ дворцѣ начались такъ называемые „субботники“, т. е. литературно-музыкальные вечера, происходившіе на квартирѣ Н. Н. Ермолинскаго по субботамъ. Они являлись до нѣкоторой степени какъ бы завершеніемъ программы, намѣченной въ общихъ чертахъ на собраніи преподавателей 1908 года, о которомъ уже говорилось. Цѣлью „субботниковъ“ было, съ одной стороны, ознакомленіе съ произведеніями нашихъ писателей 19 вѣка въ художественномъ чтеніи и съ произведеніями иностранныхъ композиторовъ. Всѣхъ участниковъ приглашено было до сорока, причемъ было установлено, что никто изъ нихъ не можетъ быть только слушателемъ или, какъ говорили Князья, „трутнемъ“: всѣ должны были, присутствуя на вечерѣ, выступать исполнителями, въ качествѣ декламаторовъ, піанистовъ или пѣвцовъ, по желанію. Князья слѣдили строго за тѣмъ, чтобы это требованіе выполнялось участниками, и ему, дѣйствительно, подчинялись всѣ. Даже Великій Князь, почти всегда удостоивавшій своимъ посѣщеніемъ „субботники“, принималъ участіе въ чтеніи художественныхъ произведеній, а иногда сообщалъ неопубликованные матеріалы изъ переписки тѣхъ или другихъ писателей.

Передъ первымъ вечеромъ-„субботникомъ“ была разослана всѣмъ участникамъ слѣдующая программа:

ЧИСЛА.	ДЕКЛАМАЦІЯ.	МУЗЫКА.
13 ноября.	Батюшковъ, Карамзинъ, Жуковскій.	Палестрина, Бахъ, Гендель, Глюкъ.
20 ноября.	Пушкинъ.	Гретри, Гайднъ, Моцартъ.
27 ноября.	Баратынскій, Веневитиновъ, Рылѣевъ, Языковъ, Дельвигъ.	Бетховенъ.
4 декабря.	Грибоѣдовъ, Лермонтовъ.	Веберъ, Шубертъ.
11 декабря.	Гоголь, Гребенка, Кн. В. Ѳ. Одоевскій, Хомяковъ, Аксаковъ, Тютчевъ.	Шуманъ, Мендельсонъ.
18 декабря.	Тургеневъ.	Листъ, Штраусъ, Брамсъ, Григъ.

8 января.	Гончаровъ, Писемскій.	Спонтини, Галеви, Берліозъ.
15 января.	Гр. Л. Толстой.	Гуно, Бизе, Мейерберъ.
22 января.	Достоевскій, Щедринъ.	Сенъ-Сансъ, Массенэ, Делибъ, Годаръ, Лакомбъ.
29 января.	Некрасовъ, Никитинъ, Помяловскій, Щербина.	Россини, Беллини.
5 февраля.	Козловъ, Бенедиктовъ, Кольцовъ.	Доницетти, Меркаданте.
12 февраля.	Гр. А. Толстой.	Бойто, Понкіэлли, Леонковалло, Масканьи.
19 февраля.	Фетъ, Полонскій, Майковъ.	Шопенъ.
7 марта.	Гр. Голенищевъ-Кутузовъ, Апухтинъ.	Русскій романсъ 30-хъ годовъ.

Эта программа давала участникамъ „субботниковъ“ возможность выбрать произведенія по своему вкусу и основательно подготовиться къ ихъ исполненію.

Князь Олегъ выступалъ на этихъ вечерахъ въ качествѣ чтеца, піаниста и мелодекламатора. Исполненіе его всегда говорило слушателямъ о той вдумчивости, съ которой онъ относился къ взятой на себя роли. Въ письмѣ къ проф. Л. А. Саккетти отъ 7 марта 1911 года Князь Олегъ, между прочимъ, такъ говоритъ о своихъ литературныхъ и музыкальныхъ интересахъ, связанныхъ отчасти съ содержаніемъ „субботниковъ“ и въ значительной мѣрѣ питавшихся этими, какъ онъ выражается, „уютными собраніями“:

„... Только что получилъ Ваше интересное и милое письмо, которымъ Вы меня такъ обрадовали. Я читалъ съ большимъ удовольствіемъ все то, что Вы намъ говорили въ послѣднюю изъ нашихъ вечеринокъ, и читалъ уже знакомую вещь съ двойнымъ интересомъ. Ваше письмо будетъ у меня храниться, какъ пріятное, симпатичное и дорогое воспоминаніе о Васъ и нашихъ уютныхъ собраніяхъ. Все, что касается музыки, народныхъ пѣсенъ, въ особенности русской музыки и русской народной пѣсни, меня очень интересуетъ...“.

Въ воспоминаніяхъ одного изъ участниковъ „субботниковъ“, Б. С. Захарова, мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о Князѣ Олегѣ и его любви къ музыкѣ. Вотъ что онъ сообщаетъ:

„Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о глубокой любви покойнаго къ искусству и въ частности къ музыкѣ, такъ какъ музыка была однимъ изъ тѣхъ крѣпкихъ звеньевъ, которыя связывали меня съ Княземъ Олегомъ искренней и столь драгоцѣнной для меня дружбой.

„Какъ сейчасъ помню, на первомъ же „субботникѣ“ я исполнялъ нѣсколько фортепіанныхъ вещей и былъ пораженъ удивительно мѣткой и оригинальной критикой покойнаго Князя сыгранныхъ мною произведеній. Мы много говорили въ тотъ вечеръ о музыкѣ, и я убѣдился въ томъ, что Князь Олегъ въ душѣ большой музыкантъ. Онъ любилъ въ музыкѣ не только самые звуки или, вѣрнѣе, послѣдовательный рядъ звуковыхъ сочетаній: его

привлекалъ самый процессъ творчества, онъ искалъ идею того или иного произведенія, и меня поразило его прекрасное знаніе музыкальной литературы. Вскорѣ послѣ перваго знакомства Князь писалъ мнѣ о своемъ горячемъ желаніи заниматься серьезно музыкой и скорбѣлъ о томъ, что у него такъ мало для этого свободнаго времени. Какъ глубоко-художественная натура, Князь Олегъ не могъ позволить себѣ заниматься искусствомъ кое-какъ; онъ называлъ такое отношеніе кощунствомъ. Онъ часто говорилъ, что скорѣе совсѣмъ заброситъ музыку, чѣмъ будетъ относиться къ ней какъ дилетантъ.

„Какъ часто, бывало, Князь звонилъ мнѣ поздно ночью по телефону и съ восторгомъ объявлялъ, что ему удалось урвать сегодня 2 часа для музыки и съ наслажденіемъ поиграть Шумана и Бетховена.

„Помню, однажды Князь попросилъ меня показать ему нѣсколько техническихъ пріемовъ для того, чтобы, какъ онъ выразился, „его пальцы не были такими корявыми“. Я далъ ему рядъ скучныхъ, но необходимыхъ упражненій и черезъ нѣкоторое время съ радостью замѣтилъ, что его пальцы пріобрѣли ту эластичность, которую онъ могъ получить лишь упорнымъ и вдумчивымъ трудомъ. Изъ этого факта я заключаю, что, имѣй Князь Олегъ больше свободнаго времени, онъ могъ бы сдѣлаться очень хорошимъ піанистомъ.

„Покойный былъ душой нашихъ милыхъ „субботниковъ“. Онъ принималъ въ нихъ самое живое участіе: читалъ отрывки изъ произведеній классиковъ, а иногда выступалъ въ качествѣ піаниста. Какъ искренно всегда радовался Князь, когда ему удавалось хорошо исполнить какую-нибудь небольшую пьесу, и съ какой охотой онъ готовился къ своимъ выступленіямъ! Какъ часто Олегъ Константиновичъ говорилъ мнѣ: „Какой Вы счастливый человѣкъ, что можете всю свою жизнь посвятить музыкѣ: вѣдь, музыка— лучшій врачъ. Когда я чувствую себя несчастнымъ, я сажусь за рояль и обо всемъ забываю. Какъ жаль, что у меня столько всякихъ обязанностей, что я не могу отдаться музыкѣ всецѣло“.

„Зато лѣтомъ, въ Осташевѣ, куда я имѣлъ счастье быть приглашеннымъ нѣсколько лѣтъ подрядъ, у Князя было много свободнаго времени, и онъ, дѣйствительно, часами занимался музыкой: то слушалъ мою игру, то игралъ со мною въ 4 руки. Его любовь къ музыкѣ носила порой прямо трогательный характеръ“.

Въ апрѣлѣ начались переходные экзамены въ Лицеѣ. Князь Олегъ работалъ безъ устали и днемъ и ночью. Какъ разъ въ это время въ Китайскомъ театрѣ въ Царскомъ Селѣ ставилась „Принцесса Греза“, въ которой долженъ былъ принять участіе и Князь Олегъ въ роли „моряка Бруно“. Отказаться отъ спектакля было по разнымъ соображеніямъ невозможно, а между тѣмъ предстоящіе экзамены заставляли ежеминутно о себѣ думать. Вотъ почему на репетиціяхъ можно было постоянно наблюдать такую картину: во время антракта Князь Олегъ нервно спѣшитъ въ уборную, хва-

Кабинетъ Князя Олега Константиновича въ Павловскѣ.
Факсимиле съ акварели Его Высочества.

тается за книгу и углубляется въ чтеніе; репетиція возобновляется, Князь отрывается отъ занятій и спѣшитъ на сцену, чтобы снова воспользоваться выпавшей свободной минутой и скрыться съ глазъ участниковъ спектакля для работы. Ему особенно хотѣлось отличиться на нѣкоторыхъ экзаменахъ, напримѣръ, на экзаменѣ по исторіи русской литературы. Подготовляясь къ нему, онъ не щадилъ своихъ силъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и глубоко наслаждался своею работой. Подъ впечатлѣніемъ этой работы онъ посылаетъ 29 апрѣля въ Парижъ телеграмму своей Августѣйшей сестрѣ: „Сегодня по книгѣ Котляревскаго подготовляюсь усердно къ завтрашнему экзамену по русской литературѣ. Пушкинъ въ ней изложенъ великолѣпно. Почитай эту книгу, чтобы быть въ курсѣ меня волнующаго, но самаго интереснаго экзамена“...

Волненіе Князя Олега отъ этого экзамена усиливалось еще и потому, что экзаменаторомъ былъ его же учитель, Н. К. Кульманъ. Такъ какъ по болѣзни Князь Олегъ не былъ на полугодовой репетиціи, и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытаніе производилъ домашній преподаватель, то вполнѣ понятно, что оно оказалось и продолжительнымъ и, можетъ быть, чрезмѣрно строгимъ. По крайней мѣрѣ, лицеисты послѣ экзамена напали на своего профессора и упрекали его въ несправедливомъ отношеніи къ Князю Олегу. Впрочемъ, самъ Князь не находилъ этого и былъ очень счастливъ, что строгость испытанія дала ему возможность дѣйствительно блеснуть своими знаніями по исторіи русской литературы, далеко выходившими за предѣлы официальной программы.

Прекрасно сошли и другіе экзамены: Князь Олегъ перешелъ во 2-ой классъ съ похвальнымъ листомъ и почти круглой отмѣткой 12. По окончаніи лицейскихъ экзаменовъ, онъ сдалъ еще при Пажескомъ корпусѣ экзаменъ по военной гигіенѣ, чтобы его не сдавать впослѣдствіи при производствѣ въ первый офицерскій чинъ.

Такъ закончился для Князя Олега первый годъ его пребыванія въ Лицеѣ. Нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній его лицейскаго курсового воспитателя А. А. Рубца дадутъ возможность уяснить нѣкоторыя интимныя подробности общенія Августѣйшаго лицеиста съ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ онъ получилъ высшее образованіе:

„Когда весною 1910 г. Великій Князь изъявилъ желаніе помѣстить своего сына въ Лицей, многіе были смущены этимъ обстоятельствомъ и опасались, чтобы это поступленіе не было фиктивнымъ, и тѣмъ самымъ не было бы нарушено обычное теченіе лицейской жизни. Но эти опасенія были напрасны, и прецедентъ, созданный поступленіемъ въ Лицей Князя Олега Константиновича, явился прецедентомъ желаннымъ, отнюдь не смутившимъ вѣковой традиціонный строй Лицея.

„Я былъ въ то время назначенъ курсовымъ воспитателемъ III класса. Скажу по совѣсти, что мнѣ было нѣсколько неясно, какъ поставить себя Князь Олегъ со своими будущими товарищами. Будучи въ душѣ слишкомъ „лицеистомъ“, чтобы допустить даже и для „такого воспитанника“ отступ-

леніе отъ вѣковыхъ традицій лицейской семьи, я въ то же время сознавалъ, что это — не обычный воспитанникъ и что къ нему должно быть особое отношеніе, „особое“ въ томъ смыслѣ, чтобы не обмануть довѣрія Великаго Князя. Далѣе, конечно, само собой напрашивался вопросъ, въ какія отношенія станетъ Князь Олегъ со своими товарищами по курсу и какъ они отнесутся къ нему. Было бы горько, если бы воспитанники не отнеслись къ нему, какъ къ своему товарищу, если бы они стали въ „искательное“ къ нему отношеніе, но было бы жаль, если бы они отнеслись къ нему и свысока или съ оттѣнкомъ недовѣрія, безпричиннаго недоброжелательства, или же, если бы у нихъ могло явиться подозрѣніе, что начальство Лицея къ нему относится не какъ къ прочимъ воспитанникамъ. Признаюсь, что всѣ эти мысли волновали меня не безъ основанія, но могу сказать и, болѣе, я подтвержу это фактами, что въ дѣйствительности ничего подобнаго не случилось: отношенія, конечно, съ того времени (въ I классѣ), когда Князь Олегъ сталъ ежедневно посѣщать лекціи, настолько крѣпко завязались, что я могъ только спокойно на нихъ смотрѣть и любоваться обѣими сторонами.

„Впервые я увидѣлъ Князя Олега въ Павловскѣ въ сентябрѣ 1910 г., когда былъ приглашенъ туда познакомить Князя съ Лицеемъ и его строемъ. Я приготовилъ для этого замѣтки по исторіи Лицея, оттѣнилъ особенныя, характерныя черты Лицея и его жизни, обычаи и строй и все вообще, что даетъ ему особенное положеніе среди другихъ учебно-воспитательныхъ заведеній Россіи вотъ уже сто лѣтъ. Пришлось поработать надъ этою задачею, чтобы въ краткомъ сообщеніи выпукло представить всѣ особенности Лицея. О моей предполагавшейся поѣздкѣ знали въ Лицеѣ, и всѣ интересовались, что именно представлю я вниманію Князя. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ читать написанное и моимъ товарищамъ-воспитателямъ и воспитанникамъ I класса, которыхъ это очень волновало, и всѣ старались помочь мнѣ оттѣнить наиболѣе, по мнѣнію каждаго слушателя, важныя стороны лицейской жизни.

„Первое впечатлѣніе, полученное мною отъ Князя Олега, было весьма неясное; одно, однако, впечатлѣніе оказалось вѣрнымъ до конца — это необычайная пытливость и любознательность, желаніе проникнуть въ самую суть дѣла, сразу схватить главный смыслъ слышаннаго и необычайно чистый взоръ, я бы сказалъ — кристально чистый, увидавъ который, уже было невозможно забыть. Мнѣ понравилась и юношеская пылкость и стремительность, которую видишь только у хорошо одаренныхъ натуръ, понравились мнѣ и пытливые вопросы Князя о нѣкоторыхъ деталяхъ лицейской жизни и его стремленіе сразу стать въ курсъ того заведенія, куда онъ поступилъ. Позднѣе я убѣдился, что эта жажда знаній была его отличительной чертой, побудившей его поступить въ Лицей.

„Съ товарищами Князь Олегъ познакомился въ ноябрѣ 1910 г., когда пріѣхалъ въ Лицей. Его тогда же приняли въ курсъ, но это первое знакомство было очень неопредѣленно. Обѣ стороны приглядывались другъ къ

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1911 г.

другу. Въ январѣ 1911 года въ Павловскѣ состоялся любительскій спектакль въ Высочайшемъ присутствіи, куда были приглашены нѣсколько воспитанниковъ III класса. Князь Олегъ участвовалъ въ спектаклѣ, но въ антрактахъ онъ уже болталъ съ товарищами, какъ старый знакомый, разспрашивалъ ихъ о лицейской жизни, о первомъ кругѣ репетицій и жалѣлъ, что не можетъ принимать непосредственнаго участія въ общей лицейской жизни. Окончательное сближеніе произошло во время переходныхъ во II классъ экзаменовъ. Тутъ уже не было никакой разницы между нимъ и прочими воспитанниками; обычное волненіе передъ экзаменами всѣхъ объединило и тѣсно связало.

„Отвѣчалъ онъ на экзаменахъ отлично. Громко, отчетливо, съ особой своеобразной манерой говорить, излагалъ Князь свои знанія, почти всегда, по полной справедливости, оцѣниваемыя наивысшимъ балломъ. Видно было, что къ работѣ своей Князь Олегъ приложилъ огромный трудъ и вполнѣ добросовѣстно исполнилъ принятое имъ на себя обязательство. Одинъ изъ лицейскихъ профессоровъ назвалъ его отвѣты „чеканными“, и я признаюсь, что вполнѣ подписываюсь подъ этимъ опредѣленіемъ. Отвѣты Князя Олега очень интересовали какъ товарищей по классу, такъ и другихъ воспитанниковъ Лицея. Обыкновенно Князь отвѣчалъ пятымъ — седьмымъ съ начала, и много собиралось народу, чтобы послушать его отвѣты. Всѣ единогласно отдавали полную справедливость его прилежанію и знаніямъ. Онъ, конечно, отлично сознавалъ, что товарищи его внимательно слѣдятъ за его отвѣтами, и это придавало ему излишнее волненіе, но въ то же время онъ желалъ не ударить въ грязь лицомъ. Послѣ отвѣтовъ всегда шли продолжительные дебаты съ товарищами въ „зубрилкахъ“ по поводу пройденнаго, и нерѣдко мнѣ приходилось усмирять пылъ юныхъ диспутантовъ, мѣшавшій производству экзамена своими высокими нотами. Обычно до перерыва, т. е. до часу дня, Князь Олегъ оставался въ Лицеѣ и слушалъ отвѣты другихъ. Иногда ему казалось, что профессора „придираются“ къ кому-нибудь, что баллъ, выставленный этой „жертвѣ“, несправедливъ, и мнѣ всегда было очень трудно убѣдить его, что онъ смотритъ тоже пристрастно, и думаю, что Князь оставался при своемъ мнѣніи, такъ какъ жаръ его остывалъ не скоро, и долго еще я слышалъ въ коридорахъ его возбужденный голосъ.

„Экзамены очень утомили Князя. Къ концу мая онъ очень осунулся и похудѣлъ; отъ него остались только одни глаза, и онъ прямо сознавался, что ждетъ — не дождется лѣта. Работа его была огромна, такъ какъ готовиться ему приходилось прямо къ экзамену, тогда какъ воспитанники имѣли уже до этого двѣ полугодовыя репетиціи и познакомились съ требованіями профессоровъ и ихъ манерой спрашивать. Часто въ первомъ часу ночи раздавался у меня звонокъ телефона, и Князь Олегъ начиналъ нервно разсказывать, что онъ теперь проходитъ изъ курса и сколько еще осталось. Не досыпая ночей, ведя совершенно негигіеничный образъ жизни безъ движенія,

Князь Олегъ физически ослабѣлъ къ концу мая настолько, что окружающіе его боялись за него".

Волненія, пережитыя Княземъ Олегомъ во время первыхъ лицейскихъ экзаменовъ, нашли яркое отраженіе въ одномъ изъ писемъ его къ П. Г. Васенкѣ: „Слава Богу", пишетъ Князь Олегъ 17 апрѣля 1911 г., „вчерашній экзаменъ по энциклопедіи права прошелъ блестяще. Всю Страстную, всю Святую недѣли мы зубрили съ Гавріиломъ очень прилежно[1]). ...Несмотря на это, курсъ по энциклопедіи кончили только въ послѣдній день до экзамена. Повторить его едва успѣли. Вчера легли въ 12 ч. 30 м., а встали въ 5 утра, чтобъ кончить повтореніе курса. Я все повторилъ, за исключеніемъ 5 билетовъ — съ 17 по 20, но зато наканунѣ на повѣркѣ отвѣчалъ ихъ недурно. 20-ый билетъ, Сводъ законовъ, исторію его изданія и современное его содержаніе, я зналъ даже отлично, такъ какъ училъ его по самому Своду. Мнѣ очень хотѣлось вытянуть именно его на экзаменѣ. Пошелъ я отвѣчать седьмымъ послѣ очень хорошаго ученика. Лицеисты волновались, такъ какъ профессоръ Нольде человѣкъ нѣсколько насмѣшливый. Я подошелъ къ столу и, о ужасъ, вытаскиваю... 20-ый билетъ! Ужасъ потому, что я испугался такого счастья! Я скоро его повторилъ и отвѣтилъ дѣйствительно блестяще: 1 и 2 томы законовъ — 24 пункта — всѣ безъ ошибки. Меня Нольде останавливалъ уже на первомъ, но мнѣ досадно было выпускать изъ рукъ такое хорошее, знакомое мѣсто, и я остановился только тогда, когда окончилъ второй томъ. Мнѣ сдѣлали одинъ вопросъ: „Кто былъ Савиньи?" Я отвѣтилъ. „Довольно!" говорятъ мнѣ. Я не понялъ сразу, хотѣлъ продолжать и только тогда замѣтилъ, что меня отпустили. За двѣ репетиціи и за экзаменъ я получилъ по двѣнадцати. Начало хорошее; не знаю, что будетъ дальше. Простите, что все пишу про себя, но я такъ счастливъ, и, кромѣ того, Вы навѣрно интересуетесь хоть немножко моими экзаменами".

Начались лѣтнія каникулы. Князь Олегъ прежде всего отправился отдохнуть въ имѣніе Н. Н. Ермолинскаго „Домниху". Онъ всѣмъ говорилъ, что усталъ, что хочетъ забыть на время всю учебную страду, экзамены, профессоровъ, книги и т. п., но, на самомъ дѣлѣ, уже черезъ недѣлю пишетъ П. Г. Васенкѣ письмо, въ которомъ проситъ его пріобрѣсти и выслать въ Осташево источники и пособія, необходимые для избраннаго имъ сочиненія „Князь Щербатовъ, какъ публицистъ". Вскорѣ Князь Олегъ былъ вызванъ изъ Домнихи Великимъ Княземъ въ Царицынъ, гдѣ онъ присоединился къ остальнымъ членамъ великокняжеской семьи, совершавшей поѣздку по нижнему плесу Волги, отъ Царицына до Нижняго Новгорода. Путешествіе оказалось для Князя Олега менѣе интереснымъ, чѣмъ совершенное въ 1908 году. Къ тому же стояла невыносимая жара отъ 45 до 48°, отъ которой Князь Олегъ всегда очень страдалъ. Поэтому онъ съ большой радостью

[1]) Князь Гавріилъ Константиновичъ, въ это время уже гусарскій офицеръ, тоже держалъ экзамены въ Лицеѣ.

съ 18 іюня водворился въ своемъ любимомъ Осташевѣ, гдѣ и оставался до 1 сентября.

Въ Осташевѣ Князь Олегъ удѣлялъ много времени литературнымъ работамъ, занимался рисованіемъ и музыкой, а досуги посвящалъ прогулкамъ и охотѣ. Между прочимъ, къ этому времени обнаружились его большіе успѣхи въ рисованіи. Вотъ что говоритъ объ его художническихъ опытахъ А. Н. Юдинъ:

„Онъ, какъ истый любитель прекраснаго, не хваталъ лишь верхушки и не чужими трудами пріобрѣталъ знанія и умѣнье, а доходилъ до всего непремѣнно самъ, добиваясь настойчивымъ трудомъ лучшаго результата, иногда передѣлывая работу много разъ.

„Головы, уголки залъ, nature morte были объектами его работъ, но больше всего Олегъ Константиновичъ любилъ пейзажъ: восторгался золотистыми красками осени, зеленовато-фіолетовымъ колоритомъ весны или солнечнымъ свѣтомъ зимнихъ картинъ; любовался съ вышки дворца красивымъ изгибомъ дорожки, рѣки, опушкою лѣса, обрывомъ или же уходящими далями Осташевскихъ предмѣстій“.

Литературная работа Князя Олега въ Осташевѣ была двухъ родовъ—научная и беллетристическая. Съ одной стороны, онъ занимался своимъ лицейскимъ сочиненіемъ о Щербатовѣ, съ другой—набрасывалъ трехъ-актную пьесу подъ названіемъ „Молодое счастье и горе“. Въ первой половинѣ августа онъ вчернѣ уже закончилъ пьесу, но остался ею крайне недоволенъ и познакомилъ съ нею только очень немногихъ.

Конецъ лѣта ознаменовался торжествомъ бракосочетанія Князя Іоанна Константиновича съ дочерью сербскаго Короля Еленой Петровной. Вскорѣ послѣ этого Князь Олегъ снова принялся за учебныя занятія.

Въ этомъ году, какъ и въ предшествовавшемъ, Князь Олегъ по болѣзни не посѣщалъ правильно Лицея, что не мало его раздражало. Впрочемъ, зимою врачи пошли на уступки, и Князю было разрѣшено держать зимнія репетиціи. Такимъ образомъ, связь съ Лицеемъ становилась крѣпче.

Составъ профессоровъ нѣсколько увеличился: чтеніе лекцій по уголовному праву принялъ на себя тогдашній министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ, а по исторіи русскаго права—проф. Ф. В. Тарановскій.

О занятіяхъ Князя Олега въ этомъ году сохранился рядъ воспоминаній профессоровъ. Ф. В. Тарановскій пишетъ:

„Милое, свѣтлое лицо юноши съ огонькомъ дарованія въ большихъ, выразительныхъ глазахъ невольно вызывало къ себѣ расположеніе и симпатію. Совершенное устраненіе внѣшняго этикета, положенное, очевидно, вполнѣ планомѣрно въ основу системы воспитанія и обученія Его Высочества (котораго, кстати сказать, учителямъ предложено было называть по имени и отчеству безъ титула), создавало интимную учебную обстановку, въ которой легко и пріятно было имѣть общеніе съ привѣтливымъ, скромнымъ, внимательнымъ, даровитымъ и усерднымъ ученикомъ.

„Прилежаніе Его Высочества было выше всякой похвалы. Въ соединеніи съ отличными природными способностями оно обезпечивало вполнѣ успѣшное усвоеніе курса науки, который мы проходили. Всякое одобреніе и похвала со стороны учителя, какъ и отличные баллы на экзаменахъ, дѣйствовали на Князя Олега Константиновича самымъ благотворнымъ образомъ: видимо, доставляли ему удовольствіе, но не повергали его въ спокойное самоудовлетвореніе, а напротивъ того, поднимали его энергію и побуждали его къ еще болѣе напряженной работѣ. Такое отношеніе къ внѣшнему признанію успѣха свидѣтельствуетъ, что Князю свойственъ былъ тотъ высшій видъ самолюбія и честолюбія, который является залогомъ неизмѣннаго движенія впередъ и совершенствованія.

„Князь не только учился превосходно, но жаждалъ знанія и испытывалъ влеченіе къ наукѣ. Многопредметность лицейскаго курса и необходимость соразмѣрять требованія программы съ ограниченнымъ временемъ, которое предоставлялось для ея выполненія, не давали возможности углубляться въ отдѣльные научные вопросы. Поневолѣ преобладало догматическое преподаваніе и усвоеніе. Князь Олегъ Константиновичъ часто тяготился этимъ и досадовалъ, что прохожденіе высшаго образованія не даетъ еще самостоятельнаго и критическаго познанія изучаемаго предмета. Въ такихъ случаяхъ Князь неоднократно высказывалъ желаніе продолжать научныя занятія по окончаніи лицейскаго курса и искать ученой степени“.

Общую характеристику ума Князя Олега, его способностей и отношенія къ работѣ даетъ проф. Б. В. Никольскій: „Чувство долга и не заученное, но живое, непосредственное, какъ жизнь и дыханіе, проявлялось въ удивительномъ прилежаніи Князя. Пятнадцать лѣтъ занимаясь профессорскою дѣятельностью въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, я не помню ученика, который могъ бы съ нимъ сравниться по трудолюбію и добросовѣстности. Его умъ былъ въ высшей степени конкретный, наблюдательный; память его удерживала, какъ тисками, все фактическое: имена, даты, названія,—какъ разъ то, что обыкновенно всего труднѣе запоминается; но зато все отвлеченное, всѣ обобщенія, вся діалектика, опредѣленія, умозаключенія давались ему очень медленно и трудно. Ему легче было буквально заучить нѣсколько страницъ Коркунова, чѣмъ составить изъ нихъ краткое извлеченіе. Предоставляю каждому судить, какого труда ему стоило усвоить этотъ превосходный, но труднѣйшій учебникъ,—а, между тѣмъ, онъ выучилъ его образцово и отвѣтилъ на экзаменѣ великолѣпно. Занятія были для него въ полномъ смыслѣ слова подвигомъ, и онъ относился къ нимъ, какъ къ подвигу. Онъ готовился къ экзамену съ такимъ настроеніемъ, точно говѣлъ, а на экзаменъ шелъ, какъ на исповѣдь. Но чѣмъ труднѣе была работа, тѣмъ болѣе радовалъ его успѣхъ, и послѣ каждаго удачнаго экзамена, счастливый побѣжденною трудностью, онъ загорался рѣшеніемъ преодолѣть еще большую. Не кончивъ еще Лицея, Князь уже проникся желаніемъ непремѣнно сдать государственные экзамены, а тамъ получить и ученую сте-

пень, пройдя всѣ ея мытарства, магистерскіе экзамены, защиту диссертаціи... Мнѣ кажется, что это было у него не мимолетною фантазіею, но серьезнымъ рѣшеніемъ, — особенно, что касается государственныхъ экзаменовъ. Онъ даже выбралъ университетъ, гдѣ будетъ ихъ сдавать, отдохнувъ послѣ Лицея, — московскій, старѣйшій и славнѣйшій изъ нашихъ университетовъ. Проникнутый этими прекрасными идеалами, полный силъ и надеждъ, Князь Олегъ Константиновичъ жилъ всецѣло умственной и духовною жизнью“ [1]).

Кромѣ слушанія лекцій, Князь Олегъ отдавалъ каждую свободную минуту своему первому лицейскому сочиненію о Щербатовѣ. Къ октябрю онъ уже успѣлъ ознакомиться со всѣми необходимыми матеріалами, сдѣлалъ необходимыя выписки и приступилъ къ писанію.

Между тѣмъ приближался столѣтній юбилей Лицея. По Высочайшему повелѣнію, празднованіе его было перенесено съ 19 октября 1911 года на начало 1912 года. Князь Олегъ долго ломалъ голову надъ вопросомъ, какой бы юбилейный подарокъ поднести родному заведенію. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ сомнѣній и колебаній онъ рѣшилъ ко дню торжествъ издать факсимиле рукописей Пушкина, хранящихся въ Лицеѣ, причемъ издать съ такою точностью въ передачѣ всѣхъ особенностей оригинала, на какую только способно современное печатное дѣло. При содѣйствіи П. Е. Рейнбота, В. И. Саитова, П. Е. Щеголева, Н. К. Кульмана и представителя фирмы „Голике и Вильборгъ“, Р. Р. Голике,—дѣло вскорѣ наладилось. Князь Олегъ, по обыкновенію, цѣликомъ отдался новому своему плану, и работа закипѣла. Уже 21 ноября Князь Олегъ пишетъ Н. К. Кульману:

„Голике окончитъ работу съ автографами Пушкина въ среду. Онъ очень просилъ меня какъ можно скорѣе свѣрить сдѣланные снимки съ оригиналами. Надѣюсь, что Вы ничего не будете имѣть противъ, если мы съ Вами пропустимъ въ этотъ четвергъ лекціи въ Павловскѣ и вмѣсто того встрѣтимся у Голике, чтобы сдѣлать эту не терпящую отлагательства работу. Я хочу собрать опять ту же комиссію и у Голике въ типографіи приступить къ дѣлу. Матеріалъ надо будетъ такъ или иначе раздѣлить между всѣми ея членами; кромѣ того, каждому изъ насъ надо будетъ провѣрить работу всѣхъ другихъ. Многимъ—труднѣе не досмотрѣть что-нибудь въ этой работѣ, чѣмъ одному. Надѣюсь, что Вы пріѣдете къ Голике къ 9 часамъ утра въ этотъ четвергъ. Вамъ придется пропустить уроки Игоря, но я думаю, что это ничего на одинъ разъ (можетъ быть, Вы ему дадите что-нибудь писать?). Какъ Ваше здоровье? Надѣюсь, что оно не помѣшаетъ Вамъ пріѣхать къ Голике“...

Незадолго до этого Князь Олегъ неожиданно получилъ отъ В. И. Саитова черезъ Н. К. Кульмана драгоцѣнный подарокъ — одинъ изъ автографовъ Пушкина. Ликованіе его было безгранично. Въ телеграммѣ, по-

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ 1914 г., № 11 и отд.

сланной по этому поводу Н. К. Кульману, онъ сообщаетъ, что не можетъ придти въ себя отъ счастія обладать рукописью любимаго поэта, а В. И. Саитову немедленно же пишетъ слѣдующія трогательныя строки: „Не знаю, какъ выразить Вамъ мою радость, восторгъ и самую горячую благодарность за Вашъ неоцѣнимый подарокъ. Онъ удесятеритъ мою любовь къ Пушкину и придастъ мнѣ еще большее рвеніе въ моихъ занятіяхъ литературой. Если позволите, пріѣду къ Вамъ на квартиру“...

Князь Олегъ не собирался остановиться на изданіи только лицейскихъ рукописей: онъ рѣшилъ воспроизвести факсимиле всѣхъ рукописей Пушкина, какъ хранящихся въ общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и имѣющихся у частныхъ лицъ. Но война и смерть остановили эту грандіозную по замыслу работу: вышелъ, какъ извѣстно, только одинъ первый выпускъ. Чтобы представить себѣ цѣнность этого труда Князя Олега, достаточно прочесть статью извѣстнаго пушкиниста П. Е. Щеголева, помѣщенную въ академическомъ изданіи „Пушкинъ и его современники“:

„Яркимъ памятникомъ интересовъ Князя“, пишетъ П. Е. Щеголевъ, „служитъ то немногое, что онъ уже осуществилъ, тотъ трудъ, который остался намъ отъ него и даетъ право съ признательнымъ и скорбнымъ чувствомъ помянуть его имя на страницахъ журнала, посвященнаго спеціальнымъ изученіямъ Пушкина... Изданіе рукописей Пушкина является молитвенной данью культу Пушкина. Своимъ возникновеніемъ и укрѣпленіемъ культъ этотъ обязанъ и личнымъ вкусамъ Князя Олега Константиновича, и традиціямъ его семьи, и той культурной атмосферѣ, среди которой выросталъ молодой Князь. Пребываніе въ Лицеѣ, освященномъ памятью Пушкина, дало новое возбужденіе пушкиніанскимъ стремленіямъ Князя... Князь Олегъ Константиновичъ былъ воодушевленъ желаніемъ работать по изученію Пушкина, и въ 1911 году приступилъ къ претворенію своего желанія въ жизнь... Будь выполненъ до конца этотъ замыселъ, мы имѣли бы монументальное изданіе факсимиле подлинныхъ рукописей поэта. Важное научное значеніе такого „корпуса“ для пушкинскихъ изученій не требуетъ объясненій на этихъ страницахъ. Для пушкиновѣдовъ, не имѣющихъ въ своемъ распоряженіи даже простого описанія всѣхъ рукописей Пушкина, такое изданіе было бы неоцѣненнымъ подспорьемъ, которое мощно помогло бы дѣлу установленія пушкинскаго текста въ окончательной формѣ. Но предпріятія, подобныя задуманному Княземъ Олегомъ Константиновичемъ, помимо ихъ значенія для спеціалистовъ, находятъ высокую оцѣнку и съ точки зрѣнія обще-культурной: они свидѣтельствуютъ о расцвѣтѣ и углубленіи національной культуры. Такое монументальное изданіе можно было бы сопоставить хотя-бы съ изданіемъ факсимиле Шекспировскихъ кварто или съ изданіемъ рукописей Леонардо да Винчи.— По плану, выработанному Княземъ Олегомъ Константиновичемъ при содѣйствіи нѣкоторыхъ спеціалистовъ, изданіе Пушкинскихъ рукописей, носящее общее заглавіе „Рукописи Пушкина“, должно было давать воспроизведенія рукописей по отдѣльнымъ хранилищамъ. Въ первую очередь было постав-

лено изданіе рукописей, собранныхъ въ Пушкинскомъ Музеѣ Императорскаго Александровскаго Лицея. Эти рукописи предполагалось воспроизвести въ трехъ выпускахъ: въ первомъ — стихотворенія, во второмъ — проза, въ третьемъ — письма и документы. Во вторую очередь подлежали воспроизведенію рукописи Румянцовскаго Музея. Вышелъ только первый выпускъ первой очереди — воспроизведеніе рукописей стихотвореній Пушкина изъ Лицейскаго собранія. По этому выпуску можно судить, какимъ изысканно образцовымъ должно было быть изданіе Князя Олега Константиновича. Оно удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ и самымъ тонкимъ вкусамъ.

„На рѣдкость тщательно выполненное изданіе потребовало отъ издателя самаго напряженнаго и пристальнаго вниманія; съ величайшей заботливостью онъ слѣдилъ за неуклонной вѣрностью воспроизведеній подлинникамъ. Казалось бы, цинкографическое воспроизведеніе рукописей не требуетъ особеннаго присмотра въ силу своего автоматизма, но Князь Олегъ Константиновичъ правилъ корректуры оттисковъ съ клише и внесъ не мало поправокъ: оказалось, фотографія не вездѣ принимала точки и черточки пожелтѣвшихъ отъ времени рукописей,—и Князь съ изощреннымъ вниманіемъ отмѣчалъ эти отступленія. Весьма любопытенъ слѣдующій фактъ, рисующій отношеніе Князя къ своему изданію. Воспроизведенія были сдѣланы, отпечатаны; изданіе было готово къ выпуску въ свѣтъ, но не было тотчасъ же выпущено и только спустя нѣсколько мѣсяцевъ увидало свѣтъ. Замедленіе въ выпускѣ произошло отъ того, что уже по отпечатаніи Князь Олегъ Константиновичъ замѣтилъ недочеты и остановилъ распространеніе изданія до перепечатки листовъ съ погрѣшностями“.

Самъ Князь далъ трогательное объясненіе промедленія въ слѣдующихъ словахъ письма къ П. Е. Щеголеву (письмо отъ 8-го марта 1912 года): „Меня очень смутило то обстоятельство, что въ изданіе мое вкрались нѣкоторые недочеты. Ихъ надо было исправить, а времени у меня не было. Въ стихотворенія „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ цифра 30 не сдѣлана красной *). Но это не такъ ужъ важно, хотя и непріятно, такъ какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ цифры изображены красными. Если Вы помните,—мнѣ пришлось провѣрять два листочка изъ „Евгенія Онѣгина“. Края ихъ обрѣзаны, такъ что строфа

„Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ“...

не имѣетъ на оригиналѣ слова Я на второй строчкѣ—осталась одна незамѣтная точка. Въ изданіе она не попала, такъ что можно подумать, что

*) Это — извѣстныя всѣмъ пушкиніанцамъ жандармскія помѣты красными чернилами на рукописяхъ Пушкина.

слова Я не было — а это невѣрно. Боюсь, что въ изданіе помимо этихъ вкрались еще другія ошибки, а это недопустимо — иначе весь смыслъ его пропадетъ. — Я бы очень былъ Вамъ благодаренъ, если бы Вы не отказались пріѣхать въ эту субботу въ Лицей къ девяти часамъ. Тамъ можно будетъ намъ вдвоемъ окончательно свѣрить изданіе съ оригиналами".

„Въ результатѣ новой провѣрки уже отпечатаннаго изданія съ оригиналами", замѣчаетъ П. Е. Щеголевъ, „была перепечатка нѣкоторыхъ листовъ и добросовѣстная отмѣтка въ приложенномъ къ изданію маленькомъ описаніи рукописей всѣхъ тѣхъ особенностей рукописей, которыя, по техническимъ условіямъ, оказались невоспроизводимыми. Изъ словъ Князя Олега Константиновича видно, какія задачи ставилъ онъ себѣ при изданіи рукописей и какъ онъ стремился ихъ выполнить. Нѣтъ сомнѣнія,—онъ былъ бы образцовымъ издателемъ. Но работы его по Пушкину не ограничились бы изданіемъ воспроизведеній. Онъ перешелъ, по окончаніи Лицея, къ изученію Пушкина, работалъ надъ рукописями его въ Румянцовскомъ Музеѣ и замышлялъ уже нѣкоторыя спеціальныя изслѣдованія".

Работа надъ рукописями Пушкина въ связи съ полугодовыми репетиціями въ Лицеѣ сильно переутомила Князя Олега. Отраженіе этой усталости можно найти въ рядѣ его стихотвореній, вчернѣ набросанныхъ въ тетрадяхъ или на лоскуткахъ бумаги: въ нихъ онъ говоритъ о „тяжеломъ и гористомъ" пути, который онъ избралъ, объ усиліяхъ, которыя ему приходится преодолѣвать, о „цѣляхъ чистыхъ", которыя онъ себѣ поставилъ въ жизни и къ которымъ „рвется" его душа.

Но ни утомленіе, ни текущія обязательныя занятія не способны были оторвать Князя Олега отъ осуществленія намѣченныхъ имъ задачъ, и 7 января 1912 года онъ удостоился поднести экземпляръ своихъ „Рукописей Пушкина" Государю Императору.

Вслѣдъ затѣмъ около ста экземпляровъ было разослано Членамъ Императорскаго Дома, сотрудникамъ и знакомымъ, а все остальное изданіе было пожертвовано Княземъ Олегомъ Лицею. Отзывы печати, самые лестные, были наградой Князю Олегу за его усердный, кропотливый и высоко цѣнный въ историко-литературномъ отношеніи трудъ.

Между тѣмъ, въ концѣ декабря 1911 года съ соизволенія Великаго Князя Константина Константиновича было приступлено къ устройству вечеровъ, совершенно не похожихъ на тѣ, которые до сихъ поръ были въ Павловскѣ. По плану воспитателя, Князей надо было понемногу вводить въ политическую жизнь страны, познакомить съ различными ея теченіями, чтобы, вступая впослѣдствіи на поприще служебной, общественной и государственной дѣятельности, Князья не оказались игрушкой случайныхъ воздѣйствій и вліяній. Это особенно было важно для Князя Олега, отличавшагося горячностью, способнаго къ увлеченіямъ той или другой идеей, довѣрчиво относившагося къ людямъ. Предполагалось прочесть и обсудить съ представителями разнообразныхъ направленій нѣсколько докладовъ на

животрепещущія общественно-политическія темы. На первый разъ, по личной просьбѣ Великаго Князя, ген.-лейт. М. М. Бородкинъ прочелъ докладъ на тему „Окраинные вопросы въ Россіи“, вызвавшій оживленный обмѣнъ мнѣній, такъ какъ среди присутствовавшихъ оказались люди различныхъ убѣжденій. Князь Олегъ жадно прислушивался къ преніямъ и, мало еще, конечно, разбираясь въ пестротѣ высказываемыхъ взглядовъ, весь горѣлъ желаніемъ понять происходившее и примкнуть къ какой-нибудь сторонѣ.

Вечеръ имѣлъ очень большой успѣхъ и возбудилъ разговоры на цѣлую недѣлю. Съ нетерпѣніемъ уже ожидали слѣдующаго такого же собранія, но серьезная болѣзнь Великаго Князя, вызвавшая вскорѣ отъѣздъ его въ Египетъ, заставила прекратить такъ удачно начавшееся дѣло. Какъ бы то ни было, и этотъ единственный вечеръ имѣлъ для Князя Олега очень большое значеніе: онъ понялъ, что многіе изъ вопросовъ, которые казались ему такими простыми и ясными, на самомъ дѣлѣ очень сложны и требуютъ для рѣшенія большой вдумчивости и осторожности.

19 февраля Князю Олегу удалось, наконецъ, закончить лицейское сочиненіе о Щербатовѣ, а въ мартѣ онъ начинаетъ уже мечтать о своемъ лѣтнемъ времяпрепровожденіи. Ему кажется вполнѣ своевременнымъ осуществить теперь свое завѣтное желаніе—совершить длинное путешествіе по воднымъ системамъ Россіи, и поэтому онъ вступаетъ въ дѣятельную переписку сперва съ управляющимъ волжскимъ пароходствомъ „Самолетъ“ С. А. Пестриковымъ, а потомъ со строительнымъ агентствомъ К. О. Ревенскаго въ Одессѣ съ цѣлью заказать собственную моторную лодку, которую можно было бы съ удобствомъ устанавливать на колеса при надобности передвиженія по грунтовымъ дорогамъ. Какъ явилась эта мысль у Князя Олега, видно изъ воспоминаній его учителя географіи А. А. Ешевскаго. Главнымъ побужденіемъ въ данномъ случаѣ было всегдашнее стремленіе Князя Олега поближе узнать свое отечество, ознакомиться возможно шире и непосреднѣе съ народомъ. А. А. Ешевскій видитъ въ этомъ стремленіи зародыши государственнаго ума: „Я называю“, говоритъ онъ, „задатки его ума государственными по слѣдующимъ основаніямъ. Когда намъ приходилось бесѣдовать о болѣе или менѣе удаленныхъ отъ центровъ уголкахъ Россіи, естественно возникалъ вопросъ и объ условіяхъ культурнаго тамъ существованія, т. е. путяхъ сообщенія, средствахъ сношеній (почтѣ и телеграфѣ), медицинской помощи и школьной сѣти. Олегъ Константиновичъ относился къ этимъ вопросамъ съ исключительнымъ вниманіемъ и неоднократно спрашивалъ о причинахъ неблагоустройства этихъ важныхъ сторонъ государственной и общественной жизни. Когда я указывалъ ему на связь плотности населенія съ культурнымъ благоустройствомъ и на затруднительность по экономическимъ причинамъ повсемѣстнаго благоустройства при безмѣрныхъ пространствахъ Россіи и разбросанности ея населенія, Олегъ Константиновичъ не вполнѣ удовлетворился этимъ объясненіемъ и желалъ знать, поскольку эти явленія, кромѣ экономическихъ законовъ, зависятъ и отъ

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1912 г.

дѣятельности людей. Я разсказывалъ ему о роли земства въ благоустройствѣ мѣстной жизни и выяснялъ заслуги земства въ области народнаго просвѣщенія, народнаго здравія и въ хозяйственной области въ тѣсномъ смыслѣ. Эти проявленія общественной самодѣятельности интересовали Князя Олега Константиновича самымъ очевиднымъ образомъ, и онъ постоянно повторялъ: „Это очень интересно! Мы съ Вами, Александръ Аполлоновичъ, послѣ будемъ путешествовать вмѣстѣ: я хочу посмотрѣть то, что видѣли вы“ [1]). Разсматривая на картѣ сѣть притоковъ Волги и сибирскихъ рѣкъ, онъ предполагалъ устроить большую моторную лодку и предпринять на ней со мною большое путешествіе съ тѣмъ, чтобы на лодкѣ жить и этимъ поставить себя въ наиболѣе выгодныя условія для изученія сначала Поволжья, а затѣмъ и Сибири“.

Отъ К. О. Ревенскаго была уже получена подробная смѣта на постройку лодки, и было прислано ея описаніе, но мечтѣ Князя Олега на этотъ разъ не суждено было осуществиться: по многимъ соображеніямъ, преимущественно семейнаго характера, признано было цѣлесообразнымъ путешествіе Князя съ Ю. Ю. Бальи-Контомъ во Францію, гдѣ онъ могъ бы имѣть необходимую практику въ языкѣ, а кстати и ознакомиться съ историческими памятниками. Въ виду этого 26 мая, послѣ лицейскаго акта, Князь Олегъ выѣхалъ за границу. Согласно выработанному маршруту, путешественники направились прежде всего прямо въ Парижъ.

Князь Олегъ впервые въ сознательномъ возрастѣ покидалъ Россію, а потому понятно, что душой его владѣли разнорѣчивыя чувства: онъ со свойственной юности любовью къ новизнѣ горѣлъ желаніемъ видѣть иную жизнь и иныхъ людей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытывалъ невольную тоску при мысли о разлукѣ съ родиной.

„Переѣзжая границу, я волновался“, записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ.

Германія, черезъ которую лежалъ путь, сразу же произвела на него непріятное впечатлѣніе:

„Германія“, пишетъ онъ дальше въ дневникѣ,—„дурацкая страна“. Конечно, прежде всего ему бросаются въ глаза внѣшнія черты: Князя поражаетъ отсутствіе вкуса у нѣмцевъ: „Ноль эстетики“, характеризуетъ онъ эту нѣмецкую черту выраженіемъ ученическаго жаргона. Подмѣтилъ онъ и другую черту нѣмцевъ, которая также его оттолкнула и дала поводъ назвать ихъ „противными... нѣмецкими солдатами“.

Наконецъ, „проѣхавъ гористую и населенную Бельгію, попали во Францію“. Франція сразу очаровала Князя Олега: „Франція — прелестная страна“, записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ.

Въ Парижъ пріѣхали 28 мая. Городъ казался Олегу Константиновичу совершенно незнакомымъ, хотя онъ бывалъ въ немъ еще ребенкомъ:

---

[1]) А. А. Ешевскій—большой знатокъ Россіи и особенно нашего далекаго Сѣвера и всей Сибири.

„Послѣдній разъ, пишетъ онъ въ томъ же дневникѣ, я былъ въ Парижѣ въ 1899 г. Мнѣ было 7 лѣтъ. Я помню только гробницу Наполеона (и то очень смутно), магазины Лувра и свой испугъ, когда пятилѣтній Игорь перешелъ одинъ загроможденную экипажами улицу... Понятно, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ прихода нашего поѣзда... Меня сразу же поразила сутолока на улицахъ..: велосипеды, моторы, коляски, пѣшеходы.., свистки полицейскихъ, крики и рѣзкіе щелчки бичей“...

Тутъ же онъ отмѣчаетъ и „замѣчательную черту французовъ — ихъ привѣтливость: они радушны, веселы, не то что... нѣмцы“, а также отмѣчаетъ и „массу вкуса“, разлитого повсюду.

Парижъ, повидимому, совершенно захватилъ и увлекъ Князя Олега, который съ свойственными его натурѣ непосредственностью и живостью жадно отдавался самымъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ: художественныя произведенія, готическіе храмы, театръ, антиквары, магазины, сами французы съ ихъ бытовыми и психологическими особенностями — все это вызывало въ немъ живой интересъ и часто почти по-дѣтски восхищало его.

Въ письмахъ къ Августѣйшимъ родителямъ отражаются тѣ чувства и мысли, которыя переживалъ въ это время Князь:

„Вотъ уже недѣля“, пишетъ онъ Великой Княгинѣ, „какъ мы летаемъ по разнымъ музеямъ. Въ первый день, 29 мая, мы были въ нѣкоторыхъ магазинахъ, чтобы сдѣлать необходимые заказы и покупки. Послѣ завтрака поѣхали въ Jardin d'Acclimatation (мнѣ отчего-то страшно захотѣлось посмотрѣть звѣрей; Счетчикъ [1]) предупреждалъ, что тамъ нѣтъ ничего особеннаго); этотъ садъ — такъ себѣ. Бѣдные львы въ маленькихъ клѣтушкахъ, гдѣ воняетъ, звѣрей не такъ ужъ много; но зато тамъ мы видѣли удивительную картину: это клѣтка съ павлинами. Въ одной клѣткѣ штукъ 15 павлиновъ, если не больше. Они по очереди соскакивали съ жердей, на которыхъ сидѣли, и распускали хвосты. Великолѣпенъ былъ бѣлый павлинъ, который думалъ-думалъ и вдругъ распустилъ свой бѣлоснѣжный, тонкій, какъ кружево, хвостъ!...

„Вечеромъ были въ Théatre des Variétés. Играли „Orphée aux Enfers“, оперетку, которая было очень въ модѣ при Наполеонѣ III... Музыка Оффенбаха. Играли идеально. Мы орали — Счетчикъ меня даже усмирялъ. Было очень весело, красиво, смѣшно.

„На слѣдующій день, 30-го мая, утромъ... я зашелъ къ антиквару. Мнѣ очень было любопытно посмотрѣть, что за вещи встрѣчаются у антикваровъ въ Парижѣ, такъ какъ въ Петербургѣ у нѣкоторыхъ я бывалъ. Маленькій французикъ на rue de St.-Pères, повелъ меня по цѣлому лабиринту комнатъ. Я ему сказалъ, что интересуюсь мебелью Empire. Комнаты были завалены съ верху до низу прекрасной мебелью; свѣтъ въ этихъ коморкахъ подслѣповатый, пахнетъ какъ-то особенно, не то сыростью, не то стариной.

[1]) Ю. Ю. Бальи-Контъ.

„Я былъ вдвоемъ съ какимъ-то незнакомымъ старьевщикомъ между столами, стульями, шкапами съ бронзой и безъ бронзы, съ рѣзьбой и безъ рѣзьбы, въ незнакомыхъ мнѣ комнатахъ...

„Онъ мнѣ показалъ вещи дѣйствительно очень красивыя, и я успѣлъ на нихъ взглянуть — нѣсколько прекрасныхъ письменныхъ столовъ, одна очень хорошенькая рѣзная библіотека, кушетка съ лебедиными головами...

„Самое интересное было послѣ завтрака, когда Счетчикъ повелъ меня въ Сорбонну. На улицѣ мы встрѣтили одного друга Счетчика, съ которымъ Игорь и я познакомились еще въ Павловскѣ. Это M-r Cornu, очень славный, умный и талантливый французъ. Онъ намъ сказалъ, что въ Сорбоннѣ какъ разъ въ это время нѣкій M-r Hautecoeur защищаетъ двѣ диссертаціи, и одна изъ нихъ написана на тему о русскомъ искусствѣ XVIII вѣка. Мы вошли въ залу, гдѣ царила тишина и былъ слышенъ только голосъ знаменитаго M-r Pfister, который спорилъ съ M-r Hautecoeur. Всѣ профессора сидѣли за однимъ столомъ, тогда какъ защищающій диссертацію сидѣлъ за другимъ, маленькимъ столикомъ передъ ними, какъ ученикъ. Послѣдній очень ловко отбивалъ всѣ выпады, иногда довольно суровые.

„Онъ ссылался на Царскосельскій дворецъ, иногда даже на Мраморный, что заставило меня подпрыгнуть на стулѣ... Во дворѣ Сорбонны я познакомился съ M-r Boyer, извѣстнымъ знатокомъ русской грамматики...

„Я такъ много видѣлъ, что не знаю даже, что разсказывать, такъ какъ это выходитъ длинно. Мнѣ показывали, напримѣръ, Сорбоннскую библіотеку и мои излюбленныя первыя изданія въ изумительныхъ переплетахъ...

„Мы слазали на идіотскую Эйфелеву башню, съ которой видъ очень красивъ, но на которую подниматься очень непріятно. Были въ Les Invalides“...

Побывалъ Князь Олегъ и въ Palais de Justice на разборѣ одного дѣла, которое онъ съ юморомъ описываетъ въ письмѣ къ Великому Князю:

„Мы вошли въ старинную залу, гдѣ въ глубинѣ за столомъ сидѣло нѣсколько судей въ черныхъ мантіяхъ, а въ серединѣ, на возвышеніи, говорилъ адвокатъ и очень медленно и плавно что-то доказывалъ. Дѣло состояло въ томъ, что умерла дама, которая завѣщала большую сумму какому-то епископу или аббату. У этой умершей госпожи есть племянница, которая оспариваетъ наслѣдство. Первый адвокатъ говорилъ очень долго въ пользу племянницы. Рѣчь его была довольно зла: онъ ставилъ вопросъ, имѣетъ ли право это духовное лицо распоряжаться завѣщанной суммой, какъ оно хочетъ, напримѣръ, можетъ ли онъ купить автомобиль? Само же духовное лицо съ сѣдой бритой головой и подслѣповатыми глазами сидѣло въ числѣ слушателей и ничего, какъ будто, не понимало.

„Интересно было смотрѣть на второго адвоката, который, сидя поодаль, дѣлалъ въ это время ироническія движенія головой. Наконецъ, онъ всталъ и, разводя длинными руками, заговорилъ отрывисто и убѣдительно. Онъ утверждалъ, что духовное лицо не можетъ быть заподозрѣно въ некрасивыхъ поступкахъ, что оно, какъ никто другой, можетъ хорошо исполнить

волю умершей и даже, можетъ быть,—купить себѣ автомобиль. Было очень интересно ихъ слушать".

Но особенно сильныя впечатлѣнія вызываютъ художественныя произведенія, которымъ посвящены многія строки писемъ Князя Олега; тутъ проявляется и непосредственное проникновеніе памятниками искусства и подчасъ — тонкое ихъ пониманіе. Говоря, напримѣръ, о фрескѣ Puvis de Chavanne'a „La forêt sacrée", онъ пишетъ:

„Меня поражаетъ голубовато-лиловый тонъ всѣхъ его фресокъ, которыя я видѣлъ еще въ Пантеонѣ. Этотъ тонъ даетъ глубину, воздухъ и таинственный туманъ. Можно долго-долго смотрѣть и наслаждаться, уходя въ глубь такъ чудесно нарисованныхъ лѣсовъ. Эта живопись нѣсколько декадентская (Папа на меня за это навѣрно разсердится, но все же пойметъ, что я хочу сказать), а тѣмъ не менѣе искусство художника изумительно!"

Его восхищаетъ красота и изящество Sainte Chapelle. „Трудно себѣ представить", пишетъ онъ Великому Князю, „что такой прекрасный храмъ былъ построенъ въ XII—XIII вѣкахъ! Эти разноцвѣтныя стекла—чудо!" Но еще большее, „подавляющее" впечатлѣніе, какъ выражается Князь Олегъ, произвела на него Notre Dame:

„Темно. Слышны тихіе шаги", записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ. „Молящіеся на колѣняхъ передъ статуей Богоматери. Громадныя цвѣтныя окна бросаютъ таинственный розовато-лиловый свѣтъ на старинныя плиты. Въ глубинѣ храма въ правомъ углу великолѣпная мраморная группа, кажется, Воскрешеніе Лазаря, которая произвела на меня колоссальное впечатлѣніе, когда я былъ маленькимъ. Я ее боюсь еще теперь. Могилы archevêques de Paris и ихъ гербы—все это производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Снаружи также прекрасно. Недоконченныя готическія башни имѣютъ свою необъяснимую прелесть. Отчего-то этотъ соборъ производитъ такое впечатлѣніе: входишь въ него веселымъ, а выходишь печальнымъ".

Несмотря на множество разнородныхъ вещей, которыя Князь Олегъ видѣлъ, онъ успѣваетъ отмѣтить и „великолѣпную коллекцію эмалей" въ Musée de Cluny, и римскія и средневѣковыя древности.

Но эти серьезныя и глубокія впечатлѣнія не мѣшаютъ ему, какъ непосредственной и юной натурѣ, отдаваться такъ же полно и легко чисто дѣтскому веселью и съ увлеченіемъ продѣлывать при случаѣ ребяческія шалости.

Описывая Musée Grévin съ его восковыми фигурами, онъ разсказываетъ, какъ принялъ одного господина, читающаго газету въ темномъ углу, за статую и принялся его разглядывать. „Каково же было наше удивленіе", пишетъ онъ, „когда онъ повернулъ голову, изумленный, что мы его ощупываемъ. Мнѣ еще и теперь смѣшно! Этимъ не кончилось: мы рѣшили сдѣлать то же самое. Долго старались мы стоять неподвижно, но каждый разъ начинали смѣяться. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, M-r Cornu и я остановились въ темномъ углу и приняли задумчивую позу. Двѣ мо-

лодыя дѣвушки подошли къ намъ и шопотомъ удивлялись тому, какъ мы хорошо сдѣланы. Одна изъ нихъ сказала, по словамъ M-r Cornu, что я представляю Sarah Bernhardt въ роли орленка. Я не выдержалъ и расхохотался, къ удивленію зрительницъ".

Безпредѣльной жизнерадостностью, полнотой бьющей ключомъ молодой энергіи вѣетъ отъ этихъ юношескихъ писемъ.

„Я нисколько не усталъ", пишетъ онъ Великому Князю, перечисляя при этомъ безконечный рядъ музеевъ, церквей, разныхъ другихъ вещей, которыя онъ успѣлъ осмотрѣть. Міръ представляется ему въ розовомъ свѣтѣ: все видѣнное, по его словамъ,—прекрасно и вызываетъ его искренній восторгъ. Попадаетъ-ли онъ въ оперу, ему кажется, что идетъ она „идеально, постановка восхитительна!" Въ Théatre français также „играли превосходно. Роль Гренгуара исполнялъ извѣстный M. Berr. Онъ игралъ лучше всѣхъ артистовъ, которыхъ я видѣлъ до сихъ поръ"... „Смотрю на все съ большимъ удовольствіемъ. Французы такіе милые, что прямо прелесть!"

Даже ѣда и та кажется ему необыкновенно вкусной: „Ѣдимъ *страшно* вкусно!" отмѣчаетъ Князь, всегда совершенно равнодушный къ гастрономіи. Вообще „здѣсь чудесно!", съ одушевленіемъ повторяетъ онъ на разные лады.

8-го іюня Князь Олегъ со своими спутниками покинули такъ очаровавшій его Парижъ. Сначала направились въ Руанъ. Увлеченіе столицей Франціи не помѣшало ему почувствовать и оцѣнить своеобразную красоту провинціальнаго города, полнаго историческихъ воспоминаній:

„Это—красивый старинный городъ", пишетъ онъ Великому Князю. „Удивительный готическій соборъ и Palais de Justice! Улицы очень узенькія и вонючія. Въ двухъ мѣстахъ на аркахъ, перекинутыхъ надъ маленькими улицами, вдѣланы большіе старинные часы".

Отсюда поѣхали въ Havre, затѣмъ въ Trouville, Caen, Avranche и Mont St. Michel. Эта часть путешествія дала уже иныя впечатлѣнія: на первый планъ выдвинулась красота природы, любовь къ которой, какъ мы видѣли, пробудилась въ Князѣ еще съ ранняго возраста.

Письма его полны теперь описаніями „прелестной извилистой дороги", которая „то идетъ вдоль берега моря, то пропадаетъ въ зелени, гдѣ направо и налѣво стоятъ миленькіе домики, бѣлые съ красными крышами и зелеными жалюзи", или разсказами о „прекрасной зеленой Нормандіи", объ „удивительнѣйшемъ мѣстѣ"—Mont St. Michel. Эта „громадная скала", возвышающаяся среди моря, „вся окруженная старыми стѣнами", съ „готическимъ храмомъ на вершинѣ", „съ улицами, состоящими изъ ступеней, которыя высѣчены въ скалѣ",—произвела на Князя Олега чарующее впечатлѣніе. Чуткій къ красотѣ и въ искусствѣ и въ природѣ, онъ, повидимому, страстно желалъ воплотить въ художественной, поэтической формѣ глубоко поразившую его картину:

„Старыя башни съ бойницами", пишетъ онъ Великому Князю, „старые переходы и, наконецъ, входъ въ самую крѣпость, подземелья, залы, колон-

нады, выточенныя изъ цѣлаго камня—красота! Я долго мучился, чтобы написать на видѣнное стихи:

„Въ волнахъ бретонскихъ, дикихъ и мятежныхъ,
Средь гребней гордыхъ, бѣлоснѣжныхъ,
Гнѣздо старинное чернѣется вдали
Монаховъ-рыцарей, защитниковъ земли".

Князь Олегъ разсказываетъ, какъ теперь все здѣсь погружено въ ничѣмъ не нарушаемый, мертвый покой:

„Молчитъ соборъ съ готической стрѣлою
И древній входъ съ суровою стѣною".

Но въ воображеніи встаютъ иныя картины, вспоминаются давно минувшіе дни, герои-рыцари, всегда готовые къ горячему бою:

„Мнѣ снится храмъ, роскошное служенье,
Я слышу звонъ, торжественное пѣнье
И мощный звукъ печальнаго органа",

такъ заканчиваетъ это стихотвореніе авторъ.

Несмотря на несовершенство формы, которой Олегъ Константиновичъ не владѣлъ, въ этомъ стихотвореніи чувствуется то поэтическое настроеніе, которое, несомнѣнно, часто охватывало впечатлительную душу молодого Князя при видѣ красотъ природы, но которое ему рѣдко удавалось выразить въ удовлетворявшихъ его поэтическихъ образахъ. И теперь онъ проситъ своего Августѣйшаго отца „побранить его за недостатки стиховъ".

Изъ этого „чудеснаго уголка" Князь Олегъ отправился въ St. Malo. Описывая въ письмѣ къ Великой Княгинѣ этотъ городъ, онъ пишетъ: „Вечеромъ, во время отлива, мы прошли на островъ, на которомъ похороненъ Chateaubriand. На скалѣ, нѣсколько выдвинутой въ море, видна его могила—каменная плита и каменный крестъ; вокругъ—желѣзная рѣшетка. Просто и величественно! Онъ самъ пожелалъ, чтобы его тамъ похоронили. А передъ скалой—далекое грозное море, куда обращена лицомъ могила. Весь характеръ Chateaubriand сказывается въ его могилѣ!"

Слѣдуетъ отмѣтить любопытную психологическую черту въ Князѣ Олегѣ: несмотря на всю его любовь къ природѣ, океанъ его не привлекалъ. Увидѣвъ океанъ впервые въ Гаврѣ, онъ пишетъ Великому Князю:

„Я долженъ сознаться, что во все это время (прогулки по берегу моря) у меня было какое-то странное, ничѣмъ необъяснимое, непріятное чувство—какъ будто я боюсь моря".

Изъ St. Malo путешественники отправились въ Туръ, а оттуда сдѣлали 200 километровъ на автомобилѣ. „Мѣстность чудесная", пишетъ Князь Олегъ Великой Княгинѣ. „Дорога вьется вдоль Луары, направо и налѣво

зелень, небо ясно, погода великолѣпная. Встрѣчаются свѣтлыя деревушки, виднѣются маленькіе замки". Поѣздка эта была посвящена осмотру замковъ, и Князь Олегъ съ неослабнымъ увлеченіемъ описываетъ ихъ красоту, сообщаетъ о связанныхъ съ ними историческихъ воспоминаніяхъ, отмѣчаетъ особенности стилей построекъ и обстановки, а также попадающіеся тутъ рисунки и гобелены.

Настроеніе его продолжаетъ оставаться самымъ лучезарнымъ. „Я никогда еще такъ хорошо себя не чувствовалъ", пишетъ онъ Августѣйшей матери. „Красота поразительная"... „Удивительно уютно и красиво"... „Мѣстность — прелесть" — подобными выраженіями пестрятъ его письма. Своими восторгами онъ стремится немедленно подѣлиться съ родителями и, несмотря на утомленіе отъ путешествія, подробно описываетъ имъ все, что привлекло его наибольшее вниманіе; въ дневникѣ же успѣваетъ сдѣлать только краткія записи.

Посѣтивъ Бордо, St. Sebastien и Лурдъ, путешественники въ Біаррицѣ съѣхались съ Н. Н. Ермолинскимъ, который долженъ былъ смѣнить Ю. Ю. Бальи-Конта и сопровождать Князя Олега обратно въ Россію.

Однако, близость Испаніи и мысль о важности новыхъ впечатлѣній заставили продлить путешествіе: 27 іюня Князь Олегъ съ Н. Н. Ермолинскимъ выѣхали изъ Біаррица въ Португалію и Испанію. Переѣхавъ Пиренеи, гдѣ была устроена небольшая остановка, посѣтили Лиссабонъ, Севилью, Гренаду, Мадридъ и Барселону.

Опять новыя переживанія, особенно отъ произведеній искусствъ, доставили Князю Олегу „громадное наслажденіе". Наибольшее восхищеніе его вызвали картины Мурильо и знаменитая Альгамбра:

„Передъ этимъ памятникомъ мавританскаго искусства, по-моему, меркнетъ все, что я до сихъ поръ видѣлъ! Эти колонны, арки, испещренныя мавританскими орнаментами, это—такая сумасшедшая красота, что невольно боишься что-либо не досмотрѣть", пишетъ Князь Олегъ Великому Князю.

Но несмотря на всѣ эти радостныя впечатлѣнія, несмотря на новыя встрѣчи и естественное любопытство къ жизни и типамъ незнакомаго народа, въ письмахъ Князя Олега появляется новая нотка. Еще въ концѣ іюня, получивъ письмо отъ Великаго Князя, онъ горячо благодаритъ за него и пишетъ, что оно его „очень-очень обрадовало". „Ты", добавляетъ онъ, „вѣроятно, хорошо знаешь это радостное чувство, которое испытываешь каждый разъ, получая письма съ родины".

Въ началѣ іюля мысль о Россіи, о родныхъ поляхъ все чаще навѣщаетъ его. И вотъ, любуясь Барселоной, онъ уже рвется домой:

„Завтра оставляемъ Испанію и ѣдемъ въ Туръ. Пора! У меня тоска по родинѣ и Осташевѣ увеличивается съ каждымъ днемъ„, пишетъ онъ своему отцу.

Путешественники больше нигдѣ не задерживались: черезъ Парижъ они отправились прямо въ Россію, и 14 іюля Князь Олегъ уже ѣхалъ на тройкѣ въ Осташево.

Проѣзжая черезъ Эйдкуненъ, Князь Олегъ какъ-то особенно живо почувствовалъ разницу между нѣмецкой и русской культурой, и ему пришла въ голову мысль написать рядъ разсказовъ изъ русской жизни, въ которыхъ обнаружились бы бытовыя и расовыя особенности русскаго человѣка. Въ видѣ предисловія къ будущему произведенію онъ набросалъ въ дневникѣ отрывокъ, приведенный въ началѣ этой книги. Вскорѣ онъ дѣйствительно написалъ дошедшій до насъ въ необработанномъ видѣ разсказъ „Отецъ Иванъ“, а въ 1914 году, очевидно, въ связи съ тѣмъ же общимъ планомъ и другой разсказъ подъ заглавіемъ „Ковылинъ“.

Въ теченіе этого путешествія Князь Олегъ поражалъ своихъ спутниковъ той безконечной „радостью бытія“, которой, казалось, онъ былъ охваченъ весь цѣликомъ; поражалъ онъ и разными сторонами своей тонкой, художественной натуры, которыя проявлялись тутъ гораздо ярче, чѣмъ въ обычныхъ рамкахъ повседневной жизни, съ ея массой занятій, строго распредѣленныхъ по часамъ и минутамъ.

Нѣсколько любопытныхъ строкъ, обрисовывающихъ Князя въ этомъ отношеніи, находится въ воспоминаніяхъ Ю. Ю. Бальи-Конта:

„Il avait en effet à un haut degré ce sentiment des nuances, qui permet d'acquérir la seule vraie culture et il avait aussi ce sentiment profond de l'art, de tous les arts. Il visitait un jour un de ces musées de petite ville française aux murs des-quels ne sont guère suspendues que les toiles de quelques célébrités locales et il allait très vite, à grands pas, à travers les grandes salles sonores et vides. Brusquement, il s'arrête, il est immobile, bouche bée, devant un tableau qu'aucun signe extérieur ne marquait à l'attention des connaisseurs: c'était une vièrge du Pérugin qui se trouvait là Dieu sait comment. Il en fut toujours ainsi: à Paris, à Blois, à Chenonceaux, au Mont S-t Michel, partout où son sentiment de la Beauté avait l'occasion de se manifester. Il abhorrait la Tour Eiffel, et, bien entendu, il adorait la Nature. L'Océan seul le trouva rebelle à sa beauté. Cette mer lugubre et hostile, toujours grondante, grise, sinistre, il la fuyait. Mais les Pyrénées lui plurent: il apprecia le pittoresque du Cirque de Gavarnie, il admira l'eau vert du lac de Gaube dans laquelle se regarde avec une si divine sérénité la tête chauve des monts; il fut conquis par l'énorme Vignemale, couvert de neige, qu'il mit toute une grande journée à gravir allégrement; il aimait mieux les paysages un peu voilés d'une douceur un peu pâle, verdoyants et dormants de la Touraîne, ses châteaux ou ses jolis villages si harmonieusement nichés sur les coteaux ou posés dans les plaines. C'est qu'ils lui faisaient davantage songer au pays russe, aux grands horizons largement baignés de lumière, aux forêts de bouleaux et de sapins de son cher Ostachevo. A toutes les splendeurs de la montagne et la mer il a toujours préféré sa paisible et gracieuse vallée de la Rouza. Il en parlait sans cesse, il y pensait toujours“.

Какое громадное значеніе имѣла эта заграничная поѣздка для Князя Олега, какъ она повліяла на его духовную жизнь, сколько подняла кипучей

энергіи въ его душѣ, сколько, косвенно, создала плановъ,—все это хорошо передаетъ его письмо къ Августѣйшей сестрѣ, написанное по возвращеніи въ Россію (31-го іюля):

„Сейчасъ уѣзжаетъ отсюда Мама, и я прошу ее передать Тебѣ это письмо и мой подарокъ, который я привезъ Тебѣ изъ Испаніи. Онъ не очень красивъ, но зато купленъ въ Мадридѣ и чистокровно-испанскій.

„Мое путешествіе было прелестно. Я видѣлъ много разнообразнаго и интереснаго, начиная отъ домика простого француза-шоффера, у котораго мы пили вино его собственнаго виноградника, и кончая самыми поразительными памятниками мавританскаго искусства. Все было любопытно и очень поучительно. Я былъ въ Парижѣ, Rouen, въ Гаврѣ, Caen, Mont S-t Michel, Tours, въ высокихъ Пиринеяхъ, гдѣ лазалъ цѣлый день съ ружьемъ по ледникамъ за дикими козами, въ Лиссабонѣ, Севильѣ, Гренадѣ, Мадридѣ, Барселонѣ, Тулузѣ и опять въ Парижѣ. Мое настроеніе чудесно! Въ головѣ рождаются планы за планами. Этой зимой заводится хозяйство въ Колышкинѣ, весной строится домъ, разбивается садъ, и зацвѣтетъ старое гнѣздо. Игорь беретъ Бражниково, и онъ съ одной стороны, я съ другой обхватимъ нашими имѣньями милое Осташево. Туда съ будущей весны проводится шоссе. Я поступаю въ полкъ. Эта зима—послѣдній годъ въ Лицеѣ, первый классъ, опять сочиненія, рефераты и т. д. Къ Рождеству думаю дать второй выпускъ моего изданія, куда войдетъ вся проза Пушкина, находящаяся въ Лицеѣ. Видишь, какъ много плановъ! Самое трудное—ихъ хорошо выполнить, на что я надѣюсь съ Божьею помощью. Я много пишу для себя. Работы въ усадьбѣ и въ поляхъ много. Игорь носится повсюду, а я стараюсь за нимъ угоняться. Надняхъ мы работали на жаткахъ. Кромѣ того, я много хожу на охоту, пишу письма въ разныя стороны... Однимъ словомъ, мы живемъ, а дни текутъ“.

Обиліе плановъ, о которыхъ Князь Олегъ говоритъ въ концѣ этого письма, естественное для его предпріимчивой природы, иногда заставляло его задуматься надъ возможностью ихъ выполненія. Порою онъ даже иронизировалъ надъ собой, замѣчая, что онъ одновременно готовъ стремиться къ такому количеству цѣлей, которое должно оказаться ему не подъ силу. Среди литературныхъ опытовъ Князя Олега есть одинъ, довольно значительный по объему, подъ названіемъ „Сцены изъ моей жизни“ [1]). Это произведеніе—автобіографическое: въ немъ Князь Олегъ изобразилъ не только себя, но и нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ его въ дѣтскіе и юношескіе годы. Вотъ въ этомъ-то произведеніи онъ, между прочимъ, и смѣется надъ своею способностью увлекаться разными планами. Одна сцена особенно живо набросана:

„Я сижу съ другомъ въ своемъ кабинетѣ.

— „Знаешь, говорю я, въ моей головѣ созрѣло рѣшеніе обязательно, во что бы то ни стало, съ этой осени заняться музыкой“.

[1]) „Сцены изъ моей жизни“ написаны Княземъ Олегомъ въ концѣ 1913 и въ началѣ 1914 г.

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1913 г.

— Съ мѣста?

— „Да, съ мѣста, безъ всякихъ разговоровъ. Я буду учиться до тѣхъ поръ, пока не научусь играть на роялѣ въ совершенствѣ. Тогда я заведу собственный оркестръ и буду давать концерты. Вѣдь фортепіано съ оркестромъ очень красиво!“

— Вотъ уже первая картина!

— „Да, конечно, потому что я не понимаю удовольствія имѣть оркестръ и не принимать въ немъ участія. Потомъ надо еще издать всего Пушкина“...

— Вторая картина!

— „Потомъ написать біографію Анпапа, окончить пьесу, переправить лицейскія сочиненія“...

— Картины, картины, картины...

— „А вѣдь сознайся, что мое послѣднее сочиненіе было хорошо написано. Все было изложено въ системѣ!“

— Уже похвастался.

— „Да, это правда, но всетаки скажи, что оно было хорошо написано и что вообще я могу писать!“

— Писать-то ты можешь, объ этомъ я не говорю, а вотъ горимъ-то мы ужъ слишкомъ много.

— „А знаешь-ли, мнѣ всегда хотѣлось быть писателемъ, и я чувствую, что у меня для этого есть силы. Быть писателемъ—это моя самая большая мечта, и я увѣренъ, убѣжденъ, что никогда не потеряю желанія писать. Если это желаніе временно и пройдетъ, то все же послѣ опять воротится, навѣрно воротится“.

— Не говори „навѣрно“. Помни бабушку изъ „Обрыва“.

— „А знаешь что? Давай на будущій годъ разбирать Павловскую библіотеку и составлять новый каталогъ. Вѣдь тамъ есть интересныя книги... Да, совсѣмъ забылъ... Знаешь что?“

— Нѣтъ, не знаю.

— „Я объ этомъ никому не говорю, потому что боюсь, что кто-нибудь перехватитъ... Дай папиросу!“

Я откидываюсь на креслѣ и кладу ноги на столъ.

— „Мнѣ хочется пригласить къ себѣ Прокудина-Горскаго и предложить ему снять въ цвѣтной фотографіи весь Павловскъ по моимъ указаніямъ. Вышло бы великолѣпное изданіе!“

— Кто же бы сталъ его покупать?

— „Всѣ, кто интересуются“.

— А такихъ много?

— „Не знаю, сколько, но теперь хорошія изданія въ большой модѣ“.

Нѣкоторое молчаніе. Потомъ я опять начинаю:

— „Понимаешь, мнѣ ужасно хочется работать и видѣть, какъ дѣло спорится. Какой бы тебѣ дать примѣръ? А вотъ! Помнишь, когда весною Нева должна была тронуться, и около нашего берега образовалась полынья?..

Мнѣ ужасно тогда хотѣлось взять ледоколъ и рубить бѣлую массу до тѣхъ поръ, пока все пространство передъ дворцомъ не очистится ото льда".

— Хорошій примѣръ!

— „Такъ вотъ и тутъ то же самое. Мнѣ хочется видѣть результатъ моей работы... Дѣло мнѣ нравится до тѣхъ поръ, пока я его дѣлаю. Когда оно кончено, я про него забываю, оно мнѣ не нужно, я бросаюсь на новое".

Въ это время друга неожиданно вызываютъ.

— „Ну вотъ! только что разговорились и въ самый интересный моментъ... Приходи, пожалуйста, поскорѣе".

Я остаюсь одинъ, закуриваю новую папиросу, ложусь на диванъ.

— „А, въ сущности говоря, правда, что у меня слишкомъ много плановъ въ головѣ... Вдругъ какъ изъ меня ничего не выйдетъ? Что сталъ бы я дѣлать, если бы другъ мой вдругъ умеръ?"

„Мнѣ рисуются картины, какъ я становлюсь все болѣе пошлымъ, запутываюсь въ легкихъ и нездоровыхъ удовольствіяхъ.—Мнѣ становится страшно! Какой-то внутренній голосъ подсказываетъ, что, если бы я даже и запутался, то разгульная жизнь скоро бы надоѣла. Кромѣ того, я чувствую инстинктомъ, по какой дорогѣ мнѣ нужно идти... Мнѣ становится грустно. Тогда я измѣняю картину и стараюсь представить себѣ, что случилось бы съ окружающими, если бы я теперь умеръ.

„Что сталъ бы дѣлать мой другъ? Навѣрно, похудѣлъ бы, поблѣднѣлъ, осунулся... Мнѣ рисуется, какъ бы онъ подымался по ступенькамъ катафалка, чтобы со мною прощаться и какъ бы на него смотрѣла въ это время Мама.

„И вдругъ ни съ того, ни съ сего мнѣ становится пріятно, что всѣ обо мнѣ такъ жалѣютъ. Передъ моими глазами мелькаетъ номеръ „Новаго Времени", гдѣ на первой страницѣ крупными буквами извѣщается о моей смерти и о панихидѣ въ два часа дня. Тамъ же вижу мою фотографію и на минуту останавливаюсь, соображая, какую фотографическую карточку напечатаетъ „Новое Время". Все это мнѣ приноситъ большое наслажденіе. Но мнѣ становится совсѣмъ пріятно, когда я думаю, что въ „Новомъ Времени" будетъ напечатанъ мой некрологъ, гдѣ будетъ написано, что я кончилъ Лицей, что я тамъ хорошо учился, получилъ Пушкинскую медаль и что меня тамъ любили. А можетъ быть, самъ Радловъ напишетъ воспоминанія о своемъ бывшемъ ученикѣ. Въ этотъ моментъ я ловлю себя на томъ, что зашелъ ужъ слишкомъ далеко. Мнѣ становится смѣшно и стыдно себя. Я морщу лобъ и стараюсь серьезно разобраться въ томъ, хотѣлъ ли бы я теперь умереть. Сознаніе подсказываетъ, что, въ сущности говоря, теперь мнѣ было бы очень глупо умереть, такъ много поработавъ надъ собой и, въ концѣ концовъ, ничего не сдѣлавъ. Нѣтъ, ни за что, ни за что не хочу умереть безъ славы, ничего не сдѣлавъ въ жизни. Не хочу умирать съ тѣмъ, чтобы меня всѣ забыли.

„И мало по малу новые планы, новыя картины будущаго начинаютъ плѣнять мое воображеніе. Мнѣ вдругъ еще больше хочется жить, работать, бороться, да, именно, бороться!

„Мнѣ кажется, что я призванъ для того, чтобы исполнить что-то великое, большое. Мнѣ это не только кажется, нѣтъ, я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Я вспоминаю, что тѣ же чувства волновали сердце, когда мнѣ было 7 лѣтъ, что лишь благодаря имъ я вынесъ непомѣрную для меня трехлѣтнюю работу въ Лицеѣ...

„Нѣтъ, прошло время“, думаю я, „когда можно было почивать на лаврахъ, ничего не знать, ничего не дѣлать, намъ—князьямъ. Мы должны высоко нести свой стягъ, должны „оправдать въ глазахъ народа наше происхожденіе“. Въ Россіи дѣла такъ много!.. Мнѣ вспоминается крестъ, который мнѣ подарили на совершеннолѣтіе! Да, моя жизнь не удовольствіе, не развлеченіе, а крестъ!.. Сердце у меня сильно бьется. Итакъ, надо отрѣзать себя отъ всего того, что могло бы сколько-нибудь скомпрометировать мое имя. Въ примѣръ себѣ я ставлю Папа. Мнѣ хочется довести себя до того нравственнаго совершенства, до какого дошелъ онъ. И тутъ-то я чувствую, насколько я хуже его. Меня пугаетъ моя страстность, страстность во всемъ, что я дѣлаю“...

. . . . . .

„Въ это время входитъ другъ....

— „Знаешь что? Поиграемъ на роялѣ!“

„Мы садимся за „Спящую Красавицу“. Вытаскивается наша излюбленная зеленая тетрадка, пальцы съ какимъ-то особо-пріятнымъ чувствомъ становятся въ то положеніе, въ которомъ имъ удобнѣе брать знакомый аккордъ, и чудные звуки Чайковскаго льются по комнатѣ. „Разъ, два, три, четыре“, считаетъ другъ, отбивая правой ногой тактъ. Я совсѣмъ ухожу въ музыку, въ трудныхъ мѣстахъ корчу невѣроятныя гримасы и отъ усилій весь подергиваюсь. Мелодію мы подпѣваемъ. Но вотъ наступаютъ трудныя варіаціи: мѣняется счетъ, знаки; по своему обычаю, я этого, конечно, не замѣчаю и дѣлаю ошибку. Въ такихъ случаяхъ я страшно извожусь. „Съ начала“, говорю я.—„Неправильно“, замѣчаетъ другъ.—„Нѣтъ, совершенно правильно“, спорю я. Другъ останавливается и хитрымъ взглядомъ молча смотритъ, какъ я извожусь. Наконецъ, мы идемъ дальше. Иногда мы оба приходимъ въ азартъ, и тогда бѣдному роялю достается, такъ какъ мы играемъ слишкомъ громко. Но день на день не приходится: то бываетъ такое настроеніе, что самая легкая вещь не выходитъ, то иногда вдругъ, подъ вліяніемъ чего-то совершенно необъяснимаго, звуки начинаютъ литься изъ-подъ нашихъ пальцевъ съ невѣроятной легкостью, и мы оба наслаждаемся. Я не замѣчаю, какъ бѣжитъ время, забываю все вокругъ, становлюсь лучше“...

Къ возвращенію изъ Осташева въ Петербургъ здоровье Князя Олега настолько поправилось, что явилась полная возможность проходить курсъ

послѣдняго класса Лицея наравнѣ съ прочими воспитанниками. Мы уже видѣли изъ воспоминаній его лицейскаго воспитателя, какъ быстро онъ сошелся съ товарищами по классу и погрузился во всѣ интересы учебнаго заведенія, въ которомъ онъ уже не чувствовалъ себя какимъ-то отщепенцемъ.

15 ноября 1912 года праздновалось совершеннолѣтіе Князя Олега. Описаніе этого знаменательнаго дня находится въ одномъ изъ его писемъ къ Великому Князю:

. . . . . .

„День моего совершеннолѣтія былъ однимъ изъ самыхъ радостныхъ дней моей жизни: Твои и Мама подарки, чудный молебенъ, завтракъ со всѣми старыми и наличными служащими Мраморнаго и Павловска, икона, которой благословилъ меня митрополитъ Флавіанъ, икона отъ служащихъ, икона отъ прислуги, картина Шишкина, которую мнѣ подарили братья, удавшійся вечеромъ рефератъ, представленіе „Севильскаго Цирюльника“ и, наконецъ, телеграмма отъ Государя—все это меня такъ радовало и трогало, что и сказать трудно. Я получилъ много привѣтствій и милыхъ поздравленій, между которыми трогательныя письма отъ Трухачева и Базыкина [1]). Наканунѣ пришлось цѣлый день сидѣть дома и готовиться къ реферату, который былъ назначенъ какъ разъ на этотъ день. Мнѣ отчего-то казалось, что рефератъ сойдетъ хорошо, и потому я не просилъ начальство Лицея перенести его на другой день, рѣшивъ, что онъ доставитъ мнѣ лишнее удовольствіе. Такъ, къ счастью, и вышло. Для реферата надо было прочитать нѣсколько книгъ на заданную тему и потомъ докладывать ихъ профессору въ продолженіе 40 минутъ. Моя тема была „Ѳеоѳанъ Прокоповичъ и Правда Воли Монаршей“.

„Кромѣ учебныхъ занятій, мнѣ надо было заказать завтракъ и разослать приглашенія. Я даже въ этотъ день не ужиналъ, что иногда пріятно. Въ $11^1/_2$ ч. ночи пришли ко мнѣ Н. Н. [2]), Гаврилушка, Костя и Игорь. Іоаничикъ явился позже. Я немного волновался, самъ не знаю, отчего. Двадцать лѣтъ жить, ни о чемъ не думать и ни о чемъ не безпокоиться—это такъ хорошо, что казалось жалко съ этимъ разставаться. Вообще я довольно много думалъ, думаю и, дай Богъ, всегда буду думать о томъ, какъ мнѣ лучше достигнуть моей цѣли—сдѣлать много добра родинѣ, не запятнать своего имени и быть во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть русскій князь. Я стараюсь всѣми силами бороться со своими недостатками и ихъ въ себѣ подмѣчать. А это такъ трудно! Боюсь, что тебѣ покажется, что *я—„пипсъ“*, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что ты меня поймешь.

„Когда пробило 12 ч., мы перекрестились и пошли въ столовую, гдѣ было приготовлено шампанское.

---

[1]) Переплетчикъ и книгопродавецъ.
[2]) Н. Н. Ермолинскій.

„Въ это же время я распечаталъ завѣтный пакетикъ, въ которомъ лежало кольцо Анпапа, и, придя отъ него въ восторгъ, надѣлъ его на лѣвый мизинецъ. Оно очень красиво, и нравится мнѣ особенно тѣмъ, что камни расположены въ томъ порядкѣ, какъ Ты хотѣлъ. Мы заставили Макарова[1]) надѣть его новый костюмъ, къ его большой радости. Онъ мнѣ спекъ очень вкусный хлѣбъ-соль, мы съ нимъ цѣловались и обнимались, какъ полагается. Въ это время пришло извѣстіе по телефону, что баронъ Мендъ меня поздравляетъ; было уже за полночь, но, несмотря на это, мы его позвали къ себѣ и оставили довольно долго. Братья ушли, а мы втроемъ продолжали разговаривать.

„Наконецъ, мы разошлись и улеглись спать. Проснулся я довольно поздно. Макаровъ вошелъ въ спальню и, вслѣдъ за неизмѣннымъ „Здравія желаю, Ваше Высочество!“—сталъ меня поздравлять. Я вскочилъ съ кровати и въ одной рубашкѣ долго стоялъ въ кабинетѣ и смотрѣлъ на Ваши портреты. Мнѣ твой портретъ больше нравится: Ты поразительно похожъ; многіе говорятъ только, что голова слишкомъ велика по туловищу. Остальное все хорошо, кромѣ, пожалуй, фона. На фонѣ виднѣется какая-то дверь съ золотыми полосками. Портретъ Мама еще не совсѣмъ высохъ, и потому трудно отдать себѣ отчетъ въ его достоинствахъ и недостаткахъ. Мнѣ сперва показалось, что она не похожа, но теперь больше и больше кажется, что сходство есть и даже очень большое. Войдя въ кабинетъ, я увидѣлъ еще 2 вазочки изъ вещей Анпапа...

„Пришлось торопиться, чтобы не опоздать къ церемоніямъ.

„Въ церковномъ залѣ было много приглашенныхъ. Мы прошли мимо нихъ прямо на свое мѣсто. Все было очень красиво: и церковь съ новымъ ковромъ, и алтарь, по-новому освященный, и пѣніе хора.

„Митрополитъ благословилъ меня иконой и сказалъ нѣсколько словъ. Н. Н.[2]) въ удобную минуту меня поймалъ и тоже сказалъ трогательную рѣчь...

„Потомъ мы пошли внизъ. Іоаннчикъ позвалъ своихъ трубачей. Они заиграли по его приказу гусарскій маршъ для меня...

„Завтракъ былъ очень веселый въ Мраморномъ залѣ. Выглянуло солнце. По Невѣ тянулись льдины.

„Послѣ завтрака я прошелъ къ себѣ и приводилъ въ порядокъ рефератъ, но мнѣ мѣшали: звонили по телефону, приходили. Рефератъ начиналъ меня волновать. Появилось сразу много народа.

. . . . . .

„Н. Н. запретилъ мнѣ, наконецъ, заниматься. Передъ отъѣздомъ въ Лицей я получилъ телеграмму отъ Царя: „Поздравляемъ Тебя и шлемъ наилучшія пожеланія ко дню Твоего двадцатилѣтія“.

„...Послѣ этого я, опять не ужинавши, поѣхалъ въ Лицей. Профессоръ опоздалъ, и это меня волновало. На рефератѣ были, кромѣ профессора

[1]) Камердинеръ Князя.
[2]) Н. Н. Ермолинскій.

Нольде (Энциклопедія Права), директоръ и два лицеиста, которые должны были читать послѣ меня. Вначалѣ у меня дрогнула нога, а потомъ я сразу совсѣмъ успокоился и говорилъ около часа совсѣмъ спокойно и увѣренно. Иногда мнѣ казалось, что я говорю даже слишкомъ спокойно. Профессоръ во всемъ, за исключеніемъ одной подробности, со мной согласился и поставилъ „весьма“ (для рефератовъ нѣтъ балловъ, есть только „весьма“, „хорошо“ и „неудовлетворительно“).

„Послѣ этого я поѣхалъ слушать „Севильскаго Цирюльника“. Игралъ Шаляпинъ. Весь театръ и мы хохотали. За цѣлый день я такъ усталъ, что не велѣлъ себя будить и, улегшись въ 12 ч. ночи, проснулся только около часа дня“.

Къ началу декабря у Князя Олега созрѣло уже окончательное рѣшеніе поступить послѣ окончанія Лицея въ Гусарскій Его Величества полкъ. Все чаще и чаще Князь Олегъ задумывается надъ своей будущностью и нѣсколько досадуетъ, что военная служба помѣшаетъ ему провести еще одно лѣто въ Осташевѣ.

На Рождествѣ 1912 года Князь Олегъ совершилъ путешествіе на сѣверъ Россіи, принявъ участіе въ охотѣ на медвѣдей.

Вотъ что пишетъ онъ объ этой поѣздкѣ Великому Князю:

„25 декабря я торопился уѣхать изъ Петербурга и былъ вмѣстѣ съ С. Н. Смирновымъ и Дитрихомъ [1]) въ Вологодской губ. на медвѣдяхъ. Поѣздка вышла преинтересная и очень поучительная. Въ пять дней мы сдѣлали на лошадяхъ, не считая желѣзной дороги, 200 слишкомъ верстъ. Ѣздили по 70 верстъ въ ночь въ сторону отъ желѣзной дороги, ночевали въ крестьянскихъ избахъ, видѣли дѣвственные лѣса, убили двухъ медвѣдей (мой—очень большой), осмотрѣли Вологду, присутствовали на судѣ земскаго начальника, который насъ много смѣшилъ, познакомились съ губернаторомъ...

„Всю поѣздку я опишу и помѣщу въ Лицейскомъ журналѣ. Этотъ номеръ я тебѣ пришлю, а то писать два раза то же самое очень тяжело...

„31-го мы возвратились здоровые и веселые обратно“.

Намѣреніе Князя Олега описать свою поѣздку въ Лицейскомъ журналѣ не было осуществлено, но небезынтересный матеріалъ относительно нея находится въ записяхъ его дневника и въ письмахъ С. Н. Смирнова.

„Пріѣхали мы,—пишетъ С. Н. Смирновъ,—въ Вологду 26-го, въ 1 ч. дня. Наканунѣ я послалъ туда депешу хранителю древлехранилища Суворову, чтобы онъ насъ встрѣтилъ, причемъ добавилъ, что Князь Олегъ Константиновичъ подъ строгимъ инкогнито. Однако, отъ желѣзнодорожнаго начальства узнало жандармское, городская полиція и губернаторъ. Поэтому, когда подошелъ поѣздъ, насъ встрѣтили чуть ли не съ почетнымъ карауломъ. Къ счастью, не пріѣхалъ губернаторъ, а то бы не избѣжать было пріема въ вагонѣ. Перейдя въ другой салонъ-вагонъ узкоколейки Вологда—Ар-

---

[1]) Баронъ Д. А. Буксгевденъ.

хангельскъ, мы прошли черезъ вокзалъ мимо собравшихся любопытныхъ на улицу, наняли двухъ извозчиковъ и поѣхали—Олегъ Константиновичъ съ Суворовымъ, я—съ Буксгевденомъ. Насъ повезли... по Дворянской улицѣ въ Большой Соборъ Св. Софіи".

„Вологда", записываетъ въ дневникъ Князь Олегъ, „производитъ сразу впечатлѣніе провинціальнаго города, заснувшаго въ зимнемъ уборѣ пушистаго снѣга. Направо и налѣво по улицамъ встрѣчаются старинные деревянные домики съ наивными фронтонами, крылечками и колоннками. На одной изъ улицъ стоитъ старинный домъ предводителя дворянства съ нѣсколькими большими деревянными колоннами. Уютно глядятъ между ними маленькія окна, какъ бы щурясь въ недоумѣніи на неизвѣстныхъ имъ путешественниковъ. Крыши, трубы, колоннки, ставни, заборы и сады—все окутано блестящимъ снѣгомъ, на которомъ яркими розовыми переливами играетъ зимнее солнышко. Прелесть! Мы въѣзжаемъ на коротенькій мостикъ, по которому можно судить о границахъ стариннаго кремля и самаго города.

„Направо и налѣво передъ мостомъ виднѣются двѣ башни—остатки кремлевской стѣны. Послѣ моста появляется налѣво какая-то уродливая стѣна. Оказывается, что во время голода, который свирѣпствовалъ въ Вологдѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, правительство, чтобы дать заработокъ голодающимъ, назначило имъ работу въ видѣ постройки такой стѣны. Тутъ же, нѣсколько отступя отъ нея, стоитъ Софійскій соборъ. На паперти невольно обращаешь вниманіе на массивную желѣзную дверь съ замкомъ, который поражаетъ своей величиной.

„Когда мы вошли, меня охватило давно знакомое чувство, которое всегда вызывается во мнѣ при посѣщеніи старинныхъ русскихъ церквей. Весь соборъ съ верху до низу былъ когда-то расписанъ фресками, которыя впослѣдствіи безобразно реставрированы....

„Я подошелъ къ одной изъ стѣнъ собора и попробовалъ ногтемъ стереть позднѣйшій слой красокъ. По мѣрѣ того, какъ я производилъ эту работу, въ очищенномъ мною мѣстѣ все больше и больше показывался изящный, варварски замазанный, старинный русскій орнаментъ! Странно, что до сихъ поръ никто не догадался спасти эти остатки старины, эти великолѣпные орнаменты, великолѣпные какъ по рисунку, такъ и по тонамъ красокъ. И много у насъ на Руси храмовъ и церквей, которые подвергнуты той же участи. Невольно становится грустно и стыдно за насъ самихъ, не умѣющихъ цѣнить родные остатки старины!

„Въ иконостасѣ екатерининскихъ временъ стоятъ старинныя по живописи иконы въ басмѣ со старинными вѣнчиками. Глядишь-глядишь и не налюбуешься. Въ алтарѣ собора любопытны фрески, изображающія таинство Евхаристіи. Тутъ же виднѣется одна изъ неиспорченныхъ фресокъ—пиръ Ирода-царя и пляска Саломеи. Всѣ лица наряжены въ русскія боярскія одежды.

„Изъ собора мы прошли въ древлехранилище, которое находится рядомъ. Отъ собора въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ архіерейскій домикъ, рядомъ съ нимъ древлехранилище. Этотъ уголокъ удивительно красивъ! Мы вошли во дворикъ: налѣво подъѣздъ архіерея и садъ, а передъ нами стѣна древлехранилища съ открытой галлерейкой и колоннками. Въ правой части стѣна поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ и закрываетъ дворикъ, оставляя лишь проходъ въ него. Все окрашено въ свѣтло-розовую краску. Невозмутимая, чисто вологодская тишина царитъ въ этомъ дворикѣ: забываешь, что это—городъ, такъ и кажется, что очутился въ деревнѣ. Мы поднялись по лѣсенкѣ, прошли по галлерейкѣ, и оттуда попали въ древлехранилище. Это—двѣ маленькія, темныя и узкія комнатки, заполненныя старинными иконами, рѣзными царскими вратами, рѣзными изображеніями Іисуса Христа, деревянными и мѣдными издѣліями. Все это находится въ такой тѣснотѣ, что и повернуться трудно! Замѣчательна тамъ одна плащаница, гдѣ лежащая фигура Христа вырѣзана изъ дерева. Есть тамъ тоже изображеніе сидящаго Христа, съ нѣсколько наклоненной головой, тоже рѣзное и покрашенное. Оно производитъ сильное впечатлѣніе“.

На этомъ оканчивается запись Князя Олега, и о дальнѣйшемъ узнаемъ уже отъ С. Н. Смирнова.

„Какъ мы ни скрывали“, пишетъ онъ, „кто съ нами, къ Олегу Константиновичу подошелъ мальчуганъ и спросилъ, пріѣхалъ-ли Великій Князь; на отвѣтъ, что Великій Князь пріѣхалъ, мальчуганъ спросилъ Олега Константиновича: „А Вы съ нимъ?“ и, получивъ положительный отвѣтъ, проникся почтительностью. По городу за нами на нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовали два гороховыхъ пальто, что не помѣшало, когда мы съ Олегомъ Константиновичемъ перекликались по-французски съ одного извозчика на другого, одному пьяному вплести въ нашъ разговоръ свое сужденіе, довольно немногосложное, но очень крѣпкое...

„Затѣмъ, тѣмъ же порядкомъ поѣхали мы на вокзалъ. Тронулись мы изъ Вологды въ 3 ч. дня, а въ 6 были въ Лещевѣ, гдѣ у насъ заводъ и гдѣ жилъ мой егерь, почему и центръ охоты былъ именно здѣсь. Въ 6 верстахъ отъ Вологды мы проѣхали мимо Спасо-Прилуцкаго монастыря, полюбовались его стѣнами съ бойницами и башнями.

„Въ Лещевѣ сейчасъ же предстали передъ Олегомъ Константиновичемъ егерь и нашъ управляющій заводомъ. Когда выяснилось, какія и гдѣ берлоги они приготовили, доложили, что уже двѣ станціи насъ сопровождаетъ, по распоряженію губернатора, исправникъ Казниковскаго уѣзда, приставъ и урядникъ; когда представился исправникъ, онъ предложилъ еще двѣ берлоги за три или 4 станціи дальше... Только что отпустили его, просится начальникъ станціи; явился, сообщаетъ, что у него 4 берлоги въ 200 верстахъ... Отпустили его, докладываютъ, что на сосѣдней станціи есть берлога. Словомъ, медвѣдей оказалось, что пчелъ въ ульѣ... Первая берлога, по словамъ егеря, находилась въ 70 вер. въ сторону отъ желѣзной дороги.

Сначала надо было ѣхать 35 верстъ до большого села Усть-рѣки, оттуда 37 вер. до Порубежья, а отъ этой деревни 11 в. на лошадяхъ и 3 в. пѣшкомъ въ лѣсу. Въ трехъ верстахъ вторая берлога. Тронулись мы въ 9 ч. вечера. Намъ подали четыре розвальни... Погода была тихая, морозъ градуса 2, снѣга много, небо облачно, чуть свѣтили звѣзды... Всю ночь мы ѣхали лишь смѣнивши въ Усть-рѣкѣ санки на возы. Въ Порубежье мы пріѣхали, однако, въ 6 ч. утра, т. е. ѣхали 72 версты 9 часовъ, несмотря на хорошую дорогу: ночью ѣзда труднѣе, да и раскаты уже начались...

„Въ Порубежьѣ мы отогрѣлись, закусили, смѣнили лошадей и поѣхали въ лѣсъ... Въ лѣсу началась зимняя тропа, вьющаяся вокругъ деревьевъ такъ, что часто лошади были направо или налѣво, а сани впереди. При этомъ ширина такой дороги такова, что сани нѣтъ-нѣтъ, да зацѣпляли за дерево... Наконецъ, остановились; говорятъ, отсюда версты 2 до большого медвѣдя. Вынули ружья и пошли безъ лыжъ прямо лѣсомъ...

„Шли часа 1½, такъ какъ сотни разъ каждый изъ насъ представлялъ собой довольно комичную фигуру чего-то барахтающагося въ снѣгу, откуда торчали лишь руки и ноги... Наконецъ, дошли мы до мѣста, гдѣ, по словамъ мужика, медвѣдь устроилъ себѣ логовище. Противъ берлоги сталъ Олегъ Константиновичъ, по бокамъ, шагахъ въ 25, полукругомъ—баронъ и я. Спустили собаку, которая залилась лаемъ. Стоимъ мы минуту, двѣ, пять. Ничего. Начинаемъ думать, что просто насъ обманули... Тогда окладчики рѣшили нащупать медвѣдя: срубили громадный колъ и ну ковырять въ берлогѣ... Тогда онъ полѣзъ... Вылѣзая наверхъ, медвѣдь тотчасъ повернулъ на обоихъ окладчиковъ, стоявшихъ съ одними топорами. Было условлено, что первымъ стрѣляетъ Олегъ Константиновичъ, затѣмъ уже мы двое по мѣрѣ надобности. Тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла раздался второй—также Олега Константиновича, и третій—барона; медвѣдь сейчасъ же ткнулся мордой, и только на всякій случай пущенная Олегомъ Константиновичемъ пуля въ голову ужъ окончательно его убила... Медвѣдь оказался громаднымъ и совершенно чернымъ отъ хвоста до головы, ни одного рыжаго волоса. Я никогда не видалъ такого замѣчательнаго звѣря. Затѣмъ мы тронулись опять къ лошадямъ; шли еще 1½ часа... Три версты насъ перевезли до слѣдующаго круга и сообщили, что до берлоги 2½ версты. Тронулись мы въ путь на лыжахъ по просѣкѣ, но шли часа 2, такъ что, когда подошли къ берлогѣ, было почти темно. Олегъ Константиновичъ и баронъ были невѣроятно утомлены; у нихъ было какое-то полное равнодушіе къ происходившему. Началась опять исторія спуска собаки, крики, понуканія, въ концѣ чего собаки вытащили медвѣдя въ темнотѣ въ другую сторону, такъ что стрѣлять никому не пришлось. Выбравшись съ трудомъ на просѣку, мы присѣли на лыжи. Тутъ Олегъ Константиновичъ и баронъ заявили, что идти дальше не въ состояніи. Съ Олегомъ Константиновичемъ чуть не сдѣлался обморокъ, до того онъ былъ изнуренъ. Провизіи у насъ съ собой не было, такъ какъ окладчики и егерь увѣрили насъ, что мы съ

обѣими берлогами покончимъ къ 12 часамъ дня. Съ утра мы ѣли снѣгъ и больше ничего. Пытались развести костеръ—все отсырѣло, темно, ничего не видно, нащипать лучину никто не могъ; мерзли мокрые валенки, рукавицы, а сами мы были совсѣмъ мокрые отъ ходьбы. Вижу, что Олегъ Константиновичъ, уже имѣвшій 3 раза воспаленіе легкихъ, рискуетъ схватить крупозное; тогда я рѣшилъ такъ: всѣхъ мужиковъ пустилъ впередъ протаптывать тропинку, затѣмъ пошелъ самъ, имѣя сзади барона и говоря ему, гдѣ я вижу провалы или свалившійся поперекъ стволъ. За нимъ шелъ Олегъ Константиновичъ, а замыкалъ шествіе Макаровъ. Такъ, ставя ногу въ слѣдъ, изъ котораго только что вынулъ ногу предыдущій, шли мы шаговъ 400; на этомъ протяженіи Олегъ Константиновичъ упалъ, кажется, 52 раза, каждый разъ набирая всюду снѣгу прямо на разгоряченное тѣло. Затѣмъ садились, мы—на лыжи, мужики—въ снѣгъ, и сидѣли еле переводя дыханіе минутъ 5—10, ѣли снѣгъ. Потомъ—моя команда: дѣлали вновь шаговъ 500 въ полной темнотѣ, потомъ вновь сидѣнье на лыжахъ и т. д. Когда изнеможеніе достигло крайнихъ предѣловъ, отрядили 3 парней впередъ, чтобы выпрягли лошадей и привели ихъ намъ. Эта мысль сѣсть верхомъ пріободрила насъ и дала силы сдѣлать еще 1000 шажковъ съ двумя передышками... До чего всѣ были утомлены, станетъ понятно, если я скажу, что три раза при остановкахъ рядомъ со мной въ снѣгъ ложился парень, *тотчасъ* засыпавшій отъ изнеможенія...

„Наконецъ, послѣ 3-хъ часовъ такого хода дошли мы до лошадей, но сѣсть на нихъ не оказалось возможнымъ; онѣ проваливались въ снѣгъ, спотыкались о пни и могли поломать ноги; поэтому добрались мы до саней, надѣли шубы..., ликуя, что имѣемъ хоть возможность сидѣть, укутавшись въ тепло...

„Затѣмъ опять вьющейся дорожкою поѣхали мы въ Порубежье, куда пріѣхали черезъ $1^1/_2$ часа, т. е. что-то около 8 или 9 часовъ вечера... Мы пріѣхали такими продрогшими, что лихорадка била насъ, какъ при злѣйшей простудѣ. Затопили русскую печь, сняли бѣлье, которое замерзло на насъ по пути изъ лѣсу... Принесли сѣна, и мы втроемъ, Олегъ Константиновичъ, баронъ и я, улеглись на немъ.

„Утромъ 28-го Олегъ Константиновичъ насъ разбудилъ, поѣли, выпили чаю, одѣлись, разсчитались и поѣхали въ обратный путь, черезъ деревню Новоселицы, гдѣ была третья берлога“...

1-го января вечеромъ Князь Олегъ отправился въ Осташево, гдѣ уже былъ Князь Игорь Константиновичъ и куда 2-го января на одинъ день заѣхали Бальи-Контъ съ парижскимъ знакомымъ Князей, M-r Cornu.

Послѣ ихъ отъѣзда Князь Олегъ принялся ревностно разрабатывать матеріалы для своего выпускного сочиненія—„Ѳеоѳанъ Прокоповичъ, какъ юристъ“. Но эти занятія не мѣшали ему слѣдить за хозяйствомъ, кото-

рымъ онъ интересовался и которое, какъ онъ пишетъ Великому Князю, начало развиваться и „безусловно, идетъ на ладъ“. Онъ обсуждаетъ съ управляющимъ Осташева разные хозяйственные вопросы и сообщаетъ подробно своему Августѣйшему Отцу о возникающихъ у него планахъ улучшенія имѣнія.

Стремленіе ознакомиться со строемъ деревенской жизни, глубже понять психологію народа, которой онъ искренно и серьезно интересовался, заставляла его искать разныхъ случаевъ, когда онъ могъ бы лучше узнать этотъ народъ.

Поэтому онъ, пользуясь деревенской свободой, посѣщаетъ судъ земскаго начальника и рѣшаетъ непремѣнно побывать и въ волостномъ судѣ.

Свои впечатлѣнія онъ описываетъ въ письмѣ къ Великому Князю:

„Дѣло было удивительно глупое; латышъ Ванзенъ обвинялъ другого латыша въ томъ, что тотъ назвалъ его колдуномъ и воромъ. Обидчикъ жаловался со своей стороны на Ванзена, говоря, что онъ всегда *свиститъ* при встрѣчѣ. Такая чепуха! Земскій начальникъ упрашивалъ ихъ разъ 20 помириться. Они—ни за что. „Какъ же онъ такъ свиститъ?“ спрашиваетъ Земскій.—„А такъ, просто свиститъ, какъ на собаку!“ — „А ты вѣришь, что онъ—колдунъ?“—„Вѣрю“, отвѣчаетъ тотъ рѣшительно. „Вѣрю, потому что всѣ вѣрятъ“.

„Мы дѣлали невѣроятныя усилія, чтобы не расхохотаться. Наконецъ, самъ земскій начальникъ не выдержалъ и захохоталъ. Дѣло оставлено безъ послѣдствій.—Замѣчательно интересно было посмотрѣть на судъ земскаго начальника въ Вологдѣ и у насъ. Въ Вологдѣ одинъ крестьянинъ судился за то, что его кожевенный заводъ построенъ безъ оконъ! *Все это страшно поучительно*“, заканчиваетъ свой разсказъ Князь Олегъ. „Хочу сходить на волостной судъ“.

Рождество 1912 г. было послѣднимъ передъ окончаніемъ Лицея. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Князь Олегъ долженъ былъ вступить въ жизнь. Вполнѣ опредѣленнаго плана жизни у него, разумѣется, быть еще не могло, но избытокъ юной энергіи, честолюбіе, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, глубокое сознаніе долга передъ родиной, желаніе трудиться и любовь къ труду—все это заставляло воображеніе Князя Олега создавать себѣ тысячи плановъ. Настроеніе его ярко вылилось въ письмѣ къ Великой Княгинѣ 5 января 1913 г.:

„Радуюсь и вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣю“, пишетъ онъ, „что черезъ полгода оставляю милый Лицей, съ которымъ такъ свыкся. Радуюсь потому, что пытка экзаменовъ и репетицій, пытка самая ужасная, пройдетъ.—У меня все больше и больше укрѣпляется желаніе сдать государственные экзамены въ университетѣ, только, конечно, не въ этомъ году, а черезъ нѣсколько лѣтъ. Когда я кончу Лицей, то думаю серьезно заняться юридическими науками и добиться того, чтобы экзамены въ университетѣ для меня ничего не значили. Послѣ нихъ надо было бы добиться магистра и профессора.

Послѣднее легче, чѣмъ первое, потому что надо только написать научную работу, а это гораздо интереснѣе экзаменовъ и, по-моему, легче! Весь мой планъ очень заманчивъ, но очень труденъ: иногда я начинаю бояться, что у меня на него не хватитъ характера. Иногда, кромѣ того, мнѣ кажется, что я лучше бы сдѣлалъ, если бы занялся исключительно литературой, что меня гораздо больше влечетъ.

„Тогда надо было бы сдавать экзамены по филологическому факультету. Это все планы и планы... Теперь я стараюсь ни о чемъ не думать. Всему придетъ свое время—раньше надо сдать экзамены въ Лицеѣ! Это будетъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни! Я думаю, что чувство будетъ очень глупое! На будущій годъ, по всей вѣроятности, я буду гусаромъ и буду жить въ Павловскѣ. Вечера опять будемъ проводить вмѣстѣ, можно будетъ тогда много читать. По правдѣ сказать, меня мало прельщаетъ военная служба. Мнѣ бы больше хотѣлось быть земскимъ начальникомъ или чѣмъ-нибудь другимъ—не знаю. Въ душѣ я военный, но мнѣ кажется очень неинтереснымъ вставать въ 6 часовъ и сидѣть цѣлый день въ манежѣ. Если у меня будетъ много свободнаго времени, то дѣло обстоитъ очень хорошо, а если нѣтъ? Я люблю маневры и такія „штуки“, но не казармы. Имѣть дѣло съ новобранцами—это, пожалуй, интересно. Я немножко въ душѣ педагогъ. Учить читать, писать, узнавать психологію людей—очень хорошо, но, тоже, если это дѣлается въ мѣру. Мнѣ очень хочется работать и работать, но что дѣлать, какая работа—вотъ вопросы, которые меня часто волнуютъ. Отвѣть мнѣ, пожалуйста, что ты обо всемъ этомъ думаешь.

„Теперь мнѣ предстоитъ написать большое сочиненіе для Лицея. Трудно, но весело!

„Надѣюсь, что Тебя не удивитъ вся эта философія и что Тебѣ не скучно“.

Въ концѣ февраля 1913 года начались выпускные экзамены въ Лицеѣ. Князь Олегъ зарылся въ книги. Онъ обыкновенно занимался съ 6 ч. утра и до поздней ночи, позволяя себѣ лишь изрѣдка подышать свѣжимъ воздухомъ во время получасовыхъ прогулокъ пѣшкомъ или на моторѣ.

Вся экзаменная страда съ ея мучительными переживаніями краснорѣчиво описана Княземъ Олегомъ въ „Сценахъ изъ моей жизни“:

„Наступила Страстная недѣля Великаго поста“, пишетъ онъ, „недѣля чудныхъ богослуженій, время говѣнія. На дворѣ весело сіяло весеннее солнце, обращая снѣгъ въ хрупкій ледъ. Вездѣ журчали ручейки, въ полѣ чернѣло много проталинъ.—По утрамъ однообразно гудѣли мѣрные удары великопостнаго колокола. Я опять началъ „горѣть“ надъ ожиданіемъ предстоящей исповѣди, но теперь горѣлъ ровнѣе, спокойнѣе. Жгучіе вопросы, которые когда-то волновали, поулеглись, поуспокоились. Но зато появились другіе вопросы, которые заставляли меня горѣть вдвое-втрое сильнѣе обыкновеннаго. На Страстной предстояло сдать экзаменъ Полицейскаго Права. Одинъ изъ тѣхъ трудныхъ экзаменовъ, которые мой другъ называетъ „жупелами“. Поспѣю-ли я приготовиться? Поспѣю-ли все прочитать?

„Всего въ программѣ 24 билета“, думалъ я въ Вербную субботу. „Въ книгѣ 556 стр., да, кромѣ того, надо вновь вызубрить всѣ законы о печати и фабричное законодательство. До среды осталось 3 дня. Выучить въ 3 дня 556 стр.—да это почти невозможно, никогда, никогда не поспѣю!.. Надо будетъ, во что бы-то ни стало, вызубрить первую половину завтра, а вторую въ понедѣльникъ, чтобы наканунѣ осталось время все вновь повторить. А тутъ еще пришлось говѣніе!... Что же дѣлать?! Волей-неволей придется не ходить въ церковь. До того-ли мнѣ теперь! Исповѣдываться буду въ среду, въ день экзамена... Я вновь принимаюсь за вычисленія...; если даже пусть по 25 стр. въ часъ, то мнѣ придется заниматься почти 12 часовъ.

„Утромъ меня будятъ въ 6 часовъ. Противъ обыкновенія, я вскакиваю сразу, наскоро моюсь, наскоро проглатываю утренній чай... Сажусь за письменный столъ, вытаскиваю программу. На измятыхъ листкахъ отмѣчаю краснымъ карандашомъ самыя трудныя мѣста... Я соображаю, что лучше всего было бы начать съ этихъ мѣстъ, чтобы подъ конецъ оставалось самое легкое... Надо будетъ сдѣлать конспектъ по законамъ о печати, а то иначе будетъ трудно учить. Дѣлать его очень хорошо, весело, пріятно, но меня это страшно задержитъ... Наконецъ, рѣшаюсь всетаки сдѣлать конспектъ. Вѣдь, половина этихъ записей у меня есть, я ихъ сдѣлалъ на лекціяхъ. Да, но они скверно записаны, ничего не разобрать, бумага уже измята... Мнѣ долго приходится отыскивать эту бумагу, которая, какъ водится, куда-то запропастилась. Я ношусь по комнатѣ, отъ волненія ничего не нахожу, роюсь 20 разъ въ тѣхъ ящикахъ, гдѣ она быть не можетъ, и, наконецъ, прибѣгаю къ послѣднему средству—звоню Макарова [1]).

— „Макаровъ, спаси меня!“ говорю я. „Помнишь ту бумажку, которую я привезъ третьяго дня изъ Лицея?

„Новая возня. Наконецъ, Макаровъ ее находитъ и приноситъ съ торжествующимъ видомъ. Прошло уже 3/4 часа!

„Я нервно начинаю переписывать законы: „Уставъ 1802 г.... Уставъ 1818 года“... Прошло 1 1/2 часа, но работа сдѣлана только наполовину. Остается еще изложить временныя правила 1 марта 1906 г. о періодической и непериодической печати. Но я такъ утомился, что не въ состояніи продолжать сразу. Я направляюсь въ спальню Игоря, который только еще встаетъ. Сегодня у него послѣ экзамена отдыхъ. „Счастливый“, думаю я.

— Какъ подвигается работа? спрашиваетъ онъ меня.

— „Ничего, застрялъ. Знаешь ли ты уставъ 1873 года?

— Нѣтъ, ради Бога...

— „Нѣтъ, нѣтъ, погоди! Онъ былъ учрежденъ временно, понимаешь-ли, вре-мен-но! въ 1873 г., и по ходатайству Министра Внутреннихъ Дѣлъ возобновляется черезъ каждые 3 года“...

— Довольно!

---

[1]) Камердинеръ Князя Олега.

— „Такъ, въ 1876 году“...
— Довольно!!
— „Въ 1879 г.“...
— Ради Бога!

„Я отжариваю все, что записалъ только-что, но вдругъ запутываюсь, смущаюсь и бросаюсь къ себѣ въ комнату, чтобы посмотрѣть записки. Да, это было не такъ: не Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, а Сенатъ... Въ 1856 г. было такъ...—я повторяю опять сначала, докуриваю папиросу и сажусь писать.

„Дѣло идетъ на ладъ. Мнѣ удается выписать по пунктамъ условія для редактора, но вдругъ входитъ Игорь и спрашиваетъ:

„Ты пойдешь въ церковь?“

— Пожалуйста, не мѣшай. Ты видишь, что я занимаюсь!

„Уже 11 часовъ, а я ничего еще не прочиталъ. Ужасъ! Ужасъ! Карандашъ начинаетъ все быстрѣе и быстрѣе скрипѣть по бумагѣ, а волненіе увеличивается, я нервничаю... Но уже безъ четверти 12, надо бы отдохнуть и на 10 минутъ пойти въ церковь.

„Макаровъ одобряетъ мой планъ.

„Пойдите, пойдите, Ваше Высочество! Нельзя же все время заниматься надо и отдохнуть. Помолитесь, Господь Вамъ поможетъ!“

„Въ церкви монотоннымъ, постнымъ голосомъ читаетъ псалмы дьячокъ... Изрѣдка раздаются покашливанья. Я стараюсь вникнуть въ слова молитвъ, найти въ нихъ утѣшеніе, но внимательно слушать молитву такъ трудно! Я ловлю себя на томъ, что вспоминаю о предстоящемъ экзаменѣ, и часто смотрю на часы, боясь остаться въ церкви слишкомъ долго. А псаломщикъ въ это время дѣлаетъ удареніе на какомъ-то словѣ, и всѣ молящіеся начинаютъ креститься, я —за ними.

„Но вотъ послѣ ектеніи, которую дьяконъ читаетъ какъ-то на галопѣ, выходятъ на середину церкви трое пѣвчихъ и, откашлявшись, начинаютъ старательно выводить: „Да исправится“... Сперва это плохо удается: надорванный старый теноръ не поетъ, а какъ-то дребезжитъ на высокихъ нотахъ, и портитъ все впечатлѣніе. Стараешься не обращать на это вниманія и вникнуть въ слова молитвы, къ которой такъ давно привыкъ и которую такъ любишь! Я дѣлаю земной поклонъ и долго остаюсь въ этомъ положеніи...—я замѣтилъ, что мнѣ такъ легче молиться... „Яко кадило предъ Тобою“, поютъ пѣвчіе: „воздѣяніе руку Твоею!“... Отчего-то мнѣ вдругъ рисуется кадило, которое на кольцахъ легкой, изящной цѣпочки повисло въ воздухѣ. Изъ кадила густымъ туманомъ несется ладанъ все выше и выше... Мнѣ хочется, чтобы и моя молитва неслась такъ же непорочно, такъ же непосредственно къ престолу Всевышняго.

„Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія“, поютъ пѣвчіе, уже ставъ на колѣни, а мнѣ дѣлается отчего-то такъ тепло, хорошо... На глазахъ навертываются слезы.

„Возвращаюсь домой, продолжаю трудиться съ удвоенной энергіей, начинаю опять волноваться и нервничать, а то поэтическое впечатлѣніе, которое произвело на меня богослуженіе, мало по малу съѣдается житейской прозой.

„На слѣдующій день я опять встаю въ 6 часовъ утра и чувствую себя еще безпокойнѣе. За весь вчерашній день я успѣлъ только сдѣлать записки, а книга не тронута до сихъ поръ. Программа составлена изъ рукъ вонъ плохо. Слѣдовало бы ее измѣнить. Но для этого надо имѣть разрѣшеніе товарищей, воспитателя, профессора и т. д. Ко всему прочему ее надо самому составить. Начинаю перезвоны по телефону, ругаюсь съ барышней... Прошло полдня, а работа не двинулась ни на шагъ. Ужасъ! Ужасъ! И друга нѣтъ. Скорѣй бы онъ пріѣхалъ. Я такъ волнуюсь, что работать просто не въ состояніи. Начинаю курить, носиться взадъ и впередъ по комнатѣ... А товарищи изъ Лицея передаютъ, что они прочитали уже болѣе половины книги! Кожинъ ее кончитъ сегодня вечеромъ, а у меня пройдена только четверть. Господи, ну что же это такое!... Оставаться безъ участія я больше не въ силахъ, зову Макарова. Онъ начинаетъ утѣшать, посылаетъ меня гулять.

— „Живъ—живъ Курилка, Ваше Высочество, остается только 26 дней!“— Я дѣлаю прогулку, возвращаюсь и начинаю опять.

„Послѣ завтрака пріѣзжаетъ другъ.

— „Ты понимаешь, это ужасно, я волнуюсь, ничего не могу дѣлать. У меня ничего не пройдено. Я за этотъ экзаменъ 12 ужъ навѣрно не получу“.

— Ну, да, конечно, ты, какъ всегда, получишь 7, мы это знаемъ!“

— „Вотъ, ты всегда такъ шутишь и... ничего не понимаешь, ну хоть бы кто-нибудь могъ помочь“... Мнѣ вдругъ страшно становится жалко самого себя... Другъ меня успокаиваетъ.

„Послѣ этого весь вечеръ и весь слѣдующій день я провожу въ упорномъ, настоящемъ зубрежѣ. Работа начинаетъ подвигаться, къ вечеру почти все пройдено. Нѣкоторыя мѣста я знаю хорошо, но ихъ надо бы повторить еще утромъ.

— „А интересно бы знать“, думаю я вечеромъ, поглядывая въ программу: „какой изъ этихъ билетовъ я получу. Можетъ быть, вотъ этотъ— первый. А можетъ быть, двѣнадцатый, о Habeas Corpus Act... Но если бы я получилъ пресловутые законы о печати, то было бы, дѣйствительно, здорово!“

„На слѣдующій день, заранѣе пробѣжавъ еще разъ нѣсколько трудныхъ билетовъ, я отправляюсь въ Лицей на экзаменъ. По обыкновенію, заѣзжаю сперва къ Спасителю. Несмотря на ранній часъ, часовня полна народу. У входа стоятъ 2 дряхлыя старушки съ кружками; дальше, у прилавка, сторожа продаютъ свѣчи... Налѣво, у столика, женщина въ черномъ, крестясь, пьетъ святую воду. Изъ маленькой комнатки Петра доносятся возгласы

священника. Комнатка биткомъ набита народомъ, нѣкоторые стоятъ снаружи. Не желая протискиваться черезъ толпу, я выбираю такое мѣсто, откуда между молящимися могъ бы увидѣть давно мнѣ знакомый, строгій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, манящій къ себѣ ликъ Спасителя.

„Нигдѣ, кажется, такъ хорошо не молишься, какъ въ этой часовнѣ, у этой иконы. Религіозное настроеніе приходитъ оттого, что стоишь себѣ просто въ толпѣ, окруженный людьми, которые пришли сюда только изъ желанія найти помощь, утѣшеніе. Вотъ налѣво молится гимназистъ, впереди, по всей вѣроятности, женихъ и невѣста; сзади плачетъ старушка, а совсѣмъ у входа стоитъ, опершись на свой костыль, простой русскій паломникъ. Его видъ живо напоминаетъ мнѣ деревню, поля съ рожью, голубое, чистое небо, проселочную дорогу, ту Русь, которую каждый изъ насъ знаетъ, которую каждый изъ насъ такъ любитъ.

„Однако, надо торопиться. „Господи, благослови, помоги!“

„Черезъ четверть часа автомобиль мой подкатываетъ къ Лицею.

— „Здравствуйте, ребята!“, говорю я возбужденно швейцарамъ! „Что, профессоръ пріѣхалъ?“

— „Никакъ нѣтъ, еще нѣту!“ отвѣчаетъ рослый семеновецъ съ черной бородой.

„По лѣстницѣ вверхъ и внизъ шмыгаютъ безпокойно лицеисты. Навстрѣчу мнѣ попадается маленькій, сутуловатый первый ученикъ Лицея З.

— „Ну, что? Какъ?“ безпокойно спрашиваетъ онъ меня.

— „Охъ, не говорите! Зубрилъ здорово, да вотъ кое-что уже забылъ. Кстати, скажите, въ чемъ заключается шведская система?“

— „Шведская система? Погодите, погодите... Вотъ въ чемъ“, начинаетъ объяснять З.

— „Вовсе не такъ“, перебиваетъ его подошедшій К. Они принимаются спорить. Я ничего понять не могу и отхожу отъ группы...

„Тѣмъ временемъ пріѣзжаетъ профессоръ. Нѣсколько учениковъ его окружаютъ. Я прохожу въ экзаменаціонную...

„Гвалтъ въ комнатѣ стоитъ ужасный. Лицеисты въ мундирахъ при шпагахъ суетятся, нѣкоторые ходятъ съ книгами...

„Вотъ бы мнѣ первый билетъ!“ — „А мнѣ законы о печати!“ — „Тсс!.. Тсс!.. Тише!!“

„Идетъ генералъ, инспектора, профессора, весело переговариваясь. Имъ хорошо, они только слушаютъ, не то, что намъ. Экзаменаторы садятся за традиціонный зеленый столъ. Передъ каждымъ изъ нихъ лежатъ бумага, карандаши... А. А. Рубецъ вѣеромъ раскладываетъ билеты. Два лицеиста подходятъ, берутъ.

— „У васъ какой?“

— „Шестой“.

— „А у васъ?“

— „Пятый“.

„Лицеисты садятся въ сторонѣ на такъ называемую „скамью подсудимыхъ“ и начинаютъ, молча, готовиться: они сидятъ, нагнувшись надъ программами и дѣлая невѣроятныя усилія припомнить все то, что „отжарили“ въ три дня по учебнику передъ экзаменомъ... Директоръ говоритъ о чемъ-то съ профессоромъ. Остальные лицеисты сидятъ по стѣнамъ и тихо шепчутся.

„Начинается опросъ. Первый лицеистъ отвѣчаетъ хорошо, кое-гдѣ запинается; профессоръ его спокойно поправляетъ... „Хорошо сегодня спрашиваетъ“, заключаетъ наша компанія. Моя очередь подходитъ ближе, ближе... Сердце все усиленнѣе колотится.

„Князь Олегъ Константиновичъ!“ вызываетъ Рубецъ.

„Я спокойно встаю, подхожу къ столу, беру билетъ. Попадаются временныя правила о печати 1906 года.

„Я сажусь на стулъ и въ первую минуту ничего хорошо сообразить не могу: оглядываю сосѣда, лицеистовъ, взглядываю на программу, мною же составленную, и начинаю вспоминать.

„Билетъ я знаю хорошо и наскоро повторяю всѣ тѣ пункты, которые я такъ старательно училъ дома... Но надо отвѣтить блестяще, и потому я обдумываю форму всего предстоящаго отвѣта. Тутъ же я рѣшаю, что буду отвѣчать не только временныя правила, но сдѣлаю предварительно обзоръ всѣхъ законовъ о печати за XIX вѣкъ.

„Предыдущій лицеистъ кончилъ свой отвѣтъ... Профессоръ дѣлаетъ мнѣ знакъ головой... Я начинаю. Голосъ немного дрожитъ; я говорю громко, но, вспомнивъ, что профессора этого не любятъ, начинаю сбавлять голосъ.

— „Нѣтъ, вы это оставьте и сразу отвѣчайте временныя правила“, говоритъ профессоръ.

„Меня удержали въ моемъ порывѣ, но нечего дѣлать.

— „Условія, которымъ долженъ удовлетворять издатель періодическаго изданія суть слѣдующія“... Я перечисляю всѣ пункты и спокойно продолжаю... Профессоръ опять перебиваетъ и спрашиваетъ, какія наказанія имѣетъ право налагать генералъ-губернаторъ. Я знаю отвѣтъ очень хорошо, такъ какъ помню, что онъ вписанъ въ моихъ запискахъ на правой страницѣ внизу, но отчего-то мнѣ страшно отвѣтить сразу, и для того, чтобы выгадать время, отвѣчаю на другой вопросъ. — „Нѣтъ, вы мнѣ отвѣтьте на это!“—„Я знаю“, говорю я и сразу выпаливаю отвѣтъ.

— „Ну, достаточно!“ говоритъ экзаменаторъ, обращаясь къ директору и ассистенту. Директоръ дѣлаетъ молча знакъ головой и процѣживаетъ сквозь зубы: „Прекрасно!“ „Кончено“, думаю я и вылетаю совсѣмъ мокрый изъ зала. „Слава Богу, — хорошо!“

„Послѣ экзамена я отправляюсь опять къ Спасителю, а потомъ ѣду къ другу.

— „Ну, сколько? Семерка?“ встрѣчаетъ онъ меня, улыбаясь.

— „Нѣтъ, 12!“

— „Я такъ и зналъ, а вѣдь какъ волновался! Ну, а какъ же мы теперь распредѣлимъ день?“ . . . . . .

Въ другой сценѣ находимъ непосредственное продолженіе разсказа.

„Какъ, неужели кончено? Неужели такъ просто кончилось то большое, что казалось безконечнымъ въ продолженіе 3 лѣтъ? И отчего вдругъ мнѣ стало грустно и опять весело и опять грустно?

„Въ коридорѣ мнѣ первымъ встрѣчается З. Его обычно сгорбленная маленькая фигурка какъ будто вдругъ выпрямилась:

„Поздравляю съ окончаніемъ“, говоритъ онъ мнѣ.

— Кончено! подтверждаетъ подошедшій К.

— „Кончено, кончено“, твержу я за ними и вдругъ чувствую, что жаль, что кончено, что внутри меня оторвалось что-то навсегда, ушло такъ далеко!

— „Да-съ, и это все!“ нѣсколько раскачиваясь своимъ грузнымъ тѣломъ, протягиваетъ К.

„Мнѣ не даютъ сосредоточиться. Направо, налѣво снуютъ лицеисты: они въ какомъ-то доселѣ небываломъ волненіи. Такое же волненіе передается и мнѣ.

— „К., послушайте, не знаю, какъ Вы, но я совсѣмъ обалдѣлъ и ничего не понимаю“.

— „Да-съ, обалдѣть можно, но все хорошо, что хорошо кончается, Олегъ Константиновичъ. Конецъ, и Богу слава. Послушайте, батюшкѣ Вы скажете рѣчь?

— „Да, я. Постараюсь сказать что-нибудь милое“. Я уже давно рѣшилъ, что скажу нашему батюшкѣ прощальную рѣчь отъ имени класса.

„Повторяя мысленно то, что мнѣ предстояло сказать, я двинулся въ залъ за толпой товарищей, которые шли туда въ послѣдній разъ, чтобы выслушать отмѣтки за послѣдній экзаменъ...

„Благодаримъ Тебя, Боже нашъ, яко сподобилъ еси насъ“..., скоро читалъ К., стоя впереди всей группы лицеистовъ.

„Я старался сосредоточиться... Слова молитвы мнѣ знакомы такъ давно! Невольно припомнилось мнѣ, какъ хлопотливая Н. заставляла меня учить эту молитву и сердилась, когда мнѣ это не удавалось; потомъ слушалъ я ее въ корпусѣ послѣ послѣдняго урока и нетерпѣливо ждалъ, чтобы дежурный кадетъ ее дочиталъ, чтобы ѣхать домой. Сколько разъ приходилось мнѣ читать эту молитву самому при смѣнявшихся законоучителяхъ и воспитателяхъ... Время шло, обстоятельства измѣнялись, я дѣлался все старше, а молитва оставалась все та же, слова ея не измѣнялись. И вотъ теперь, послѣ тринадцати лѣтъ ученья, мнѣ приходится слушать ее въ послѣдній разъ. Странное, жуткое чувство!

„Послѣ словъ этой молитвы какъ бы сразу распахнулась давно желанная дверь, ведущая насъ въ совсѣмъ новую, невѣдомую для насъ жизнь! Что

ждетъ насъ тамъ, впереди? Куда ведутъ открывшіяся передъ нами дороги? „Каждый изъ насъ“, думалъ я, „похожъ теперь на того богатыря, который стоитъ въ раздумьѣ передъ таинственнымъ камнемъ его судьбы и рѣшаетъ, какую дорогу выбирать. Каждый изъ насъ чувствуетъ себя потеряннымъ въ этомъ новомъ пути жизни. А назадъ уже нельзя. Та дверь, которая насъ впустила, неслышно закрылась, и намъ остались лишь воспоминанія о счастливой порѣ, когда мы могли безпечно жить, зная, что о насъ подумаютъ другіе.

„Лицеисты подходили подъ благословеніе къ присутствовавшему на экзаменѣ архіерею. „Поздравляю васъ съ успѣшнымъ экзаменомъ“, сказалъ онъ, нѣсколько смутившись, и вышелъ.

„Мы обступили батюшку.

„Дорогой батюшка!“ началъ я, выйдя немного впередъ: „только что выдержали мы нашъ послѣдній экзаменъ въ Лицеѣ и нашъ послѣдній экзаменъ у васъ. Мы всѣ собрались“... (тутъ я запнулся, подбирая слова), „чтобы сердечно, отъ всей души поблагодарить Васъ за Ваше къ намъ отношеніе“. . . . . .

. . . . . .

„Въ продолженіе моей дальнѣйшей рѣчи батюшка вертѣлъ свой золотой крестъ, посматривая на меня своими добрыми глазами.

„Мы всегда будемъ васъ вспоминать съ самыми лучшими, свѣтлыми чувствами“, закончилъ я свою рѣчь.

„Батюшка сказалъ намъ также нѣсколько напутственныхъ словъ. Когда онъ кончилъ, я закричалъ, слѣдуя обычаю Лицея: „Дорогому батюшкѣ ура!“ Всѣ подхватили, и мы съ криками „ура“ проводили его до дверей.

„У Спасителя, какъ всегда, было много народа. Какъ всегда, стояли у подъѣзда знакомыя мнѣ старушки съ кружками и сновали взадъ и впередъ сторожа. Жизнь тутъ шла своимъ обычнымъ порядкомъ... А у меня на душѣ было свѣтло, радостно и грустно въ то же время. Я долго стоялъ въ толпѣ и молился, вѣрнѣе, старался молиться. Я всматривался съ умиленіемъ въ ликъ Спасителя и, чѣмъ дольше это дѣлалъ, тѣмъ все свѣтлѣе и радостнѣе становилось у меня на душѣ. Строгіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добрые глаза Его какъ-то притягивали, манили къ себѣ.

„Благодарю Тебя, благодарю“... шептали мои губы... „Господи, помоги мнѣ дальше идти впередъ по намѣченной дорогѣ, никогда меня не оставь, вразуми, помоги!“...

„Стоящіе кругомъ меня тоже молились. Глаза всѣхъ были устремлены на этотъ ликъ. Кругомъ царила тишина, прерываемая иногда скорбнымъ вздохомъ какой-нибудь старушки или шопотомъ чьей-нибудь молитвы...

„Какъ сумасшедшій, вбѣжалъ я къ Н. Н. Ермолинскому, чтобы сообщить ему мою радость.

— „Гдѣ генералъ?“ на ходу спрашивалъ я.

— „Пожалуйте. Они одни въ кабинетѣ“.

Князь Олегъ Константиновичъ въ день производства
въ офицеры и Князь Георгій Константиновичъ.

— „Кончено, все кончено... послѣдній экзаменъ... 12... Лицей оконченъ“... говорилъ я, бросаясь къ нему на шею.

„Какое ужасное состояніе наступаетъ послѣ экзаменовъ! Слоняешься, какъ тѣнь, изъ комнаты въ комнату, ничего не понимаешь, ничего не можешь дѣлать. И сонъ послѣ экзаменовъ тяжелый. Это даже не сонъ, а какое-то утомительное и тяжелое состояніе безсознательности. Голова, какъ свинецъ. Мысли ужъ не текутъ, какъ бывало, торопясь и обгоняя другъ друга, а неподвижно лежатъ на мозгу, какъ будто давятъ его своей тяжестью. Ужасное состояніе! Иной разъ что-нибудь приснится: подскакиваешь на кровати отъ испуга, что не отвѣтилъ на вопросъ экзаменатора или сдѣлалъ ошибку... „Да, вѣдь, это прошло, это только во снѣ мнѣ пригрезилось!“ утѣшаешь себя и поворачиваешься на другой бокъ.

„Вскорѣ къ этому болѣзненному состоянію присоединилось у меня чувство тревоги относительно производства въ эстандартъ-юнкера“.

. . . . . .

Такъ продолжалось до 23 мая.

Въ день послѣдняго экзамена Князь Олегъ узналъ, что его напряженные труды нашли справедливую оцѣнку: онъ кончилъ Лицей съ серебряной медалью, а выпускное его сочиненіе „Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ юристъ“ было удостоено Пушкинской медали, что особенно его порадовало, такъ какъ Пушкинская медаль дается не только за научныя, но и за чисто литературныя достоинства сочиненія.

Съ 18 до 23 мая Князь Олегъ каждый день ожидалъ Высочайшаго приказа о назначеніи его въ Гусарскій полкъ вольноопредѣляющимся, но дни текли, а ожидаемое извѣстіе не приходило. Онъ нервничалъ, тосковалъ и не зналъ, чѣмъ объяснить такое промедленіе. Наконецъ, въ день Вознесенія пришло радостное извѣстіе, на которое Князь Олегъ совершенно не могъ разсчитывать. Вотъ какъ описано это событіе самимъ Княземъ въ „Сценахъ изъ моей жизни“:

„Наступилъ праздникъ Вознесенія. Уже за нѣсколько дней передъ нимъ Игорь и я были приглашены ѣхать съ Романомъ и Надей [1]) въ Знаменку, играть въ теннисъ. Предполагалось собраться у нихъ послѣ двѣнадцати и выѣзжать изъ Петербурга на моторахъ.

„Въ этотъ день меня какъ-то особенно тянуло въ церковь. Я какъ будто предчувствовалъ, что со мной должно произойти что-то необыкновенное, и передъ этимъ мнѣ хотѣлось помолиться. Подчиняясь этому влеченію, я направился утромъ въ храмъ памятника, пришелъ къ началу, сталъ въ толпѣ, но постоянная давка, входящіе и выходящіе мѣшали мнѣ сосредоточиться. Я давно былъ знакомъ сторожу, и онъ меня охотно впустилъ въ алтарь, гдѣ я и простоялъ всю обѣдню.

[1]) Князь Романъ Петровичъ и Княжна Надежда Петровна.

Крыльцо Осташевскаго дворца.
Факсимиле съ акварели Князя Олега Константиновича.

„Служба приближалась къ концу. Священникъ, причастивъ дѣтей, повернулся и вышелъ царскими вратами въ алтарь. Замѣтивъ меня, онъ сказалъ: „Нагните голову!“. Я послушался, хотя и не отдавалъ себѣ отчета, почему это нужно. Священникъ подошелъ и, держа чашу надъ моей головой, медленно благословилъ меня ею.

. . . . . .

„Когда мы пріѣхали въ Знаменку и вошли въ домъ, то увидали, что въ столовой уже наливала чай Анна Алексѣевна. Всѣ садились, двигали стульями, смѣялись, разговаривали. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ,—шумъ былъ невѣроятный.

— „Вамъ сколько кусковъ сахара?“

— „Два“.

— „Мнѣ не чая, а шоколада“.

— „Пожалуйста, не говорите всѣ разомъ“.

— „Ваше Высочество! Васъ просятъ къ телефону изъ Петербурга генералъ Ермолинскій“, сказалъ подошедшій къ столу лакей.

„Сердце у меня ёкнуло. Я поспѣшно всталъ, прошелъ маленькій коридорчикъ и очутился въ комнатѣ, гдѣ трещалъ телефонъ.

„Барышня!“ говорилъ лакей. „Со мной говорятъ изъ Петербурга, а Вы меня разъединили. Пожалуйста... Такъ точно. Его Высочество у телефона... Сейчасъ будутъ говорить.

„Я взялъ трубку.

„Николай Николаевичъ, это Вы?“

— „Да, получена телеграмма отъ Князя Орлова, что Государь Императоръ зачислилъ Васъ корнетомъ въ Л.-Гв. Гусарскій полкъ“.

— „Что?“

— Корнетомъ въ Гусарскій полкъ. Поздравляю.

— „Ничего не понимаю. Какой Гусарскій полкъ?“

— Государь Васъ зачисляетъ корнетомъ въ Гусарскій полкъ.

— „Не можетъ быть! Неправда! Ура—а—а!“

„При этихъ радостныхъ кликахъ влетаютъ въ комнату Романъ и Надя.

— „Что? Что такое? Что случилось?“

— „Государь меня зачислилъ въ Гусарскій полкъ корнетомъ... Только это ошибка, нечему радоваться!“ И, обратившись къ телефону, я спросилъ:

— „Николай Николаевичъ, кѣмъ я зачисленъ?“

— Корнетомъ.

— „Эстандартъ-юнкеромъ?“

— Корнетомъ, кор—не—томъ.

— „Это ошибка!“

— Никакой ошибки. Сущая правда.

„Надя и Романъ стояли въ дверяхъ, изумленные не менѣе моего.

„Только, ради Бога“, сказалъ я имъ, „не говорите никому про то, что слышали... О своемъ производствѣ я рѣшусь сказать только Игорю. Пойдемъ его искать“.

„Игорь, только что пріѣхавшій, стоялъ въ это время въ уборной, спиной ко мнѣ и мылъ руки.

„Господинъ пажъ!“ обратился я къ нему строго: „позвольте Васъ спросить, по какому праву Вы стоите ко мнѣ спиной?“

— Что? Ты съ ума...

— „Потрудитесь молчать! Съ Вами говоритъ корнетъ Гусарскаго полка“.

— Что? Неправда!

— Нѣтъ, правда. Получена телеграмма отъ Орлова.

— Ну!..

„Сердце мое было переполнено. Я бросилъ всю компанію и ринулся въ садъ... Перескочивъ разомъ нѣсколько ступеней крылечка флигеля, я побѣжалъ по дорожкѣ, вдоль чудныхъ кустовъ сирени, которая была въ полномъ цвѣту“...

На слѣдующій день Князь Олегъ, переодѣвшись въ военную форму, явился въ полкъ, а пять дней спустя, 29 мая 1913 года, состоялся Высочайшій приказъ, по которому всѣ окончившіе въ этомъ году лицеисты утверждались въ соотвѣтствующихъ гражданскихъ чинахъ. Князь Олегъ утверждался въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Приказъ этотъ вышелъ, слѣдовательно, тогда, когда Князь уже числился корнетомъ.

Князь Олегъ долженъ былъ начать совершенно самостоятельную жизнь, которой не суждено было, однако, оказаться продолжительной.

Князь Олегъ Константиновичъ пишетъ въ Осташевѣ свою послѣднюю акварель.

Осташевскій дворецъ.

1913—1914

Не успѣлъ Князь Олегъ явиться по начальству, объѣздить съ визитами офицеровъ и отдежурить въ полку, какъ сильное воспаленіе легкихъ въ связи съ плевритомъ приковало его къ постели и измѣнило всѣ предположенія и планы. Болѣзнь протекала нормально, но, благодаря предшествовавшему переутомленію организма, выздоровленіе шло медленно. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о продолженіи службы въ полку. Консиліумъ врачей, послѣ долгаго совѣщанія, вынесъ рѣшеніе о необходимости для Князя Олега четырехмѣсячнаго отпуска, который онъ долженъ былъ провести частью въ Осташевѣ, частью въ Крыму.

„Изъ-за плеврита“, пишетъ онъ въ „Сценахъ изъ моей жизни“, „я на лицейскій актъ не попалъ. Мнѣ было жаль не ѣхать въ Лицей и не присутствовать на церемоніи акта. Но что было дѣлать? Зато я былъ очень обрадованъ телеграммой князя Кочубея, гдѣ говорилось, что Государь жалуетъ мнѣ въ день лицейскаго акта знаки ордена Андрея Первозваннаго“.

Князю Олегу были доставлены присужденныя ему лицейскія медали, изъ которыхъ Пушкинскую онъ тотчасъ приказалъ положить рядомъ съ собою.

Во время болѣзни Князь Олегъ получилъ много поздравленій по случаю окончанія Лицея. Въ отвѣтахъ его на эти поздравленія всюду сквозитъ одна мысль: свой лицейскій періодъ онъ разсматриваетъ только какъ ступень къ какой-то другой, гораздо болѣе трудной и отвѣтственной работѣ. Въ письмахъ къ своимъ бывшимъ преподавателямъ онъ благодаритъ за сдѣланное для него добро и проситъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не отказать въ своей помощи и въ дальнѣйшей его дѣятельности. Особенно трогательно благодаритъ онъ одного изъ любимыхъ своихъ преподавателей А. А. Ешевскаго:

„Дорогой Александръ Аполлоновичъ! Ваше милое письмо меня очень обрадовало и глубоко тронуло. Не могъ сразу отвѣтить Вамъ, такъ какъ былъ боленъ и лежалъ въ постели. Теперь я поправился и на этихъ дняхъ собираюсь ѣхать въ деревню. Позвольте Васъ, дорогой мой, отъ всего сердца поблагодарить за все, что Вы для меня сдѣлали, за все то доброе и хорошее, чему Вы меня научили, за всѣ воспоминанія, которыя меня неразрывно связываютъ съ Вами. Надѣюсь и увѣренъ, что намъ когда-нибудь придется поработать вмѣстѣ съ Вами, можетъ быть, иначе, нежели мы это дѣлали до сихъ поръ, но все же поработать: поѣхать вмѣстѣ въ путешествіе подъ Вашимъ руководствомъ или же что-нибудь другое, о чемъ рано загадывать. Надѣюсь, что Вы, не стѣсняясь „педагогикой“, будете разъяснять мнѣ то, что меня приводитъ иногда въ недоумѣніе при изученіи нашей родины.—Былъ бы очень радъ, если бы Вы меня на будущій годъ навѣщали! Дай Богъ, чтобы тѣ пожеланія, которыя Вы мнѣ высказали въ письмѣ, дѣйствительно осуществились. Мнѣ хочется работать, много работать“ (4-го іюня 1913 г.).

Въ половинѣ іюня больной могъ уже переѣхать въ свое любимое Осташево, о которомъ онъ такъ мечталъ въ Петербургѣ. Въ „Сценахъ изъ моей жизни“ есть цѣлыя страницы, посвященныя впечатлѣніямъ этого переѣзда:

— „Ну, милыя!“ прикрикнулъ старый ямщикъ Иванъ на лошадей, и тройка понеслась... Галки, вороны, дотолѣ невозмутимо разгуливавшія по дорогѣ, шумно отлетѣли въ сторону. Мужикъ, шедшій навстрѣчу, остановился, провожая глазами скачущихъ коней. Мелькнулъ направо трактиръ подъ названіемъ „Стрѣльна“ и еще нѣсколько построекъ. За ними тянулась нарядная рощица, состоящая преимущественно изъ молодыхъ березъ, между стволами которыхъ виднѣлась рѣка, одинъ изъ притоковъ Рузы. Но вотъ Иванъ сталъ придерживать лошадей. Онъ осторожно завернулъ влѣво на бревенчатый мостикъ; экипажъ раза два тряхнуло, и вслѣдъ за этимъ сразу прекратилось дребезжаніе коляски и звонъ копытъ: мы очутились на проселочной дорогѣ. Наступила невозмутимая тишина. Въ первый разъ послѣ упорной зимней работы и треволненій послѣднихъ дней я вздохнулъ свободно. Вся грудь дышала и наслаждалась деревенскимъ воздухомъ.

„Вотъ, наконецъ“, думалъ я, „настала желанная минута. Трамваи, автомобили, телефоны—все, чѣмъ мы болѣемъ въ городѣ, все осталось позади. Ни гудковъ, ни звонковъ — ничего! Экзамены, профессора, Лицей, полкъ,

всѣ волненія, все, все теперь позади, никто и ничто меня не догонитъ. Боже, какъ хорошо!

„Гдѣ-то тамъ, далеко - далеко, люди кишатъ, волнуются, страдаютъ, любятъ, создавая себѣ обманчивые кумиры въ погонѣ за какимъ-то счастьемъ. Счастье!.. Да вотъ оно—счастье! Какъ хороша эта тишина, какъ хорошо это небо, этотъ лѣсъ, поле!..“

„Ну, Витязь, Витязь!“ покрикивалъ Иванъ: „чего тамъ? Экъ какой!“

„Усѣвшись поглубже въ кузовъ коляски и вытянувъ ноги, я созерцалъ все окружающее. Мимо меня тянулись поля съ молодою рожью, съ зелеными овсами, болотца, опушка лѣса. Вотъ выѣхали мы въ деревеньку Холстниково, гдѣ рядомъ съ дорогой прячется въ кустахъ старенькій домикъ, свидѣтель нашествія Наполеона... Тутъ проживаютъ никому неизвѣстные, всѣми забытые мелкіе помѣщики. У нихъ намъ случалось какъ-то останавливаться ночью въ грозу, когда не видно было больше дороги. Никогда мнѣ не забыть, какъ мы ихъ переполошили, когда постучались въ окно...

— „А что, Иванъ“, спросилъ я, замѣтивъ лежащія на дорогѣ кучи камней, „никакъ шоссе собираются дѣлать?“

— А кто ихъ вѣдаетъ! Пріѣзжали, мѣрили, да вотъ наворотили... Нѣтъ, имъ скоро шашу не сдѣлать!

„Шоссе,“ думалось мнѣ, „признакъ культуры, прогресса, этому надо радоваться: шагъ впередъ. Не будетъ тогда ни ямщиковъ, ни ухабовъ, ни троекъ. Начнемъ сюда ѣздить на автомобиляхъ и уже не два часа, а только часъ, можетъ статься, еще скорѣе... У имѣнья будетъ отличный сбытъ товаровъ въ городѣ, а газеты будутъ приходить на слѣдующій же день... Мало по малу повырастутъ фабрики, закипитъ промышленность. Направо и налѣво я больше не увижу необозримыхъ полей и лѣсовъ. Все застроится. Лѣсъ вырубятъ, дороги вымостятъ, болото высушатъ, и будутъ кругомъ красоваться вывѣски вродѣ „Коньякъ Шустова“, „Шины Проводника“ или „Пилюли Ара!“ И все это прогрессъ, все доказываетъ культурность края. Дай Богъ умереть къ тому времени!

— „Эй, тетка!“ крикнулъ Иванъ: „своротн-ка съ дороги. Ну, милые! Эй, Витязь, Витязь!“

„Мы въѣзжали въ нашъ лѣсъ. Налѣво стоялъ пограничный столбъ, мой старый пріятель, увидѣть котораго, послѣ долгой разлуки всегда такъ пріятно. Я снялъ фуражку и перекрестился: „Славу Богу—дома!“ Но прерванныя на минуту мысли опять взялись за свое.

„Не увижу я тогда всего этого, не подышу свободно. Негдѣ будетъ отдохнуть, негдѣ скрыться. И подумать-то страшно о томъ времени, когда передъ окнами нашего помѣщичьяго дома вырастетъ фабричная труба, чудное небо затянется облаками вонючаго дыма, воздухъ будетъ навсегда отравленъ, и пропадутъ поэзія и прелесть деревенской жизни. Какой ужасъ!

„Но вотъ вдалекѣ, посреди окружающаго лѣса, показалась вышка нашего дома, и черныя мысли отлетѣли куда-то въ сторону. Тройка наддала ходу.

Иванъ пріосанился, гикнулъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства въѣхалъ въ деревню. Въ концѣ широкой липовой аллеи показался классическій фронтонъ дома съ четырьмя большими колоннами. У подъѣзда насъ встрѣтила вся толпа служащихъ, поздравляя съ пріѣздомъ... Я бросился въ свою комнату, а оттуда на балконъ, чтобы поскорѣе увидать мой любимый видъ на рѣку. Вотъ она, вотъ она, красавица! Какъ тихо течетъ она между зелеными берегами, дѣлая изгибы вправо и влѣво. А тамъ за ней, на холмѣ, мирно спитъ деревня Жулино. Направо большой обрывъ, покрытый елками, спускается къ рѣкѣ и какъ будто любуется своимъ отраженіемъ въ ней. Дальше идутъ заливные луга, кое-гдѣ поросшіе кустами, а тамъ, за ними, виднѣется лишь узенькая полоска Рузы, но уже не голубая, а темно-синяя на фонѣ подернутаго дымкой лѣса. Тихо кругомъ, совсѣмъ тихо!..“

Описывая свою жизнь въ Осташевѣ, Князь Олегъ, очевидно, еще не успѣвшій хорошо оправиться послѣ болѣзни, съ огорченіемъ отмѣчаетъ, что не можетъ приняться за серьезныя занятія. Солнечный ударъ, который случился съ нимъ вскорѣ, еще болѣе затянулъ выздоровленіе.

20-го іюля онъ рѣшилъ предпринять поѣздку въ имѣніе Н. Н. Ермолинскаго, Домниху; недѣльное пребываніе тамъ успокоительно подѣйствовало на нервы Князя Олега:

„Люблю я эти путешествія по святой Руси“, пишетъ онъ въ тѣхъ же „Сценахъ изъ моей жизни“.—„Въ нихъ всегда такъ много поэзіи: открывающіеся виды, разговоры съ ямщикомъ, мирныя переживанія, спокойныя думы. Долгія поѣздки всегда служили моей, часто взволнованной, душѣ какимъ-то чудодѣйственнымъ, цѣлительнымъ средствомъ. Никакіе доктора, никакія лѣкарства не возвращали мнѣ такъ быстро душевнаго спокойствія.

„Вотъ за кустами, направо, показались зеленыя постройки усадьбы... Сердце забилось: ждутъ или не ждутъ?.. Солнце уже закатывалось. Изъ деревни доносился то лай собакъ, то скрипъ журавля, вытягивающаго изъ глубокаго колодезя воду... Тихо, мирно... Медленно подвигаемся мы вдоль густой акаціи. Усадьба все ближе, ближе... Вотъ залаяли на дворѣ собаки, и долговязый Султанъ неуклюжими прыжками подбѣжалъ къ воротамъ...

. . . . . .

— „Ну, голубчикъ, подождите. Теперь Вы въ моей власти“, говоритъ Николай Николаевичъ. — „Ахъ, и Андрей пріѣхалъ! Здравствуй, Андрей! Мы теперь твоему барину спуску не дадимъ!“

— „Это хорошо, Ваше Превосходительство, а то Ихъ Высочество у насъ все болѣютъ“, отвѣчаетъ съ соболѣзнующимъ видомъ славный мой Андрей.

. . . . . .

„Темнѣетъ... Въ залѣ шипитъ самоваръ. Кто пьетъ чай, кто играетъ въ трикъ-тракъ, кто раскладываетъ пасьянсы. Кто-то дребезжитъ на старомъ Виртовскомъ фортепьяно. Разговоръ идетъ мирный, тихій... Мнѣ не-

вольно вспоминается начало моего стихотворенія, написаннаго въ одинъ изъ такихъ вечеровъ въ Домнихѣ:

„Ужъ ночь надвинулась... Усадьба засыпаетъ...
Мы всѣ вокругъ стола въ столовой собрались.
Смыкаются глаза, но лѣнь намъ разойтись,
А сонный песъ въ углу старательно зѣваетъ“.

Въ Домнихѣ Князь Олегъ нѣсколько поправился, окрѣпъ и успокоился. Въ концѣ іюля онъ поспѣшилъ вернуться домой, такъ какъ въ Осташево ждали пріѣзда Великаго Князя, который въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лѣчился за границей. Въ „Сценахъ изъ моей жизни“ Князь Олегъ такъ описываетъ свою встрѣчу съ Августѣйшимъ отцомъ:

„Поздно вечеромъ я подъѣзжалъ на ямщикѣ къ Осташеву. По деревнѣ стояли драгунскія лошади на коновязяхъ [1]); въ свѣтящихся окнахъ избушекъ были видны солдаты, которые по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ сидѣли вокругъ стола и бесѣдовали съ крестьянами. Я зналъ, что въ домѣ остановились офицеры и проѣхалъ къ флигелю задворками. Меня встрѣтилъ Игорь и сказалъ, что Папа еще не спитъ. Въ одну минуту я переодѣлся и пошелъ къ Папа. Сердце билось отъ ожиданія предстоящей встрѣчи. Я не видѣлъ его ровно 11 мѣсяцевъ. „Какимъ я его встрѣчу, какой у него будетъ видъ?“ думалъ я. „Вѣдь за это время произошло такъ много!“...

„Я потихоньку вошелъ въ уборную и остановился въ дверяхъ. Папа стоялъ ко мнѣ спиной и мылъ руки.

— „Здравствуйте, Пасъ!“ сказалъ я. „Честь имѣю явиться!“—Папа быстро обернулся. Лицо его освѣтилось доброй, ласковой, только ему свойственной, особой улыбкой. Было видно, что онъ очень доволенъ моему пріѣзду, и это меня еще больше радовало“.

На слѣдующій день оказалось, что одинъ изъ офицеровъ остановившагося въ Осташевѣ полка былъ товарищемъ Князя Олега по Александровскому корпусу. Записи въ „Сценахъ изъ моей жизни“, разсказывающія объ этой встрѣчѣ, ярко обрисовываютъ Князя Олега въ разныхъ отношеніяхъ:

— „Олегъ, ты знаешь, что этотъ маленькій офицеръ, который стоитъ тамъ въ углу“, говорилъ мнѣ Игорь послѣ завтрака, — „тотъ самый Т., который сидѣлъ съ тобой на одной скамейкѣ въ Александровскомъ корпусѣ?“

— „Не можетъ быть!“

„Я подошелъ къ офицеру.

— „Послушайте, неужели это мы съ Вами тогда учились въ корпусѣ?“

— „Да, со мной. А Вы помните?“

---

[1]) 1-й Лейбъ-Драгунскій Московскій полкъ, отправляясь въ лагерь, всегда проходилъ черезъ имѣніе Великаго Князя.

— „Какъ же не помнить; но я Васъ совсѣмъ не узналъ. А гдѣ Г., Е., всѣ другіе?“

— „М. и Ж. въ Пажескомъ корпусѣ“, отвѣчалъ Т. и началъ перебирать всѣхъ нашихъ старыхъ товарищей.

„Въ это время я внимательно вглядывался въ черты его моложаваго лица, которыя, не успѣвъ еще совсѣмъ возмужать, все же измѣнились до неузнаваемости. Не вѣрилось глазамъ, что это — тотъ самый Т., съ которымъ мы тогда дружили. Я старался прочитать въ его взглядѣ все, что произошло съ нимъ за 10 лѣтъ. Мнѣ хотѣлось понять его мысли, его душу, его самого.

— „Онъ остался такимъ же“, думалъ я, „чистымъ, кроткимъ и добрымъ... Все та же въ немъ замѣтна разсѣянность и большая скромность... Онъ одинъ изъ тѣхъ, кто храбръ не на словахъ, а на дѣлѣ, кто не устрашится смерти и совершитъ подвигъ незамѣтно для всѣхъ, исключительно потому, что это нужно и должно“.

„Къ подъѣзду подвели верховыхъ лошадей. Онѣ весело ржали и рыли ногами землю. Я съ удовольствіемъ сѣлъ на Риголетто [1]), впервые надѣвъ саблю, и сдѣлалъ на немъ по двору два круга галопомъ. Глупое чувство самодовольства и наслажденія овладѣваетъ мною всегда въ подобныя минуты“.

По возвращеніи изъ Домнихи Князь Олегъ началъ понемногу подготовляться къ офицерскимъ экзаменамъ: милость Государя, зачислившаго его безъ экзамена корнетомъ въ Гусарскій полкъ, вызвала въ немъ желаніе выдержать испытаніе при одномъ изъ училищъ, чтобы оказаться уже вполнѣ достойнымъ носимаго имъ званія. Для подготовки по иппологіи и уставамъ онъ пригласилъ къ себѣ въ Осташево адъютанта Николаевскаго Кавалерійскаго Училища штабсъ-ротмистра Д. Ѳ. Зякина, а потомъ списался съ подполковникомъ Генеральнаго Штаба А. И. Андогскимъ, съ которымъ предполагалъ проходить всѣ прочіе предметы уже въ Крыму.

Учебныя занятія нисколько не мѣшали Князю Олегу отдаваться въ то же время охотѣ, пчеловодству, музыкѣ, рисованію [2]) и литературной работѣ. Въ іюлѣ въ Осташевѣ онъ началъ, между прочимъ, передѣлывать свой романъ „Вліянія“ и написалъ совершенно наново пять первыхъ главъ.

31-го іюля Князь Олегъ въ сопровожденіи штабсъ-ротмистра Зякина выѣхалъ въ имѣніе Великаго Князя Георгія Михайловича „Харакеъ“, гдѣ и прожилъ безвыѣздно два мѣсяца. По утрамъ онъ много занимался, читалъ, писалъ. Между прочимъ, въ „Харакеѣ“ цѣликомъ написана была его вторая трехактная пьеса, которой онъ, такъ же, какъ и первой, остался недоволенъ и потому никому ее не показывалъ. Вечера Князь Олегъ проводилъ обык-

---

[1]) Строевая лошадь Князя Олега.

[2]) Въ половинѣ іюля пріѣхалъ въ Осташево А. Н. Юдинъ. Подъ его руководствомъ Князь Олегъ написалъ послѣднюю свою акварель (см. стр. 152).

новенно въ „Дюльберѣ“, гдѣ въ то время жила семья Великаго Князя Петра Николаевича.

Во второй половинѣ октября Князь Олегъ вернулся въ Павловскъ, явился въ полкъ и началъ нести всѣ наряды. Сперва дѣло шло хорошо, но послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Павловскѣ новое воспаленіе легкихъ и новый плевритъ разрушили его планы. Необходимость заставила опять взять четырехмѣсячный отпускъ для основательнаго лѣченія. Доктора колебались, посылать ли больного въ Осташево, или въ Швейцарію, но Князь Олегъ рѣшительно заявилъ, что заграницу онъ не поѣдетъ, одиночества же, угрожающаго ему въ Осташевѣ, не боится. Тогда консиліумъ докторовъ, во главѣ съ лейбъ-хирургомъ Д. А. Муриновымъ, рѣшилъ просить женщину-врача Д. С. Тауберъ, завѣдывающую земской Осташевской больницей, принять на себя постоянное наблюденіе за больнымъ и слѣдить за выполненіемъ имъ соотвѣтствующаго режима.

Начались сборы къ отъѣзду, къ которому Князь Олегъ готовился по-своему: послѣ консиліума въ Павловскѣ былъ выписанъ съ цѣлымъ ворохомъ книгъ книгопродавецъ Базыкинъ. Лежа въ постели, Князь Олегъ цѣлый день перебиралъ привезенныя изданія и къ вечеру накупилъ цѣлую библіотеку.

Въ воспоминаніяхъ Базыкина эпизодъ этотъ описывается слѣдующимъ образомъ:

„Осенью 1913 г. явился ко мнѣ по порученію Его Высочества Макаровъ, чтобы узнать, какъ собирается у меня Пушкиніана, заказанная еще весною Княземъ Олегомъ Константиновичемъ. При этомъ Макаровъ сообщилъ, что Его Высочество лежитъ въ кровати и будетъ радъ, если я пріѣду съ книгами въ Павловскъ.

„На слѣдующій день я собралъ 6 большихъ пачекъ книгъ и поѣхалъ въ Павловскъ. Его Высочество лежалъ въ кровати. Воспаленіе легкаго проходило, но кашель еще былъ сильный. Князь Олегъ Константиновичъ выразилъ свое удовольствіе. Стали разбирать привезенныя книги и, прежде всего, письма писателей. Тутъ были письма А. Плещеева, Островскаго и др. Между прочимъ, тутъ оказался написанный на синемъ листкѣ бумаги акаѳистъ мировому посреднику, который случайно былъ купленъ мною съ разными бумагами. Этотъ акаѳистъ такъ разсмѣшилъ Его Высочество, что онъ хохоталъ отъ души.—„Что еще есть?“ спросилъ онъ. Я отвѣтилъ, что много книгъ, но боюсь, какъ бы не утомить Его Высочество.— „О, нѣтъ, я очень радъ“, и когда я вносилъ пачку за пачкой книги и такую наложилъ гору, что Князь Олегъ Константиновичъ очутился весь въ книгахъ, то снова звонкій смѣхъ раздался въ комнатѣ; потомъ Олегъ Константиновичъ говоритъ: „О Боже, да вы цѣлый магазинъ привезли! Ну, хорошо, я буду смотрѣть и отбирать книги, а вы пойдите посмотрѣть во дворцѣ рѣдкости, предметы старины, картины, фарфоръ, гравюры и т. п.“ Я съ радостью поблагодарилъ и пошелъ съ Макаровымъ. По моемъ возвращеніи

Его Высочество сказалъ: „Сожалѣю, что не могу встать, я показалъ бы Вамъ все самъ и провелъ бы въ библіотеку“. При этомъ онъ замѣтилъ, что надо издать каталогъ съ краткимъ описаніемъ книгъ и снимками съ рѣдкихъ изданій.

„Спустя нѣкоторое время, Князь Олегъ Константиновичъ уѣхалъ въ Осташево. По указанію Его Высочества я собралъ еще большую пачку книгъ о Пушкинѣ, которую онъ увезъ съ собой“.

26 ноября Князь Олегъ получилъ новый четырехмѣсячный отпускъ и выѣхалъ въ тотъ же день въ Осташево.

Къ сожалѣнію, подчинялся строгому режиму онъ недолго и уже 4 декабря участвовалъ въ охотѣ на лосей, результатомъ чего было новое, правда, незначительное заболѣваніе.

„Вчера, оставшись одинъ, безъ надзора“, пишетъ онъ въ дневникѣ, „я отправился на запрещенную мнѣ докторами охоту на лосей, которая въ концѣ концовъ могла стоить мнѣ очень дорого. Выѣхали на саняхъ въ 10 утра Макаровъ, Аникѣевъ и я. Нашли подъ Красинымъ слѣды лосей, стали дѣлать круги. Опредѣливши мѣсто ихъ нахожденія, отправились послѣ краткаго совѣщанія въ кругъ пѣшкомъ (обставить все мѣсто флажками было бы безразсудно). Наконецъ, послѣ долгой ходьбы по цѣльному снѣгу, который ежеминутно проваливался, причемъ ноги попадали въ воду, мы напоролись на лосей и, затаивъ дыханіе, любовались ими цѣлый часъ. Картина была поразительная: передъ нами стояла корова и молодой бычокъ. Бычокъ замѣтилъ насъ и подвинулся къ намъ. По всей вѣроятности, онъ по молодости лѣтъ не понималъ, что, собственно, представилось его глазамъ. Корова постояла, а потомъ легла. Ее охранялъ взрослый, старый быкъ (5 или 6 отростковъ). Недалеко находился и молодой бычокъ. Они разъ даже прошли мимо насъ на разстояніи 50 шаговъ, но стрѣлять я не рискнулъ: было слишкомъ лѣсистое мѣсто и много деревьевъ передо мной.

„Молодой бычокъ былъ очень комиченъ со своей длинной бородкой. Мы любовались лосями до тѣхъ поръ, пока они ясно не различили враговъ и не бросились отъ насъ. Пріѣхали мы домой въ 5 ч. Хотѣлось спать, но, желая сохранить хорошій сонъ для ночи, я сталъ насильно читать книгу Щеголева „Пушкинъ“. Ночью бредилъ Пушкинымъ, не спалъ, а утромъ въ 6 часовъ температура—38,2°“.

Послѣ этого опыта можно было, казалось бы, ожидать отъ Князя Олега большаго благоразумія въ отношеніи своего здоровья. Однако ровно черезъ 10 дней онъ снова ѣдетъ охотиться на лосей и, къ его великому восторгу, убиваетъ громаднаго быка.

Между тѣмъ, жизнь въ полномъ одиночествѣ начинаетъ нѣсколько тяготить Князя Олега; работа не спорится, настроеніе часто тоскливое. Все это побуждаетъ его, по соглашенію съ Н. Н. Ермолинскимъ, переѣхать изъ Осташева въ Домниху.

Князь Олегъ Константиновичъ въ февралѣ 1914 г.

Женщина-врачъ Д. С. Тауберъ, пользовавшая Князя Олега въ Осташевѣ, писала по этому поводу лейбъ-хирургу Муринову:

... „Въ Осташевѣ человѣку молодому, привыкшему жить въ семьѣ, въ обществѣ пріятныхъ ему людей, трудно было воздержаться отъ всякихъ поѣздокъ на охоту, верхомъ и т. д. Благодаря одиночеству Князь плохо питался и, какъ только пріѣхали пріятные для него люди, онъ сталъ лучше ѣсть. За все время своего пребыванія въ Осташевѣ онъ прибавилъ всего 2 фунта въ вѣсѣ. Температура иногда, хотя рѣдко, повышалась до 38°, но на другой же день падала до нормы. Повышеніе это иногда совпадало съ прогулками на охоту“.

Періодъ времени съ 26 декабря по 3 марта 1914 г., проведенный Княземъ Олегомъ въ Домнихѣ, былъ наиболѣе плодотворнымъ по количеству написанныхъ имъ литературныхъ произведеній. За два мѣсяца онъ значительно подвинулъ свой романъ „Вліянія“, написалъ повѣсть „Ковылинъ“ и „Сцены изъ моей жизни“. Въ то же время онъ трудился надъ исторіей Л.-Гв. Гусарскаго полка въ эпоху войны 1877—1878 г.г. и началъ работы по біографіи своего Августѣйшаго дѣда. Если прибавить къ этому, что онъ ежедневно занимался музыкой и къ половинѣ января успѣлъ перечитать всѣ купленныя имъ у Базыкина книги, то станетъ очевидной его замѣчательная трудоспособность.

Въ письмѣ отъ 14 января 1914 г. къ Базыкину онъ уже проситъ прислать ему цѣлый рядъ книгъ, нужныхъ ему для работы. Не безынтересенъ списокъ ихъ: „Остафьевскій архивъ“, „Письма Пушкина“ въ изданіи Академіи Наукъ, „Пушкинъ“ Майкова, „Письма Чаадаева“, „Великій Князь Николай Николаевичъ“ ген. Скалона, „все, что касается Великаго Князя Константина Николаевича“, „Цареубійство 11 марта“ и др.

Въ своемъ дневникѣ Князь Олегъ записываетъ 7 января: „Сидѣлъ почти все время за первымъ выпускомъ Пушкина и его современниковъ, наслаждался перепиской Тургенева, Осиповой и брата и сестры Вульфъ“. А въ письмѣ къ А. А. Рубцу отъ того же 7 января Князь Олегъ, предлагая рядъ вопросовъ по поводу изданія рукописей Пушкина, между прочимъ, замѣчаетъ:

„Воображаю, какъ меня бранятъ всѣ пушкиніанцы за то, что не продолжаю работы! Но они горько въ этомъ случаѣ ошибутся: надъ Пушкинымъ я работаю больше, чѣмъ когда-либо, и намѣренъ, какъ только появлюсь на горизонтѣ, сразу двинуть работу. Очень прошу Васъ не отказать мнѣ въ помощи. Не знаете ли Вы, сколько прозы Пушкинской въ нашемъ музеѣ. Во всякомъ случаѣ, все лицейское хочу помѣстить во второмъ выпускѣ“.

Особенно увлекала Князя Олега работа надъ біографіей его Августѣйшаго дѣда, уже давно имъ задуманная. Получивъ теперь разрѣшеніе Великаго Князя прочитать дневники В. К. Константина Николаевича, онъ выражаетъ свою большую радость: „Ты не можешь себѣ представить“, пи-

шетъ онъ Великой Княгинѣ 10 января, „какъ я обрадовался, когда узналъ отъ Тебя, что Папа согласился дать мнѣ дневники Аппапа. Жду ихъ съ нетерпѣніемъ“.

Въ письмѣ къ профессору Э. Л. Радлову отъ 3 февраля 1914 г. онъ сообщаетъ:

„За это время я успѣлъ довольно много прочитать. Читалъ о Пушкинѣ и по вопросамъ музыки. Кромѣ того, готовлю здѣсь одну работу, о которой по нѣкоторымъ причинамъ просилъ бы Васъ не распространяться—біографію моего Дѣдушки. Личность его меня очень давно интересовала, и написать его подробную біографію составляло мою лучшую мечту еще въ дѣтствѣ. Мой отецъ разрѣшилъ мнѣ пользоваться дневниками покойнаго Великаго Князя, которые онъ велъ изо дня въ день. Само собою разумѣется, печатать все—невозможно; надо будетъ дѣлать выборки. Для этой работы началъ читать Шильдера, начиная съ Александра I, чтобы ясно понять исторію XIX вѣка: Но, конечно, этими книгами я буду пользоваться не такъ ужъ много. Главное—дневники, переписка, отзывы современниковъ и точное изученіе трудовъ Великаго Князя.

„Мы прочитали съ Николаемъ Николаевичемъ матеріалы Головнина для біографіи Дѣдушки отъ 1824 до 1857 года; не знаю, есть ли продолженіе.

„Въ прошломъ году вышла книжка Житкова, „Свѣтлой памяти Генералъ-Адмирала“. Ее мы также прочитали. Въ матеріалахъ Головнина замѣтно нѣкоторое кажденіе, что не дѣлаетъ ихъ, однако, менѣе интересными. Не знаю, что за господинъ былъ Головнинъ; говорятъ, что личность эта была „темная“. Говорятъ, что и сотрудники Дѣдушки были не всегда очень достойные люди. Не знаю. Въ одномъ только убѣжденъ: онъ всегда желалъ добра и видѣлъ добро въ другихъ, что, можетъ быть, мѣшало ему замѣчать недостатки въ людяхъ. Итакъ, вернемся къ Головнину. Онъ напечаталъ (вѣрнѣе, помѣстилъ, такъ какъ записки, насколько знаю, не напечатаны) письма Государя Николая Павловича къ Дѣдушкѣ. Эти письма во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательны. Сдѣлаю нѣсколько выдержекъ:

„Обязанность твоя священна, и ты долженъ о ней чаще помышлять, чтобы быть достойнымъ своего назначенія“ (9 сент. 1843 г.).

„Помни, что всѣ глаза на тебя устремлены..., но свои замѣчанія держи для себя, для тѣснаго домашняго круга“ (26 дек. 1845 г. передъ путешествіемъ въ Италію) и т. д. Въ этихъ письмахъ Императоръ Николай I великолѣпенъ!

„Не можете ли Вы сообщить мнѣ, что такое былъ министръ просвѣщенія Головнинъ, есть ли его біографія и т. д. Кромѣ того, если у Васъ будетъ время, черкните мнѣ, знаете ли Вы что-нибудь о моемъ Дѣдушкѣ, видали ли Вы его, зналъ ли его В. С. Соловьевъ, какого Вы объ немъ мнѣнія, есть ли у Васъ на примѣтѣ какіе-нибудь по этому дѣлу матеріалы.

„Личное мое бумагомараніе понемногу двигается впередъ. Жизнью моею я очень доволенъ. Вы знаете, что я люблю деревню, а занятія, кромѣ того, даютъ мнѣ много наслажденія“.

Несмотря на такую усиленную работу, здоровье Князя Олега въ Домнихѣ значительно улучшилось; настроеніе также было превосходнымъ.

„Я отдыхаю тутъ душой и тѣломъ“, пишетъ онъ 14 января Д. А. Муринову. „Нервы какъ рукой сняло! Вы были, конечно, правы, когда посылали меня въ деревню. Вѣсъ, два дня назадъ, 3 пуда 18 ф. Температура нормальная. Давно я такъ не наслаждался, какъ за этотъ періодъ времени. Невозмутимое спокойствіе, невозмутимая тишина имѣли всегда благотворное дѣйствіе на меня!“

Тихая деревенская жизнь, прекрасная природа, увлеченіе любимой работой дѣйствовали на Князя Олега живительно, и въ своихъ письмахъ къ родныхъ и знакомымъ онъ постоянно выражаетъ свое довольство:

„Мы тутъ великолѣпно живемъ. Мнѣ никогда не бываетъ скучно... Красота кругомъ замѣчательная, особенно вечеромъ при закатѣ солнца. Въ это время краски неба бываютъ изумительныя, иногда лилово-розовыя, а порой темно-синія“ (изъ письма къ Великой Княгинѣ отъ 10 янв. 1914 г.).

„Здѣсь чудно. Сразу сталъ прибавлять въ вѣсѣ, ѣмъ, сплю отлично. Я давно зналъ, что лучше всего мнѣ поправляться—здѣсь. Тутъ такъ хорошо—спокойно, спокойно“ (изъ письма къ Князю Игорю Константиновичу отъ 31 дек. 1914 г.).

Вечерами обитатели Домнихи собирались обыкновенно всѣ вмѣстѣ. Князь Олегъ игралъ съ дѣтьми, собственноручно клеилъ для нихъ театръ, давалъ на немъ представленія, принималъ участіе въ шарадахъ. Онъ былъ вообще способенъ проводить съ дѣтьми, не скучая, очень много времени, и умѣлъ пріобрѣтать ихъ большую любовь.

Умиротворенное настроеніе Князя Олега ярко отразилось въ письмѣ его къ П. Г. Васенкѣ изъ Домнихи 9 января 1914 года: „Вы знаете, какъ я люблю Ермолинскихъ! Ихъ отношеніе ко мнѣ прямо трогательно. Елена Михайловна, дай Богъ ей здоровья, мой ангелъ-хранитель: она меня держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ, откармливаетъ, ругаетъ, лѣчитъ. Я ей во всемъ безпрекословно повинуюсь, стыдно было бы дѣлать иначе, но, кромѣ этого, она—единственный человѣкъ (и Николай Николаевичъ тоже), которыхъ я слушаюсь“.

Между тѣмъ, время шло, и, по мѣрѣ приближенія къ концу отпуска, Князь Олегъ началъ волноваться: ему казались недостаточными теоретическія свѣдѣнія, вынесенныя имъ изъ уроковъ съ штабсъ-ротмистромъ Зякинымъ; страшила его также новая среда и обстановка. Волненія эти разрѣшились совершенно неожиданно телеграммой Августѣйшаго Главнокомандующаго, который, освѣдомившись о слабомъ здоровьѣ Князя Олега, испросилъ Высочайшее соизволеніе на дарованіе ему безсрочнаго отпуска впредь до

выздоровленія. Извѣстіе о такомъ оборотѣ дѣла сначала обрадовало Князя Олега: оно давало ему возможность не торопиться съ возвращеніемъ въ часть и спокойно готовиться къ предстоящей строевой службѣ.

Но, съ другой стороны, онъ несомнѣнно, чувствовалъ нѣкоторую неловкость: числиться въ полку и не нести службы было для него, видимо, очень непріятно, такъ какъ ставило его въ какое-то привилегированное положеніе.

„Скоро будетъ три мѣсяца“, пишетъ онъ своему эскадронному командиру графу А. С. Велепольскому 12 февраля 1914 г., „какъ я взялъ второй отпускъ и уѣхалъ лѣчиться въ деревню. За это время я употребилъ все, что было въ моей власти, чтобы какъ можно скорѣе оправиться отъ двухъ легочныхъ заболѣваній, которыя, къ несчастью, совпали съ началомъ моей службы въ полку. Лейбъ-хирургъ Муриновъ, пріѣзжавшій сюда въ концѣ января, нашелъ, что въ легкихъ въ настоящее время не осталось почти слѣдовъ плеврита, но рѣшительно протестуетъ противъ моего возвращенія въ полкъ этой весной. Сознаніе того, что я лишенъ возможности въ настоящее время нести строевую службу подобно остальнымъ офицерамъ — очень тяжело. Я глубоко чувствую мое фальшивое положеніе, и чувство это не даетъ мнѣ покоя. Муриновъ убѣжденъ, что я не настолько еще окрѣпъ, чтобы безнаказанно нести строевую службу: малѣйшее заболѣваніе или простуда сразу отразятся на легкихъ. Вслѣдствіе этого я принужденъ воспользоваться отпускомъ, дарованнымъ мнѣ по личному ходатайству Главнокомандующаго. Я все время думалъ, что этой милостью можно будетъ и не воспользоваться. Но, какъ видите, это не удается...

„Сознавать, что я лишенъ возможности, подобно остальнымъ офицерамъ, нести службу — очень тяжело. Я глубоко чувствую мое фальшивое положеніе въ полку, о чемъ даже писалъ отцу.

„Желая принести хоть малѣйшую пользу, я началъ заниматься при любезномъ содѣйствіи барона Мейендорфа имѣющимися у него записками объ участіи лейбъ-гусаръ въ Турецкой войнѣ. Изданіе этихъ матеріаловъ не прошло бы даромъ для будущаго историка нашего полка.

„Баронъ Мейендорфъ совѣтуетъ мнѣ ознакомиться съ приказами за время похода 1877—1878 года, которые хранятся въ полковомъ архивѣ. То же самое я хочу немедленно сдѣлать съ записками полковника Ермолаева и другими бумагами, присланными мнѣ барономъ Мейендорфомъ... Мнѣ очень хотѣлось бы знать, какъ Вы взглянете на такую работу, не найдутъ ли чего противъ этого въ полку и возможно ли снять копіи съ документовъ, хранящихся у насъ“.

Мысли о будущей дѣятельности не переставали волновать Князя Олега. Вопросъ, какую дорогу въ жизни слѣдуетъ ему избрать, являлся все чаще и чаще. Записи въ дневникѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ постоянно возвращался къ этому предмету и, по мѣрѣ улучшенія здоровья, чувствовалъ потребность въ живой работѣ, приливъ энергіи.

„Занимаюсь сейчасъ“, записываетъ онъ въ дневникъ 2 февраля 1914 г., „біографіей Анпапа. Вотъ это былъ настоящій государственный мужъ! Боже, если бы я могъ надѣяться работать, какъ онъ. Дѣлать такъ хочется, такъ надо!“

Трудиться для блага родины, приносить наибольшее количество пользы — это основная цѣль жизни Князя Олега, какъ онъ представлялъ ее себѣ. Но для достиженія этой цѣли, по его мнѣнію, предстояло пройти длинный путь, и прежде всего надо было много работать надъ собой, какъ въ смыслѣ нравственнаго самоусовершенствованія, такъ и въ смыслѣ пріобрѣтенія необходимыхъ знаній и навыковъ.

Въ мартѣ Князь Олегъ отправился въ Петербургъ, гдѣ оставался до половины апрѣля. Жизнь его въ Мраморномъ дворцѣ была въ общемъ довольно однообразна, хотя онъ имѣлъ возможность чаще видѣть тѣхъ людей, которые его интересовали.

Судя по его дневнику, мысли его были заняты тѣми же вопросами, что и въ Домнихѣ:

„Мнѣ надо работать“, заноситъ онъ въ тетрадь 8 марта: „передо мною громадное поле, на которомъ можно многое сдѣлать, и я хочу дѣлать, но надо быть къ этому готовымъ“.

„Боже, какъ мнѣ хочется работать на благо Россіи... Но не одна военная служба должна быть нашимъ поприщемъ. Въ сущности говоря, мы ничуть не ушли отъ Павловскихъ обычаевъ и нравовъ. Если бы намъ вернуть ботфорты и парики, то мы бы стали настоящими капралами: „Направо! налѣво! здорово, братцы!..“ Нѣтъ, не это одно должно быть нашимъ занятіемъ. Намъ надо бы дѣлать дѣла покрупнѣе!“ (30 марта).

Въ половинѣ апрѣля Князь Олегъ отправился снова въ Осташево. Время проходило въ занятіяхъ литературой, музыкой и охотой. Кромѣ того, онъ занимался подготовкой къ офицерскимъ экзаменамъ и біографіей своего Августѣйшаго дѣда, личностью котораго увлекался все больше и больше.

„Бумаги разобраны почти окончательно“, сообщаетъ онъ въ письмѣ отъ 3 мая Н. Н. Ермолинскому, „прочитано кое-что по Лутковскому, который былъ, какъ кажется, страшнымъ нудой. Дневники—прелесть. Вся исторія жениховства такъ меня увлекла, что я просто не могъ оторваться отъ чтенія“.

Но книги не могли отвлечь Князя Олега отъ жизни, и литературныя занятія не отнимали у него интереса къ деревнѣ. Его живая натура была не въ состояніи остаться равнодушной къ окружающему. Крестьянская жизнь, давно привлекавшая его вниманіе, стала ему понятнѣе. Князь, такъ жаждущій работы на пользу родинѣ, ближе знакомится съ бытомъ крестьянъ, съ ихъ горестями, и со свойственной ему отзывчивостью строитъ планы борьбы съ отрицательными сторонами жизни деревни.

Зимою этого года Князь Олегъ познакомился съ лицомъ, послужившимъ ему образцомъ для его „Ковылина“. Князь самъ искалъ знакомства

съ этимъ человѣкомъ, о дѣятельности котораго на пользу крестьянъ онъ слышалъ много разсказовъ. Этотъ „народолюбецъ“, какъ Князь Олегъ его называетъ, произвелъ на него сильное впечатлѣніе: безграничная доброта, скромность и простота, планомѣрная, самоотверженная культурная работа, вызвали въ Князѣ Олегѣ восхищеніе, и многія страницы его дневника посвящены описанію этого идейнаго труженика. Пріѣхавъ весною въ Осташево, онъ подѣлился своими мыслями и планами съ лѣчившей его весною Д. С. Тауберъ. „Нерѣдко“, пишетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ, „мы говорили съ Княземъ Олегомъ Константиновичемъ о невѣжествѣ, некультурности и пьянствѣ нашихъ крестьянъ и о необходимости отвлечь русскій народъ отъ трактировъ и монополекъ и дать ему возможность развиться и получить образованіе“.

Въ апрѣлѣ 1914 года, по словамъ Д. С. Тауберъ, возникъ у Князя Олега планъ устройства въ Осташевѣ „просвѣтительнаго учрежденія вродѣ народнаго дома, въ которомъ была бы библіотека, читальня; во главѣ ихъ должно было стать лицо, которое могло бы руководить чтеніемъ, указывать читателю, какая книга для него полезна; это же лицо могло бы по праздничнымъ днямъ вести чтенія съ туманными картинами по беллетристикѣ, исторіи, естественнымъ наукамъ. Тамъ же можно было бы вести религіозно-нравственное чтеніе. Кромѣ того, агрономъ читалъ бы по агрономіи, врачи — популярную гигіену, санитарію и медицину. Время отъ времени можно было бы устраивать и спектакли. Словомъ, было бы такое учрежденіе, куда рабочій или крестьянинъ шелъ бы съ удовольствіемъ, проводилъ бы тамъ свой досугъ, отдохнулъ бы отъ трудового дня и возродился бы нравственно и физически“.

Отношеніе къ крестьянамъ, какъ отмѣчаетъ Д. С. Тауберъ, у Князя Олега было всегда самое лучшее: стоило кому-нибудь обратиться къ нему со своей нуждой, и онъ немедленно же спѣшилъ на помощь. Д. С. Тауберъ сообщаетъ лично извѣстные ей факты, когда Князь Олегъ, узнавая о какой-либо нуждѣ крестьянъ, стремился оказать имъ поддержку. Эта черта замѣтна у него была еще въ ранней юности, когда онъ лично вмѣстѣ съ братомъ своимъ Княземъ Игоремъ иной разъ выкашивали косилкой для бѣдной крестьянки ея поле. Теперь его „народолюбчество“ дѣлалось все болѣе и болѣе сознательнымъ.

19 мая Князь Олегъ отправился въ Петербургъ, чтобы присутствовать 29 числа на совершеннолѣтіи Князя Игоря, съ которымъ онъ прожилъ почти неразлучно двадцать лѣтъ. Выѣхать раньше его побуждала также и другая причина: Н. Н. Ермолинскій серьезно заболѣлъ, и доктора отправляли его во Францію.

Послѣ празднованія совершеннолѣтія Князя Игоря и отъѣзда за-границу Н. Н. Ермолинскаго Князь Олегъ выѣхалъ съ семьей Н. Н. Ермолинскаго въ Домниху, гдѣ прожилъ до 23 іюня тихой деревенской жизнью, дѣля часы между литературой, музыкой, чтеніемъ и прогулками.

Въ это время начались переговоры о командировкѣ его въ Италію, въ Бари, Императорскимъ православнымъ Палестинскимъ обществомъ. Нѣкоторые неотложные вопросы, связанные съ постройкой русскаго храма и странноприимнаго дома въ Бари, вызвали необходимость для Палестинскаго общества послать туда одного изъ своихъ дѣйствительныхъ членовъ. Князь Олегъ состоялъ членомъ Общества съ 1913 г., и выборъ палъ на него. На представленіе вице-предсѣдателя Общества князя А. А. Ширинскаго-Шихматова послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и 23 іюня Князь Олегъ выѣхалъ изъ Домнихи въ Петербургъ; 25 онъ явился Государю, а 29 отправился за-границу черезъ Эйдткуненъ и Берлинъ.

Чтобы избѣжать одиночества въ пути, Князь Олегъ пригласилъ съ собою сына генерала Ермолинскаго. Записи въ дорожной книжкѣ свидѣтельствуютъ о безмятежно-жизнерадостномъ настроеніи юныхъ путешественниковъ. Мелкія путевыя приключенія вызывали взрывы веселья, и хотя въ записяхъ по дорогѣ къ Берлину значится: „Я усмирялъ въ поѣздѣ дерущихся мальчиковъ, *чтобы разогнать скуку — здѣсь вѣдь Германія*“, но, судя по дальнѣйшимъ замѣткамъ, скукѣ было удѣлено не много времени.

3 іюля, посѣтивъ предварительно Римъ, Князь Олегъ прибылъ въ Бари. Несмотря на страшную жару и утомленіе отъ дороги, онъ немедленно внимательно осмотрѣлъ произведенныя строительныя работы, выслушалъ доклады архитектора и подрядчиковъ, а вечеромъ назначилъ засѣданіе строительной комиссіи. Въ слѣдующіе дни Князь Олегъ работалъ съ такимъ рвеніемъ, что часто не успѣвалъ обѣдать, а на нѣкоторыхъ засѣданіяхъ строительной комиссіи досиживалъ до 4-хъ часовъ ночи.

Благодаря такому рѣшительному образу дѣйствій командировка Князя Олега принесла Обществу существенную пользу. Долго тянувшіеся вопросы о крышѣ, отопленіи, освѣщеніи, устройствѣ половъ, купола и т. д. получили быстрое разрѣшеніе, и подрядчикъ, сознавъ правильность предъявленныхъ ему требованій, далъ письменное обязательство закончить сооруженіе стропилъ и крыши къ 20 ноября, т. е. на два мѣсяца ранѣе установленнаго срока. Къ 13 іюля была выполнена существенная часть порученія, къ которому Князь Олегъ относился съ большой серьезностью и съ присущей ему строгой добросовѣстностью. Вслѣдъ затѣмъ путешественники выѣхали изъ Бари въ Россію.

При проѣздѣ черезъ Австрію они увидали полную мобилизацію. Не могло быть сомнѣнія, что готовится война съ Россіей. Достигнувъ благополучно границы, Князь Олегъ отправился въ Москву и сдѣлалъ 17 іюля Барградскому комитету докладъ о своей командировкѣ, причемъ рядъ его указаній немедленно былъ принятъ комитетомъ.

18 іюля утромъ Князь Олегъ прибылъ въ Домниху и почти вслѣдъ затѣмъ получилъ телеграмму изъ Петербурга о всеобщей мобилизаціи:

„Только что“, пишетъ онъ, „успѣлъ я окончить длинный разсказъ о моихъ дѣйствіяхъ въ Бари Николаю Николаевичу Ермолинскому, какъ по-

лучилъ депешу: „Мобилизація. Выѣзжай немедленно. Игорь“. Сразу послѣ этого легъ спать, поѣлъ и отправился. Николай Николаевичъ поѣхалъ со мной. Утромъ 18 явился въ полкъ. Мнѣ сообщили, что въ составъ полка я не записанъ и что мнѣ совѣтуютъ, въ виду слабаго здоровья и незнанія строевого дѣла, зачислиться ординарцемъ въ Главную Квартиру. Я пошелъ ругáться и даже, кажется, переубѣдилъ В.“.

Послѣ долгихъ хлопотъ Князю Олегу дѣйствительно удалось добиться оставленія его въ полку:

„Меня“, пишетъ онъ въ дневникѣ, „назначили въ Штабъ полка. Командиръ сказалъ: „Я Вамъ оффиціально сообщаю, что Вы будете вести дневникъ полка и будете моимъ корреспондентомъ“.—„Надѣюсь, что я у Васъ долго не останусь“, отвѣчалъ я, на что командиръ возразилъ: „Это ужъ мое дѣло!“

„Несмотря на столь опредѣленныя обязанности, мнѣ обѣщали, что если я буду себя хорошо чувствовать, меня назначатъ опять въ строй“.

Князь Олегъ былъ очень недоволенъ такимъ положеніемъ: онъ жаждалъ боевыхъ подвиговъ, а совершить ихъ при несеніи обязанностей ординарца казалось ему невозможнымъ.

Въ дневникѣ Князя Олега есть краткія записи его переживаній въ эти знаменательные дни:

„Мы, всѣ пять братьевъ, идемъ на войну со своими полками. Мнѣ это страшно нравится, такъ какъ это показываетъ, что въ трудную минуту Царская Семья держитъ себя на высотѣ положенія. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мнѣ пріятно, мнѣ только радостно, что мы, Константиновичи, всѣ впятеромъ на войнѣ“.

Настроеніе Князя Олега было восторженно-приподнятое:

„20 іюля“, записано дальше въ дневникѣ, „была намъ объявлена Германіей война. Въ тотъ же день приказано было собраться къ 3½ часамъ въ Зимнемъ Дворцѣ . . . . . .

„Улицы всѣ были запружены народомъ, который кричалъ при нашемъ проѣздѣ „ура!“ Въ Николаевскомъ залѣ былъ молебенъ и прочитанъ манифестъ. „Ура“ стояло страшное. Я такъ кричалъ, что закашлялся. Во время молебна всѣ присутствовавшіе пѣли „Спаси Господи“, а потомъ „Боже, Царя храни“. Когда Государь подъѣзжалъ къ дворцу, вся толпа стала на колѣни... Всѣ мы плакали отъ подъема чувствъ“...

Выступленіе было назначено на 23 іюля.

Въ самый день отправленія многимъ близкимъ людямъ показалось, что Князь Олегъ былъ болѣе задумчивъ и сосредоточенъ, чѣмъ обыкновенно. Было ли это сознаніе важности переживаемаго момента, сожалѣніе ли объ остающихся‘ или просто отраженіе общей озабоченности и суетливости—трудно сказать. Между прочимъ, Ю. Ю. Бальи-Контъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее:

„Je le vois encore tel que je l'ai vu pour la dernière fois, quelques minutes avant son départ pour le front au milieu de l'animation, du va-et-vient des

hommes et des chevaux, parmi les cris de gaieté de ceux qui partaient et les larmes de celles qui restaient. Il était métamorphosé. Son visage, naguère si jeune, avait une gravité tout à fait virile; l'azur de ses yeux allait par instants se perdre dans le lointain et se confondre avec l'azur du ciel. Quelles visions passaient devant eux? La petite croix blanche, symbole des gloires futures? Ou la vision de cette mort, qui donne l'immortalité?... et il s'en était allé, ardent, tendre et pur, tourmenté de nobles exploits, les yeux fixés sur les étoiles. Dieu a voulu que son rêve fût réalisé: la mort et la gloire sont venues le toucher en même temps de leurs ailes".

25 іюля, по прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій, Гусарскій Его Величества полкъ вошелъ въ составъ 1-ой дѣйствующей арміи. 4 августа началось общее наступленіе въ Восточную Пруссію, а 6 Князь Олегъ получилъ боевое крещеніе въ большомъ сраженіи подъ Каушеномъ. Потери гусаръ въ этомъ дѣлѣ оказались не особенно велики, но изъ офицерскаго состава убылъ тяжело раненый поручикъ Кауфманъ, который умеръ нѣсколько дней спустя въ той самой палатѣ Витебской общины въ Вильнѣ, гдѣ черезъ два мѣсяца скончался и Князь Олегъ.

Письма Князя Олега изъ дѣйствующей арміи свидѣтельствуютъ о его необыкновенно бодромъ настроеніи:

„Все у насъ *отлично*", пишетъ онъ 31 іюля Н. Н. Ермолинскому. „Всѣ здоровы. Я чувствую себя *прекрасно*. Стараюсь больше ѣсть и спать, чтобы не тратить силъ на пустяки".

„Я очень доволенъ. Отношенія прекрасныя. Наступленіе тоже... Я пишу дневникъ полка и нахожусь въ Штабѣ, гдѣ приходится много работать и бывать подъ огнемъ. Но все же хотѣлось бы въ *строй*" (къ нему же, 15—22 авг.).

Рѣшительное наступленіе русскихъ войскъ прекратилось только 11 авг. на линіи Лабіау-Тапіау въ 30 верстахъ отъ Кенигсберга. Здѣсь простояли до конца августа. Ко времени послѣдовавшаго затѣмъ отступленія арміи на Олитскую позицію полкъ, равно какъ и вся 2-ая гвардейская кавалерійская дивизія, были переведены на лѣвый флангъ съ цѣлью задержать наступленіе громадныхъ силъ противника. Гусары блистательно выполнили свою боевую задачу, хотя и бывали иногда въ довольно тяжеломъ положеніи, какъ, напримѣръ, подъ Гольдапомъ.

Въ десятыхъ числахъ сентября началось новое наступленіе, а къ 20-му русскія войска, безпрерывно сражаясь, подошли вновь къ германской границѣ. О томъ, что переживалъ въ это время Князь Олегъ, живо говоритъ его письмо къ Августѣйшему отцу отъ 11 сентября; своего дневника онъ теперь уже не велъ, занятый писаніемъ полкового.

Письмо къ Великому Князю было его послѣднимъ письмомъ. Вотъ оно почти полностью:

„Не знаю, какъ и благодарить Васъ, наши милые, за все, что Вы для насъ дѣлаете. Вы себѣ не можете представить, какая радость бываетъ у

Князь Олегъ Константиновичъ въ февралѣ 1914 г.

насъ, когда приходятъ сюда посылки съ теплыми вещами и съ разной ѣдой. Все моментально дѣлится, потому что каждому стыдно забрать больше, чѣмъ другому, офицеры трогательны. Къ сожалѣнію только, многіе забываютъ, *что насъ много и потому* какая-нибудь тысяча папиросъ расхватывается въ одну минуту и расходуется очень, очень скоро. Надо посылать много. У солдатъ нѣтъ табаку, папиросъ, на что они очень часто жалуются: „Вотъ бы табачку али папиросъ!“ Мы живемъ только надеждой, что на нашемъ фронтѣ нѣмцы скоро побѣгутъ—тогда дѣло пойдетъ къ концу. Такъ хочется ихъ разбить въ пухъ и со спокойной совѣстью вернуться къ Вамъ. А иногда къ Вамъ очень тянетъ! Часто, сидя верхомъ, я вспоминаю Васъ и думаю, что вотъ теперь Вы ужинаете, или Ты читаешь газету, или Мама вышиваетъ. Все это тутъ же повѣряется взводному, который ѣдетъ рядомъ.

„Взводный мечтаетъ въ это время о томъ, что Богъ поможетъ разбить нѣмцевъ, а потомъ скоро придетъ время, когда и онъ, наконецъ, увидитъ семью. Такіе разговоры съ солдатами происходятъ часто. Иногда очень хочется увидѣть Васъ, побыть съ Вами!

„Я теперь такъ сильно чувствую это и думаю и знаю, что Вы тамъ, далеко, вспоминаете насъ, стараетесь намъ помочь. Это очень насъ всѣхъ ободряетъ. Я становлюсь „пипсъ“, и мнѣ стыдно передъ товарищами, которые могутъ замѣтить, что на глаза у меня навернулись слезы.

„Были дни очень тяжелые. Одну ночь мы шли сплошь до утра, напролетъ. Солдаты засыпали на ходу. Я нѣсколько разъ совсѣмъ валился на бокъ, но просыпался, къ счастью, всегда во время.

„Самое непріятное—это дождь. Очень нужны *бурки*, которыя грѣютъ больше, чѣмъ пальто.

„Гдѣ Костя [1])? Что онъ? Ничего не знаемъ. Слыхали и читали у тебя или у Татіаны въ письмѣ, что его товарищъ Аккерманъ раненъ около него. Да хранитъ его Богъ! Всѣ за это время сдѣлались гораздо набожнѣе, чѣмъ раньше. Къ обѣднѣ или ко всенощной ходятъ всѣ. Церковь полна.

„Маленькая подробность! Недавно я ходилъ въ одномъ и томъ же бѣльѣ 14 дней!! Обозъ былъ далеко, и всѣ офицеры остались безъ бѣлья, безъ кухни, безъ ничего. Варили гусей чуть не сами. Я самъ зарѣзалъ однажды на собраніе двадцать куръ. Это, можетъ быть, противно и гадко, но иначе мы были бы голодны.

„Никогда въ жизни не было у насъ такого желанія ѣсть, какъ теперь. Бѣлаго хлѣба нѣтъ! Сахару очень мало. Иногда чай бываетъ безъ сахара. На стоянкахъ картина мѣняется. Тамъ мы получаемъ вдругъ шоколадъ, даже какао, чай, папиросы и сахаръ. Всѣ наѣдаются, а потомъ ложатся спать. Часто во время похода ложимся на землю, засыпаемъ минутъ на пять. Вдругъ команда: „Къ конямъ!“ Ничего не понимаешь, вскарабкиваешься

[1]) Князь Константинъ Константиновичъ.

на несчастную лошадь, которая, можетъ быть, уже три дня не ѣла овса, и катишь дальше. Разскажи все это Климову [1]), которому мы всѣ кланяемся и часто жалѣемъ, что онъ не съ нами. Скажи ему, что Діана сдѣлала подо мной около 1000 верстъ по Германіи. Она немного хромаетъ на правую переднюю, такъ какъ случайно растянула связки пута; иногда хромота проходитъ. Ей пришлось прыгать въ день по сотнѣ канавъ и какихъ канавъ! Идетъ она великолѣпно, и я всегда самъ ставлю ее въ закрытое помѣщеніе. Всѣ наши люди здоровы. Передай это, пожалуйста, ихъ семьямъ. Макаровъ, Аверинъ, Кухарь [2]) получили письма, первый даже нѣсколько писемъ. У меня вѣстовой — столяръ Мраморнаго дворца, шуринъ Румянцева—маляра. Вотъ совпаденіе!

. . . . . .

„Молитесь за насъ! Да поможетъ Богъ нашимъ войскамъ поскорѣе одержать побѣду“.

Дальнѣйшія событія изложены въ воспоминаніяхъ Н. Н. Ермолинскаго, находившагося въ той же арміи, что и Князь Олегъ. Онъ неоднократно навѣщалъ Князя Олега въ Гусарскомъ полку и провелъ съ нимъ послѣдніе дни его жизни.

„Во время войны я бывалъ въ Гусарскомъ полку разъ пять“, пишетъ генералъ Ермолинскій, „и каждый разъ видѣлся съ Княземъ Олегомъ. Обыкновенно наши свиданія продолжались часа два-три, не больше, но въ послѣдній свой пріѣздъ, 17 сентября, я не торопился возвращаться и потому провелъ ночь вмѣстѣ съ нимъ въ халупѣ 2-го эскадрона. Происходило это въ Купрахъ, за 10 дней до его пораненія.

„Несмотря на тяжесть похода, мой милый Князь явно поправлялся. Онъ возмужалъ, пополнѣлъ, даже загорѣлъ, чего раньше съ нимъ никогда не бывало. Отношенія съ офицерами сложились у него прекрасныя, да врядъ-ли, впрочемъ, и могло быть иначе: юноша этотъ имѣлъ несомнѣнное свойство располагать къ себѣ людей съ первой же встрѣчи. Больше всего радовало и удивляло меня то обстоятельство, что онъ сталъ какъ-то ровнѣе, спокойнѣе. Я приписывалъ это явленіе войнѣ и думаю, что не ошибался. Въ то время всѣ желанія Князя сосредоточивались на жаждѣ подвига: онъ днемъ и ночью мечталъ о своемъ уходѣ изъ Штаба полка и о возвращеніи въ строй. Желаніе это осуществилось за нѣсколько дней передъ нашимъ послѣднимъ свиданіемъ, но оно же его и погубило.

„Послѣ смерти близкаго лица всегда говорятъ о предчувствіяхъ. Въ данномъ случаѣ не только ихъ не было, но Князь Олегъ почему-то былъ убѣжденъ, что вернется изъ похода живымъ и здоровымъ. „Странно!“ говорилъ онъ мнѣ не разъ: „боюсь часто за Костю, за Гаврилушку, за

---

[1]) Наѣздникъ Великаго Князя.
[2]) Прислуга Князей.

Іоаннчика, особенно за Игоря, а за себя—нисколько! Что-то мнѣ говоритъ, что ни одна пуля меня не тронетъ".

„Въ ночь съ 27 на 28 сентября получена была въ Штабѣ арміи изъ 3 армейскаго корпуса срочная телеграмма такого содержанія: „Раухъ [1]) доноситъ, что сегодня при лихой атакѣ на непріятельскій разъѣздъ раненъ въ ногу Князь Олегъ Константиновичъ. Чагинъ".

„Садясь въ автомобиль, я совершенно недоумѣвалъ, куда ѣхать. Телеграмма, составленная, очевидно, наспѣхъ, не сообщала никакихъ подробностей. Куда раненъ Князь Олегъ? въ мягкія части навылетъ или съ раздробленіемъ кости? легко или тяжело? остался онъ въ строю или же отвезенъ въ тылъ? наконецъ, гдѣ онъ въ настоящую минуту находится? Всѣ эти вопросы оставались безъ отвѣта. Самымъ логичнымъ казалось отправиться первоначально въ Штабъ 3-го корпуса, что я и сдѣлалъ.

„Послѣ семи часовъ безпокойнаго пути удалось, наконецъ, дотащиться до Вильковишекъ. Вблизи шелъ бой. Вслѣдствіе рѣдкаго упорства противника Е. противъ обыкновенія нервничалъ, а добрый Ч. старался меня успокоить, увѣряя, что рана Князя Олега, навѣрно, легкая, и тревожиться нечего. Гдѣ находился раненый? Этого пока никто не зналъ. Вдругъ Е. озарила счастливая мысль, и онъ посовѣтовалъ мнѣ сговориться съ полкомъ по искровому телеграфу. Я отправился къ станціи, расположенной въ открытомъ полѣ. Дулъ сильный вѣтеръ, и моросилъ мелкій дождь. Возлѣ самаго аппарата былъ разложенъ костеръ. Мнѣ долго пришлось соединяться съ гусарами и еще долѣе ждать отвѣта. Наконецъ, писарь расшифровалъ телеграмму слѣдующаго содержанія: „Князя Олега повезъ дивизіонный врачъ въ Пильвишки. Оттуда поѣздомъ Вильно-Павловскъ. Выѣхалъ вчера ночью. Корнетъ графъ Игнатьевъ". Получивъ такой тревожный отвѣтъ, я отправился на автомобилѣ не въ Пильвишки, а прямо въ Ковно, надѣясь предупредить поѣздъ съ раненымъ и ждать его тамъ. Около шести часовъ заблестѣли огоньки желѣзнодорожнаго пути, и моторъ подкатилъ къ вокзалу. Я бросился къ начальнику станціи и узналъ отъ него, что поѣздъ съ раненымъ прошелъ въ Вильно еще утромъ, но зато пріѣхавшій съ нимъ уполномоченный Краснаго Креста Бутурлинъ остался и въ настоящее время пьетъ чай въ буфетѣ. Дойти туда было дѣломъ минуты.

„На вопросъ, какова рана, Бутурлинъ отвѣчалъ, что рана серьезная, такъ какъ пробита прямая кишка, и Князя повезли только до Вильны, гдѣ будутъ тотчасъ оперировать. Ко всему этому онъ добавилъ еще успокоительную вѣсть, что раненаго сопровождаетъ его братъ Князь Игорь Константиновичъ. Слава Богу, въ такую тяжелую минуту хоть одинъ близкій человѣкъ около!

„Въ 6 ч. 30 м. отправлялся пустой составъ до Кошедаръ. Мнѣ не стоило большого труда уговорить начальника станціи дать паровозъ еще дальше, до Вильно.

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ Раухъ—начальникъ 2-й кавалерійской дивизіи.

„Въ тяжелой неизвѣстности путь казался безконечнымъ. Въ двѣнадцать часовъ ночи я былъ въ Вильнѣ и тотчасъ отправился по адресу Витебской общины, въ мѣстное реальное училище. Князь Игорь Константиновичъ уже спалъ. Я разбудилъ его и, наскоро справившись о состояніи только что уснувшаго Князя Олега, попросилъ разсказать все сначала...

„Пораненіе Князя случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 27 сентября, послѣ полудня, 2-ая Гвардейская кавалерійская дивизія, имѣя въ авангардѣ два эскадрона Гусарскаго полка, наступала въ направленіи Владиславова. Проходя недалеко отъ деревни Шильвишки, боковая застава замѣтила непріятельскій разъѣздъ и начала его обстрѣливать. Нѣмцы шарахнулись въ сторону и наскочили на четвертый эскадронъ Гусарскаго полка, шедшій въ головѣ колонны главныхъ силъ. Тотчасъ же былъ открытъ огонь. Разъѣздъ повернулъ опять, но встрѣтилъ заставу Его Величества эскадрона подъ командою корнета Безобразова. Какъ разъ въ этотъ моментъ Князь Олегъ, давно стремившійся въ дѣло, сталъ проситься у эскадроннаго командира, графа Игнатьева, чтобы ему позволили съ его взводомъ захватить зарвавшихся нѣмцевъ. Эскадронный командиръ долго не соглашался его отпустить, но, наконецъ, уступилъ. Все остальное произошло очень быстро. Преслѣдуя отступающій непріятельскій разъѣздъ, Князь Олегъ вынесся далеко впередъ на своей кровной кобылѣ Діанѣ. Вотъ они настигаютъ отстрѣливающагося противника...—пятеро нѣмцевъ валятся, прочіе сдаются; но въ это время въ Князя Олега цѣлится съ земли раненый всадникъ... Выстрѣлъ, и Князь Олегъ валится съ лошади...

„Первыми подскакали къ раненому Князю вольноопредѣляющійся графъ Бобринскій и унтеръ-офицеры Василевскій и Потаповъ. Первые два принялись перевязывать рану, а Потаповъ былъ усланъ за фельдшеромъ и съ докладомъ эскадронному командиру. На вопросъ, не больно ли ему, Князь Олегъ отвѣтилъ отрицательно. Общими усиліями раненаго перенесли въ близкій хуторъ, гдѣ фельдшеръ Путь сдѣлалъ ему первую настоящую перевязку. Увидавъ прискакавшихъ на хуторъ братьевъ, раненый обратился къ Князю Гавріилу Константиновичу со словами: „Перекрести меня!“, что тотчасъ же и было исполнено.

„Въ это время приготовляли арбу. Раненаго положили на солому и въ сопровожденіи дивизіоннаго врача д. с. с. Диманта и Князя Игоря Константиновича повезли въ Пильвишки. Въ теченіе этого долгаго переѣзда Князь Олегъ сильно страдалъ отъ тряски и безпрестанно задавалъ вопросъ: „Скоро-ли?“ Въ Пильвишкахъ, по собственной иниціативѣ, онъ пріобщился Св. Таинъ, говоря, что тогда навѣрно „легче будетъ“.

„На станціи поѣздъ уже ожидалъ. Сопровождать раненаго по желѣзной дорогѣ былъ назначенъ уполномоченный Краснаго Креста В. А. Бутурлинъ. Тутъ же со станціи была дана телеграмма Ковенскому коменданту.

„Комендантъ вызвалъ къ приходу поѣзда въ Ковно находившагося тамъ профессора Военно-Медицинской Академіи В. А. Оппеля, консультанта

Краснаго Креста. Въ своихъ воспоминаніяхъ профессоръ Оппель разсказываетъ подробно о своей встрѣчѣ съ Княземъ Олегомъ, о его положеніи, операціи и послѣднихъ минутахъ жизни:

„27 сентября", пишетъ профессоръ Оппель, „я проработалъ въ Ковенскихъ госпиталяхъ до ночи. Въ 9 час. утра 28-го я долженъ былъ выѣхать въ Вильну. Однако меня разбудили въ началѣ шестого утра и сказали, что по телефону требуютъ сейчасъ же на вокзалъ, что прибудетъ „князь". Долженъ откровенно сознаться, что я ничего не понималъ. Какой прибудетъ „князь", зачѣмъ меня требуютъ, кто меня требуетъ — все это было для меня неизвѣстно. Ясно было одно, что я нуженъ для прибывающаго. Я быстро одѣлся и отправился на вокзалъ.

„Ѣду по улицамъ, день чуть занимается. Подъѣзжаю къ вокзалу, спрашиваю, въ чемъ дѣло. Оказывается, меня вызвалъ комендантъ вокзала. Онъ получилъ извѣстіе, что въ 6 час. утра въ Ковну прибудетъ раненый Князь Олегъ Константиновичъ, и, зная, что я въ Ковнѣ, рѣшилъ меня вызвать на вокзалъ. Теперь все это я понялъ. Но я не зналъ, во-первыхъ, насколько легко или тяжело раненъ Его Высочество, во-вторыхъ, будетъ ли онъ оставленъ въ Ковнѣ. Въ виду возможности послѣдняго, мнѣ казалось необходимымъ озаботиться о способахъ доставки раненаго въ лѣчебное заведеніе. Мнѣ казалось, что наиболѣе подходящимъ, въ случаѣ нужды, окажется лазаретъ Краснаго Креста. Потому я просилъ немедленно по телефону вызвать на вокзалъ нынѣ уже покойнаго консультанта Краснаго Креста профессора П. С. Иконникова и просить его захватить съ собой носилки для перенесенія Князя Олега Константиновича въ лазаретъ. Не успѣли сдѣлать распоряженіе, какъ къ вокзалу подошелъ паровозъ съ однимъ вагономъ I класса. Вагонъ я сейчасъ узналъ. Это былъ вагонъ, предоставленный уполномоченному Краснаго Креста В. А. Бутурлину.

„Дѣйствительно, на площадкѣ вагона я увидѣлъ самого Бутурлина, который везъ раненаго изъ Пильвишекъ. Я вошелъ въ вагонъ, въ отдѣленіе, въ которомъ лежалъ Князь Олегъ Константиновичъ. Онъ встрѣтилъ меня привѣтливой улыбкой.

„Раненый лежалъ на спинѣ. Онъ былъ блѣденъ, губы пересохли, пульсъ прощупывался частымъ и слабымъ. Въ общемъ Князь Олегъ Константиновичъ производилъ впечатлѣніе тяжело больного. О своемъ впечатлѣніи я сказалъ доктору Дитману. Однако послѣдній старался меня успокоить, сообщивъ, что Его Высочество имѣетъ сквозную пулевую рану мягкихъ частей правой ягодицы, что выходное отверстіе раны находится у праваго края заднепроходнаго отверстія, что общее, относительно плохое состояніе объясняется: 1) нѣкоторой кровопотерей, 2) утомленіемъ отъ переѣзда, особенно отъ переѣзда съ позицій до станціи желѣзной дороги.

„Я предложилъ было высадить раненаго въ Ковнѣ, но общее желаніе— какъ самого раненаго, такъ его брата и д-ра Дитмана,—склонялось къ тому, чтобы сразу ѣхать въ Вильну, дабы поконсультировать съ проф. Цеге-фонъ-

Мантейфелемъ. Такъ какъ переѣздъ предстоялъ небольшой, то возражать противъ него не было причинъ. Моя помощь могла выразиться въ сопровожденіи Его Высочества до Вильны.

„Пока шли переговоры, на вокзалъ пріѣхалъ проф. Иконниковъ съ двумя сестрами милосердія; были доставлены носилки.

„Ровно въ 7 час. утра мы тронулись изъ Ковны. Я помѣстился въ отдѣленіи Князя Олега Константиновича. Послѣдній, несомнѣнно, страдалъ. За время стоянки въ Ковнѣ пульсъ нѣсколько улучшился, но какъ только поѣздъ пошелъ, пульсъ опять упалъ. Князь Олегъ Константиновичъ бодрился, улыбался, временами говорилъ, временами закрывалъ глаза и погружался въ полусонъ, но, тѣмъ не менѣе, его постоянно безпокоили ноги: въ правой ногѣ не только имѣлись боли, но было и особенно безпокоившее раненаго чувство онѣмѣнія.

„Такое же чувство онѣмѣнія тревожило лѣвую ногу. Послѣднее обстоятельство было подозрительно и не вполнѣ объяснялось наличіемъ правосторонней раны. Какъ бы то ни было, осматривать рану, дѣлать для этого перевязку въ вагонѣ было, понятно, невозможно. Слѣдовало пока лишь облегчать положеніе раненаго безъ перевязки.

„Кое-что можно было сдѣлать въ этомъ отношеніи. Начать съ того, что Князь Олегъ Константиновичъ очень неудобно лежалъ: подъ нимъ была постлана бурка, подъ головой ничего не было. Нашлась подушка. Этимъ маленькимъ удобствомъ раненый остался очень доволенъ. Нашлось одѣяло, которымъ укутали Его Высочество въ виду ощущенія холода. Для подкрѣпленія силъ я поилъ раненаго виномъ.

„Какъ я говорилъ, болѣе всего безпокоили раненаго ноги и особенно чувство ихъ онѣмѣнія. Легкія движенія нижними конечностями, измѣненіе ихъ положенія доставляло нѣкоторое успокоеніе. Чуть успокоившись, Его Высочество пытался весело разговаривать, интересовался свѣдѣніями изъ газетъ, слушалъ чтеніе газеты вслухъ, но все это дѣлалъ отрывочно. Изъ разговоровъ не могу не отмѣтить разсказъ о раненіи. „Гусарамъ дали знать“, такъ приблизительно говорилъ Князь Олегъ Константиновичъ, „что гдѣ-то поблизости появилась непріятельская кавалерійская дивизія. Поѣхали къ ней навстрѣчу и наскочили на разъѣздъ. По приказанію командира, первый эскадронъ пошелъ лавой, затѣмъ пошли 2-ой и 4-ый, 3-ій остался при штандартѣ. Я вылетѣлъ впередъ и видѣлъ, какъ одинъ нѣмецъ начинаетъ цѣлиться. Замѣтивъ это, я повернулъ къ цѣлившемуся профилемъ, желая его объѣхать и атаковать сбоку. Раздался выстрѣлъ, я почувствовалъ сильнѣйшую боль и упалъ съ лошади“.

„Въ Вильну мы пріѣхали ровно въ 10 час. утра. На вокзалѣ пріѣзда поѣзда ожидали: проф. Цеге-фонъ-Мантейфель, проф. Бурденко и докторъ Фомиліантъ. Явился вопросъ, какъ вынести раненаго изъ вагона, причинивъ ему наименьшія страданія. Нашли, что наиболѣе просто сдѣлать это, воспользовавшись окномъ. Князя Олега Константиновича бережно укутали,

черезъ опущенное окно вдвинули въ отдѣленіе носилки, осторожно положили на нихъ раненаго и вынесли его на платформу. Затѣмъ носилки были поставлены на автомобиль, рядомъ съ носилками въ автомобиль помѣстились мы съ проф. Цеге-фонъ-Мантейфелемъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы уже были въ Витебскомъ госпиталѣ Краснаго Креста.

„Въ госпиталѣ Его Высочество былъ встрѣченъ проф. Мартыновымъ. Тамъ была уже готова операціонная и отдѣльная палата. Раненаго сразу внесли въ операціонную и положили на операціонный столъ для изслѣдованія. Сестры милосердія заботливо сняли съ раненаго одежду и все тѣло обтерли спиртомъ. Затѣмъ началось изслѣдованіе.

„Какъ было установлено д-ромъ Дитманомъ сейчасъ же послѣ раненія, на правой ягодицѣ имѣлось маленькое входное пулевое отверстіе. Правая ягодица припухла. Справа около заднепроходнаго отверстія имѣлась маленькая ранка, какъ бы выходное отверстіе пули. Кругомъ заднепроходнаго отверстія было сплошное кровоизліяніе. Изъ ранки около заднепроходнаго отверстія вытекала коричневатая, съ гнилостнымъ запахомъ, жидкость. Пульсъ былъ частъ, малъ и слабъ. Стало сразу понятно, что общее тяжелое состояніе объясняется гнилостнымъ зараженіемъ пулевого канала и начавшимся гнилостнымъ зараженіемъ крови. Вставалъ вопросъ, какимъ образомъ произошло зараженіе.

„Изслѣдованіе пальцемъ прямой кишки обнаружило, что кишка пробита навылетъ и подкожно почти оторвана отъ жома. Въ правой стѣнкѣ кишки опредѣлялось входное, въ лѣвой—выходное отверстіе пули. Данныя изслѣдованія разъясняли всю картину: пуля, войдя въ правую ягодицу, прошла по ней, пробила прямую кишку и застряла гдѣ-то въ лѣвой ягодицѣ. Теперь понятны стали болѣзненныя ощущенія въ лѣвой нижней конечности. Ранку справа отъ заднепроходнаго отверстія слѣдовало разсматривать, какъ добавочную, образованную или осколкомъ пули, или, быть можетъ, осколкомъ отскочившей кости.

„Естественно, что сейчасъ же вслѣдъ за раненіемъ ранка справа отъ заднепроходнаго отверстія была принята за выходное отверстіе пули. Наличіе этой ранки, очевидно, отвлекло на передовомъ перевязочномъ пунктѣ отъ подробнаго изслѣдованія прямой кишки.

„Спрашивалось, что дѣлать. На совѣщаніи, въ которомъ приняли участіе проф. Цеге-фонъ-Мантейфель, проф. Мартыновъ, д-ръ Дитманъ и я, прежде всего было признано, что состояніе Его Высочества тяжелое, что вслѣдствіе раненія развилось зараженіе раны и зараженіе крови. Было признано, что для спасенія Его Высочества возможно прибѣгнуть къ операціи, хотя и оперативное вмѣшательство не можетъ гарантировать излѣченія. На операцію надо было смотрѣть, какъ на послѣднее средство, которое, быть можетъ, остановитъ зараженіе.

„Само собой разумѣется, результатъ совѣщанія не могъ быть сообщенъ раненому Князю Олегу Константиновичу. Его Высочество Князь Игорь

Константиновичъ первый долженъ былъ выслушать грустный приговоръ о своемъ братѣ, съ которымъ дѣлилъ всѣ радости и тягости похода. Князю Олегу Константиновичу сообщили только, что операція нужна; на нее онъ охотно далъ свое согласіе.

„Въ виду слабой дѣятельности сердца, было желательно произвести операцію безъ общаго усыпленія. И дѣйствительно, операція была начата подъ мѣстнымъ обезболиваніемъ новокаиномъ. Однако, первый разрѣзъ черезъ ранку около заднепроходнаго отверстія показалъ, что клѣтчатка около прямой кишки омертвѣла, что омертвѣніе клѣтчатки идетъ въ глубину пулевого канала, что, слѣдовательно, требуется большой разрѣзъ, произвести который подъ мѣстнымъ обезболиваніемъ невозможно. Потому перешли къ хлороформному усыпленію.

„Когда раненый заснулъ, то былъ проведенъ большой разрѣзъ на правой ягодицѣ по всему пулевому ходу. Клѣтчатка и мышцы найдены въ состояніи гнилостнаго распаденія. Правый сѣдалищный бугоръ разбитъ. Очень возможно, что оторвавшійся отъ него кусочекъ и произвелъ небольшую ранку у заднепроходнаго отверстія. Такимъ образомъ, разрѣзъ былъ доведенъ отъ входного отверстія пули до заднепроходнаго отверстія. Затѣмъ разрѣзъ окаймилъ сзади прямую кишку, ибо клѣтчатка около прямой кишки была гнилостно пропитана; наконецъ, разрѣзъ былъ продолженъ на лѣвую ягодицу, такъ какъ пулевой каналъ уходилъ въ ея глубину. Въ глубинѣ раны ясно опредѣлялся лѣвый сѣдалищный бугоръ, пробитый пулей. Сама пуля ушла еще дальше; найти ее и извлечь не удалось. Настоятельной необходимости къ этому и не было, ибо въ погонѣ за пулей можно было безъ пользы для дальнѣйшаго потерять лишнее время и все-таки пули не найти. Вся рана была затампонирована отчасти іодоформной, отчасти асептической марлей.

„Операцію производилъ проф. Цеге-фонъ-Мантейфель, помогали ему проф. Мартыновъ и я, д-ръ Дитманъ присутствовалъ.

„Операцію Его Высочество перенесъ очень хорошо. Послѣ операціи онъ перенесенъ былъ въ отдѣльную свѣтлую палату, гдѣ вскорѣ пришелъ въ себя.

„Около трехъ часовъ дня раненый чувствовалъ себя очень хорошо. Въ это время онъ получилъ телеграмму отъ Его Императорскаго Величества Государя Императора о пожалованіи ему Георгіевскаго креста и телеграмму отъ Верховнаго Главнокомандующаго. Нужно было видѣть радость Его Высочества! Онъ съ гордостью показывалъ мнѣ обѣ телеграммы, и я радъ былъ принести ему свои поздравленія. Къ вечеру состояніе здоровья раненаго не ухудшилось. Надежда на благополучный исходъ заболѣванія чуть усилилась“.

Вечеромъ же раненаго посѣтилъ Начальникъ Виленскаго Военнаго училища генералъ-маіоръ Б. А. Адамовичъ, который въ письмѣ къ Великому Князю Константину Константиновичу такъ описываетъ свою встрѣчу съ Княземъ Олегомъ:

„Его Высочество встрѣтилъ меня какъ бы „нетяжелый“ больной. Привѣтливо, даже весело, улыбнулся, протянулъ руку и жестомъ предложилъ сѣсть. Я заботился только увидѣть состояніе, чтобы сообщить Вамъ, и сдѣлать посѣщеніе возможно короче. Войдя, я поздравилъ Князя съ пролитіемъ крови за родину. Его Высочество перекрестился и сказалъ спокойно: „Я такъ счастливъ, такъ счастливъ! Это нужно было. Это поддержитъ духъ. Въ войскахъ произведетъ хорошее впечатлѣніе, когда узнаютъ, что пролита кровь Царскаго Дома“. Его Высочество мнѣ сказалъ, что вчера причастился. „Но вы скажите дома, что мнѣ никто не предлагалъ. Это было мое личное желаніе. Я причастился, чтобы мнѣ было легче“. Оба Князя сказали мнѣ нѣсколько восторженныхъ словъ о поведеніи солдатъ съ ними вмѣстѣ въ бояхъ. Князь Игорь прочиталъ брату телеграмму отъ Верховнаго Главнокомандующаго. Выслушавъ, Олегъ Константиновичъ перекрестился. Его Высочество былъ оживленъ и сіялъ въ счастливомъ для него сознаніи своихъ страданій. Мгновеніями же были видны подавляемыя имъ мученія“.

Дальнѣйшій разсказъ о событіяхъ опять находимъ въ воспоминаніяхъ Н. Н. Ермолинскаго:

„Около 1 часа ночи мнѣ сообщили, что раненый проснулся. Я тотчасъ отправился въ сосѣднюю палату и при свѣтѣ лампады увидалъ моего дорогого Князя. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. При видѣ меня привѣтливая, но крайне болѣзненная улыбка озарила его полудѣтское лицо.

— „Наконецъ-то, Николаусъ!.. Господи, какъ я радъ! Теперь уже никуда не отпущу!.. Никуда!..

— „Никуда и не уйду“, отвѣтилъ я съ волненіемъ. „И здѣсь будемъ вмѣстѣ и поправляться вмѣстѣ поѣдемъ“.

— „Да, да... Будемъ вмѣстѣ... И въ Домнихѣ будемъ... Помните, какъ тогда?.. Хорошо это было!“...

Онъ былъ убѣжденъ въ своемъ скоромъ выздоровленіи. Приходилось глотать слезы, чтобы себя не выдать.

— „Разсказалъ ли все Игорь? Вѣдь, Государь мнѣ пожаловалъ Георгія... Я такъ счастливъ!.. Вотъ телеграмма... тамъ на столѣ... И отъ Главнокомандующаго тоже“...

„Я сѣлъ возлѣ кровати, поправилъ ему ноги, какъ онъ просилъ, началъ разговаривать, но вскорѣ замѣтилъ, что онъ погружается въ забытье. Не могу назвать наступившее состояніе сномъ, такъ какъ настоящій сонъ не приходилъ еще долго. При всякой моей попыткѣ встать и выйти изъ комнаты, онъ открывалъ глаза и останавливалъ меня на полдорогѣ:

„Ну вотъ! Уже ушелъ... Только что началъ разсказывать... Вѣдь, сказалъ же, что не отпущу, и баста!“

„Я опять возвращался, садился у кровати и продолжалъ свои разсказы. Полчаса спустя дыханіе раненаго стало ровнѣе. Мнѣ удалось незамѣтно встать и, несмотря на скрипучіе полы, тихонько выйти изъ комнаты. Я

Князья Олегъ, Гавріилъ и Игорь Константиновичи
7 сентября 1914 г. на бивакѣ въ Кошанахъ.

прилегъ и заснулъ часа на три. Настало ужасное утро вѣчно памятнаго 29 сентября.

„Начиная съ 8 ч. Князь Олегъ сталъ безпокойнѣе. Онъ безпрестанно просилъ перекладывать себя съ одного бока на другой и то закидывалъ руки за голову, то обнималъ меня крѣпко за шею, стараясь сдерживать вырывавшіеся стоны. Тѣмъ не менѣе, послѣ перевязки и консультаціи профессора нашли, что общее состояніе здоровья улучшилось и появляется надежда на спасеніе. Температура у Князя Олега была низкая, а пульсъ частый, но хорошаго наполненія.

„Около 11 часовъ утра пришла телеграмма, что Великій Князь и Великая Княгиня прибываютъ въ Вильно къ 5 часамъ вечера. Это извѣстіе очень обрадовало раненаго: „Вотъ хорошо! Вотъ хорошо!“ повторялъ онъ безпрестанно. Вскорѣ ему захотѣлось мороженаго. Послали въ кондитерскую. Пока его приготовляли, Князь Олегъ безпокоился и, по крайней мѣрѣ, разъ десять нетерпѣливо спрашивалъ, принесли ли его. Наконецъ, мороженое пришло, и онъ поѣлъ его изъ моихъ рукъ съ ложки. Около 12 часовъ дня профессоръ Оппель, остававшійся послѣ перевязки у постели Князя, осмотрѣлъ его еще разъ и подтвердилъ, что надежда увеличивается, такъ какъ пульсъ хорошъ и явныхъ признаковъ зараженія не замѣтно. Обрадованный его словами, я воспользовался минутой, когда раненый задремалъ, и отправился на вокзалъ, чтобы узнать точное время прибытія Великокняжескаго поѣзда.

„Утѣшительнаго оказалось мало: весь путь былъ настолько загроможденъ, что опозданіе являлось неизбѣжнымъ. Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ возвратиться въ Общину. Но въ это время къ станціи подошелъ поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ въ ставку Верховнаго Главнокомандующаго Великій Князь Андрей Владиміровичъ. Я рѣшилъ войти въ вагонъ и доложить Его Высочеству о тяжеломъ положеніи его троюроднаго брата. Выслушавъ докладъ, Великій Князь тотчасъ же отправился со мною къ раненому. Онъ оставался въ Общинѣ часовъ до 3-хъ. Вскорѣ послѣ того въ госпиталь стали собираться врачи для дневного осмотра Князя Олега.

„Начиная отъ 4-хъ часовъ дня, положеніе больного значительно ухудшилось: дыханіе стало чаще, пульсъ ослабѣлъ, появились явные признаки сепсиса, бредъ. Все утро онъ не находилъ себѣ мѣста, теперь же на вопросъ о самочувствіи отвѣчалъ неизмѣнно:

„Чувствую себя ве-ли-ко-лѣп-но“. При этомъ языкъ его не слушался, и онъ съ трудомъ выговаривалъ слова. Какъ только сознаніе Князя прояснялось, онъ тотчасъ же требовалъ меня къ себѣ, держалъ рукою за шею, не отпускалъ никуда, но потомъ опять начиналъ заговариваться, кричалъ, чтобы ловили какую-то лошадь или бросались на бѣгущаго непріятеля.

„Поѣздъ, привозившій Августѣйшихъ родителей, сильно запаздывалъ и могъ быть въ Вильнѣ лишь около 8 ч., а силы раненаго падали ежеминутно. Пришлось каждыя четверть часа давать сердечныя средства, дѣлать

подкожныя вспрыскиванія и поить шампанскимъ. Чтобы не подавать больному вида о безнадежномъ состояніи, его увѣряли, что пьютъ съ нимъ за скорое его выздоровленіе, и заставляли съ нимъ чокаться. Это было поистинѣ ужасно! Мнѣ никогда не забыть этихъ глотковъ вина въ присутствіи умиравшаго Князя.

„Ясное сознаніе перемѣшивалось съ бредомъ. Часовъ въ 7 раненый обхватилъ своей худенькой рукой мою шею и прошепталъ:

— „Вотъ такъ... вотъ такъ... встрѣтимъ... встрѣтимъ... вмѣстѣ встрѣтимъ“...

„Я подумалъ сначала, что онъ бредилъ, но нѣтъ, онъ говорилъ со мною о встрѣчѣ родителей.

Вскорѣ, не зная, чѣмъ еще поднять падавшія силы, профессора рѣшили попробовать новое мученіе для умирающаго, а именно, вливаніе въ вену руки солевого раствора. Пришлось держать раненому руки. Операція кончилась, когда пріѣхали Августѣйшіе родители. На минуту онъ узналъ ихъ. Великій Князь привезъ умиравшему сыну Георгіевскій крестъ его Дѣда.

— „Крестикъ Анпапа!“ прошепталъ Князь Олегъ. Онъ потянулся и поцѣловалъ бѣлую эмаль. Крестъ приkололи къ его рубашкѣ.

„Вскорѣ больной сталъ задыхаться. По его просьбѣ ему подымали ноги все выше и выше, но это не помогало. Обратились къ кислороду. Послѣ третьей подушки стало ясно, что бѣдный Князь умираетъ. По приказанію Великаго Князя я позвалъ священника читать отходную, но по дорогѣ успѣлъ его убѣдить дѣлать это потише, чтобы умирающій не слышалъ. Началось страшное ожиданіе смерти: шопотъ священника, послѣдніе рѣзкіе вздохи... Великій Князь, стоя на колѣняхъ у изголовья закрывалъ сыну глаза; Великая Княгиня грѣла холодѣвшія руки. Мы съ Княземъ Игоремъ Константиновичемъ стояли на колѣняхъ въ ногахъ. Въ 8 ч. 20 м. окончилась молодая жизнь...

„Вечеромъ собрался семейный совѣтъ. На немъ было рѣшено бальзамированія не производить, отпѣвать въ мѣстной Романовской церкви и, во исполненіе воли почившаго, испросить Высочайшее соизволеніе на похороны тѣла въ Бозѣ почившаго Князя въ его любимомъ Осташевѣ, на берегу рѣки Рузы.

„Къ 10 часамъ тѣло усопшаго было омыто, одѣто въ китель и положено въ той же палатѣ подъ образами. На груди бѣлѣлъ приколотый Георгіевскій крестъ. Съ этихъ поръ начали безпрерывно поступать вѣнки отъ разныхъ воинскихъ частей, учрежденій и обществъ, такъ что къ ночи весь катафалкъ утопалъ въ цвѣтахъ и Георгіевскихъ лентахъ.

„Августѣйшіе родители рѣшили проводить ночь въ вагонѣ. Послѣ ихъ отъѣзда изъ Общины я легъ на кровать, но заснуть не могъ. Въ головѣ вставали образы минувшаго...

„Черезъ часъ не въ моготу было лежать. Я всталъ, одѣлся и, пройдя черезъ большую полуосвѣщенную палату, вошелъ въ комнату, гдѣ лежало тѣло.

„Въ углу стоялъ какой-то человѣкъ и тихо плакалъ. Я узналъ камердинера Князя Олега, Макарова.

„Свѣтлое, дѣтски-чистое лицо Князя было отлично освѣщено верхней лампадой. Онъ лежалъ спокойный, ясный, просвѣтленный, будто спалъ. Бѣлая эмаль, къ которой онъ прикоснулся холодѣющими губами, ярко выдѣлялась на груди".

. . . . . .

На слѣдующій день въ 2 часа состоялся выносъ. Передъ литіей въ присутствіи Августѣйшихъ родителей тѣло усопшаго было положено въ гробъ. Служеніе совершалъ высокопреосвященнѣйшій Тихонъ, архіепископъ Литовскій и Виленскій.

По окончаніи литіи, гробъ съ останками покойнаго былъ на рукахъ перенесенъ въ Романовскую церковь. По пути слѣдованія изъ помѣщенія Витебской Общины, по Гористому переулку, Закретной улицѣ и Большой Погулянкѣ, правымъ флангомъ къ госпиталю были разставлены войска и баталіонъ Виленскаго Военнаго училища. Народъ сплошными массами тѣснился по улицамъ и площадямъ. Многіе плакали.

Послѣ установленія гроба въ Романовской церкви къ изголовью стали на часы Августѣйшіе братья покойнаго, а также были поставлены часовые отъ Виленскаго Военнаго училища и Лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка. Панихиду совершалъ высокопреосвященнѣйшій Тихонъ въ сослуженіи съ многочисленнымъ духовенствомъ.

Вечеромъ того же дня и весь день 1 октября въ Романовской церкви служились безпрерывныя панихиды при огромномъ стеченіи народа. Передъ послѣдней панихидой гробъ почившаго Князя былъ запаянъ.

2 октября въ 10 часовъ утра Архіепископомъ Тихономъ въ сослуженіи ректора Литовской духовной семинаріи и многочисленнаго духовенства была совершена заупокойная литургія и отпѣваніе. Къ началу богослуженія въ церковь прибыли Августѣйшіе родители и братья покойнаго—Князья Іоаннъ, Гавріилъ, Константинъ и Игорь Константиновичи, а также начальствующія лица.

Послѣ отпѣванія тѣла гробъ съ останками покойнаго Князя былъ вынесенъ изъ церкви и поставленъ на лафетъ. За гробомъ слѣдовали Августѣйшіе родители и братья покойнаго. Впереди несли крестъ, хоругви, подушки съ орденами, множество вѣнковъ.

По пути слѣдованія изъ Романовской церкви до вокзала были выстроены шпалерами съ одной стороны войска, съ другой—воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній г. Вильны. Многотысячная публика расположилась на тротуарѣ. Около двухъ часовъ печальная процессія прибыла на станцію Вильно, гдѣ гробъ былъ поставленъ въ приготовленный вагонъ... Въ 2 ч. 10 м. дня поѣздъ отбылъ въ Москву.

Отъѣзжая изъ Вильны, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ поручилъ Виленскому Губернатору передать искреннюю, сердечную благодарность жителямъ г. Вильны, всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, выразившимъ свое сочувствіе его семейному горю.

По пути изъ Вильны въ Волоколамскъ экстренный поѣздъ вынужденъ былъ останавливаться много разъ внѣ расписанія. Почти повсюду мѣстное населеніе выходило съ духовенствомъ и служило панихиды.

При прохожденіи траурнаго вагона многіе крестьяне становились на колѣни и клали земные поклоны. 3 октября къ 7 часамъ утра на Волоколамскомъ вокзалѣ собрались: Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна, Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна и Великій Князь Дмитрій Константиновичъ, Ихъ Высочества Княгиня Татіана Константиновна Княгиня Багратіонъ-Мухранская, Княгиня Елена Петровна, Князь Георгій Константиновичъ, начальствующія лица Двора Великаго Князя и многочисленныя депутаціи. На перонѣ былъ выстроенъ почетный караулъ. Вокругъ вокзала тысячная толпа окрестныхъ крестьянъ и прибывшія для отданія воинскихъ почестей части пѣхоты и артиллеріи.

Въ 7 ч. 30 м. къ станціи медленно подошелъ траурный поѣздъ. Войска взяли „на караулъ“. Изъ вагона-салона вышли Ихъ Императорскія Высочества. Великій Князь прошелъ по фронту почетнаго караула... Духовенство вошло въ вагонъ и совершило литію. Кромѣ московскаго придворнаго духовенства, служилъ духовникъ всего Августѣйшаго семейства Іеромонахъ Сергій.

Литія кончилась. Великіе Князья Константинъ Константиновичъ и Дмитрій Константиновичъ, а также братья почившаго и присутствовавшіе высшіе чины на рукахъ вынесли гробъ изъ вагона. Войска снова взяли „на караулъ“. Подъ звуки „Коль славенъ“ хора военной музыки металлическій гробъ съ останками почившаго вынесли на площадь передъ вокзаломъ и поставили на орудійный лафетъ. Тысячи народа благоговѣйно обнажили головы.

Въ торжественной тишинѣ тронулся печальный кортежъ, предшествуемый духовенствомъ и хоромъ пѣвчихъ. По всему пути стояли крестьяне. За гробомъ слѣдовали Августѣйшіе родители, прибывшіе на погребеніе Особы Императорской Фамиліи, должностныя лица и всѣ депутаціи. Впереди погребальнаго шествія несли на подушкѣ пожалованный Князю Олегу орденъ св. Великомученика Георгія 4-й степени. Пѣхота и артиллерія замыкали шествіе. Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ и вѣнки отъ Высочайшихъ Особъ были возложены на гробъ, прочіе, числомъ свыше 100, везли на колесницахъ.

Вотъ и пограничный столбъ, котораго ждалъ всегда съ такимъ нетерпѣніемъ Князь Олегъ во время своихъ посѣщеній Осташева... По прибытіи въ имѣніе печальное шествіе направилось къ мѣсту послѣдняго упокоенія почившаго. Это мѣсто для могилы онъ самъ избралъ себѣ при жизни въ поэтическомъ уголкѣ, на высокомъ, обрывистомъ курганѣ, гдѣ растутъ тополя и заросшая мхомъ старая лиственница. Съ кургана, господствующаго надъ всей округой, открывается великолѣпный видъ на причудливые изгибы рѣки Рузы, на поля, уходящія въ безбрежную даль, и на далеко синѣющій лѣсъ.

Гробъ опустили въ могилу, исполнена печальная церемонія, мѣстный священникъ, отецъ Іоаннъ, началъ говорить прочувствованное слово, но не

могъ его кончить изъ-за подступившихъ къ горлу рыданій... Надъ свѣжей могилой быстро образовался холмъ, покрытый вѣнками, цвѣтами и увѣнчанный простымъ деревяннымъ крестомъ.

Много обѣщавшая жизнь Князя Олега кончилась.

„Богатые всходы", говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ А. В. Полторацкій, „безжалостно смяты рукой судьбы... Князь Олегъ умеръ, какъ умираетъ нераспустившійся цвѣтокъ подъ косой—весь въ надеждѣ, весь въ будущемъ... Онъ имѣлъ право ожидать отъ жизни всѣхъ доступныхъ человѣку наслажденій—и эту жизнь онъ принесъ въ жертву долгу передъ Царемъ, родиной и человѣчествомъ".

Въ день погребенія Князя Олега были совершены панихиды во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Въ Харьковѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, Архіепископъ Харьковскій Антоній обратился къ своей паствѣ съ прекраснымъ словомъ, въ которомъ съ большою душевной чуткостью и тонкостью мысли выяснилъ значеніе и смыслъ жизни и смерти Князя Олега:

„Когда въ послѣдніе годы жители столицы и пріѣзжіе люди могли на разныхъ торжествахъ взирать на Царскую Фамилію, то, впервые со временъ нашей Имперіи, видѣли среди Высочайшихъ Особъ, одѣтыхъ въ воинское одѣяніе, одного Князя въ скромной гражданской одеждѣ учебнаго лицея. Это и былъ Князь Олегъ Константиновичъ, возложившій на себя снова одежду воина, когда разгорѣлась отечественная война и когда онъ добровольно пошелъ въ ряды сражающихся. Что побудило эту благородную душу искать новаго пути жизни? Что заставило ее предпочесть званіе ученика званію военнаго начальника? Покойный Царственный юноша хотѣлъ учиться, учиться много и долго, чтобы найти вѣрный путь, какъ служить своему народу. Вотъ куда влекли его мечты юности: не къ наслажденіямъ, не къ славѣ, не къ власти, а къ подвигу, и притомъ къ подвигу на пользу меньшей братіи, въ чемъ и заключается то высшее предназначеніе человѣка, о которомъ спроситъ насъ всѣхъ Предвѣчный Судія на Страшномъ Судѣ Своемъ. Нѣтъ болѣе угоднаго Христу жребія жизни, какъ посвященіе себя меньшей братіи...

„Жизнь народа иная, чѣмъ жизнь и понятія его правящихъ классовъ, которые издаютъ законы, обучаютъ и направляютъ народъ. Для нихъ душа народа непонятна, о чемъ постоянно заявляютъ наши писатели и ученые, признаваясь, что народъ ихъ не хочетъ считать своими, а взираетъ на насъ, какъ на чужестранцевъ. Вотъ эту-то пропасть, этотъ ровъ, лежащій между обществомъ и народомъ, хотѣлъ перейти царственный юноша. Онъ любилъ деревню и бесѣду съ крестьянами, онъ изучалъ исторію Россіи, онъ высоко чтилъ и постоянно перечитывалъ творенія нашего народнаго писателя Пушкина; онъ всячески старался упростить свое обхожденіе съ людьми, чтобы ближе сходиться съ учеными и со знатоками народной жизни.

„Таково свойство душъ возвышенныхъ. Ихъ не радуютъ, а скорѣе тяготятъ преимущества ихъ общественнаго положенія. Они допускаютъ послѣднія

лишь какъ средство къ болѣе широкому и болѣе обязательному служенію меньшей братіи, и какъ бы стѣсняются тѣмъ, что не терпятъ лишеній бѣдняковъ и обидъ угнетенныхъ, какъ бы стыдятся того почета и роскоши, которая ихъ окружаетъ: „и самый воздухъ, коимъ дышишь ты, все кажется тебѣ стяжаніемъ неправымъ“,—такъ опредѣлилъ ихъ настроеніе отечественный писатель.

„Однако у убіеннаго Князя это настроеніе, эта жажда подвига выражалась не въ той безполезной застѣнчивости и бездѣятельной скромности, какъ у другихъ. Нѣтъ, онъ зналъ слова Христовы: „Почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою; и кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ“ (Марк. 10, 42—44). Князь Олегъ не искалъ вельможнаго положенія: оно дано ему въ народѣ самымъ рожденіемъ. Но послужить народу онъ желалъ горячо, желалъ понять народъ, и для этого посвятилъ юность свою ученію и скромному, трудолюбивому общенію съ меньшею братіей. А когда эта меньшая братія въ числѣ нѣсколькихъ милліоновъ двинулась на границы своего отечества стать грудью противъ врага Россіи, то и сей царственный юноша сталъ въ ряды воиновъ и подставилъ свою грудь подъ пули и штыки, храбро поражая непріятеля холоднымъ оружіемъ.

„Но вотъ свершенъ и этотъ подвигъ добровольной смерти за Царя и родину; подвигъ, такъ славно завершившій прежніе подвиги труда и ученія. Свершенъ подвигъ, и юная жизнь видитъ себя во вратахъ смерти; нѣтъ, не смерти, но новой жизни, куда она устремляется безъ предсмертнаго ужаса, безъ сожалѣнія о мірѣ земномъ, а съ заботой о своей загробной участи. Не о помощи врачебной взываетъ умирающій страдалецъ, а говоритъ своему, подоспѣвшему сюда, брату: „перекрести меня!“ — Блаженъ путь въ оньже днесь идеши, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія! — Ты блаженъ, но твоя отчизна, твоя Русь, служить которой ты сталъ бы такъ самоотверженно и горячо,—она снова обездолена, она оплакиваетъ свою драгоцѣнную потерю,—тотъ прекрасный цвѣтокъ, расцвѣтавшій на общую радость, которымъ издали любовались вѣрные сыны Россіи. Прости же, прости, наше дорогое утѣшеніе, наша надежда на то, что у народа нашего будетъ крѣпкій радѣтель, понявшій его своимъ широкимъ христіанскимъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ. Господь, видно, рѣшилъ, что свою службу родинѣ ты уже принесъ. Ты показалъ примѣръ труда и простоты, ты слилъ съ народомъ русскимъ не только свою душу, но и свою кровь, пролитую на полѣ брани“...

Геройская смерть Князя Олега окружила съ перваго же дня его имя множествомъ легендъ. Наиболѣе правдоподобны изъ нихъ три:

Однажды ночью, когда отъ холода зубъ-на-зубъ не попадалъ, Князь услышалъ стоны какого-то солдатика.

— „Что съ тобою, братецъ?“ участливо спросилъ Князь.

„Такъ что, Ваше Высочество, лихорадка замучила и зубы болятъ“, простоналъ солдатъ.

Ни слова не говоря, Князь снялъ съ себя шинель, прикрылъ ею больного солдата, а затѣмъ досталъ изъ своей походной аптечки лѣкарство и оказалъ больному помощь. Остатокъ ночи Князь провелъ въ одномъ мундирѣ, подъ открытымъ небомъ.

Въ другой разъ Князь подъ свинцовымъ дождемъ непріятельскихъ пуль доставилъ въ окопы на передовыя позиціи свертокъ со съѣстными припасами и табакомъ. Благодаря этому люди продержались тѣ лишнія сутки, которыя были необходимы для того, чтобы выиграть сраженіе. Радость и восторгъ, охватившіе солдатъ, которымъ въ окопы Князь доставилъ пищу и табакъ, по словамъ очевидца, не поддаются описанію.

Вольноопредѣляющійся Д., находившійся на излѣченіи въ Одесскомъ лазаретѣ, разсказываетъ:

„Однажды намъ пришлось наблюдать такую картину:

„Его Высочество, сидя на корточкахъ, подъ диктовку солдата пишетъ ему письмо на родину. Письмо окончено. Солдатъ нерѣшительно переминается съ ноги на ногу.

— „Чего тебѣ еще?“ спрашиваетъ Князь.

— Да окажите милость, Ваше Высочество, поставьте, что письмо Вы писали. Обрадуете стариковъ.

„Князь Олегъ исполнилъ просьбу и начерталъ:

„Настоящее письмо вашего сына писалъ я, Олегъ Константиновичъ“.

Всѣ вышеприведенные разсказы отмѣчаютъ въ Князѣ Олегѣ тѣ черты характера, которыя въ немъ, дѣйствительно, преобладали, но за достовѣрность ихъ, конечно, поручиться нельзя.

А. Ѳ. Кони пишетъ въ своей замѣткѣ о покойномъ Князѣ Олегѣ:

„При невольныхъ и частыхъ воспоминаніяхъ объ іюльскихъ дняхъ 1914 года, когда такъ единодушно и стройно отозвалась русская земля на властный призывъ къ борьбѣ за призваніе и достоинство родины противъ надменнаго и коварнаго сосѣда,—мысль моя неизмѣнно останавливается на одномъ трогательномъ образѣ.

„Я вижу передъ собою съ той отчетливостью, которая свойственна скорби, Князя Олега Константиновича въ походной боевой формѣ, съ его милымъ лицомъ и мягкимъ, устремленнымъ задумчиво вдаль взоромъ „говорящихъ“ глазъ,—сердечно прощающагося со мною 23 іюля, въ день его отъѣзда въ дѣйствующую армію.

„Это было наше послѣднее свиданіе, но ему предшествовалъ рядъ годовъ, когда при нерѣдкихъ встрѣчахъ нашихъ я видѣлъ, какъ пытливый, умный и живой мальчикъ постепенно обращается въ тонко-развитого и жаднаго къ знанію молодого человѣка. Свиданія съ нимъ были полны особой прелести: богато одаренный отъ природы, онъ горѣлъ интересомъ къ прошлому, отзывчивостью къ настоящему, восторженной вѣрой въ будущее. Его нервная воспріимчивость заполняла его умъ множествомъ разнородныхъ

вопросовъ о содержаніи и цѣляхъ жизни, объ условіяхъ осуществленія послѣднихъ. Въ его торопливомъ стремленіи расширить свой кругозоръ и найти новую пищу своему чуткому сердцу, въ его оживленной рѣчи слышались одновременно тревожные запросы созрѣвающаго мужа, порывы юноши, любопытство отрока и чистота дитяти. Бесѣды наши—у меня въ Петроградѣ и въ Осташевѣ—часто касались нравственныхъ началъ въ области правосудія, причемъ мнѣнія и замѣчанія моего юнаго „совопросника“ обнаруживали не разъ исключительную тонкость пониманія бережнаго отношенія къ человѣческому достоинству и нравственной отвѣтственности передъ Высшимъ Судіею.

„Насъ соединяла любовь къ Пушкину, къ которому онъ относился восторженно, проницательно и трудолюбиво. Яркая радость блистала на его лицѣ, когда въ разговорахъ приходилось привести цитату изъ великаго поэта или указать на какую-либо особенность въ его творчествѣ. Въ Пушкинѣ для него олицетворялось все, чѣмъ сильна, своеобразна, дорога и по праву можетъ быть горда Россія.

„И когда эта Россія позвала Князя Олега на брань, онъ отдалъ ей всѣ силы и помышленія, сознавая, что есть историческія минуты, когда родина, видоизмѣняя слова Писанія, должна сказать: „да оставитъ человѣкъ отца и матерь свою и прилѣпится ко мнѣ!“ Въ его душѣ, такъ понимавшей и знавшей Пушкина, не могъ не прозвучать завѣтъ „Старицы-пророчицы“ молодому витязю:

„Уберися честно ранами,
Ты омойся алой кровію“...

„Онъ выполнилъ этотъ завѣтъ и принесъ въ жертву родинѣ свою столь много обѣщавшую, столь обильную духовными дарами жизнь.

„Въ любимомъ имъ Осташевѣ, видѣвшемъ расцвѣтъ этой жизни, на высокомъ холмѣ спитъ онъ вѣчнымъ сномъ. Его сторожатъ развѣсистыя деревья, кругомъ разстилаются далекія нивы, блеститъ въ своихъ извилинахъ рѣка и привѣтно высится церковь — все, что такъ чтилъ и любилъ онъ,—а сбоку, близко, его земное жилище, гдѣ, въ смиреніи передъ Высшей волей, пролилось о немъ столько горячихъ слезъ“...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта могила въ Осташевѣ краснорѣчиво напоминаетъ своею близостью къ русской деревнѣ объ основномъ стремленіи Князя Олега—слиться съ русскимъ народомъ, понять его и работать для него.

„Внимая ужасамъ войны“, мы какъ-то свыкаемся съ мыслью о ежеминутныхъ опасностяхъ, которыя угрожаютъ всѣмъ защитникамъ родины, но когда приходитъ вѣсть о гибели кого-нибудь изъ близкихъ, то чувство глубокой скорби властно подчиняетъ насъ себѣ. И эта скорбь тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе надеждъ павшій въ бою унесъ съ собой въ могилу. Вотъ почему безмѣрную тоску вызвало скорбное извѣстіе о кончинѣ Князя Олега. Онъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы быть извѣстнымъ широкимъ кругамъ

общества, которое знало его только какъ члена Царской Семьи, но кому довелось быть свидѣтелемъ духовнаго роста почившаго, тотъ долженъ былъ болѣзненно ощущать всю огромность понесенной нашей родиной утраты.

Съ раннихъ лѣтъ въ Князѣ Олегѣ поражала та „презѣльная горячесть“ къ знанію, которая присуща всѣмъ недюжиннымъ натурамъ.

Мечтой Князя Олега было посвятить всѣ свои силы на служеніе родинѣ. Съ сознаніемъ важности этого служенія онъ исключительно рано сталъ задумываться надъ вопросомъ, въ какихъ областяхъ онъ могъ бы оказаться наиболѣе полезнымъ.

Въ отношеніи родины у Князя Олега была всегда жажда подвига, и если мы, опечаленные, стоимъ у его могилы въ тягостномъ раздумьѣ, спрашивая себя, сколько онъ могъ бы ей дать при своихъ исключительныхъ способностяхъ, то онъ, вѣроятно, встрѣтилъ смерть нравственно удовлетвореннымъ: подвигъ онъ совершилъ.

Всѣмъ „убіеннымъ на полѣ брани“ — вѣчная память, и пусть среди этихъ героевъ почетное мѣсто займетъ Князь Олегъ: онъ ушелъ изъ жизни, не давши ей всего, что могъ дать, но привлекательный образъ его останется жить и среди насъ и въ потомствѣ своею нравственною цѣльностью, своимъ благородствомъ, своимъ исканіемъ истины, своею безпредѣльной любовью къ родинѣ!

Князь Олегъ Константиновичъ
на смертномъ одрѣ.

Кабинетъ Князя Олега Константиновича въ Мраморномъ дворцѣ.

КОВЫЛИНЪ.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній,
Была прелестный уголокъ.
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы небо могъ.

А. С. Пушкинъ.

Вчера былъ замѣчательный день... Я поѣхалъ на охоту въ дальніе лѣса. Утро выдалось чудное—ясное, морозное. Люблю я такія путешествія по незнакомымъ мѣстамъ. Сидишь, закутавшись, въ саняхъ, смотришь съ любопытствомъ на открывающіеся виды—блаженствуешь! Пріѣхали мы по зимней дорогѣ въ казенное болото, вылѣзли изъ саней и пошли цѣпью къ озеру Скитъ, которое давно меня манило къ себѣ. Направо и налѣво необозримое пространство заросло корявымъ, низенькимъ соснякомъ. Старожилы говорятъ, что онъ всегда былъ такимъ: каждое лѣто здѣсь стоитъ вода, мѣшающая здоровому росту деревьевъ. Только у берега въ видѣ исключенія тянется узенькая полоска высокаго лѣса.

Чу! Далеко впереди съ легкимъ шумомъ протянули бѣлыя куропатки... Я прибавилъ шагу и, взойдя на пригорокъ, увидалъ озеро. Цѣликомъ все по-

крытое снѣгомъ, оно производитъ таинственное впечатлѣніе своимъ безлюдьемъ... Такъ и кажется, что тутъ бывали богатыри, что здѣсь и теперь царятъ духи, какъ въ сказкахъ... Пропутались мы вокругъ озера довольно долго, но стрѣлять не пришлось: куропатки и глухари снимались слишкомъ далеко. Когда мы вернулись обратно къ санямъ, поднялась погода. Было видно, что изъ охоты ничего не выйдетъ. Тогда мнѣ пришла мысль поѣхать къ сосѣднему помѣщику Ковылину. О немъ я и раньше много слышалъ. Дома у насъ говорили, что это замѣчательный человѣкъ: раньше былъ помѣщикомъ, а потомъ вдругъ сдѣлался священникомъ. Многіе называли Ковылина чудакомъ. Припоминали случай, какъ однажды, заставши крестьянскихъ ребятишекъ въ своемъ огородѣ, онъ только покачалъ головою и грустно замѣтилъ: „Къ чему красть? Коли хочется огурцовъ—придите и попросите: я, вѣдь, и такъ дамъ“. Крестьяне иногда подсмѣивались надъ Ковылинымъ, но всѣ любили его за разговорчивость и простоту.

— „Куда поѣдемъ?“—спросилъ меня Арсеній, когда мы тронулись.

— Къ Алексѣю Павловичу.

Возница мой ничего не сказалъ и улыбнулся такъ, какъ будто вполнѣ сочувствовалъ моему рѣшенію.

— Это чей лѣсъ?—спросилъ я, замѣтивъ рѣзкую разницу въ ростѣ деревьевъ.

— „А это уже будетъ лѣсъ Ковылина“,—отвѣтилъ Арсеній, обернувшись ко мнѣ.—„Они вотъ осушили болото, и лѣсъ пошелъ“.

Онъ помолчалъ немного.

— „Они такой простой баринъ. Вотъ соберутъ ребятишекъ и заставятъ на канавѣ цвѣты сажать, а потомъ дадутъ кажному по тридцать копеекъ. Мой отецъ покойный, царство ему небесное, какъ-то и говоритъ имъ: „Вы бы ихъ, баринъ, не заставляли работать, а просто бы денегъ дали!“—„Зачѣмъ?“ говоритъ Лексѣй Павлычъ. „Такъ кажный будетъ думать, что деньги заработалъ“... Они и по крестьянству много помогаютъ... Свого лѣса для мужика не жалѣютъ... Ну! Чего стала? Иди, дьяволъ!“—крикнулъ Арсеній на лошадь и послѣ короткаго молчанія добавилъ, улыбнувшись:

— „Они теперь священникомъ стали. Слыхали?“

Желаніе увидать Ковылина росло во мнѣ съ каждой минутой. „Какой онъ?“ думалъ я. „Грознаго ли я встрѣчу аскета, внушающаго суевѣрный страхъ, простоватаго ли старца или священника новой формаціи?“ Не скрою того, что я волновался.

— „А вотъ налѣво ихъ церковь!“—сказалъ Арсеній.

Вдали, на пригоркѣ, показалась большая церковь съ высокой колокольней и пятью главами. Купола, покрашенные въ синій цвѣтъ, красиво выдѣлялись на бѣломъ фонѣ неба. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на этотъ храмъ и расположенныя около него строенія. Въ деревнѣ Савкинѣ сразу бросилось въ глаза много крестьянскихъ дворовъ, заново поставленныхъ Ковылинымъ. Около церкви мы завернули влѣво и поѣхали вдоль елочной изгороди. По тропинкѣ впереди насъ подвигалась какая-то крупная черная фигура.

— Это, навѣрно, самъ Ковылинъ?—спросилъ я.

— „Нѣтъ, это такъ... баба“,—отвѣтилъ Арсеній.

Фигура въ черномъ, между тѣмъ, остановилась. Я былъ правъ. Это оказался Ковылинъ. Онъ стоялъ на дорогѣ и въ полномъ недоумѣніи смотрѣлъ на насъ.

— Здравствуйте, батюшка,—сказалъ я.—Простите, что такъ безцеремонно пріѣхалъ къ вамъ, но мнѣ бы очень хотѣлось посмотрѣть на вашу церковь.

— „Да позвольте... позвольте... Кто вы такіе?“—спросилъ онъ все въ томъ же недоумѣніи.

— Я изъ Никольскаго, сынъ Михаила Николаевича.

Надо было видѣть, что сдѣлалось при этихъ словахъ съ Ковылинымъ. Лицо его просіяло, онъ весь оживился. Тутъ я замѣтилъ его замѣчательные глаза, совсѣмъ синіе. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и заговорилъ:

— „Вы, стало быть, внукомъ приходитесь Николаю Ивановичу... Навѣстить пріѣхали старика?.. Ужъ я такъ радъ, такъ радъ... Вѣдь я и дѣдушку вашего и отца... всѣхъ знаю и помню... Ужъ такой гость пріѣхалъ!.. Пожалуйте, пожалуйте. Я вотъ тутъ крестить шелъ, ну такъ это и отложить можно“...

— Нѣтъ, зачѣмъ, батюшка, откладывать. Позвольте за вами въ церковь пройти. Я посмотрю.

— „Ну, хорошо, хорошо. Тогда мы васъ воспріемникомъ запишемъ“,—сказалъ онъ улыбаясь.—„Ну, поворачивайте сюда... Вправо, вправо... да не такъ... осадить надо“,—говорилъ онъ Арсенію.

Мы выбрались на накатанную дорогу. Ковылинъ сѣлъ ко мнѣ въ сани и началъ внимательно меня разглядывать. Я извинялся, что его обезпокоилъ и смотрѣлъ ему въ глаза, которые меня поражали своей синевой и добротой. Высокій ростъ, сѣдая окладистая борода, правильныя и крупныя черты лица священника придавали ему видъ внушительный и благообразный. На немъ была черная шуба съ мѣховымъ воротникомъ. Такая же шапка покрывала голову.

Подъѣхавъ къ церкви, мы вышли изъ саней и поднялись по ступенькамъ на паперть. Ковылинъ обернулся и нетерпѣливымъ движеніемъ руки подозвалъ сторожа.

— „Не видишь, что ли, кто къ намъ пріѣхалъ?“—сказалъ онъ.—„Изъ Никольскаго, внукъ генерала. Отворяй скорѣе церковь, да бѣги предупредить домой, чтобы чай заваривали... Гдѣ младенецъ?“

— „Еще не приносили, батюшка“,—отвѣчалъ сторожъ.

— „Ну, это еще лучше. Бѣги!“

Мы прошли въ церковь. Она очень свѣтлая, уютная, чистенькая, съ тремя придѣлами.

— „Вотъ здѣсь у насъ частица мощей преподобнаго Сергія“,—сказалъ Ковылинъ, указывая на икону. Я приложился.

— „А вотъ здѣсь у насъ, поглядите, изображеніе Страшнаго Суда... Въ Москвѣ писали... Оно не очень хорошо, а все же для крестьянъ на-

глядно... Это подражаніе древней иконописи: традиціонный змѣй и грѣшники, входящіе въ адъ... За нее сто рублей у меня взяли...“

Мы подробно осмотрѣли всю церковь и вышли на паперть, чтобы ѣхать въ домъ.

— „Со мной всю жизнь чудеса были“,—говорилъ Ковылинъ, садясь опять въ сани.—„Въ бытность мою еще студентомъ, былъ я не то, чтобы не вѣрующимъ—нѣтъ, а такъ... не серьезно относился. Разъ собрались мы какъ-то у товарища, и показываетъ мнѣ одинъ книжку Фейербаха, гдѣ тотъ кощунственно отзывается о таинствахъ, о причастіи...—„Это что?“—говорю,—„гадость! мерзость! Этимъ книгамъ вотъ гдѣ мѣсто!“—и швырнулъ ее въ печку... Принадлежалъ я тогда къ народолюбческой партіи, зачитывался Полежаевымъ, Засодимскимъ... Хотѣлось мнѣ принести пользу нашему народу!“...

Въ это время мы подъѣхали къ дому. Ковылинъ засуетился, забѣгалъ. Онъ ввелъ меня въ какую-то комнату, извинился, что оставляетъ одного, и пошелъ перемѣнить рясу. Я оглянулся. Посрединѣ стоялъ большой круглый столъ; два окна выходили въ садъ, занесенный снѣгомъ. Въ углу было много образовъ, передъ которыми теплились лампадки. Подъ ними, наискось, стоялъ маленькій диванчикъ, обитый зеленой матеріей. На стѣнѣ, налѣво отъ иконъ, я сразу замѣтилъ писанную масляными красками небольшую картину. На ней былъ изображенъ оптинскій старецъ Амвросій за нѣсколько дней до смерти: онъ повернулся въ постели на бокъ и склонилъ голову въ клобукѣ на подушку. Рядомъ съ этимъ довольно посредственнымъ изображеніемъ висѣли фотографіи старца Варнавы, гравюра Саровскаго пустынника Марка и другія. Противъ оконъ, между дверями, стоялъ плохонькій шкафъ; вся мебель ограничивалась еще нѣсколькими массивными стульями съ высокими спинками, которые стояли по стѣнамъ и вокругъ стола. На всемъ лежалъ отпечатокъ чего-то купеческаго.

Вошелъ Ковылинъ въ простенькой рясѣ, подпоясанный матерчатымъ кушакомъ. Я его попросилъ накормить людей, которые съ утра ничего не ѣли.

— „Ужъ какъ же, помилуйте!“ отвѣтилъ онъ.—Это правило нашего помѣщичьяго гостепріимства.

Онъ усадилъ меня на диванъ, самъ сѣлъ на стулъ напротивъ и продолжалъ свой разсказъ.

— „Въ то время“,—говорилъ онъ,—„одинъ спеціалистъ по сельскому хозяйству, не помню сейчасъ его имени, писалъ много статей по вопросамъ объ осушкѣ. Тогда еще совершенно не имѣли понятія о томъ, какъ надо воздѣлывать болото. Болото такъ болото, лещина такъ лещина... А человѣкъ этотъ открылъ способъ ихъ обрабатывать посредствомъ фосфорита. И запала мнѣ въ голову мысль такимъ путемъ нажиться. Отецъ мой былъ купцомъ, стало быть, страсть къ наживѣ у меня была въ натурѣ, можно сказать съ кровью въ жилахъ текла“...

Я съ уваженіемъ посмотрѣлъ на Ковылина. Меня поразило то, что онъ не побоялся произнести строгаго приговора надъ сословіемъ, къ которому принадлежалъ самъ.

—„Сталъ я подговаривать отца“, продолжалъ онъ:—„купимъ, молъ, землю. Отецъ не соглашался. Велъ онъ торговлю хлѣбомъ и, знаете, какъ купцы, на каждомъ пудѣ зарабатывалъ по тридцать процентовъ. Не хотѣлъ онъ мѣнять выгодное предпріятіе на рискованное и все мнѣ въ примѣръ приводилъ дядю, который владѣлъ землей. „Вотъ, молъ, дядя Александръ, — ничего у него съ землей не выходитъ“. А мысль купить болото меня не покидала, можно сказать сверлила, мучила. Отцомъ я былъ вполнѣ обезпеченъ: отъ него на мою долю пришелся капиталъ въ сорокъ восемь тысячъ. Какъ разъ въ это время тутъ продавалась земля. Раньше, чѣмъ ее покупать, рѣшилъ я отправиться помолиться къ Преподобному Сергію въ монастырь“.

Ковылинъ вдругъ прервалъ свой разсказъ и торопливо спросилъ:

— Господи, совсѣмъ забылъ... Не пожелаете-ли чего нибудь откушать?.. Супу или чего другого?

— Признаюсь, ничего не имѣлъ бы противъ, — отвѣчалъ я.

Старикъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Да какъ-же я это не подумалъ, не побезпокоился?.. Потчую розсказнями, а накормить и забылъ...

Онъ засуетился, побѣжалъ въ сосѣднюю комнату, откуда до меня донеслись слова: „Скорѣй, скорѣй... проголодались... Я не сказалъ, а вы и не напомните... что у насъ тамъ есть? Курица, супъ... все!“ Мнѣ стало стыдно, что я такъ взбудоражилъ Ковылина, который долго потомъ не могъ успокоиться.

— Ужъ не даромъ — говорилъ онъ, вернувшись въ комнату, — сестра меня шарманкой зоветъ. Шарманка и есть. Потчую розсказнями, а объ ужинѣ и забылъ.

— Да чего-же вамъ безпокоиться, батюшка, мнѣ, право, совѣстно!

— Мнѣ совѣстно, а не вамъ. Какъ же это я...

—„Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“,—сказалъ я съ чувствомъ нѣкотораго довольства, что кстати привелъ слова Евангелія.—Продолжайте-ка лучше, батюшка, вашъ разсказъ.

— А на чемъ, бишь, я остановился? На чемъ это я? Право, не помню... Вотъ говорить-то Богъ меня наградилъ, а память, что рѣшето...

— Вы говорили, что отправились на богомолье и...

— Да, да, вспомнилъ... Помолились мы этакъ съ братомъ у Угодника и ѣдемъ обратно на станцію. А тутъ идетъ по дорогѣ старушка, останавливаетъ насъ и спрашиваетъ, не опоздаетъ ли она къ поѣзду. Я ее успокоилъ,— времени было много,—и посадилъ въ сани. „Вы“, спрашиваетъ, „къ Угоднику ходили?“ — Да, къ Угоднику.—А теперь куда? — „Обратно“.—„А къ старцу не пойдете?“—„Къ какому старцу?“ — Какъ же? Къ Варнавѣ. Святой человѣкъ, прозорливый“.

— „Нѣтъ“, отвѣчаю я, „не пойду я къ твоему старцу“. А она качаетъ головой и говоритъ: „Нехорошо, нехорошо! Къ старцу-то надо пойти!“

Ковылинъ на минутку призадумался и потомъ продолжалъ:

— Надо вамъ сказать, что въ прозорливость да одаренность свыше я тогда не вѣрилъ и даже иногда надъ этимъ смѣялся. Да вообще не худой я былъ, нѣтъ, а такъ... нерадивый: въ церковь недѣлями не ходилъ, напивался пьянъ, проводилъ время въ билліардныхъ да и въ еще худшихъ мѣстахъ... Отдѣлялъ меня отъ Бога слой эфира и шелка, какъ я теперь узналъ".

„Въ немъ, кажется, есть доля мистицизма," подумалъ я. Личность Ковылина начинала меня все больше и больше интересовать. Я съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за ходомъ разсказа. Онъ говорилъ нервно, то замедлялъ рѣчь, дѣлая ударенія на нѣкоторыхъ словахъ, то вдругъ начиналъ торопиться, не договаривая своихъ мыслей.

— „Зашли мы съ братомъ",—продолжалъ Ковылинъ,—„въ гостиницу чаю выпить и думаю это я себѣ: „Отчего мнѣ не сходить къ старцу? Вѣдь, благословеніе-то будетъ не отъ него, а только черезъ него, свыше!"

Ковылинъ сложилъ большіе пальцы и, указывая на нихъ, продолжалъ:

— „Вѣдь, это, думаю, не пальцы, не бренное тѣло даетъ благословеніе, а черезъ нихъ".—Ну, сознайтесь, развѣ не чудо, что я, не вѣровавшій въ прозорливость одаренныхъ свыше людей, началъ такъ думать? Толкало меня что-то: пойди да пойди къ старцу. Ну и пошли... Приходимъ въ келью: комнатка, какъ сейчасъ помню,—маленькая, тутъ налѣво лавочка...— онъ просто жилъ, ужъ чего проще. Слышимъ—шелеститъ кто-то въ сосѣдней комнаткѣ бумажками. Мы ничего, ждемъ. Выходитъ къ намъ старецъ и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ по нѣсколько листочковъ. Это тѣ самые Троицкіе листочки, которые въ то время Никонъ Вологодскій издавать началъ. Потомъ уже я узналъ, что сила его прозорливости заключалась какъ разъ въ раздачѣ этихъ листочковъ. Старецъ ко мнѣ подошелъ, всунулъ мнѣ въ руку штуки четыре бумажекъ и говоритъ: „Приходи ко мнѣ въ пятницу!" Признаться, я тогда въ душѣ сильно огорчился, что онъ со мной не захотѣлъ, какъ съ другими, побольше поговорить!.. Только мы вышли,— толкнуло меня что-то прочитать одинъ изъ листочковъ. Посмотрѣлъ — и сердце мое такъ и преисполнилось радости, такъ и облилось свѣтомъ и теплотой. Вотъ что было тамъ написано: „И пчела, несмотря на то, что часто въ продолженіе лѣта бываетъ разорена человѣкомъ, своимъ трудомъ устраиваетъ жилище къ осени. Такъ и ты, не унывай и трудись!" Поймите, какъ слова эти совпали съ тѣмъ, что тогда происходило у меня на душѣ. Былъ я до этого разстроенъ тѣмъ, что ничего изъ моего желанія купить землю не выходило... Много было препятствій, а тутъ, вдругъ, такое утѣшеніе... Чудо, одно чудо!..

„Исповѣдывались мы у старца въ пятницу, а причастились въ субботу. Передъ отъѣздомъ зашелъ я къ нему проститься. Старецъ вышелъ и сказалъ: „Ну, Господь тебя благослови!" Вотъ опять чудо! Я такъ и понялъ, что старецъ Варнава меня благословлялъ покупать землю"...

Къ этому времени ужинъ былъ поданъ. Мы встали съ дивана и сѣли у стола. „Кушайте, кушайте!“ говорилъ Ковылинъ. „Вы проголодались съ охоты. Простите только, если что не такъ подано будетъ, у насъ просто!“

Старикъ приготовилъ мнѣ полный ужинъ. Онъ налилъ мнѣ мадеры, а себѣ потребовалъ церковнаго вина. Я просилъ его продолжать.

— „Ну, вотъ-съ... Возвратились мы въ нашъ городъ на берегу Волги. Прихожу къ своимъ и объявляю, что нашелъ замѣчательнаго старца Варнаву. А мнѣ мать и сестра говорятъ, что они про него давно знали. Сестра даже у него была, но какъ-то разговоръ объ этомъ никогда не заходилъ. „А старецъ“, говорю, „благословилъ меня купить имѣніе“. Тутъ сестра и сказала: „Для тебя у насъ наверху записка есть“. Принесла она письмо отъ одного хорошаго знакомаго, гдѣ я прочиталъ слѣдующее: „Вспомнилъ я, Алексѣй Павловичъ, насчетъ выраженнаго вами желанія купить землю. Сообщаю вамъ, что таковая продается за пятнадцать тысячъ рублей“. Опять, думаю, чудо! Я желалъ и давно положилъ заплатить ровнёхонько эту сумму, копейка въ копейку. Не чудо, что вы скажете? Съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ у старца Варнавы, все чудеса пошли. Поѣхалъ я осматривать землю. Взялъ съ собою человѣка знающаго. Самъ я тоже имѣлъ знакомство съ сельскимъ хозяйствомъ, но только теоретическое: читалъ много по этому предмету. Повезли насъ показывать лѣсъ. Дѣло было, правда, зимой, смотрѣть плохо, но я торопился. Управляющій имѣніемъ объясняетъ: „Тамъ, молъ, еще лѣсъ есть, но дороги зимней нѣтъ, не проѣхать“. А я, признаться, обрадовался пуще всего, что мнѣ съ лѣсомъ болото достается и говорю: „Не надо мнѣ того лѣса, клади его себѣ въ карманъ“.

„Купилъ имѣніе, позвалъ техниковъ и началъ рыть канавы. Страсть это моя была — рытье канавъ. Тогда я у дѣдушки вашего нѣсколько саженъ земли моей канавой и отхватилъ“...

— Разбойникъ вы!—сказалъ я со смѣхомъ.

— „Что?“

— Разбойникъ вы, говорю. Вы только не обижайтесь на это слово, батюшка.

— „Зачѣмъ обижаться?.. Я знаю, что вы такъ... Да, страсть была... Работа тяжелая, рабочіе не хотѣли идти, разбѣгались... а я ихъ силой приводилъ, даже самъ брался за лопату... Много денегъ на это пошло, въ долги влѣзъ...“

— А своего всетаки добились: лѣсъ у васъ несравненно лучше казеннаго.

— „Да, лѣсъ пошелъ, словъ нѣтъ, а дѣла—плохо... Не понималъ я сначала хозяйства, а мужики-то мнѣ и отгрызли пальцы. Съ мужиками, вѣдь, такъ нельзя: сразу отгрызутъ.—Срываетъ мнѣ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ кочки и не складываетъ ихъ въ кубики. Я ему говорю: „Ну, что ты, Степанъ? Чего тебѣ стоитъ скласть ихъ въ кучи?“ На утро прихожу—анъ, мои кочки всѣ въ десяти кучахъ лежатъ. Обрадовался я, похвалилъ, отблагодарилъ, какъ слѣдуетъ, работника. А дѣло это было зимой. Прихожу я

по веснѣ,—а мои кубики на двѣ четверти въ землю и осѣли... И такъ все у меня прахомъ шло, не зналъ, что и дѣлать. Вдобавокъ меня сосѣдній священникъ до смерти перепугалъ: „Знаете“, говоритъ, „что за нарушеніе знаковъ генеральнаго межеванія можно въ тюрьму попасть?..“ Струсилъ, это, я и собрался ѣхать въ Петербургъ къ вашему дѣдушкѣ Николаю Ивановичу...“

— „Что же это вы такъ мало кушаете?“ прервалъ себя Ковылинъ. „Вамъ масла къ хлѣбу не подали, сейчасъ скажу!“

Несмотря на мои уговоры, онъ опять засуетился и велѣлъ принести масло.

— Да садитесь, батюшка,—успокаивалъ я его.—Вѣдь, вы на самомъ интересномъ мѣстѣ остановились... Разсказывайте, какъ васъ встрѣтилъ дѣдушка, какъ вы бесѣдовали, чѣмъ все кончилось?...

— „Ну, вотъ... Пріѣзжаю я къ Николаю Ивановичу, вхожу по большой лѣстницѣ въ парадныя комнаты. Меня провели черезъ столовую. У нихъ въ это время большое общество за столъ садилось. Помню, что тогда впервые увидѣлъ я молодого офицерика, вашего папашу... Вхожу еле живъ въ кабинетъ. Я боялся генераловъ,—слыхалъ, что одинъ генералъ велѣлъ кого-то высѣчь. „Ну“, думаю, „должно быть и меня такимъ же манеромъ...“ Въ это время входитъ генералъ. Смотрю,—не высокій, значитъ, не страшно. У него сѣденькая, помню, бородка была. „Простите“, говорю, „Ваше Превосходительство! Такъ, молъ, и такъ, отрѣзалъ я канавами у васъ нѣсколько саженъ. Что прикажете за это сдѣлать? Сколько возмѣстить?“ — „Зачѣмъ возмѣщать?“ отвѣчаетъ мнѣ генералъ. „Когда буду въ деревнѣ, заѣду самъ посмотрѣть“.

„Пріѣхалъ я назадъ, а тутъ долги меня и обступили. Вижу—дѣло плохо. Рѣшилъ опять за совѣтомъ да утѣшеніемъ къ старцу Варнавѣ отправиться. Пришелъ къ нему, разсказалъ все, что у меня на душѣ было, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Начинай храмъ строить“. У меня, понимаете ли, ни гроша въ карманѣ, а онъ мнѣ о храмѣ. И, долженъ признаться, четыре года не начиналъ я этого дѣла, а имѣніе тѣмъ временемъ чуть что не съ молотка пошло. Вспомнилъ я о словахъ старца, прихожу къ моей матушкѣ и объясняю, что хочу церковь строить. „Ты только“, говоритъ, „сынокъ, на насъ не разсчитывай“. Подумайте—къ родной матери пришелъ, ей бы первой помочь, а она вотъ что. У меня чуть руки не опустились. Спасибо, въ то время добрый человѣкъ нашелся, сто рублей далъ, но потомъ дѣло опять остановилось. Началъ собирать я понемногу частнымъ образомъ, потому что разрѣшенія офиціальнаго у меня не было, да только много ли частнымъ образомъ соберешь?.. Какъ разъ въ это время тутъ на сосѣдней фабрикѣ дворникъ служилъ, хорошій такой, богомольный... Подѣлился я съ нимъ моимъ горемъ и говорю: „Видно мнѣ надо на паперти церковной самому становиться да просить“. А онъ мнѣ: „Что вы, что вы, Алексѣй Павловичъ! Зачѣмъ такъ? Вы лучше бы открыли у насъ сборъ на фабрикѣ, тогда дѣло бы и пошло...“

Въ это время тихими шагами вошла въ комнату монахиня.

— „А вотъ и сестра моя“,—сказалъ Ковылинъ и обратился къ ней:

— „Погляди-ка, какой гость къ намъ пріѣхалъ... Не думали, не гадали... Николая Ивановича, генерала, внукъ! Я то и встрѣтить его какъ слѣдуетъ не сумѣлъ. Онъ мнѣ о людяхъ вспомнилъ, попросилъ накормить; я такъ и сдѣлалъ, а самого-то его сколько времени голодомъ морилъ...“

— „Да какъ же это ты, какъ же это?“ говорила, немного нараспѣвъ, монахиня. Очень застѣнчивая, ростомъ много ниже брата, она какъ-то стушевывалась въ его присутствіи. Ковылина тихо сѣла на стулъ и въ продолженіе послѣдовавшаго разговора больше молчала, сложивъ руки на колѣняхъ.

— „А я вотъ ему все разсказываю“,—сказалъ Ковылинъ,—„какъ мы тутъ церковь строили... Да!.. Да!.. Тогда строго слѣдили за сборами на фабрикахъ, на это дѣло требовалось разрѣшеніе, надо было писать и хлопотать, а я лѣнтяй до этого. Рабочіе сами за меня попросили начальство. Проходитъ нѣсколько времени, пишетъ мнѣ тотъ же дворникъ съ фабрики: „Алексѣй Павловичъ, такъ, молъ, и такъ, замѣтилъ намеднись начальникъ мою корову, ту, что вы лѣтось подарили. Стали всѣхъ спрашивать, чья она будетъ? Призвали меня, говорятъ: „Откуда твоя корова?“ Я имъ, стало быть, отвѣчаю, что корова отъ васъ. Тогда начальникъ приказали вамъ передать, чтобы вы и имъ такую же корову прислали“. А дворникъ се въ ту пору хорошо откормилъ, сдѣлалась она большая, шоколаднаго цвѣта...

„Я опять полѣнился и отвѣчаю ему: „У меня теперь такія коровы пошли, что не только начальнику, но и послѣднему сторожу подарить ихъ никакъ невозможно“. А дворникъ все надоѣдаетъ: „Пришлите да пришлите...“ Наконецъ выбралъ я изъ оставшихся корову получше, потѣльнѣе и поѣхалъ. Пріѣзжаю къ начальнику... Вхожу... Заговорили. Въ разговорѣ-то я и спрашиваю его, какъ, молъ, будетъ насчетъ разрѣшенія? — „А это вы просили?“—„Я“.—„Бумага уже пошла“, говоритъ, „по назначенію. Теперь скоро дѣло рѣшится“. И, представьте себѣ, все дѣло такъ и вышло: открыли сборъ, выручили девятьсотъ шестьдесятъ рублей, а мнѣ эта сумма и на купола, и на кресты, и на все хватила... Побывалъ я тутъ какъ-то у отца Варнавы, сталъ разсказывать о церкви, а онъ мнѣ говоритъ: „О пяти главахъ строить нужно!“ Я даже спорить не сталъ, сразу согласился. „А точно“, говорю, „батюшка, что о пяти главахъ будетъ лучше, а то одинъ священникъ уже замѣтилъ, что храмъ съ одной главой больше на голубятню похожъ. И вотъ выстроили мы церковь!.. Я и то теперь говорю, что ее корова на своемъ хвостѣ вывезла...“

Ковылинъ замолчалъ. Онъ вздохнулъ, опустилъ голову, задумался. Глаза его свѣтились радостнымъ блескомъ...

— Батюшка! — спросилъ я робко. — Простите мнѣ мою нескромность: скажите, какъ это вы сдѣлались священникомъ?

— „А очень просто“, сказалъ Ковылинъ, поднявъ голову. „Построилъ я церковь, желаніе свое исполнилъ, но чувствовалъ все время, какъ будто чего-то не додѣлалъ. Жаль мнѣ было, достигнувъ шестидесяти-

лѣтняго возраста не подѣлиться ни съ кѣмъ своимъ личнымъ накопленнымъ опытомъ. И задумалъ я устроить при церкви общину. Пріѣзжалъ ко мнѣ одинъ знакомый архіерей и одобрилъ мою мысль... Подумалъ я, подумалъ, посовѣтовался со старцемъ, получилъ отъ него благословеніе, пошелъ къ епископу и упалъ ему въ ноги: „Примите“, говорю, „Ваше Преосвященство все, чѣмъ владѣю, въ лоно церкви“. Потомъ посвятился и устроилъ общину, которую назвалъ: „Трудъ и молитва“. Недаромъ пришли мнѣ, знаете, на умъ эти два слова: трудъ и молитва должны идти всегда вмѣстѣ...

Священникъ на минуту задумался.

— „Народу, видите ли, какъ и прежде, мнѣ хочется пользу принести. Я думаю, что тѣ, кто жалуются на правительство, поступаютъ неправильно: не правительство, а мы виноваты... Оно одно сдѣлать ничего не можетъ... Намъ надо помогать, трудиться, работать. А мы что дѣлаемъ? Ничего, бездѣльничаемъ...“

Ковылинъ опять остановился.

— „По моему мнѣнію“, продолжалъ онъ, „дворянство пало и больше не поднимется... Вотъ одинъ епископъ пишетъ, и я съ нимъ согласенъ, что теперь крупными землевладѣльцами остались одни монастыри“.

— А это жаль, что дворянство пало,—замѣтилъ я.

— „Жаль, конечно, жаль“, отвѣтилъ Ковылинъ. „Вѣдь, нашъ братъ, купецъ, все думаетъ о наживѣ. Вотъ, бывало, дядя мой жалуется, что не получаетъ больше въ торговлѣ прежнихъ процентовъ, раньше-де было лучше. — „Ну, а скажите“, спрашиваю, „дядюшка, во сколько разъ, несмотря на нынѣшнія обстоятельства, вы увеличили капиталъ? Было у васъ семьдесятъ тысячъ. Не три ли раза семьдесятъ у васъ теперь?“—„Такъ-то такъ“, — отвѣчаетъ онъ,—„а все же...“ Я вамъ разскажу по этому поводу анекдотъ. Въ старое время мнѣ отецъ его разсказывалъ, потомъ повздорили мы какъ-то съ управляющимъ, и онъ мнѣ тотъ же анекдотъ повторилъ. Хорошій анекдотъ!.. Вы его можете въ Петербургѣ въ обществѣ разсказывать...

„Жилъ подъ благоденственнымъ небомъ Италіи знатный русскій баринъ. Имѣлъ онъ въ одной изъ нашихъ губерній большое помѣстье, изъ котораго получалъ отъ управляющаго по пятнадцати тысячъ рублей ежегодно. Жилъ этакъ нашъ баринъ припѣваючи, какъ вдругъ получаетъ доносъ на управляющаго, что онъ, молъ, такой-сякой, воръ, грабитель, мошенникъ и прочее. Не обратилъ на это вниманія вельможа, но доносчики дѣлали свое дѣло равномѣрно и обдуманно. Наконецъ, пишутъ они, что негодяй управляющій завелъ себѣ въ губернскомъ городѣ большой каменный домъ. Смутило это нашего барина: видитъ—дѣло плохо. Рѣшилъ ѣхать въ Россію убѣдиться во всемъ лично. Въ тѣ времена желѣзныхъ дорогъ не существовало. Это теперь въ одинъ мигъ сверху до низу Россію перерѣзать можно, а тогда путешествіе было долгое... По дорогѣ встрѣчались ему разоренныя имѣнія—усадьбы разрушены, скотъ худой, на ногахъ еле держится... Сталъ тутъ досадовать на себя помѣщикъ, что за все

время ни разу не удосужился заглянуть въ свою вотчину... Пріѣхалъ онъ къ себѣ, зоветъ управляющаго и начинаетъ бранить. „Я тебя велю“, кричитъ, „нагого привязать къ дереву, на съѣденіе комарамъ отдамъ!!.“ Доносчики только этого и ждали. Какъ только управляющій вышелъ отъ барина, они его схватили, раздѣли и привязали къ дереву. А хозяинъ ходитъ по комнатамъ и мучается: жалко ему стараго слугу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хочется и освободить его — вдругъ примутъ его новое распоряженіе за слабость. Наконецъ, подходитъ къ двери, зоветъ: „Эй, Андрюшка!.. Андрюшка! Сбѣгай-ка въ лѣсъ да помаши надъ управляющимъ вѣточкой, чтобы комары не очень приставали“. Побѣжалъ Андрюшка въ лѣсъ, но наказанный заупрямился. „Что ты дѣлаешь, дурень?“ закричалъ онъ. „Ужель не видишь, что комары теперь сыты? Смахнешь этихъ—насядутъ новые и будутъ кусать еще злѣе.

„Это старинный, хорошій анекдотъ“, закончилъ свой разсказъ Ковылинъ и улыбнулся. „Такъ, вотъ, и въ государствѣ, по-моему, то же самое. Вельможи, владѣющіе большими помѣстьями, насытились богатствомъ и не давятъ народа. А вотъ какъ пойдетъ нашъ братъ купецъ, да разная голь— стонать русскій народъ будетъ!..“

Въ то время какъ Ковылинъ договаривалъ послѣднія слова, рядомъ въ комнатѣ раздалось довольно стройное пѣніе женскихъ голосовъ.

— „Вы ужъ простите нашихъ дѣвушекъ“, сказалъ старикъ, „что онѣ безъ вашего позволенія запѣли. Впрочемъ, не хотите ли ихъ послушать!“

Я съ удовольствіемъ согласился и вмѣстѣ съ Ковылинымъ прошелъ въ сосѣднюю комнату. Вокругъ стола, на которомъ лежала открытая книга, тѣснилось нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ косынкахъ и сѣрыхъ передникахъ. Когда мы вошли, онѣ застѣнчиво замолчали, но я попросилъ ихъ продолжать. Красивая, заунывная мелодія наполнила комнату. „Какая разница съ обычными гнусавыми псаломщиками въ деревенскихъ церквахъ“, подумалось мнѣ. „И здѣсь, очевидно, удивительный старикъ чего-то добивался и что-то сдѣлалъ“. Ковылинъ молча сидѣлъ на одной изъ кроватей и слѣдилъ за поющими. Когда онѣ кончали, онъ взялъ послѣднюю ноту густымъ басомъ, потомъ всталъ и, указывая на дѣвушекъ, прибавилъ: „Вотъ эти рожи все здѣшнія, деревенскія... А поемъ мы духовные канты... какъ умѣемъ. Вы ужъ простите, если плохо“.

Рядомъ въ комнатѣ пробило девять часовъ. Я положительно не замѣтилъ, какъ пролетѣло время. Несмотря на просьбы Ковылина остаться ночевать, я сердечно отблагодарилъ его, но все же велѣлъ подавать сани.

„Замѣчательный человѣкъ, замѣчательный, совсѣмъ необыкновенный“, думалъ я, выѣзжая изъ общины. „Рѣдко такихъ встрѣтишь!.. Живетъ себѣ, какъ Лаврецкій—на „днѣ рѣки“, никому неизвѣстный, всѣми забытый, и борется одинъ на одинъ съ какою-то темною силою“...

— „Что это тамъ налѣво?“ спросилъ я у Арсенія, замѣтивъ мерцающій въ отдаленіи огонекъ.

— Хуторъ, отвѣчалъ онъ. „Тамъ живетъ пріемный сынъ Алексѣя Павловича“.

— „Какой такой пріемный сынъ“?

— А такъ, — былъ бездомный мальчишка. Они его взяли къ себѣ, воспитали, женили, потомъ землю подарили и домъ выстроили“.

„Еще новость“! подумалъ я. „А Ковылинъ-то мнѣ объ этомъ ни полъ-слова“.

Мы въѣхали въ высокій густой лѣсъ. Большія ели тѣснились вдоль дороги, протягивая надъ нами длинныя вѣтки, подобныя лапамъ зловѣщихъ чудовищъ. Они нагнулись подъ тяжестью замерзшаго снѣга, который изрѣдка падалъ хлопьями на санную полость. Небо потемнѣло, а внизу бѣлѣло необозримое ровное пространство.

— „Погоди, погоди!“ кричали егеря изъ заднихъ саней. „Не сюда ѣхать. Бери вправо!“

— Да какъ же намъ, таперича, повернуть?—отвѣчалъ Арсеній.—Вѣдь, тута канава.

— „Да вали... чего тамъ?.. Нѣту тутъ канавы“.

Мы благополучно повернули и выѣхали на дорогу.

— „А вотъ, баринъ, вы намеднись спрашивали“, сказалъ словоохотливый Арсеній, „какіе тутъ помѣщики есть. Нонеча, почитай, никого нѣтъ, всѣ въ Питеръ укатили. А раньше тута жили... Въ Никольскомъ Татьяна Борисовна да генералъ покойный, а въ Стрекаловѣ Миколай Борисовичъ. Они вамъ, должно быть, дядюшкой доводились?

— Да, только внучатымъ дядей. А ты ихъ помнишь?

— „Какъ не помнить? Они мнѣ крестнымъ были... Мой папаша у нихъ служилъ по всѣмъ должностямъ по дому, за кучера и за лѣсника. Добрый былъ баринъ—крестьяне любили. Бывало, нужно мужику срубъ ставить, вотъ онъ, стало быть, къ нимъ и идетъ. „Такъ, молъ, и такъ, Миколай Борисовичъ, нужно мнѣ строиться, а лѣсу нѣтъ. Нельзя ли у васъ купить?“—„Ахъ ты, мошенникъ“, отвѣчаютъ они: „кто тебѣ станетъ лѣсъ продавать? Тебѣ триста деревъ продай, а ты сто лишнихъ увезешь. Бери такъ, сколько тебѣ надобно“. Или, бывало, приведетъ отецъ мужика: поймалъ въ порубкѣ. Выйдутъ, это, Миколай Борисовичъ и начнутъ его ругать: „Я тебя, мошенника, въ острогъ за это посажу. Ты это что вздумалъ? Отучу васъ отъ кражи, мерзавцевъ: вотъ пріѣдетъ исправникъ, протоколъ составитъ“. А мужикъ имъ въ ноги. Они его ушлютъ и ничего за это не сдѣлаютъ. Любили крестьяне“...

Арсеній замолчалъ и чиркнулъ спичкой. Красное пламя на мгновеніе освѣтило его лицо и руку. Потомъ до меня донесся сдобный запахъ махорки, и все вновь погрузилось во мракъ.

— „Миколай Борисовичъ все больше дома сидѣли“, продолжалъ Арсеній. „Пузо-то у нихъ было большое, имъ и ѣздить-то, почитай, вредно было“...

— А къ нимъ ѣздили гости?

— „Нѣтъ, они гостей не любили. Если кто заѣдетъ, говорятъ: пойди, скажи, что меня дома нѣтъ. А лошадей уважали... У нихъ любимая лошадка была: какъ утромъ встанутъ, — сейчасъ возьмутъ кусокъ хлѣба и идутъ къ ней въ стойло... Больно жалѣли своихъ лошадей—рѣдко ѣздили. Если надо на станцію, а въ то время идетъ дождь, али дорога плохая, то нипочемъ на своихъ лошадяхъ не поѣдутъ, возьмутъ деревенскихъ... Они и къ Татьянѣ Борисовнѣ, къ сестрицѣ ихней, не болѣ, какъ раза четыре въ годъ ѣздили, а жили въ ладахъ“.

— Ну, это ты врешь.

— „Ей Богу, правда, чаще не ѣздили. Спросите, кого хотите“.

— Да что же они дѣлали?

— „А ничего!.. Жили!.. Лошадь кормили да по саду ходили, — вотъ имъ и дѣло. Они часто на скамеечкѣ сидѣли у рѣки, гдѣ, помните, лѣтось, вы на охотѣ изъ лодки выходили. Вотъ сидятъ себѣ тамъ и на рѣку любуются, или сходятъ на мостъ къ мельницѣ въ омутъ посмотрѣть—смотришь, день и проходитъ“... Онъ помолчалъ немного. „А по вечеркамъ, бывало, дѣлать имъ нечего, позовутъ ключницу Варварушку да надъ нею и потѣшаются. Распишутъ сами трехрублевую бумажку и ей, вродѣ какъ въ награду, и выдадутъ. Та благодаритъ, а они смѣются: „Дура ты“, говорятъ, „дура! Вѣдь, бумажка-то фальшивая. Самъ писалъ“.

Въ это время мы подъѣхали къ казенному болоту. Налѣво стоялъ насупившись темный лѣсъ, а направо, за поляной, чернѣла полоса коряваго сосняка. Я велѣлъ Арсенію остановиться. Егеря подъѣхали сзади вплотную, такъ что ихъ лошадь просунула свою голову къ намъ въ сани.

— Алексѣй! Покажи-ка, какъ подвываютъ волковъ!—крикнулъ я.

— „Это можно“! отвѣчалъ егерь.

Онъ завылъ такъ, что даже страшно стало. Дико раздавался его голосъ среди пустошей казеннаго болота.

— А можетъ быть, волки откликнутся? спросилъ я.

— „Кабы они здѣсь были, то безпремѣнно бы откликнулись!“ отвѣчалъ егерь. „Ихъ нонеча что-то не видно. Вотъ лѣтось, помню, пришлось мнѣ разъ стоять на мыску лѣса, гдѣ привада лежитъ. Дѣло было зимой. Выводокъ весь разбили днемъ, а ночью начали волки выть: одинъ въ болотѣ, другой вонъ тамъ (онъ указалъ рукою на лѣсъ), а третій еще гдѣ-то... Подзываютъ другъ дружку, стало быть... Жутко! И голоса-то у нихъ, какъ у людей, разные: кто воетъ теноромъ, а кто басомъ. Иной, можно сказать, прямо, вродѣ какъ регентъ воетъ“...

Мы тронулись дальше.

Это долгое путешествіе въ саняхъ, ночь, тишина, одиночество, впечатлѣнія, произведенныя Ковылинымъ и разсказами Арсенія, подвываніе волковъ и вся окружающая обстановка расположили меня къ мечтательности. Невольно вспомнились разсказы отца о его собственномъ дѣтствѣ и о житьѣ-бытьѣ умершихъ дѣдушекъ и бабушекъ.

Я невольно перенесся мыслію въ далекое прошлое и почувствовалъ, что дѣлаюсь незамѣтнымъ свидѣтелемъ медленной помѣщичьей жизни въ Никольскомъ...

Вотъ у окна въ спальной въ лиловомъ капотѣ и кружевномъ чепчикѣ сидитъ сама Татіана Борисовна. Въ домѣ, кромѣ нея и старой ключницы Надежды, нѣтъ никого... Всѣми забытая, совсѣмъ одинокая, коротаетъ она здѣсь свою тихую незамужнюю жизнь...

А вотъ за этой плыветъ и другая картина: въ сосѣднемъ медвѣжьемъ углу, въ Стрекаловѣ, за круглымъ столомъ, на которомъ шипитъ самоваръ, сидитъ Николай Борисовичъ и рисуетъ трехрублевыя бумажки для Варварушки. Она стоитъ передъ нимъ, дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ, что бумажки не настоящія, и кланяется и благодаритъ за подарокъ.

Чудна ты Россія! На твоемъ необъятномъ пространствѣ, въ разныхъ медвѣжьихъ углахъ, живутъ, жили и будутъ жить люди. Исчезли Николаи Борисовичи, Татьяны Борисовны, появились на смѣну Ковылины, которые сравниваютъ предшественниковъ съ насытившимися комарами. И эти пройдутъ, и этимъ дадутъ какое-нибудь подходящее прозвище... А дальше что будетъ?..

О. К.

Домниха. 22 февраля 1914 года.

Спальня Князя Олега Константиновича
въ Мраморномъ дворцѣ.

Pasos